Приемный покой

ЕЛЕНА ЛЕОНТЬЕВА
МАРИЯ ИЛИЗАРОВА

ПРО ПСИХОВ

Annotation

Роман «Про психов» встряхивает литературную традицию, по-новому высвечивает тему «Записок сумасшедшего» и «Палаты номер шесть». Новая словесность, проза двадцать первого века использует экспертное знание предмета наравне с его творческой трансформацией.

Настоящие психи – нормальные люди, попавшие в ненормальную ситуацию. Авторы, профессиональные ученые и врачеватели, показывают и персонажам, и нашему обществу путь к реальному излечению.

Владимир Новиков, критик.

- Елена Леонтьева, Мария Илизарова
  - Часть первая
    - Лоре страшно
    - Начало
    - Учитель Костя Новиков
    - Один из них
    - Косулин идет на работу
    - Стив Джобс умер
    - Психолог и учитель
    - Психиатр паяц
    - Апокалипсис Лоры
    - Обход
    - Костя знакомится с Лорой
    - Первое письмо Лоры
    - Новенький
    - Сны
    - Рождество
    - Спектакль
    - Морг
  - Часть вторая
    - Во все тяжкие
    - Разговоры с мертвыми
    - Пауза
    - Жена вернулась
    - Мужское
    - История Косулина

        - Верните его!
        - Мама и папа
        - Сумасшедший сын
        - Против правил
        - Старый Новый год
        - Папа Кости
        - Терапия Лоры
        - Второе письмо Лоры
        - Смерть царицы
        - Терапия Кости
        - День рождения отца Еления
        - 1 апреля – день дураков
        - Пасха
    - Эпилог
- notes
    - 1

Елена Леонтьева, Мария Илизарова
Про психов: Терапевтический роман

Всем пережившим посвящается

Часть первая

Лоре страшно

7 ноября

Мама говорила, что главное в жизни – иметь план.

И держать все под контролем.

В шкафу еще остались подобранные ею комплекты одежды. Их хватит дня на три.

Мама умерла пятнадцать дней назад.

Недоброе утро. Часы тикают громче, чем вчера. С утра мне тревожно. Сегодня сильнее, чем обычно.

Я что, заснула на диване?

Нужно закончить работу и отослать ее в «Эпл». Потом я буду ждать письмо. Суть его не важна. Главное – оно будет подписано: «С уважением, Стив Джобс».

Как приятно думать, что Он сам подписывает адресованные мне письма. Я знаю, что это не так, но все-таки.

Надо встать, умыться, одеться, выпить кофе и доделать работу. Таков план. Последние годы план всегда один.

Почему мама покупала мне одежду, которую я терпеть не могу? Розовые кофточки, юбочки, каблуки. Мама надеялась, что я стану настоящей женщиной. Сама она ею никогда не была.

Звонок. По городскому.

Подходить? Кто это? Если мне и звонят, то на айфон. Ладно, отвечу.

– Да? Что вы хотите?

В трубке шуршит. Зловещее шуршание мне не нравится. Ответ на звонок – это нарушение плана? Обдумать не успеваю.

– Алло? Лорочка, деточка, это вы? Это Надежда Николаевна, помните меня? Я коллега вашей мамы.

– Здравствуйте, Надежда Николаевна. Вас я помню. Вы же с мамой на кафедре работаете?

– Деточка, как вы там? Такое горе, такое горе, такая потеря для всех нас.

Господи! Запричитала… Какой противный голос, не люблю я, когда плачут. Слабых не люблю.

– Деточка, может, вам нужна моя помощь? Ваша мама просила о вас позаботиться. Давайте я приеду? Покушать привезу, поговорим…

– Нет, спасибо, – отвечаю быстрее, чем положено.

В голове стучит: не дай ей помешать тебе. Какая чужая мысль.

– Нет, Надежда Николаевна, не надо приезжать. Вы же никогда не любили маму, завидовали ей, да?

Вешаю трубку. Разговор невыносим. Обрезаю телефонный провод. Вдруг она еще раз позвонит.

Умываюсь и не нахожу кофе. Надо заказать доставку продуктов. Не помню, когда я последний раз это делала. Почему-то нет связи. Проверяю, переподключаюсь – глухо. В магазин надо идти самой.

Надеваю все черное. Волосы убираю в пучок, как мама любит. Ей нравится, когда видно лицо. Она называет мое лицо благородным. И приписывает это себе как личное достижение.

Смотрю в зеркало – сегодня я должна быть особенной! Для Стива…

Распускаю волосы. Красиво! По-блядски. Но никто не раскритикует – мама-то умерла. Это плюс.

Прости меня, Господи! Какая жуткая мысль. Она не моя! Я никогда не хотела маминой смерти.

Бегу из дома. На улице лучше… Пока не вышла на проспект.

Машин много. Они едут слишком быстро и громко. Страшно: машины рычат, как огромные быстрые звери. Что за черт? Отменили все ограничения скорости? Хочу вернуться домой, но в холодильнике буддистская пустота. Я уже три дня ничего не ела. Не хочется. Но без кофе не смогу работать.

Пристраиваюсь к человеку в грязных ботинках. Сейчас он перейдет дорогу. И я с ним. Не дышу. Делаю шаг точно вместе с ним. Молодец, Лора!

Вот и магазин.

Какой странный дом… Он что – ненастоящий? Похож на киношную декорацию. Ни в одном окне не горит свет.

Я понимаю, что сейчас день, но в такую мрачную погоду хоть в одном окне должен гореть свет. С домом что-то неправильное происходит…

Всматриваюсь. И убеждаюсь в своей правоте! Провода везде, камеры… Раньше их точно не было. Я же не в маразме, я же помню. Куплю кофе – и бегом отсюда. Давай же, Лора, не бойся! Иду в магазин. В окружающее не вглядываюсь.

Возвращаюсь домой. Есть не хочется, пью героически добытый кофе

с молоком. Пора работать. Стив ждет. Включаю компьютер. Всплывает фотография горящего самолета. Дымящиеся обломки фюзеляжа, почти целый нос. Хаос: спасатели и пожарники, разметанные разноцветные кусочки человеческой жизни. Я точно ее не загружала. Откуда она взялась?

Кто так шумит?

Соседи наверху двигают мебель, роняют что-то. Играют торжественно и бодро на фортепьяно. Неужели «Интернационал»?

Никто не даст нам избавленья:
Ни Бог, ни царь и ни герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Конечно, сегодня же седьмое ноября! И как это у них получается? Одновременно и играть, и двигать? Не буду обращать внимания, главное – не отвлекаться.

Не отвлекаться? Нет, это выше моих сил! Кипит мой разум возмущенный, я вам сейчас покажу: кто был никем, тот станет всем! Сволочи!!

Там живет какой-то дед. Может, внуки к нему приехали? Так громко! Сосредоточиться невозможно. Ругаются, голоса злые. Наверное, уже идут «на смертный бой». Фортепьяно озверело. Дерутся, наверное. И еще аккомпанируют себе. Может, даже убивают друг друга?

И все это сопровождается «Интернационалом»:

Держава – гнет, закон лишь маска,
Налоги душат невтерпеж,
Никто богатым не указка,
И прав у бедных не найдешь.
Довольно государства, право,
Услышьте Равенства завет:
Отныне есть у нас лишь право,
Законов же у равных нет.

Как современно, боже мой! Кто же это поет? Не могу больше терпеть. Бегу наверх. Стучу долго, никто не открывает. Наконец за

дверью слышатся медленные шаркающие шаги. У двери затихают. Кто-то стоит и смотрит на меня, как в микроскоп. Я не выдерживаю:

– Откройте!

– Что вам надо? – старческий возмущенный и напуганный голос.

– Откройте мне! Что у вас происходит? Вы мешаете мне работать! – пытаюсь говорить спокойнее. Нужно увидеть, что происходит в квартире. Меня не провести. Может, заманивали?

– Чего тебе надо? Я сплю. Совсем, что ли, спятила?

– Откройте или я вызову милицию!

– Ты Лора? Девочка Эльзы Александровны? Не здороваешься со мной никогда!

– Пожалуйста, откройте! – изображаю вежливость, как учила мама.

– Ну ладно… Только отойди от двери.

Замок щелкает, дверь осторожно приоткрылась. На пороге стоит седой помятый старик. Сонный и раздраженный.

– Ну и чего ты хочешь, Лора?

– Здравствуйте, с праздником вас… а где она?! Я слышала, как кричала женщина. И пела «Интернационал».

Пытаюсь заглянуть за плечо старика. Ничего не вижу, кроме хлама в коридоре. В квартире тихо и обморочно. Тревожно.

Старик старается скрыть, но он испуган.

– Пустите меня, я посмотрю.

– Иди домой. Нечего тебе у меня смотреть. Я «Интернационал» уже лет пятьдесят не пел. Совсем ты умом повредилась…

Старик выталкивает меня на лестничную клетку. Дверь захлопнулась, лампа мигает и гаснет.

Жутко. Как днем перед магазином. Бегу вниз по лестнице. Уже около своей двери подворачиваю ногу и падаю.

Больно! Очень больно! В голове крутится мысль: «Дура! Дура! Не справилась, не справилась!» Страшно, хочется кричать, но кричать нельзя. Хватаюсь за ручку двери. Фуф! Наконец я дома, в безопасности.

Зачем выманивать меня из квартиры? Это знак? Только вот чего? Не понимаю.

Надо работать.

Два часа ночи. Ура! Все готово. Отсылаю файлы в «Эпл».

Спать не хочется. Надо сделать что-то. Может, убраться? Так грязно. Везде грязь. Почему мама не убирает?

Мама, когда плохо, дает мне феназепам. Где он? Высыпаю все из аптечки. Вот эти. Желтые. Выпью две для верности.

И обязательно помолюсь на ночь.

Начало

Мы – свидетели этой истории и хотим рассказать ее вам. Она началась, развивалась и закончилась в одной старейшей московской психиатрической больнице. Все, до последнего слова, в этой истории – чистая правда, как правда и то, что мы единокровные сестры. Итак…

Заканчивается год. В психиатрической больнице, как и везде, ждут праздников, суетятся, готовят подарки. Мечтают, чтобы каникулы стали особенными и запомнились на весь следующий год.

В отделениях устраивают «огоньки», утренники и дискотеки. В клубе готовится большой концерт, администрация делит годовую премию. Радость, возбуждение и суета – работать не хочется. Но больничная жизнь идет своим чередом: больные поступают, лечатся и выписываются. Врачи приходят затемно на работу, проводят утренние пятиминутки, делают обходы, пишут истории болезни, медсестры раздают лекарства, пьют чай в сестринских и сплетничают…

Наш герой оказался в больнице двадцать шестого декабря, пройдя все этапы ритуала поступления.

Вообще-то в психиатрическую больницу не так-то просто попасть. Здесь чрезвычайно не любят посторонних. Обязательно надо сойти с ума, совершить то, что другие сочтут безумным, внушить окружающим сильное чувство беспокойства и ощущение полной потери контроля над ситуацией. Необходимо выделиться так, чтобы стало очевидно, что человек больше не относится к благословенной норме, а навсегда или временно покинул ее, перейдя в разряд необычных, неврастеников, больных, ненормальных, ку-ку, психов и шизиков.

Конечно же, нормальные люди гораздо опаснее. Именно они, по большей части, совершают преступления, обманывают, предают, воруют, убивают, берут взятки, издеваются над подчиненными, придумывают дурацкие правила, усложняющие жизнь. Парадоксально, но факт: все эти люди принадлежат к психической норме! Кто же такие психи? Чем можно заслужить это звание? Как во время, которое многие считают концом времен, в наше время, уставшее от разнообразия всего – от йогуртов до религий, – как понять, что ты покинул среднестатистические берега нормы и отчалил к неизвестному миру безумия?

Возможно, история, свидетелями которой мы являемся, ответит на эти

вопросы, возможно, усложнит их и поставит новые. Важно, что она позволит разобраться в этом вопросе без риска: вы можете не сходить с ума, не проживать все эти страшные и удивительные события в одиночку. За ними можно подсмотреть – с нашей и с Божьей помощью. И ответить в конце концов на вопрос, нормальны ли вы сами, и если да, то на чем основывается ваша убежденность? Со своей стороны обещаем, что не утаим от вас все самое интересное, не оставим за кадром то, «о чем лучше не говорить». Однако постараемся сделать это деликатно.

Учитель Костя Новиков

25 декабря

Костя Новиков – учитель истории в престижной московской школе. Сегодня, двадцать пятого декабря, он возбужден и нервничает. Последнее время он постоянно нервничает. Его тревожит экономический кризис в Европе, неожиданная политическая активность в России. Но больше всего его волнует предстоящий школьный спектакль, ведь он его режиссер и вдохновитель. Костя не знает ничего прекраснее, чем древнегреческий театр. Он искренне убежден, что, лишь прожив на сцене любовь и страдание Эдипа, можно понять, как уцелеть в этом странном мире. Кроме того, обострившиеся политические взгляды требуют своего места.

Костя искренне верит в будущее Европы: «Если у них получится, – с надеждой и азартом убеждает он окружающих, – быть может, ход мировой истории изменится, и у нас у всех появится шанс!» Когда у Греции начались серьезные экономические проблемы, Костя очень переживал. Он боялся, что Грецию исключат из Евросоюза, и решил ее поддержать. Объявил год Греции в школе. За год ученики должны были поставить два спектакля: «Приключения хитроумного Одиссея» и «Любовь эллина». Сценарии спектаклей учитель писал сам. Сегодня должна состояться премьера.

Костя – хороший учитель. Неведомо как, но ему удается безразличных ко всему школьников седьмого-восьмого классов увлечь театром и, что совсем уже удивительно, театром античным. Как у него получается, мы не знаем, однако нам он показался человеком, редко встречающимся в современной школе. Скорее, он напоминает учителей прошлого, того прошлого, когда к учителям относились с особым уважением, считали их людьми «с большой буквы», и сами они, еще свободные от жестоких неврозов ЕГЭ и ГИА, так себя чувствовали.

Костя, конечно, странный учитель истории. Вот один пример: во время зимних предвыборных митингов в Москве он собирался повести свои классы сначала на Болотную площадь, а потом и на Поклонную гору. Ученики никогда не видели его таким счастливым. Постоянно повторял, что история вышла на улицы, и как раз теперь, когда дети стали изучать общественное движение девятнадцатого века, они все увидят своими

глазами. Кажется, он всерьез предполагал, что на свете нет ничего интереснее истории. Непонятно, чем бы все кончилось, если бы не вмешался директор.

Директор школы, Михаил Аркадьевич Ясень, относился к Косте с раздражением, с трудом слушал вроде бы логичные, но всегда удивительно неуместные предложения по улучшению жизни в школе. Ясень от учителя уставал. Не выдерживал, старался быстро закруглить разговор, отвечая на все стереотипным: «Идите уже работайте, работайте! Потом поймете, как тут все устроено!» Ему было наплевать, соответствуют ли школьные декорации атмосфере, которую Костя старался создать в спектакле. Гораздо важнее, чтобы к приезду комиссии у школы были «досуговые мероприятия».

Костины спектакли Ясень не понимал. Директор много раз предлагал поставить спектакль по мотивам русских сказок – «Снежную королеву» или «Золушку». На худой конец Чехова. Но Костя был неумолим. Когда Ясень начинал распинаться о пользе русской классики для детских душ, лицо Кости скучнело, и он с новой силой извергал на Ясеня свежие порции доказательств того, почему в современном школьном театре никак нельзя ставить «Конька-горбунка», а нужно только «Матрицу» или «Ночной Дозор». Что именно такого рода произведения и есть современная классика наравне с античными сюжетами.

Ясень от столь абсурдных утверждений багровел и, проникновенно смотря в окно, долго вещал о роли великой русской культуры в системе образования. Костя почти сразу переставал слушать, завороженный стремительным багровением Ясеня. Казалось, что директора вот-вот хватит удар. Для школьного театра Ясеню не нужна была столь эксцентричная репутация, но он ничего не мог поделать и каждый раз с тревогой ждал очередного представления. Он был бы рад избавиться от Кости, найдя ему спокойную замену в лице хорошенькой выпускницы педагогического вуза, но дети Костю любили, родители удивлялись, узнавая от детей про то, как Платон представлял себе государственное устройство. Именно после уроков истории дети производили на родителей не привычное впечатление варваров, которые не знают самых обыкновенных вещей, а в точности наоборот. Дети поражали родителей невиданной эрудицией и пониманием сквозных исторических процессов, в которых сами родители безнадежно запутались. Многочисленные комиссии ставили галочки. К тому же охотников в свободное время и совершенно бесплатно ставить школьные спектакли, кроме учителя истории, не находилось.

Ближе к премьере и к Новому году обстановка в школе незаметно для

Кости неприятно изменилась.

До спектакля оставалось несколько часов, предстояла последняя репетиция и установка декораций. Декорации представляли собой скамьи, которые при правильном сложении превращались в кусок амфитеатра, повернутого лицом к зрительному залу. Работа сложная. Костя был полностью погружен в решение технических проблем безопасности амфитеатра и Леночку, секретаршу Ясеня, заметил не сразу. Леночка с презрением окинула сцену своими глазками-пуговками и, сделав максимально серьезное и не оставляющее человечеству шансов лицо, приказала учителю немедленно явиться к директору. Костя разозлился. Времени на внушения не оставалось, амфитеатр не давался, а к Ясеню всегда вызывали надолго. В досаде он помчался на вызов. Леночка конвоировала до самого кабинета, Косте даже казалось, что она боится побега. Костя вошел в кабинет с раздраженным выражением лица, чем немедленно взбесил Ясеня. В фантазиях директора учитель уже знал, что ему конец, и осталось лишь оформить этот конец заявлением об уходе по собственному желанию.

После того как в соседней школе учитель рисования оказался педофилом и разразился большой скандал, Ясень больше всего на свете боялся угрозы педофилии. Ему даже иногда снились кошмары, в которых и он, и завуч оказывались педофилами. После таких снов Ясень пару недель боялся уснуть. Но одно дело сны, другое реальность. Дело в том, что в школьных спектаклях участвовало подозрительно много мальчиков, которые, кроме двух-трех аутсайдеров, обычно избегают подобных мероприятий. В голове у Ясеня сложилось пренеприятное подозрение. Доказательств – никаких. Опять же, у Кости Новикова имелась тетка из Минобразования, которая обеспечила ему протекцию в школе. Все было хуже некуда. И тут подвернулся повод.

Повод сидел, притулившись к директорскому столу, жертвенно сжав коленки и тиская в руках бумажный платочек. Мама Вовы Медведева. Лицо ее залито слезами, хвостик на макушке растрепался от сильных чувств. Выглядит отчаянно.

У Вовы Медведева довольно странная мама. Она постоянно тревожится за сына. С самого Вовиного детства ее мучают мысли о том, что мальчика украли цыгане, что он провалился в канализационный люк, что его травят дети в школе всеми известными науке бактериями… Лет с десяти она регулярно искала у него наркотики, сверяясь с соответствующими пособиями. Список тревог никогда не заканчивался. Вова стыдился мамы, старательно скрывал ее от одноклассников и

запрещал приходить в школу.

Когда Вове досталась роль златокудрого Эрота в спектакле «Любовь эллина», ее тревога приняла новое направление. Она поспешила к учителю и поинтересовалась, не вызовет ли эта роль насмешек над ее сыном, и вообще, почему, собственно, Эрот? Вове – четырнадцать, и он действительно златокудрый и вполне пубертатный юноша, но в маминых фантазиях мальчик еще не знает, зачем ему пенис, потому что рос без отца. Костя вначале обрадовался ее приходу, подумал взять ее в союзники, вместе помочь Вове развить явный артистический талант, прочел ей лекцию о роли эроса в современной культуре. Мама лекции не оценила. Ушла от учителя в смятенной задумчивости.

Она не спала несколько ночей, пила успокоительные, все не решаясь поговорить с сыном. А сына и дома-то не было: он пропадал на репетициях. В итоге отдельные факты сложились в ее голове в нечто ужасное: Вова в последнее время стал безобразно вести себя, участвует во всех школьных спектаклях, его все время нет дома. Иногда жертвы педофилов никому ничего не рассказывают, но поведение их меняется. Они становятся замкнутыми, грубыми, не идут на контакт с родителями – как раз все то, что происходит между ней и сыном.

Она взбивала всю ночь подушки, но так и не уснула. А утром засобиралась к Ясеню. Долго стеснялась, не зная, как приступить, не решаясь полностью изложить развитие своих догадок директору. А когда начала, уже не могла остановиться и закончила речь тем, что, если учителя истории не уволят, она устроит грандиозный скандал. По несчастливому стечению обстоятельств, брат мамы Вовы Медведева – профессиональный телевизионный скандалист, и у нее просто не останется выхода, как уничтожить школу, учителя и Ясеня. Брат будет только рад модной теме.

Директор понял, что то, чего он боялся больше всего на свете, происходит прямо сейчас, в его кабинете. До пенсии оставалось всего четыре года, в следующем году ему обещали орден, а эта история может с легкостью разрушить всю его жизнь. Он с самого первого звонка женщины из Минобразования, женщины, которой не отказывают, профессионально предчувствовал, что с учителем будут проблемы. Если не принять меры. Немедленно. Он хорошо помнил, какая кампания развернулась вокруг соседней школы и как он, залезая бровями на лоб, скандировал на заседании в департаменте: «В моей школе такое просто невозможно, невозможно! Надо уметь работать с персоналом!» В той школе история с учителем-педофилом стоила места директору. Более того, директор оказался в изоляции, и школы ему больше не дали. Гниет где-нибудь

завхозом.

Ясень хорошо знал такой тип мам, как мама Вовы Медведева. Ее невозможно успокоить, и она твердо решила сделать невыносимой жизнь своего сына, а заодно и его, Ясеня, жизнь. Директор понял, что решать проблему надо быстро – здесь и сейчас.

Злой Костя вошел в кабинет. Ясень завелся с пол-оборота и начал по обыкновению багрово орать:

– Что вы там затеяли?! Что это за спектакль такой, интересно?!! Там везде разврат! И педофилы! И пидорасы! И лесбиянки! И вообще бог знает что!! – Он тряс сценарием неприлично близко от Костиного лица. – Это что такое вообще?! Вот это?! Вот:

Бросил шар свой пурпуровый
Златовласый Эрот в меня
И зовет позабавиться
С девой пестрообутой.
Но, смеется презрительно
Над седой головой моей,
Лесбиянка прекрасная…

Архилох в исполнении Ясеня звучал пошлым матерным стишком. Костя ничего не понимал, ведь сценарий был утвержден давным-давно, да и не интересовался Ясень им особенно.

На автомате Костя начал отвечать:

– Это Архилох – крупнейший представитель древнеионийской лирики…

– Вы мне тут оставьте эти свои… – Ясень задыхался, угрожающе меняя окрас. – Будете голову мальчишкам дурить! Ли-ри-ка у него! Теперь это лирикой называется, – обратился он к маме Вовы Медведева за поддержкой.

Костя переводил взгляд с мамы Вовы Медведева на Ясеня и обратно. Его стало накрывать чем-то нехорошим, непонятным и мерзким.

Ясень решил, что пора предъявить главное:

– Расскажите все, что вы мне только что рассказывали. Пусть он ответит!

– Всю эту ночь я не спала, – начала мама Вовы истерическим шепотом, не поднимая глаз, – и к утру до меня дошло: по телевизору все время показывают, но вообразить, что это у тебя под носом происходит, –

невозможно!

В Костиной голове как будто расщепились два события: то, что через два часа начало спектакля, и то, что творится сейчас в кабинете у Ясеня. Он все еще не улавливал связи. Ясень не смог удержаться и влез:

– Мама Вовы Медведева поняла, – и голос его загремел: – ЕЕ СЫН ПОДВЕРГАЕТСЯ ПРЕСТУПНЫМ СЕКСУАЛЬНЫМ ДОМОГАТЕЛЬСТВАМ!!!

Сделав эффектную паузу, Ясень решил, что оглушенного Костю надо брать тепленьким, и перешел на официальный, не терпящий возражений тон:

– Думаю, тут все очевидно. Мы все это видели не раз. Пишите заявление.

– При чем тут я?!! – растерялся Костя.

И тут до него наконец-то дошел смысл сказанного. Внутри наступила сухая тишина, как всегда, когда вокруг происходило что-то непереносимое и абсурдное. «Они. Обвиняют. Меня. В педофилии. В том, что я приставал к Вове Медведеву. Они обвиняют в этом меня! Какой бред…»

Он смотрел на гневное и презрительное лицо Ясеня, смотрел на трепещущие влажные ресницы и горькую улыбку мамы Вовы Медведева и не мог вдохнуть. Мир остановился. Мысли рассыпались, в голове опустело. Через какое-то время лицо Ясеня, который кричал непонятные, мерзкие – до крови – оскорбительные вещи, заводясь все больше и больше от молчания учителя, исчезло. На его месте появилось лицо отца. Лицо отца, который с отвращением смотрел на Костю, в мамином платье изображающего Аллу Пугачеву, страстно поющую про миллион алых роз. Освобождающая ярость спасла Костю от болезненного видения. Убить Ясеня и маму Вовы Медведева показалось единственным и логичным выходом из странной и неправильной ситуации.

Костя, почти не замахиваясь, ударил Ясеня кулаком в лицо. Заметив на столе директора тяжелую и бессмысленную малахитовую чернильницу, схватил ее и замахнулся. Перед глазами встала картина: голова Ясеня разлетается на мелкие кровавые кусочки. Чуть не стошнило от видения и от изумленного лица директора, которого не били с детства. Ярость облегчила и исчезла, оставив безразличие, бессилие и усталость. Костя уронил чернильницу, сел за стол, по-ученически сложил руки, положил на них голову и тихонечко завыл.

Дальнейшие события он помнил плохо. Залитый кровью Ясень куда-то исчез, мама Вовы Медведева фальцетом голосила в коридоре, кто-то заходил и сразу уходил. Постепенно учитель перестал слышать и видеть.

Очнулся уже в «обезьяннике».

Раньше Костя никогда в милиции не был. Не доводилось. Разве что паспорт получал. Стены буро-синие, сумрачно, пахнет бомжами, табаком. Рассматривая свои руки, он пытается понять, что произошло и как он тут оказался. Руки болят. «Я сделал… что?» – щупает память. Больно, страшно и стыдно. В голове пусто… Звать на помощь, плакать бессмысленно. Что происходит?! В коленках слабость, он приседает на корточки, не удерживается, падает. Холодно на полу, но сил подняться нет. Подтягивает коленки к подбородку, накрывает голову руками и зажмуривается. «Ничего, ничего, ничего не было, это не я, не я. Меня здесь нет». Говорить не получается. Только убаюкиваться в трансе.

– Новиков, е…ть! – Раздраженный мужской голос сливается с гудением лампы дневного света. – Тебе, бля, особое приглашение нужно? Вставай, на выход!

– Который час? – Голос не слушается.

– Поднимайся, шизо чертово! – приглашает конвоир.

Костя встает, тело затекло, голова кружится. «Я как пьяный, а ведь не пил». Идут долго, окружающая обстановка напоминает о школе. Стенды с фотографиями… Больно озаряет: школа! Боже! Мне же надо в школу, у нас же сегодня спектакль! Ну точно! Декорации уже готовы! Или нет? Мы делали их когда… когда что? Кто-то пришел. Леночка. Точно. Леночка… секретарша Ясеня пришла. Такой вид у нее был… Сочувственный и злорадный одновременно. Ладно, бог с ней. Мне надо в школу. Срочно! Сколько же времени прошло?

– Простите, мне надо в школу! Мне надо идти! – Костя оборачивается к конвоиру. Старается, чтобы в голосе звучала твердая очевидность, а не пьяная просьба. Выходит жалко.

Конвоир Костю игнорирует.

«Нет, он не понимает как это важно! Если я не приду… а что будет-то? Будет что-то нехорошее. Надо вернуться. Что же делать?» Впереди светится надпись «выход». Костя, как будто вправе, заворачивает к выходу. Тут же получает вместе с «сукой» удар под коленки. «Идиот я, куда убежишь-то тут, надо все объяснить по-человечески, тогда и сами отпустят». Прихрамывая, Костя покорно плетется, куда ему указывают.

В кабинете усталый молодой следователь сидит над бланком допроса.

«Я что же, в тюрьме? Ну точно, в тюрьме! Что же я сделал? Убил кого-то?!»

– Имя, фамилия, отчество. Ваши. Назовите.

– Константин.

– Фамилия?

– Мне надо на работу. – Может, хоть этот поймет. – Вовка меня ждет, мы же с ним роль прогнать должны.

– На работе вы сегодня уже были, – ласково шутит дознаватель, продолжая что-то писать.

«Нет, и этот не поймет: глаза равнодушные. Он уже все про меня заранее знает. Как будто я преступник. Я для него – никто. Я пропал».

В комнату входят двое в медицинской форме. Здоровые мужики, румяные с мороза. Занимают собой сразу все пространство. Они недолго и непонятно говорят со следователем. Костя не слушает. Ему сложно сосредоточиться, как будто они говорят на иностранном языке, знакомом, но требующем огромных усилий для понимания.

– Вам нужна помощь, подпишите бумагу о добровольной госпитализации, вот здесь. – Палец ткнулся в место под текстом.

– Не буду. Я должен идти на работу.

– Отказываетесь подписывать? – В голосе медицинского работника появляется напряжение и угроза.

На вопросы Костя решает больше не отвечать. «Тут никто не будет меня слушать. Им наплевать, как все было на самом деле, я могу говорить что угодно».

Реальность становится похожа на дурную бесконечность. Теперь уже мужики в медицинской форме хватают, связывают руки жгутом, тащат. Они не пробуют договориться с Костей, не объясняют, куда собираются его отвезти. Он дергается, пытается вырваться. Бесполезно.

У дверей полиции стоит карета «скорой помощи». Костю заталкивают внутрь, кладут лицом вниз на кушетку, придерживают за связанные руки. Пояс на штанах впивается в живот, щека прилипает к пахнущей дезинфекцией синей простыне. Холодно. Двери «скорой» захлопываются, машина трогается. Санитары больше не обращают на Костю внимания. «Такое чувство, что меня здесь нет, я не имею значения. Как это все может быть так обыденно? Так обыкновенно». «Скорая» едет долго, вязнет в московских предновогодних пробках. Есть время, чтобы разобраться, что происходит. Почему он, Костя Новиков, учитель истории старших классов престижной московской школы, лежит лицом вниз со связанными руками в «скорой»?

Костя прикрывает глаза и начинает восстанавливать события дня.

«Я пришел на работу, зашел в учительскую за текстом пьесы. Училки соблазняли корпоративным Новым годом. Ниночка “божественный холодец” предлагала, салатики. Отказаться было неудобно, но и идти я не

собирался. Школьный охранник из мужской солидарности нашептал, что училки спорили до хрипоты (и кажется, даже на деньги), педик я или нет. Бабье! Если я не лезу к ним, значит, со мной что-то не так. Да рядом с ними любой мужчина – дичь, добыча без шансов на спасение».

«Скорая» резко затормозила, Костя съехал вперед вместе со скользкой простыней. Санитар тянет его за ноги и элегантным движением возвращает на место. Костя улыбается, вдруг на мгновение ощутив симпатию к человеку, который, не желая того, облегчил его страдания.

Костя вспомнил Вову Медведева. Тот не любил школу. И не шел на контакт. Вел себя вызывающе, прогуливал уроки. При этом учился хорошо, его работы интриговали своими наивными, но оригинальными выводами. Косте он напоминал его самого в детстве. Над Вовой так же смеялись из-за его мечтательности и нестандартности, обзывали пуделем. Мама не позволяла Вове состричь красивые золотые кудряшки. Когда Костя на уроке заговорил об идее последнего спектакля «Любовь эллина», Вова сидел, как всегда, с безучастным видом, рисовал рассеянно в тетради. Но, как только Костя начал рассказывать историю Архилоха, Вова вдруг включился. Что его зацепило – неизвестно. Возможно, то, что Архилох был сыном рабыни и аристократа (у Вовы папы не было, но ходили слухи, что он крупный политический деятель). Костя был очень рад обретению нового театрала, тем более что тот идеально подходил на лирические роли, которых мальчишки боялись. Вова оказался талантливым, ранимым и артистичным.

Учитель истории Вову Медведева вдохновлял: он не был похож на других, верил в то, что делал, и при этом зажигал всех вокруг своей верой. Потихоньку Вова в него влюбился с особенной юношеской страстью. Специально ездил на одном трамвае с Костей, хотя ему было в другую сторону. Стал читать античные тексты, осилил «Илиаду», часами сидел в Интернете, изучая древнегреческий театр. На репетициях сначала зажимался, но, когда рискнул сыграть по-настоящему – все обалдели. Издеваться над ним перестали, дали кличку «Звезда» и приняли в тусовку.

Тут в голове Кости возникли образы Вовиной мамы и Ясеня. Опять накатил ужас и стыд от невероятного обвинения. Захотелось умереть.

– Куда вы меня везете?

Санитар ничего не ответил. Костя и сам уже все понял. Как унизительно, как глупо… Абсурд. Костя злился, негодовал, кусал губы, прокручивая в памяти слова Ясеня, выражение праведного осуждения и презрения на лице.

«Он даже не разобрался, старый мудак. Просто решил уволить, думал,

что еще и одолжение мне делает. Наверняка перед разговором со мной он готовился, пообедал в специальном директорском закутке в столовой, закрытом от глаз простых смертных занавесками с огромными клубничинами. Выпил компот, торжественно и особым тоном попросил Леночку пригласить к нему в кабинет Новикова Константина Юрьевича. Леночка прекрасно знала, что означает эта специальная официальная интонация. Что кому-то – конец. В ее задачу входило передать эту интонацию дальше, желательно немного усилив для верности. Как же меня тошнит от всего этого бреда и как же я устал».

Казалось, что они никогда не доедут. Третье транспортное кольцо стояло намертво. Наконец приехали.

Санитары вытаскивают Костю из машины и, поддерживая за локти, заводят в здание приемного покоя больницы. Он не успевает оглядеться, замечает только толстую рыжую дворнягу. Больше не сопротивляется, что не мешает санитарам иногда дергать и тянуть его. Промелькнул странный зал с бутафорским камином, кто-то беззлобно ткнул Костю в бок, от чего он плюхнулся на стоящую у стены кушетку. Страшно и холодно, на ум приходят истории про секретные тюрьмы, пытки и ЦРУ. Он пытается собраться: хочется показать себя нормальным, здоровым человеком, просто сильно расстроенным. Связанные руки мешают выпрямиться.

– Возбужденного привезли, – говорит санитар.

– Давайте его, – откликается усталый мужской голос.

Костю заводят в кабинет дежурного врача. Это симпатичный рыжий доктор в белом, небрежно накинутом на плечи халате. Он усердно пишет, низко наклонившись над столом. Сидит как учитель, подумал Костя.

Дописав, врач поднимает глаза, осматривает Костю профессионально отстраненно, но вполне доброжелательно. Косте ужасно хочется рассказать все этому доктору, который выглядит по-домашнему уютно и не похож на палача.

– У вас тут тепло…

Врач молчит.

– А на улице похолодало, – начинает Костя светскую беседу.

– Присаживайтесь. – Доктор указывает Косте на стул. – Развяжите его, – командует он санитарам.

Костю развязывают. Руки затекли, повисли плетьми и не шевелятся.

– Как вас зовут? – Доктор опять склонился над столом.

– А вас?

– Меня Олег Яковлевич.

– А меня Новиков Константин Юрьевич. – Костя чувствует, как ужасно

устал. Руки болят, и хочется пить, а говорить – нет. Хочется, чтобы его уже оставили в покое.

– Год рождения? – Доктор спрашивает, особо не настаивая на подробных ответах.

Костя отвечает на вопросы односложно.

– Что произошло с вами, Константин Юрьевич? – осведомляется доктор в завершение беседы.

– Я ударил директора школы.

– За что же вы его ударили?

– Он меня оскорбил. – Краска прилила к лицу Кости, он опускает голову: смотреть на доктора сложно.

– Что же он вам такого сказал?

– Это вас не касается. – Костя вновь разозлился, но изо всех сил старается держать себя в руках. Эти американские горки – от ярости до стыда и бессилия, от апатии до страстного желания спасения и помощи – совершенно его измучили.

Доктор с любопытством и некоторым раздражением рассматривал нового пациента.

– Зря вы так, голубчик, – наконец говорит он, – но дело хозяйское. – И, решительно закончив писать, позвал санитаров.

Костю провели в смежную с кабинетом врача комнату и велели раздеваться. Он попытался было отказаться, но санитар тут же начал раздевать его сам. Дальше Костя уже не дергался. Он старался никуда не смотреть. Даже когда его завели в облицованную кафелем холодную комнату со стоящей в центре ванной, заставили залезть в нее и прилюдно мыться, он не сопротивлялся. Он просто не мог понять, как это может происходить с ним. Вспомнил похожую сцену в одном из романов Солженицына.

Его осмотрели, померили давление, залезли даже в задний проход на предмет наличия там оружия или наркотиков. Потом переодели в клетчатую затертую байковую пижаму. Вся его одежда куда-то делась, с шеи сняли веревочку с древнегреческой монеткой-талисманом, паспорт с кошельком тоже забрали. Потом долго вели по лабиринту коридоров, мимо пыльных комнат, заставленных старой советской мебелью, мимо дверей, в основном закрытых. Вышли на улицу, где ждала машина-перевозка, старый советский «газик». На этой машине отвезли в другой корпус, в отделение, где ему предстояло провести многие недели. Возможно, даже месяцы. Никто не знает сроков своего пребывания в психиатрической больнице.

Жизнь Кости сильно изменится. Он этого еще не знает. Костю провожают в отделение. Медсестра после недолгих расспросов делает ему укол, показывает палату, где впритык друг к другу стоит с десяток коек. Двери в палате нет, напротив дверного проема – банкетка, на которой дремлет дежурная медсестра. Это ее пост.

«Неужели она будет сидеть тут всю ночь?» – вяло удивился Костя. Ему помогают лечь.

Последняя мысль, перед тем как отключиться: «Завтра я проснусь, и все будет хорошо».

Один из них

Костя просыпается под звуки механического женского голоса, повторяющего: «Внимание, сработала система пожарной сигнализации, просьба всем покинуть здание! Внимание…» Текст повторяется с небольшими промежутками.

Костя привстает в кровати и оглядывается вокруг. Голые стены палаты, окна без решеток, на койках коконы со спящими больными. Сосед слева сидит на кровати, тихо причитает и шуршит целлофановыми пакетами, перебирая и перекладывая невидимое их содержимое. Сосед справа выглядывает из-под одеяла и пристально смотрит на Костю. Глаза его безумны. Смотреть на него страшно, и Костя не смотрит. Сосед подмигивает, подносит палец ко рту: молчи, мол. Рукой указывает на медсестру.

Медсестра сидит у входа в палату. Костя не может понять, та же это медсестра, что и вчера, или другая. Медсестра с серьезным и нахмуренным видом пишет в большой тетради. Костя выпутывается из одеяла. После вчерашних уколов попа болит, тошнит, кружится голова. Муторно и медленно. Костя сидит, уставившись в пространство прямо перед собой, бездумно прислушиваясь. Сосед справа что-то шепчет. Не разобрать, что. Пожарная тревога продолжается. Никто не реагирует. Костя осторожно спускает ноги на пол, ощупывает пальцами покрытый линолеумом пол. Пол холодный и немного липкий. Костя снимает с железной спинки кровати казенную рубаху, надевает ее. Сидит еще немного. Затем встает и бредет к выходу из палаты. Слышит голос медсестры, которая, не поднимая глаз от журнала, говорит:

– До столовой и обратно.

– Что? – Костя не понял, к нему ли она обращалась.

– Тебе можно гулять только до столовой и обратно. Дальше нельзя.

Позже Костя узнал, что, как невидимая линия экватора делит землю пополам, так и никак физически не обозначенная зона столовой, представлявшей просто аппендикс коридора в центре отделения, делит пространство на зону «для острых» в дальнем конце коридора и на зону «для выздоравливающих», находящуюся ближе к выходу. Конечно, никто не следит строго за соблюдением этой границы, постоянно происходит диффузия: выздоравливающие ходят в курилку, туалет – на «острой» половине, «острые» же все время порываются пробраться поближе к

входной двери. Но за новенькими медсестры все же следят.

Косте сильно хочется писать. Он обращается к медсестре с просьбой показать ему, где туалет. Медсестра указывает на дверь курилки. Костя удивляется, но не переспрашивает. Входит в курилку. Тот же вездесущий коричневый кафель, дерматиновые банкетки вдоль стен, сильно накурено. В дыму больные ведут смутные разговоры, кто-то просто сидит, смотрит перед собой отсутствующим взглядом. Костя много потом видел таких людей, похожих на позабытые сломанные вещи.

Он прошелся по курилке и обнаружил дверь туалета с большим панорамным стеклом. За ним виднелись стоящие в ряд унитазы. Перегородок, дверей, кабинок нет. Неопрятный мужик сидит на одном из унитазов и вытирает задницу. Горло сдавило от отвращения и ужаса. Писать расхотелось. Почти бегом Костя покинул курилку и вновь обратился к медсестре:

– Я хочу пить.

– Чайник в столовой, – отзывается медсестра.

Костя бредет в сторону столовой.

В коридоре неожиданно много людей. Деловито бегают медсестры, больные с разной скоростью и амплитудой перемещаются по небольшому замкнутому пространству отделения.

В столовой несколько больных, человек пять, сидят вокруг прямоугольного обеденного стола. Скатерть снята, в центре стола лежат цветные карандаши, фломастеры, пастельные мелки, бумага, красивые картинки с замысловатыми узорами. Больные увлеченно раскрашивают эти узоры, беседуют. С ними сидит молодая девушка, похожая на юношу.

Девушка-юноша без белого халата тоже увлеченно раскрашивает узоры. Костя подходит к столу и растерянно зависает. Позже он узнает, что это – специалист по социальной работе, человек, который призван помогать больным возвращаться в социум, что действо в столовой называется открытой арт-терапевтической группой, а картинки – мандалами. Пока же вид прилежно раскрашивающих картинки взрослых мужиков под присмотром девушки-юноши приводит Костю в замешательство. Сумасшедший дом он представлял себе по-другому.

– Хотите порисовать с нами? – предлагает девушка.

Костя смущается, отрицательно мотает головой и отходит. Укрыться негде. Пошарив взглядом по стенам столовой, он зацепился за листок с машинописным текстом, висящий над окошком раздачи еды. Чтение обычно успокаивало, он подошел поближе и начал читать.

Меню на пятницу

Завтрак
Сельдь, картоф. пюре.
Ост. яйцо, каша манная мол.
Всем чай с лимоном.

Обед. I бл.
Суп из сборных овощей вегетар.
Суп гороховый.
Суп овсяный вегетар.
Суп-пюре из зеленого горошка.

Обед. II бл.
Суфле из отвар. кур. Рис отвар. прот.
Куры отвар., свекла тушеная с растит. маслом.
Куры отвар., картофель отвар.
Куры отвар., капуста тушен.

Обед III бл.
Компот из сухофруктов б/сах.
Компот из сухофруктов.

17.00
Колбаса отвар.
Всем фрукты.

Ужин
Азу, макароны отвар.
Биточки мясные, каша гречневая расс.

21.00
Кефир.

Костя перечитал меню несколько раз. «На завтрак селедка с картошкой», недоумевал он. Никогда раньше не ел на завтрак селедку с картошкой. Над меню висела картонная икона Девы Марии. Под меню располагалась двустворчатая дверца раздачи, бортик для тарелок под ней был обит тем же линолеумом, что и пол. На бортике – большой железный

чайник. На боку красной краской аккуратно выведена надпись «Кипяченая вода». Костя вспомнил, что хотел пить. Он оглянулся в поисках стакана. Стаканов не было. Костя робко постучался в закрытые дверки раздачи. Подождал. Ничего не происходило. Сушило страшно.

Он вернулся к рисующей компании и, на секунду задумавшись о том, какой тон здесь уместен, сказал:

– Господа, помогите мне, пожалуйста, очень хочется пить.

С места сразу сорвался высокий черноглазый мужчина лет тридцати. Унесся и немедля вернулся со стаканом воды.

– Пей больше, от лекарств сушит очень. – Протянул руку: – Фаниль, мент.

Костя пожал руку:

– Костя, учитель истории.

Косте дали стул, карандаши, сунули в руку листок с узором, на котором по-немецки было написано название костела, откуда взят этот узор. Было похоже на урок рисования. Костя аккуратно стал оглядывать соседей. Озаботился тем, что вокруг безумцы. Не такие, как он, а настоящие. Страшновато. Но за столом – сосредоточенная творческая атмосфера. Взрослые мужчины в пижамах сидели и раскрашивали узоры. Это впечатляло.

Сильно выделялся один: неопределенного возраста, в кожаных штанах, в бандане, в майке с надписью «Человек-волк». Его звали Мориц. Костя долго думал о том, настоящее ли это имя, для русского уха, мягко говоря, необычное, но спросить так и не решился. Да и все остальные так его и звали – Мориц.

У Морица были аристократические манеры; вскоре стало видно, что он прекрасно разбирается в психиатрии, может поставить с ходу несколько весьма точных диагнозов. При этом, если с ним начинали разговаривать, он довольно быстро переходил на любимую тему о том, как его маленьким родители отдали для опытов в КГБ вместе с группой других одаренных детей. В результате этих опытов дети получили суперспособности, которых КГБ потом страшно испугалось. Часть из них «уничтожили», некоторых долго облучали, а самых непокорных держали в психбольнице. Эта часть истории Морица коррекции не поддавалась, невзирая на все возможные психотропные препараты.

Мориц был звездой больницы, администрация звала его по имени, никто точно не знал, чего от него можно ожидать. Он не слышал голосов и не видел галлюцинаций, вел себя вполне предсказуемо, однако представлял себе реальность настолько своеобразно, что понять, гений он или псих, не

представлялось никакой возможности. В больнице же наступала полная определенность. Склонности к насилию Мориц не обнаруживал, несмотря на устрашающий маскарад в одежде, но профессионально выносил мозг любому, даже очень опытному психиатру. Больные Морица уважали за ум и это чудесное умение уничтожить мозги профессионалам, побаивались и звали разрешать конфликты.

Мориц вцепился красивыми, подкрашенными глазами в Костю.

– А не разрешите ли, любезнейший, узнать, что такой почтенный человек, как учитель истории, забыл в нашем богоугодном заведении, приюте отверженных и несправедливо угнетенных?

Чем занимался Мориц, когда не лежал в больнице, доподлинно не известно. Сам он считал себя поэтом и на всех творческих вечерах в больнице был звездой первой величины. Стихи в основном были про одиночество, несправедливость и любовь. Доминировала тема волков.

Волк был одной из субличностей Морица, еще были фиолетовые бабочки и лесбиянка-транссексуал. Мориц считал себя общественным деятелем и революционером и в какой-то степени им был. Где бы он ни появлялся, там сразу же начинал бурлить протест. Родители Морица, те самые ужасные предатели из КГБ, к слову, были весьма приличными людьми, по научной части. Действительно исследовали неизвестные лучи, за что, видимо, и поплатились. Это шутка, конечно. Нам удалось однажды увидеть их, умоляющих подержать Морица подольше в больнице. Вид у них был самый жалкий. Дело в том, что Мориц приводил в квартиру всех окрестных собак и бомжей, величая их своим братьями. Родителям с университетскими манерами и образом жизни терпеть таких «родственников» было непросто.

Учитель Морицу сразу понравился, но следовало пройти ряд испытаний, в частности рассказать, как и из-за чего попал в больницу. Костя застрял, в ужасе соображая, как этим непонятным людям рассказать, в чем именно его подозревают. Но на вопросы нужно отвечать, и Костя решился:

– Я ведь в школе работаю. Директор обвинил меня в том, что я сексуально домогался своего ученика. Я его чуть не убил. Жалко, что не убил.

Девушка-юноша внимательно посмотрела на Костю. Мент болезненно сощурил татарские глаза, став похожим на страдающего прокурора. Молодой паренек кавказской внешности по прозвищу Душный повернулся всем телом к Косте: «Ни х… себе! Живой педофил!» Парочка художников роботообразно положила кисточки и тихонечко двинула в сторону туалета.

Появление педофила следовало закурить.

Костя тоскливо проник взглядом в палату напротив, где лежали больные в коконах из одеял. Большинство производили впечатление навсегда наплевавших на общение с себе подобными. Сейчас Костя им даже завидовал. Спал бы святым нейролептическим сном и ничего не чувствовал.

Но вопрос опять требовал ответа.

– Да какой я педофил?! Теперь я, наверное, педофобом стану. Работаю за двадцать штук – с утра до вечера с детьми. Учу их истории. Я – настоящий педофил, нас в школе двое педофилов – я и физкультурник. Остальные – женщины. А женщины, кстати, бывают педофилами? Директор наш – сволочь, он мне жизнь сломал, между прочим.

Возникла пауза. Мориц манерно-пьяным голосом задал риторический вопрос:

– Господа, позвольте дилемму: а что хуже в нашем государстве – быть психом или педофилом?

Мент включился:

– Подозрительный вопросик, гражданин Мориц, вы так спрашиваете, как будто сами и тем и другим себя признаете, – голос Мента под конец вопроса карикатурно изогнулся.

Косте показалось, что он смотрит кино. В реальной ментовке было скучнее.

Но Морица сложно смутить:

– Да будет вам известно, глубокоуважаемый милиционер, что Мориц – существо сложное, комплексное, во мне умещаются и педофил, и лесбиянка, и стая фиолетовых бабочек. И вообще, я – полисексуалист!

Это прозвучало гордо.

– Вот не уверен я, что во мне есть место ментам. Разве что полицейскому? Маленькому фиолетовому полицаю? – При слове «полицай» лицо Морица стало напоминать домохозяйку из рекламы майонеза, запредельная доза благожелательности буквально убивала Мента.

Про Костю на время позабыли. Мориц попал в больное место Мента.

– Вы даже не понимаете, что вы сейчас сказали, вы вообще ни х… не понимаете, Мориц. – Мент начал мелко трястись, и стал заметен тик: губы уходили вправо медленно, как будто рывками, а возвращались назад одной большой судорогой.

Мориц, гримасничая, кивнул Косте:

– Вот, господин учитель, полюбуйтесь, какие у нас здесь менты.

Загляденье, а не менты! Вы раньше ментов-психов видели? Нет? Этот – уникальный. Я ему говорю все время, что его мучают души невинно сознавшихся, а он не верит! Не желает называться полицейским! Представляете, сошел с ума на переаттестации, боится теперь, что его полицаи достанут и будут судить за грехи.

Похоже, Мориц пытает Мента. Косте его жалко. Но Мент, неожиданно послав всех по-татарски, удаляется в сторону курилки. Девушка-юноша, до этого времени молчаливо наблюдавшая, улыбается Косте:

– Ну вот и поговорили… Вы его не бойтесь, он добрый, после войны все никак в себя не придет. Тяжко ему там пришлось. Скоро полегчает, уже третью неделю лечится, через недельку все наладится.

– А что с ним случилось? – спрашивает Костя, высматривая в коридоре обиженного Мента.

– Война, ранение, неудачная реабилитация, пьянство. После армии в милицию работать пошел, но там у него проблем много. Неуживчивый. Взятки брать отказывается, с системой борется – страдает, в общем, – спокойно рассказывает девушка-юноша.

Грубый голос заголосил издалека:

– Но-о-виков! Но-о-виков!

Костя не сразу услышал свою фамилию, только когда голос медсестры приобрел отчетливо гневные интонации, вдруг догадался, что зовут именно его.

– К доктору собирайся. Быстрее! – Постовая медсестра подходит к Косте и тянет его за локоть.

– Я пойду причешусь, – забеспокоился Костя, – к доктору все же.

– Потом причешешься. Ты и так красавчик. – Сестра смеется.

Костю ведут вон из отделения. За железной дверью дышится легче.

Лечащий доктор Кости, Майя Витальевна, сидит за столом и пишет.

– Садитесь вот сюда, – указывает на стул.

Майю Витальевну Костя видит второй раз. В первый раз, где-то полчаса назад, она шла по отделению с историями болезней под мышкой и серьезным выражением лица. Уверенная и юная. Летела. В белом халате и черных туфлях на тонких острых каблуках. Большие голубые глаза на узком лице, тонкий рот, каштановые волосы до плеч, при этом похожа на какое-то смешное животное.

Обычно Косте нравились другие женщины – как будто лучше и выше его самого. Но Майя Витальевна не такая. Мягкий и теплый взгляд, смешная манера говорить суетливо, быстро, проглатывая слова и слоги. Говорить с ней легко. Кажется, она не обидит.

Она задавала вопросы и записывала, он с удовольствием отвечал. Расслабившись, сидел и рассматривал ее, перебирая в памяти названия смешных животных. Нужное ускользало.

«Это твой психиатр, Костенька, теперь все будет хорошо», – пошутил про себя.

У Майи Витальевны заскулил мобильный. Она взяла трубку, на другом конце провода, как догадался Костя, была мама. Лицо Майи Витальевны нахмурилось.

– Температуру померили?

Мама ответила, и Майя нахмурилась еще больше. Потом быстро продиктовала маме схему лечения и положила трубку. Она расстроилась и посерьезнела.

– Кто-то заболел?

– Ребенок заболел. Третий раз с сентября, как в садик пошла, так и болеет все время, – сказала она грустно, и Косте стало ее жалко.

Майя Витальевна открыла его историю болезни. Он видел свою фамилию на синей истрепанной папке. НОВИКОВ.

– Константин Юрьевич, расскажите, что с вами случилось?

– Ничего не случилось, доктор, у меня все хорошо. Надеюсь, что вы это поймете и немедленно отпустите меня домой.

Майя Витальевна вздохнула и скучным голосом стала рассказывать о том, что прямо сейчас отпустить никак не получится, что есть процедура поступления в больницу, что поступил он из милиции и что его сразу же отпустят, как только прояснятся все обстоятельства. После чего вытащила из истории бланк – СОГЛАСИЕ НА ЛЕЧЕНИЕ – и протянула его Косте:

– Вы не волнуйтесь, Константин Юрьевич, никто вас насильно лечить не собирается. Как только поправитесь, сразу пойдете домой, а пока подпишите согласие. Это формальная бумага, но она необходима, подписывайте.

Доктор говорила таким мягким и приятным голосом, так мило не выговаривала букву «р», что Костя, сам себе удивившись, взял и подписал:

– Ну ладно, если она формальная, тогда давайте, подпишу. – Хотелось сделать ей приятное и не расстраивать такими глупостями, как упрямство. Стыдно стало, что ребенок ее болеет, а он, Костя, сидит тут и капризничает.

– Вот и хорошо.

Согласие на лечение исчезло в синей папке.

Опять зазвонил телефон.

– Да-да, уже иду. – Майя раздраженно поморщилась. – Меня на совещание вызывают, так что встретимся позже, и вы мне все подробно

расскажете, хорошо? Вы пока подумайте, какие у вас жалобы, что беспокоило в последнее время.

– Хорошо, Майя Витальевна. А когда мы с вами теперь встретимся?

– Скоро встретимся, Константин Юрьевич, скоро. Я вас вызову. – Она встала из-за стола, открыла дверь и проводила Костю в отделение.

Напоследок мило улыбнулась, опять напомнив смешное животное.

«Я его точно видел, недавно по телевизору», – пытался вспомнить Костя, но образ ускользал.

Костя вернулся к рисующей компании. Мориц поинтересовался:

– Ну что же наша фея, познакомились? Как она вам? Чем утешила?

– Понравилась. Такая милая. Бумагу подписал – согласие на лечение.

Мент, сидевший рядом, крупно вздрогнул:

– Подписали согласие, товарищ учитель?! А вы подумали, прежде чем его подписывать? Вы что, согласны лечиться?! Чем же таким вы приболели?

Каждый следующий вопрос вызывал в Косте все больше тревоги: действительно, зачем он подписал?

– Она сказала: формальная бумажка…

– Да… Господин учитель, совсем вы на воле от жизни отстали, – задумчиво подытожил Мориц. – Верите всяким феям. Кто же верит людям в белых халатах? Ну все! Теперь вы с нами надолго, так что привыкайте, вдыхайте, так сказать, полной грудью наш полный отчаяния воздух! Вы теперь один из нас!

Костя смотрел на всех в полном ужасе. Что же он наделал? Один из них? Какой ужас… Из ступора его вывело повсеместное шуршанье. Все задвигалось, даже коконы в палатах зашевелились: «Шмон, шмон». Дурной голос орал: «Я хочу сдохнуть! Я не буду перевозить белье, у меня руки трясутся! Я все равно закончу жизнь са-мо-у-бийством! Сделайте мне смертельную инъекцию! Немедленно! За что меня опять во вторую палату?!» Костя ошалело прислушивался к воплям, пытаясь понять, что происходит. К воплям присоединялись звуки идущего где-то на верхнем этаже ремонта, все еще тренировалась пожарная сигнализация, терпеливым голосом призывая покинуть здание.

Косулин идет на работу

В это же утро клинический психолог Саша Косулин шел на работу. С утра стояла вечная московская ночь. Подходя к остановке, Косулин увидел красивый перевернувшийся джип. Джип лежал тихо сбоку от дороги и был похож на современное искусство. Косулин успел задуматься о бренности обладания джипом. После событий сегодняшнего утра отсутствие в его жизни даже малюсенькой перспективы джипа вызывало облегчение вместо привычного приступа, когда понижается самооценка и внутри звучит проповедь в буддистском стиле на тему пользы отказа от привязанностей.

Вчера вечером уставшего Косулина насильно вытащила из Интернета старшая дочь, жесткая девица семнадцати лет от роду. Она решительно выключила компьютер и, глядя отцу прямо в глаза, припечатала:

– Нам надо серьезно поговорить.

Разговаривать с дочерью, тем более серьезно, ужасно не хотелось. Он целый день разговаривал на работе. И вообще, разговаривать – это работа, а он хочет отдохнуть. Сорокалетний Косулин неделю назад зарегистрировался в модной социальной сети и теперь вдохновенно продумывал сетевой имидж, подбирал аватарку и заводил новых френдов.

На работе весь день были разговоры, и сплошь серьезные: одна за другой шли пациентки с темой смерти. Кто сам боялся умереть, у кого родители умерли, у кого любимый человек. Было тяжко, и хотелось отвлечься, но суровый вид дочери отдыха не предвещал.

Дочь кричала на него, плакала и ужасно материлась, попутно выкладывая, что он, Косулин, ничего не знает, а их любимая мамочка меж тем завела себе любовника и собирается уйти из семьи. На вопрос об источнике такой осведомленности она разозлилась еще больше, мешая русские и английские матерные слова.

– Ты ничего не видишь, ты что, слепой? Это же очевидно! Е…ая факинг жизнь, ты же психолог! Как же ты не видишь? Ты специально делаешь вид, что ничего не замечаешь, – тебе так удобно, да?! Тебе просто наплевать на семью! Ты сам стал психом, как твои психи, сидишь в своем коконе – тебя же оттуда не вытащить ничем!

Косулин начал вспоминать, как удивлялся переменам жены: она расцвела, похудела, покрасилась в яркую блондинку и зачастила в спортзал. Они даже вместе шутили, что у жены завелся любовник. Но он никогда не мог представить этого любовника как реального украинского мужчину, с

которым Лида познакомилась на выездном тренинге в Одессе.

Прекрасный и одинокий джип остался позади, и Косулин даже обернулся разок, чтобы с ним попрощаться. С зарплатой клинического психолога джипа у него не будет никогда. Даже если он не будет есть. А у жениного любовника джип имелся. Дочка все подробно выяснила, взломав электронную почту одессита, что Косулина покоробило. Знать, конечно, надо, но опускаться до такого… Прислушавшись к себе, понял, что полон отвращения: незнакомый человек появился в его жизни, притащил в нее свою электронную почту, бизнес по торговле турецкими батарейками и недоступный джип.

Сколько раз он слушал подобные истории! Сотни, а может, и тысячи раз. Он мог прочитать лекцию о том, что с ним будет происходить в ближайшее время. Шок, неверие, отвращение, боль, подавленная злость, ощущение предательства и разрушенной жизни, болезни. Жадное желание контроля, борьба с собой: залезать в телефон жены или нет, читать ли ее эсэмэски, пока она будет в ванной? Неотвязные сексуальные желания, крепко связанные с мужским инстинктом – застолбить свое. И, главное, все это будет долго и очень мучительно. И вряд ли кончится хорошо.

Хотелось есть, а позавтракать не удалось из-за разговора с женой. Утром она собралась на новогодний выезд своей фирмы в злополучную Одессу. Сделала маникюр, эпиляцию, раз сто упомянула важнейшие переговоры, в которых она будет в роли второй скрипки. Наблюдать за ее игрой было интересно.

Удивительно, но на жену Косулин не злится. Сейчас, в метро, подпираемый неприятным мужчиной сзади, он мысленно кроет тех, кто придумал ходить на работу к восьми, что было очевидно нелепо, так как ни в восемь, ни в девять работать не получалось. Больные становятся способными на контакт в лучшем случае к десяти. Получалось пить чай, сплетничать, раскладывать пасьянс, болтать с врачами. Но ходить надо к восьми утра. Так Москва решает нерешаемые проблемы пробок.

Косулин быстро доехал до своей станции, вышел на улицу и встал в очередь на трамвай. После духоты в метро казалось, что на улице похолодало. Москвичей закаливали каждую зиму, и эта не была исключением. Запрыгнув в трамвай, ловко занял свободное место и приготовился наблюдать, как за окном проплывет, покачиваясь, швейная фабрика, кладбище, а перед самой больницей – замерзший пруд. Привычного удовольствия от вида за окном не наблюдалось. И что теперь делать? Ждать? Дальше делать вид, что ничего не знаешь, уговаривать дочь не проболтаться? Утром соблазн разрушить маскарад саркастическим

вопросом о позах, в которых будут проводиться переговоры, или проникновенным: «Не надо, Лида, останься с семьей», – был велик.

Но так не хотелось ничего решать, ничего менять! Привычная уютная стабильность их семейной жизни – надежный тыл, с которым любое безумие он мог выдержать и не сломаться. И он промолчал и даже чмокнул на прощание.

Вот и остановка. Половина трамвая двинулась к выходу. Психиатрическая больница, в которой служил психолог Косулин, считается не совсем обычной. Она как бы демократически настроена к пациентам. На практике это означает, что на входе нет пропускного режима, кому угодно можно зайти и выйти, даже погулять на больничной территории. Правда, таких чудаков немного.

Косулин добрался до отделения, но все-таки опоздал на пятиминутку. Ругаясь про себя, втиснулся в кабинет заведующей. За глаза ее звали Куклой за миниатюрность и однообразное доброжелательное выражение лица. Остался стоять у двери: сесть было некуда, весь персонал отделения набился в кабинет. На пятиминутке заслушали через селектор главного врача больницы, информацию о том, сколько пациентов поступило, в каком они состоянии, были ли особенные ситуации.

В предновогоднюю неделю поступлений почти не было. Мало кто любит справлять Новый год в больнице. Мы сами слышали не раз, как больничный люд Новый год сокращает до НГ, что выходило смешно, так как эта аббревиатура расшифровывается как «недобровольная госпитализация».

Все было как обычно. После того как селектор отключился и общебольничная утренняя конференция закончилась, старшая сестра отделения доложила о сложных, возбужденных, суицидальных пациентах. Косулин слушал вполуха, вспоминая вчерашний разговор с дочерью. На лице дочери со зрелой подростковой жестокостью был написан приговор отцу: ты не мужик! Она так и сказала: «Будь мужиком, папа!» Как будто она в семнадцать лет точно знает, каким должен быть мужик.

По окончании пятиминутки Кукла протянула Косулину листок с фамилиями пациентов. Список длинный, и Косулин повеселел. Работа – лучший доктор. Пара диагностик для ВТЭК, одна первичная барышня и еще мужская фамилия из чужого отделения, в котором временно не было психолога. Тоже первичный.

Косулин не любил ходить в другие отделения. Вот взять хоть это отделение, откуда поступил запрос на диагностику. Тамошнюю заведующую прозвали Царицей за деспотичность и самодурство. Про нее

ходили странные слухи, вовсю уточнялись психиатрические диагнозы Царицы, и, похоже, частично они были верны. Косулин с брезгливостью вспомнил обмотанные тряпками с дезинфицирующим раствором ручки дверей. Царица вела непримиримую борьбу с микробами. Каждый раз надо было решать сложную задачу: как не дотронуться до этих ручек. Обычно Косулин набирал полные руки бумаг, книг, диагностических материалов и с беспомощной улыбкой просил сестричек открыть ему двери. Если сестрички были рядом. Еще в этом отделении воняло котами, а котов Косулин не любил, потому что уже была аллергия. Но надо идти – служба есть служба.

Косулин вошел в каморку, где стояли его стол и компьютер. Каморка гордо звалась ординаторской. На четверых – двух врачей, психолога и соцработника – полагалось четыре метра рабочей площади и три стола.

Сидеть с пациентами там было негде, и поэтому работали психологи в большой «зале отдыха», которую приходилось закрывать от других пациентов. Это был еще нехудший вариант. Некоторым приходилось идти в столовую или в какие-то закутки. Косулин уже давно привык к собственной шутке, что на «кладбище метров положено больше», и особо не переживал.

Первые годы работы в больнице он мучился, обращался к нам за поддержкой в надежде примирить основной принцип психолога, про который долго долбят в институте: работать с пациентом в психологически безопасной защищенной атмосфере, – и реальность, в которой невозможно обеспечить эту атмосферу. Спустя годы он почти смирился. Проблема помещений для психологов не решалась в принципе, то ли потому, что никому не хотелось ее решать, то ли потому, что, несмотря на периодические реформаторские потуги администрации, в больнице НИКОГДА НИЧЕГО НЕ МЕНЯЛОСЬ. Наверное, по-другому и быть не могло.

У Косулина существовало множество концепций, объясняющих все нелепости больничного устройства. Красивые теории его вполне устраивали, поскольку были выстраданы годами адаптации к этим нелепостям. Он перестал воевать с медсестрами, которые вламывались без предупреждения в зал отдыха обычно тогда, когда пациент, приходя в себя, начинал доверять Косулину свою боль, рассказывая о страшных и болезненных событиях своей жизни. Косулин пробовал объяснять, грубо выгонять, игнорировать, стыдить – не помогало. Никакого частного пространства в больнице не существовало. Не существовало даже понятия «частное пространство».

И если Косулин смирился и по-своему полюбил эту неизменность больничного мира, то Лиду, жену Косулина, она ужасно раздражала. Лида любила перемены, считала, что главное – «развиваться», и постоянно уговаривала мужа уйти из больницы. После рождения второго ребенка, обожаемого Илюши, она рьяно взялась за изменение жизни Косулина к лучшему. Она нашла ему вакансию психолога по работе с персоналом в большой иностранной компании, в которой работала сама в отделе продаж, сочинила красивое резюме, записала его на интервью, купила новую рубашку и синий галстук.

Косулин на интервью сходил. Его пригласили на следующее с начальством повыше. На него он не пошел. В офисе компании было красиво, чисто, и полагался собственный кабинет, зарплата больше, и работа после больничной казалось совсем простой: собеседования при приеме на работу, тренинги групповой сплоченности. Строили с женой планы, что будут откладывать и накопят, наконец, на ремонт семейного гнезда в Тарусе, пристроят красивую деревянную веранду и еще одну комнату для Илюши. Но не сложилось – уйти из больницы не получилось. Тогда они с Лидой крупно поссорились. Она ругалась, отказывала в сексе и уговаривала, уговаривала. Привлекла к делу родителей, но, чем дальше, тем очевиднее становилось Косулину, что никуда он из больницы не уйдет: там его место.

Косулин налил чай, разложил пасьянс – он не разложился, что показалось естественным. Неприятности притягиваются друг к другу. И тут же внутренний психолог ответил: ну ладно тебе, пасьянс не разложился… тоже мне – беда, не обобщай!

Он принялся за подготовку протоколов для экспериментально-психологического исследования. К протоколам Косулин относился серьезно и оформлял их по всем правилам. Как мантру, написал десять слов для методики проверки памяти. Лес, дом, кот… Слова не менялись, как верные спутники жизни, и Косулин давно уже перестал вводить туда новые. Так было удобнее. Так же он поступил с другой методикой проверки памяти, знаменитой пиктограммой. Красивым почерком вывел: трудная работа, веселый праздник, счастье, девочке холодно. В ней надо было запомнить слова с помощью ассоциативных рисунков. Проверил, есть ли распечатанные бланки методик для диагностики мышления пациентов, и пошел в отделение.

Волна запахов утренней кормежки ударила в нос. Запах каши смешивался с запахом хлорки. У Косулина был ярко выраженный рвотный рефлекс, но он научился его обманывать. Лучше всего было не заходить в

отделение, пока запах завтрака не выветрится, но, если все-таки приходилось идти, он просто переставал дышать. К букету хлорки с пшенкой примешивался еще один запах, которому названия не было, хотя из предложенных он, пожалуй, самый сильный и необычный. Считалось, что так пахнет шизофрения. Существовали даже специальные исследования, где доказывалось, что тела больных шизофренией выделяют особый запах. Косулину эта теория казалась противной. Но запах шизофрении ему иногда снился.

Он вошел в отделение не дыша, с доброжелательной улыбкой. По коридору двигались женщины в халатах когда-то жизнерадостных расцветок. Многие гуляли семенящими шагами, кто-то, наоборот, тревожно носился туда-сюда. Из зала отдыха доносились вопли певицы Аллегровой. Косулин поморщился. Он не считал такую музыку полезной для психики своих пациенток, но соглашался с тем, что они могут ее любить. Именно утром дурдом более всего походил на дурдом.

Посреди зала отдыха, уперев руки в боки, стояла Генеральша – легендарная сестра-хозяйка. Конечно, ее настоящее призвание было командовать армиями, бандами или, на худой конец, женской колонией для особо опасных преступниц, но судьба не всегда использует наши возможности, и последние четверть века Генеральше суждено было служить в больнице. Она – настоящий научно описанный феномен: авторитарный тип медсестры. Такой, которую и врачи боятся, и начальство, а пациенты тем более.

Сейчас она собирает пациенток перевозить белье. Это обязательная часть трудотерапии – возить тяжелые тележки с бельем. Она энергично тыкает пальцем в больных:

– Ты, ты и ты! Быстро пошли одеваться и за бельем!

Организовав процесс, она чинно идет пить чай в сестринскую. Закуривает, не без изящества выдыхает дым в лицо пациентке, невнятным голосом умоляющей разрешить позвонить. Генеральша не любит, когда ей мешают.

– Уйди, я сказала, тебе не по-ло-же-но звонить.

Пациентка продолжает лепетать.

– Склизни отсюдова, живо, я сказала!!

Пациентка замирает, пытаясь понять смысл любимого выражения Генеральши.

– Быстро склизни, я сказала! Чаю не дадут попить, психососы! – возмущается Генеральша.

Косулин с интересом слушает живую речь Генеральши. Таких

выражений и оборотов никто из его знакомых не употребляет. В прошлом у Косулина и Генеральши был период вражды и притирок. Она, по обыкновению, пыталась его подчинить, заставить таскать шкафы и заниматься хозяйством, следила за тем, как он пользуется психиатрическим ключом и, боже упаси, не открывает ли окна. В тридцатиградусную жару он действительно открывал окна в зале отдыха, когда вел группу для выздоравливающих пациентов. Это было строго запрещено, но нейролептики вместе с жарой действовали на организм ужасно. Пациенты становились похожими на вареных зомби, и Косулин рисковал, за что периодически получал порцию воплей и угроз.

Генеральше он не сдавался, отшучивался, упрямо гнул свое. В итоге ему удалось заслужить ее уважение. И даже любовь. Было трогательно, когда она после диагностики сумасшедшей бомжихи подошла к нему тихо и на ухо прошептала:

– Вы руки-то мойте после таких, Александр Львович, а то ведь заразы много всякой. Шизококи. Вот мыло специальное. – Она сунула ему коричневый брусок, резко пахнущий химикатами.

Он ценил ее, много трудившуюся на ниве хозяйствования отделением. Ее короткие желтые волосы, завитые в крутой баран, прямо говорили: мне все равно, псих ты или нет, здесь мои порядки, и ты будешь слушаться.

Но привыкнуть к ее стилистике, к «склизни отсюда» и тому подобному, Косулин не мог, слишком грубо это было. Иногда он думал, что Генеральша не очень здорова, настолько она бывала необъяснимо жестока. Однако логика в ее действиях была, да и многолетняя практика подсказывала именно такой «дрессировочный» стиль общения с пациентами. Некоторые больные вспоминали ее с ужасом, называли фашистом, а некоторые любили, сумев разглядеть за желанием власти справедливое и большое сердце.

Медсестры – не профессионалы в смысле общения с психически больными людьми, их учат осторожности и недоверию, соблюдению правил, но не учат защищать собственную психику от воздействия психозов пациентов, с которыми они проводят намного больше времени, чем все остальные. Генеральша защищалась «по-немецки», добрую мамочку не изображала, зато заставляла трудиться. У нее было непреодолимое чувство собственного достоинства, не сдвигаемое ни авторитетом, ни вышестоящей властью – ничем. И Косулин восхищался этим.

Она поздоровалась с психологом и спросила:

– Кого ищете, Александр Львович?

Надо было найти пациентку из списка диагностики. Она оказалась в столовой. Та самая, которая умоляла позвонить по запретному телефону. Девушка лет восемнадцати, очень красивая, с прической, которую обычно делают актрисам в фильмах про ведьм. Расширенными непонятно от чего глазами смотрела прямо перед собой. Косулин представился, стандартно объяснил, что он психолог и у них запланирована беседа с целью проверить ее память и внимание. Девушка смотрела на него сумасшедшими глазами и что-то шептала.

– Похоже, не сегодня, – сказал Косулин, расслышав слова молитвы.

Красотка явно была не в себе. Косулину стало ее жалко. Ему всегда было жалко красивых девушек, сошедших с ума. А таких становилось все больше.

Он слегка дотронулся до ее плеча, придал своему лицу уважительное и доброе выражение и сказал, что они обязательно встретятся и побеседуют позже, когда ей станет лучше. Лицо пациентки вдруг стало молящим, совсем детским, беспомощным и жалким.

– Пожалуйста, пожалуйста, мне надо домой, у меня там кошка болеет, я не могу здесь быть, здесь страшно, очень страшно. Я боюсь одну женщину в палате. Она хочет меня убить! – Девушка лепетала не останавливаясь.

Косулин решил ее успокоить. Усадив, рассказал, что они в больнице, здесь никто никого не убивает, только лечатся, и скоро, совсем скоро лечение подействует, и ей будет не страшно, а будет хорошо. Пациентка кивала, кивала и вдруг, схватив Косулина за руку, с этим же выражением лица стала умолять достать ей расческу. Позже выяснилось, что девушка, прежде чем попасть в больницу, несколько месяцев мысленно общалась с Владимиром Путиным и даже собралась за него замуж. Совсем плохо стало, когда Путина начали ругать перед выборами, она этого вытерпеть не могла и со всеми испортила отношения. Привезли ее не из дома, а прямо с Болотной площади, куда она пришла защищать своего жениха от агрессивно настроенного «креативного класса». Поэтому расчески у нее не было.

Каждый раз, когда пациенты просили у него расческу, туалетную бумагу, тампоны, сигареты, Косулин испытывал смесь желания помочь и раздражения от того, что эти просьбы адресовались ему. Конечно, новенькие не обязаны были знать, к кому следует обращаться с такими просьбами, но Косулин чувствовал в них смутную угрозу своему и так шаткому статусу.

Психолог в психиатрической больнице по сравнению с психиатром имеет весьма сомнительный статус, ему вечно приходится оправдывать свое существование. Обычно он посылал пациентов к сестре-хозяйке за решением их проблем. Иногда покупал недорогие сигареты, которые в больнице очень ценились. Никотин чуть снимает тревогу, к тому же в больнице скучно, поэтому многие курят практически без остановки.

Косулин засомневался, но все-таки посоветовал обратиться к Генеральше. До обеда оставалось время, и Косулин решил зайти в отделение Царицы, чтобы провести патопсихологическую диагностику первичного пациента по фамилии Новиков. Все пациенты, в первый раз попадающие в психбольницу, проходили такую диагностику.

Отделение Царицы располагалось в другом конце большой больничной территории. Косулин любил гулять по больничному саду, прекрасному даже зимой: голубые елки, достойные зависти Кремля, снежились на голубом фоне, было спокойно и красиво, больничная часовня сияла золотом, у столовки кто-то вылепил криворотого снеговика.

Все отделения были разными и не походили друг на друга. Косулин сравнивал больницу с планетой Земля, а отделения с разными странами и разными историческими эпохами. В больнице имелись и архаичные авторитарные режимы, и откровенно хаотические объединения без надежды на крепкую государственность, и отдельные уникальные цивилизации, ни на что не похожие.

Косулин любил рассуждать на эту тему, он был уверен, что больница есть ясное зеркало нашего мира, и любил разгадывать ее загадки, каждому явлению находя свое место. Часто мы вместе пытались понять, объяснить, смеялись до слез над происходящим абсурдом. Утешали, как могли, друг друга в трудные времена, которые рано или поздно наступали у каждого. Порой доходило до поэзии: больница представлялась нам Храмом, Запретным городом, закрытым для непосвященных, существующим как будто не в Москве, а в параллельном мире, на прямой связи с космосом, куда можно попасть лишь заплатив высокую цену. Кто-то стремился сюда из праздного любопытства, однако оно строго наказывалось. Приобщиться параллельному миру можно, лишь отдав ему часть своей жизни, иногда очень большую часть.

Больница становилась Великой Матерью, от которой хотелось скрыться, но к которой неумолимо тянуло обратно. Такая страсть и привязанность поражала не только пациентов, в равной мере она относилась и к врачам, и к психологам, и к медсестрам. Уйти из больницы

считалось предательством, грехопадением. Назад в рай не брали. В моменты прозрений хотелось, чтобы психолог был влюблен в одну из нас, но это было не так. Все-таки наш союз был другого рода. Вроде братства и сестринства, особого совместного служения.

Кроме всего прочего, психолог был убежден, что в больнице время отстает примерно лет на тридцать, и работаем мы еще в Советском Союзе. Он считал, что ему повезло оказаться в относительно слабой женской монархии, во главе с тревожной королевой, которая уже была взрослой женщиной, но до сих пор хотела получать только пятерки. Косулин немного презирал Куклу, глядя, как она своим красивым почерком переписывает, иногда по несколько раз, дневники пациентов, чтобы они совпадали с диагнозом, поставленным старшим врачом или комиссией. Она часами писала однообразный текст, как Сизиф, снова и снова кативший в гору постоянно падающий камень.

Впрочем, жалеть ее Косулину не стоило. Много лет назад Кукла, только став заведующей отделением, постаралась испортить Косулину жизнь, да так, что он чуть не уволился. Она обвинила психолога в страшном грехе: якобы он советует пациентам не пить лекарства! Хуже обвинения в больнице нет. Это сравнимо с изменой родине или шпионажем в пользу иностранного государства. Полагался за это самострел, что Косулин и собирался от обиды сделать: красиво швырнуть в лицо начальству заявление об уходе, но потом, взяв несколько сессий у своего психотерапевта, решил, что в нем заговорило детское желание справедливости, столь неуместное в заведении, в своей философии стремящемся к идеалам казармы.

И он адаптировался. Максимально дистанцировался, не вступал в игры «мы тут друг к другу хорошо относимся». Не дарил Кукле подарков на Новый год и на день рождения, в отличие от всех. Для себя решил, что заслужил клевету по причине того, что отверг Куклу как женщину. Она действительно не в его вкусе. Мелкая черненькая стерва, Наполеон в юбке, а он любил романтичных и чувствительных женщин без мужских амбиций. Были, правда, и другие версии. Кукла хорошо зарабатывала на своем кормлении: деньги текли рекой – слишком многие хотели подержать подольше в больнице неудобных родственников. А Косулин мог бизнесу помешать, идеалистически веря в права пациентов и закон о психиатрии. Правда осталась за кулисами скандала. Через несколько лет обида психолога померкла, но осторожность осталась навсегда.

Стив Джобс умер

8 ноября

Просыпаюсь, глаз не открываю.

Так странно светит солнце. Решаюсь, открываю глаза и сразу зажмуриваюсь. Тревожно. Что-то случилось или случится. Главный отменил временные переходы, теперь утром всегда – полярная ночь, а сегодня все по-другому. Все по-другому. Что-то изменилось. Случилось. Ничего хорошего. Пока я спала, произошли важные вещи. Солнце ясно указывает на это. Мир увеличил скорость.

Смертельно хочется кофе, но возбуждение тащит в инет. Так странно знать, что мир изменился, но не знать, как именно.

А кто-то уже знает. Это невыносимо. Смотрю и вижу только одно: СТИВ ДЖОБС УМЕР.

Не может быть! Он не мог умереть! Он же гений, он же такой богатый, умный! Такие не умирают. Мысли мечутся.

В ужасе переключаюсь на погоду, смотрю прогноз на неделю. Все время солнце. Оно похоже на мать. Бред какой-то, какое солнце, зачем? Его уже три месяца не было.

До меня начинает доходить смысл. Стив Джобс умер, солнце светит, все изменилось. Пока неясно, как, но связь есть: солнце, смерть, скорость. По рукам, по голове, по животу ползают мурашки, мне страшно, мне весело, я начинаю предчувствовать скорое понимание всего. Не могу привыкнуть к этой скорости. Почищу зубы, умоюсь. Вместо этого иду в кровать, забираюсь под одеяло и пытаюсь заснуть. Заснуть во вчера, когда все еще было по-старому.

Ничего не получается – меня колотит. Умер Стив Джобс! Стив, на которого я работала, на которого я молилась. На которого все молились. Никто не верил.

А он умер. Еще вчера, рассказывая про новые продукты ЯБЛОКА, он улыбался. И не был похож на умирающего. Он гениальный менеджер. Возможно, умереть в пятьдесят шесть лет от рака, на следующий день после презентации – это рекламный трюк? Господи, какой бред. Нет, не могу терпеть. Слишком мало информации. Было такое недавно: Bloomberg лажанулся, опубликовал некролог Стива, а он оказался жив.

Открываю опять инет: некрологи, фотографии Стива, горы яблок, цифры продаж. Мерзкие комменты типа: «Мы, хардкорные эплофанаты, осиротели. Куплю, пожалуй, еще один „Эйр“, Великого Джобса ради. Даже не знаю, что бы еще сделать. Джобс был велик! Слава ему и вечный покой». А Стив смотрит на все это и улыбается.

Я знала это заранее! Вчера все было не просто так. Это были предупреждения. Все страшно изменилось. Надо позвонить в «Эпл», надо подумать, как общаться, надо как-то дать им понять. Что? Что дать им понять? Что я знала? Ведь все знали, это был вопрос времени. Но я знала именно сегодня, до того как включила компьютер. Не то чтобы знала наверняка. Я просто чувствовала это абсолютно очевидно. Или не говорить?

Не знаю, что делать. Не могу пить и есть. Это оскорбительно – жить своей дурацкой животной жизнью, когда такие дела творятся. Я не хочу. Листаю сайты, интервью с какими-то людьми, которые работали со Стивом. «Человек, изменивший мир», «безумно великий» Стив умер. Не верю. Он очень богат, очень умен, он не мог не раздобыть себе этих крутых таблеток от рака, которых не дают простым смертным. Не дают, чтобы они все-таки иногда умирали, а не жили вечно, пока нас станет не семь, а семьдесят семь миллиардов. Нет, это невозможно. Любой рак можно вылечить! По крайней мере не умирать от него, а жить с ним долго, если иметь доступ к этому лечению. Конечно, СТИВ не мог не иметь этих лекарств. Значит, что? Убили? Суицид? Нет, сам он не мог, зачем? Конкуренты? Христа, кстати, тоже убрали конкуренты. Вероятно… хотя и слишком примитивно. Напрашивается ясная параллель. Неужели никто этого не видит, почему это не обсуждается, не могу понять. Они что – ослепли?! Великий человек умер, а они рассуждают о его вкладе в историю так, как будто он умер десять лет назад. Это неестественно. Умер от рака! Да у нас каждая вторая собака от рака умирает, но не СТИВ!

Стоп, надо подумать спокойно. Появилось Солнце – это важно, потому что доказывает реальное изменение. Планета очень чувствительна к тому, что происходит, природа всегда все знает. Наводнения, землетрясения не случайны. Случайность – вера идиотов. Страшно заглянуть правде в глаза. И сегодня светит яркое Солнце, хотя в Москве так не принято. Я в Москве, я должна была заметить такой знак. Я должна была знать. Иначе зачем Солнце?

Холодно, хотя топят адски. Надо что-то делать. Срочно, иначе я не выдержу. Опять уроды наверху орут. Идти к ним бесполезно, подсунут

мне деда. Они реально мешают мне думать. Когда-нибудь я их просто убью. Или языки отрежу – будут ходить себе и молчать, ха-ха. Только бы не играли на пианино. И кто придумал бездарей музыке учить? Ладно, в крайнем случае и руки отрежу, пошли к черту. Так! Спокойно… Что-то я отвлеклась, надо одеться. Что надеть? Черное – в знак траура? Фирменную футболку с яблоком? А прическа какая? Надо обязательно накрасить губы. Господи, какой бред, какие губы? Такое горе, а я пытаюсь выглядеть СООТВЕТСТВУЮЩЕ. Траур, яблоки. Как стыдно. Я же не такая. Я не такая, как эти. Лживые твари. Я его очень люблю. Не хочу это скрывать. Я всю жизнь скрывала свои чувства, хватит!

Пора проверить обстановку. Вчера заменили дом, может, это и был самый важный знак. Надо проверить. Черт, мои мысли работают со световой скоростью! Как же обычно тормозит мой мозг!

Выхожу из подъезда и понимаю, что не причесалась, да и зубы не почистила. Ну и ладно. На соседей плевать, на всех остальных, впрочем, тоже. Я же на разведку, а не на прием к английской королеве.

На улице еще заметнее, как все изменилось! Дома совсем другие. От них веет злом. Или мне кажется? Мамочка! Холодно в животе, я сейчас описаюсь, ужас. Дом напротив почернел! Он такой, как будто из него вытащили весь цвет. И еще он немного двигается. Нет, это мне кажется все-таки… Дома не двигаются. Надо делать ноги. Быстрее на другую сторону, не оглядывайся. Беги!

Вокруг люди. Один толкнул меня, даже не извинился, гад. Странные все, на зомби похожи. Как будто они ничего не видят и ничего не знают. Может, вид делают? А я? Я тоже вид делаю? Ну как можно не заметить, что дом почернел, я не понимаю! Но я же тоже не заорала: «Караул, дом черный! Стив умер! Солнце слепит! Дом черный!» Я же испугалась. Орать – нормальная человеческая реакция на эти события, а не ходить как ускоренные зомби. В стране последнее время так все и живут. Ускорены для того, чтобы жрать побольше и на работу быстрее бегать, а еще по магазинам шляться и потреблять все подряд. Вот куда все бегут? Хоть бы кто по-человечески, по-простому подошел и спросил: б… ты тоже это видишь? А они по магазинам до последнего бегать будут, как будто ничего не происходит!

Конец света – ну и что? А как это отменяет мои важные переговоры и фитнес? Вы уж сами тут как-нибудь без меня, я очень занят. Я – успешный человек! Я этого достоин! Овцы на закланию, ничего не ведают, слепые и глупые. И почему мне так не повезло?! Я ведь точно другая, я всегда была особенной, все вижу, что надо и что не надо. Все замечаю и

вечно не знаю, что делать. Ведь знала, что мама болеет, но ничего не делала. Молчала и мучилась. А мама умирала достойно, как положено: чтобы никого не обременять.

Хватит! Это было давно. Я теперь другая. Я только жить начинаю. Это раньше я была девочкой из хорошей семьи: главное, выглядеть прилично. А теперь мне все равно – у меня видение есть. Я законы Вселенной знаю. А они нет. Мне дано Испытание. Проверка.

СТИВ, конечно, удумал. Весело, столько сил, и страха нет. Может, с детства первый раз не страшно, потому что все не случайно вовсе, со смыслом все. И мама умерла не просто так. И иду я как в сказке по известной дороге, и конец счастливый, а впереди испытания, с которыми я точно справлюсь. Класс! Восхитительно!

Такой день, тут не кофе нужен, меня и так колбасит. Выспалась после феназепама на десять лет вперед, тут что-то особенное нужно. Может, шампанское? Как там бляди говорят – шампусик! О! Модное кафе. Шампанского мне! Официантка улыбается и скучно рассказывает, какое есть, устаю от ее сервиса и бросаю:

– Самое лучшее принесите, пожалуйста.

Чего теперь экономить-то? Смысл?

Народ кофе пьет и уже на бизнес-ланч набегает, жрать свою экономную жрачку, а я сижу – шампанское цежу. Теперь вообще все по-другому будет. Так, пора определяться, когда и как идти на работу. Будет ли там похоронный корпоратив? Надо ли его избегать, как обычно, или пойти понаблюдать за людьми, может, замечу что-нибудь важное. Вдруг след в Россию ведет. Правда, какие у нас тут конкуренты, но бог его знает? Все может быть. Я же знала, значит, связь с Россией есть. Ну и Солнце плюс. Надо быть внимательней, смотреть в оба, знаки надо замечать, они даром не даются. Господь старается, показывает. Смотрю и правда замечаю: в кафе все с айфонами сидят. Надо их посчитать. Насчитываю восемь айфонов и два айпеда. Решаю сидеть еще час, посчитаю, сколько их всего будет. Это и будет знак. За колонной не видно. Мужик навороченный сидит, чего у него – не видно. Элегантно подкатываю, спички попросить. Ага! У него айфон последний! Молодец, Лора! Соображаешь еще. Прикуриваю, мужик мне на сиськи пялится. Ну да, я же в маминой кофточке. И сиськи имеются. Кофта мамина любимая – блядская, розовая, да еще с пуговками от лифчика до пупка. Пока застегнешь – чокнешься. Мужик точно подумал, что я блядь и на работе с утра: шампанское, кофточка, прикурить, – блин, опасно все это, может сильно жизнь осложнить. Если он за мной пойдет, что делать? Орать: я

не на работе! я не блядь! кофточка – мамина. Ладно, если подойдет, значит, неспроста, скажу ему, что СТИВ не умер. Стоп. Вот оно! Да, я все боялась сказать. Конечно, НЕ УМЕР. НЕ УМЕР! Господи, что делать-то?

Спокойно. Надо выпить.

– Что празднуете, девушка? – Бизнес-мужик за соседним столиком улыбается грязно и угрожающе.

И вот тут-то я понимаю уже совершенно спокойно, без эмоций: я праздную то, что СТИВ ЖИВ. Как Ленин, блин. Жив. А все говорят, что умер.

– СТИВ жив. А ты нет.

– Ты совсем, что ли? – Мужик отшатывается.

Мой айпед пятнадцатый по счету в этом кафе. Пора двигать дальше. Действие только начинается. Мне опять становится весело. К черту шампанское! У меня есть число…

Психолог и учитель

26 декабря

Итак, Косулин вошел в чужое отделение. Как мы уже говорили, царила здесь весьма почтенного возраста еврейская женщина, уходящий тип психиатра прошлой эпохи. Непререкаемая власть, готовность казнить и миловать, немилосердный контроль.

В отделении был порядок, пациенты чинно сидели вдоль коридора. Кто-то играл в шахматы, кто-то читал, некоторые тихо разговаривали. Телевизор молчал. Косулин с благодарностью это отметил, вспомнив родное отделение, в котором несколько пациентов постоянно смотрели передачи из разряда «чрезвычайное происшествие» – про колдунов, инопланетян, мировой заговор и отравленные продукты в магазинах. Пациенты смотрели эти передачи всерьез.

Косулин злился, переключал телевизор на передачи о животных, романтические комедии, но чрезвычайные происшествия, трупы, расчлененки, привороты, венец безбрачия и потерпевшие аварию пришельцы с завидной регулярностью вновь оказывались на экране. Косулин с ужасом представлял себе, что в эти моменты творится в головах и душах пациентов.

Здесь же было тихо, интеллигентно. Косулин зашел к Царице.

Она восседала за огромным дубовым столом. Фиолетовые кудри короной окружали низкий лоб, очки поблескивали в ярком электрическом свете настольной лампы, крючковатый нос следовал за черной гелиевой ручкой, аккуратно выводящей буквы на бланке больничного листа. Косулин замер. Правила заполнения больничных листов в очередной раз ужесточили, теперь это были зеленые листки с водяными знаками, на которых надо было писать печатными буквами и только черной гелиевой ручкой. Ошибаться нельзя.

Он тихонько присел на стул и некоторое время наблюдал за монаршей особой в минуты труда. Она притягивала взгляд могучей, величественной необъятностью.

Непостижимую в своей бесконечности грудь туго обтягивал кристально белый халат. Из-под стола выглядывали неожиданно изящные ноги в «лодочках». Ей за семьдесят, но цепкие волевые руки в золотых

кольцах не желали упускать власть. Рассудок Царицы ясен, характер чудовищен. О ней много сплетничали. Мол, на работу ее привозит шофер, на завтрак старшая сестра варит ей особую геркулесовую кашу, пятиминутки длятся столько, сколько нужно, чтобы выпустить пар, изложить свои взгляды на современное мироустройство, лично унизить и оскорбить каждого присутствующего.

Одной из нас довелось поработать с ней пару месяцев. Незабываемая пятиминутка была посвящена теме развала Советского Союза. По версии Царицы, империю разрушили психологи с помощью тайных методов, сговорившись с американской разведкой. Каждый сезон отделение боролось с модным видов микробов, применяя новые виды дезинфекции. Из заграницы Царица обычно просила привезти ей современные химикаты.

Однако пациентам в этом отделении жилось лучше, чем во многих других. Персонал был вежлив и доброжелателен, активно поддерживая атмосферу санатория. Сама Царица совершала обходы чинно и медленно, разговаривала с каждым больным подолгу, вникала в его проблемы, знала по именам родственников пациентов. Она была первоклассным врачом советской школы. Проработав в больнице среднестатистическую жизнь, спокойно плевала на мнения окружающих, не робела перед администрацией, относилась к ней презрительно. В ней жил «большой стиль», говорила она на чистом старомосковском наречии: «булоШная» и «психотерапЭвт», «извольте» и «оставьте».

Наконец Царица заполнила больничный и взглянула на Косулина.

– Хорошо, что вы пришли. Надо срочно посмотреть Новикова, голубчик. Судя по всему, будет трудовая экспертиза. Директор школы уже десять раз звонил главному и в департамент. Он боится, что Новиков вернется на работу в школу. Будет стараться лишить его такой возможности.

– Сколько лет Новикову?

– Двадцать семь.

– Рановато на пенсию.

– Речь идет о педофилии, древнегреческих извращениях! Он мальчиков заставлял чуть ли не голыми выступать, весь класс водил на митинги, подвергал детей опасности! Страшный случай. Пациент первичный. Работайте!

– Он уже готов к диагностике?

– Да… успокоился, на аминазине быстро пошел.

В кабинете у Царицы тихо и тепло. Косулин задержался здесь еще немного, чтобы изучить историю болезни пациента Новикова. В тощей

папке нашел только первичный осмотр, полицейский рапорт («вел себя неадекватно, на местности не ориентировался…»), назначения.

Косулин сосредоточился на изучении первичного осмотра. Пытался составить представление о пациенте, читал между шаблонных строк.

Первичный осмотр

Новиков Константин Николаевич, 1983 г. р.

Анамнез со слов больного: наследственность психическими заболеваниями не отягощена. Рос единственным ребенком в семье. В раннем детском возрасте в психофизическом развитии не отставал. Отмечает только детские болезни без осложнений. По характеру формировался эмоциональным, вспыльчивым, в контакт со сверстниками вступал с трудом. Детские дошкольные учреждения не посещал, воспитывался мамой. Отец – военный. В школе обучался с шести лет, с программой справлялся с опережением, многие предметы сдавал экстерном, успешно участвовал в школьных олимпиадах. В подростковом возрасте отношения со сверстниками не складывались; был одинок, друзей не имел. Закончил школу экстерном в четырнадцать лет. Еще в школе увлекался историей, литературой, много читал, проводил досуг в библиотеках, посещал лекции в университете. Поступил в Историко-архивный институт на исторический факультет в шестнадцать лет. С подросткового возраста стали отмечаться периоды, когда испытывал большой эмоциональный подъем, казалось, «что можно горы свернуть» (в такой период – учредил демократическое студенческое движение в поддержку малоимущих студентов, создал студенческий журнал), такие периоды чередовались с непродолжительными периодами слабости, апатии, замкнутости. В институте стал больше общаться со сверстниками, нашел друзей, был душой компании. После окончания института поступил в аспирантуру, но бросил ее. В последнее время (с 2005 года) работает учителем истории в общеобразовательной школе. Проживает с родителями, отношения в семье конфликтные. Алкоголизацию и запои категорически отрицает. В 2011 году больной несколько раз привлекался к административной ответственности за участие в несанкционированных митингах. Последнее время на работе участились конфликты с начальством. В день госпитализации поссорился с директором школы, ударил его, был возбужден, агрессивен, неадекватен. Доставлен в районное отделение милиции, откуда был госпитализирован в ПБ.

Соматическое состояние: высокого роста, пониженного питания. На кожных поверхностях подбородка, рук, ног различных размеров гематомы и ссадины, со слов пациента – следы драки с директором и полицейскими. Язык обложен белым налетом, в основном у корня, влажный. В зеве гиперемии, налетов нет. Периферические лимфоузлы не увеличены. В легких дыхание везикулярное, хрипы не прослушиваются. Тоны сердца ясные, ритмичные. АД 120 на 70 мм рт. ст. Пульс 68 ударов в минуту, удовлетворительного наполнения и напряжения. Живот мягкий, при пальпации безболезненный. Печень в границе реберной дуги. Симптом Пастернацкого отрицательный с обеих сторон. Мочеиспускание свободное, безболезненное. Дизурии нет. Стул, со слов, регулярный. Аллергоанамнез не отягощен. Температура 36,8.

Неврологическое состояние: зрачки Д = S. Реакция зрачков на конвергенцию, аккомодацию сохранена. Лицо симметрично. Язык при высовывании по средней линии. Сухожильные рефлексы без убедительной разницы сторон. Менингиальных знаков нет.

Психическое состояние. До беседы с врачом находился в пределах постели. На беседу соглашается. Держится напряженно, замкнуто, с чувством собственного достоинства, переживаний не раскрывает. Сидит в напряженной позе, не смотрит на врача. Импульсивен. На вопросы отвечает с раздражением. Уверяет, что на месте работы к нему относятся предвзято, притесняют, обвиняют в педофилии и разврате. Сведения о себе сообщает непоследовательно, противоречиво. Эмоционально неустойчив, то злится, то еле сдерживает слезы. Мимика выразительная, несколько манерная. Постоянно говорит, что ему надо выписаться, категорически отказывается от лечения. Критика к состоянию отсутствует.

Обычно психологи перед диагностикой не читают записей врачей, дабы не формировать установочный диагноз. Но с педофилией Косулин никогда раньше не сталкивался и решил прочитать осмотр, хотя ничего особенного в нем не увидел. Понял только, что состояние пациента с поступления изменилось, так как в истории было и подписанное им согласие на лечение. Косулин вышел из ординаторской и попросил старшую сестру найти пациента Новикова.

Сам расположился в зале отдыха, где предполагал беседовать с Костей. Косулин аккуратно разместил диагностические материалы на столе, проверил, пишет ли ручка, отметил, что времени до обеда всего час и надо все сделать быстро, иначе понадобится прийти еще раз, а этого совсем не

хотелось. Медсестра привела Новикова.

Костя показался Косулину совсем юным, с растерянным выражением лица, нехарактерным для учителей. Часто больные шизофренией выглядят очень молодо, у них нет морщин, возраст и время словно проходят мимо. Они не стареют. Молодое и даже детское лицо Кости Косулину понравилось, напоминая кого-то. Косулин решительно представился:

– Здравствуйте, меня зовут Александр Львович, я психолог. Вам назначено психологическое исследование с целью диагностики вашей памяти и внимания, особенностей мышления. По результатам этого исследования будет написано заключение, которое я передам вашему лечащему врачу – Майе Витальевне. Но сначала расскажите, что случилось, как вы к нам попали?

Костя раздумывал над ответом и одновременно рассматривал нового для него персонажа. Уже сутки больничные люди вокруг него много и необычно говорили. Сложно было понять, говорят они что-то относящееся к реальности или бредят. Вот Мориц, например, только что интимным шепотом, слышным, впрочем, во всех уголках отделения, сообщил ему, что все божественные сущности всего лишь побочный эффект того самого кагэбэшного эксперимента, и тут же деловито и вполне вменяемо объяснил ему, как «насладиться кофепитием» в условиях, когда нет ни кофе, ни кипятка (надо взять пакетик растворимого кофе «три в одном», контрабандой пронесенный из столовки или переданный родственниками, засыпать его в чашку или коробку от лекарств, которую достать проще, и залить горячей водой из-под крана).

Реальность Кости стала зыбкой, текучей, значения и смыслы становились сложными, ускользающими. Непонятно, кто псих, а кто норма, кто плохой, а кто хороший, к кому можно обратиться за помощью, а к кому точно не стоит. Привычные координаты не работали, и Костя не понимал, кому можно доверять.

Психолог Косте понравился. Вид у того был невеселый, но взгляд внимательный и голос приятный. И наконец-то за все это ужасное время Костя оказался в тишине. Первое, что сделал Косулин после того, как Костя вошел в зал отдыха, – запер дверь. Мысли стали приходить в порядок. Костя решился рассказать, как все было. Он сомневался в правильности своего решения, но все же начал рассказывать.

Косулин слушал Новикова и записывал в протоколе стандартные фразы будущего заключения: «Голос тихий, неуверенный, на вопросы отвечает непоследовательно, путается». Слушать Новикова было тяжело, история вызывала растерянность и недоумение. Педофилия не проходит по

части психических расстройств, в своей практике Косулин с этим раньше не сталкивался. Ставить в школьном театре античные пьесы с эротическими мотивами – это действительно могло бы показаться безумным, но только в смысле неуместности, несоответствия сегодняшнему дню, всей системе школьного образования. Но приставать к своим ученикам? Косулин, отец первоклассника, внутренне съёжился от отвращения. Надо разбираться…

Костя рассказывал робко и тихо, ожидая, что его прервут или будут бомбардировать вопросами. Но психолог слушал его и не перебивал, делая пометки в блокноте. По ходу рассказа учитель все больше оживал, воспоминания будили пережитые эмоции. Радость от предвкушения премьеры, волнение за детей, тревога за декорации. Костя говорил, говорил, ему казалось, что вот сейчас он расскажет свою историю понятно, логично, нестыдно.

Психолог остановил его и вернул к вопросу о том, что все же произошло с Костей такого, от чего он попал в психиатрическую больницу. Костя с ужасом почувствовал комок в горле, слезы, покраснел, не удержался – заплакал, стал еще больше похож на маленького мальчика. Он пытался сохранить лицо – мужчины не плачут! – но не смог, напряжение и злость текли из глаз.

Косулин отметил в протоколе: «эмоционально лабилен». Написав эту фразу, почувствовал, что она и к нему самому имеет отношение. Рассказ Кости растревожил, зацепил, больно ударил внутри. Лида? Нет. Что-то давно забытое, надежно укрытое. Он так вдохновенно верит в то, что делает, так уверен в себе. А я? Я уже нет, давно нет. Я верил раньше, а теперь расплачиваюсь за это потерей семьи… Я – дурак. Педофил он или нет, работа для него – очевидный смысл жизни, и больше, чем зарабатывание денег. А я? Что я? Зачем я сейчас пишу этот протокол? Ради учителя? Он меня об этом не просит. Так грустно размышлял Косулин. Ему захотелось утешить учителя, помочь. Но он знал, что это только ухудшит дело. Да и утешить было нечем.

Пока психолог молча грустил, учитель мужественно боролся со слезами. Он больно прикусил себе щеку и язык: обычно боль возвращала контроль. Психолог все так же сидел напротив и смотрел сочувственно, молчал. Костя был ему за это благодарен. Остановив слезы, начал рассказывать про Ясеня. Желчно, злобно, не стесняясь. Раньше так никому не говорил, старался быть выше, не замечать, воспринимать иронически. А тут припомнил все. И дурацкие новогодние открытки, которые заставляли делать с учениками вместо уроков, и многочасовые проповеди-отчитки «за

несоответствие формату», и то, что вся школа зомбирована ЕГЭ, и все, что не для ЕГЭ, никому не нужно. Что дети должны знать, в каком году был заключен Ништадтский мир, но не понимают толком, зачем России нужна была Северная война. Он рассказывал про нелепости и глупости Ясеня, про необразованность, трусость и жадность. Про абсурдный бюрократизм. Психолог все энергичнее кивал: в больнице все было так же.

Когда рассказ Новикова достиг эпизода в кабинете Ясеня, Косулин почти неприкрыто стал радоваться и восхищаться учителем. Сколько раз он мечтал о том, чтобы вот так вот, запросто, вмазать просто, по-мужски, наплевав на правило общения с начальством: «молчать, когда бьют». В Ясене он узнавал чиновников из своей жизни, которые унижали по праву сильного, ни в чем не разобравшись, и никогда не извинялись.

Косулин взглянул на циферблат. Их час почти вышел. Рассказ учителя так его тронул, что он перестал следить за временем. Что это со мной? Он разозлился, стал спешить, пытаясь решить для себя, верит ли он Новикову. Учитель-безумец или учитель-извращенец? И задал прямой вопрос:

– Испытываете ли вы, Константин Юрьевич, сексуальное влечение к детям?

Неприятная пауза затягивалась, Косулин напряженно застыл, страшась услышать утвердительный ответ. Он не представлял, как ему совместить в душе симпатию и отвращение к учителю.

Костя как будто споткнулся и замер. Так вот к чему все это. Он почувствовал, как опять начинает краснеть. Само подозрение ввергало в непереносимый токсический стыд. Он боялся посмотреть на психолога, боялся, что опять либо позорно расплачется, либо полезет в драку. Только не здесь, не в психиатрической больнице. Только не с этим человеком, имевшим столько терпения выслушать. Он собрался и посмотрел прямо на Косулина. Лицо психолога было напряжено. Костя удивился тому, что Косулину не все равно. Ему важно услышать ответ.

– Нет. Я люблю своих учеников, но я никогда не испытывал к ним сексуального влечения. – Костя счел неуместным рассуждать здесь об Эросе и видах любви. Хотя ему хотелось бы поговорить об этом с психологом. Наверняка тому нашлось бы что ответить.

Косулин улыбнулся. После такого эмоционального рассказа сухой ответ выдавал, что Костя уже начинает понимать правила общения с психиатрической системой. Отвечай по существу на важные вопросы и желательно кратко. Чем больше рассуждений, тем больше простора для постановки диагноза. Костя об этом, конечно, не знал, но, если он и дальше будет так отвечать, может, ему и повезет вернуться в свою любимую школу.

Косулин заметил, что ему бы этого хотелось. Сомнения, конечно, оставались, первое впечатление – часто полная ерунда.

Из рассказа Новикова было неясно, как именно он попал в психиатрическую больницу. Видимо, какой-то момент он не осознавал или утаивал. Ударить директора – недостаточно для принудительной госпитализации. Косулин продолжал расспрашивать. Надо было выяснить, сохранилась ли критика пациента ко всем событиям дня госпитализации.

– Константин Юрьевич, складывается такое впечатление, что вы не очень хорошо помните, что происходило в полиции.

Костя на самом деле помнил смутно.

– А до этого у вас когда-нибудь были проблемы с памятью? – Косулин черкнул что-то в своих бумагах.

Костя задумался.

– Вроде нет. Если они и были, я могу об этом не помнить. – Костя улыбался.

Косулин тоже. На миг они показались Косулину двумя заговорщиками, узнавшими друг друга в толпе. «Он свой —, подумал Костя и тут же одернул себя: – Ты псих, а он просто хорошо делает свою работу».

Учитель продолжил свою историю.

Слушая рассказ о том, как учитель вел себя в отделении полиции, Косулин злился, сочувствовал, представлял себя в такой же ситуации. Это было тяжело. Поколебавшись, психолог решил не узнавать, считает ли учитель свое состояние в полиции временным помутнением рассудка. Он не хотел делать ему больно, хотя ответ на вопрос прояснил бы критику пациента к своему состоянию. Самое время было переходить непосредственно к выполнению психодиагностических методик.

Косулин вернулся в диагностическое русло, деловито раскладывая карточки с изображением разных предметов: мебель, овощи, фрукты, транспорт, люди и прочее. Это была знаменитая методика «Классификация предметов», созданная корифеями патопсихологии Б. В. Зейгарник и С. Я. Рубинштейн. Методике скоро стукнет полвека, но она до сих пор работает лучше многостраничных тестов с тысячами вопросов. Без преувеличения, это главная методика в арсенале клинического психолога. Она нужна для исследования процессов обобщения и абстрагирования, но дает также возможность анализа последовательности умозаключений, критичности и обдуманности действий, особенностей памяти, объема и устойчивости внимания, личностных реакций испытуемых на свои достижения и неудачи.

Итак, Косулин достал набор карточек с изображением различных

предметов, растений, живых существ, перемешал их и передал Косте:

– Разложите эти карточки так, чтобы предметы, которые подходят друг другу, оказались в одной группе.

Психолога интересовало, будет ли Новиков совершать ошибки, характерные для больных шизофренией.

Костя рассматривал карточки. Он устал и начал волноваться. Ему хотелось и дальше рассказывать. Выполнять дурацкие задания казалось унизительным. В конце концов, он не идиот, а учитель! Медленно, не вникая в смысл задания, он перебирал карточки. Попросил повторить инструкцию.

Косулин отметил в протоколе: «В задание входит медленно, инструкцию усваивает со второго раза». Это было странно: для школьного учителя выполнить эту методику проще простого. Все-таки, разозлился Косулин, надо будет осмотреть учителя еще раз, сыроват он пока… О боже, опять трогать эти жуткие ручки!

Между тем Костя тупо перебирал карточки, чувствуя себя неловко. С усилием сосредоточился на задании. Спросил, имеет ли значение цвет карточки. Смущало это обстоятельство в основном пациентов с нарушениями мышления, они часто делили их на две группы: черно-белые и цветные. Это была жирная галочка в шизофреническую сторону. Косулин расстроился. Всегда есть надежда, что в исследовании все будет нормально.

Новиков продолжал раскладывать карточки, правильно выделяя группы – мебель, овощи, фрукты, инструменты, виды транспорта. Неожиданно положил в одну группу красное платье и бутылку от кефира. Начал рассказывать историю из своего детства. Как девочка в красном платье каждое утро ставила на его крыльцо стеклянную бутылку с кефиром. Косулин отметил в протоколе: «При объединении соскальзывает, опирается на субъективные критерии».

После того как Новиков закончил историю про девочку в красном платье, он вернул платье к одежде, а бутылку к посуде. Косулин облегченно добавил: «Чувствительность к ошибкам сохранена». Тут же раздраженно одернул себя: когда так болеешь за пациента, часто косвенно подсказываешь верные решения, а это усложняет анализ результатов.

Разобравшись с классификацией, Косулин предложил Новикову методику «Сравнение предметов». Нужно сравнить пары слов, выделив между ними общее и различное. Среди этих пар есть пары-провокации, несравнимые между собой предметы. Испытуемые «в норме» предпочитали не сравнивать эти пары, для больных шизофренией, как правило, никаких препятствий не существовало. Они могут сравнить все со

всем. Правильно сравнив пары «яблоко – апельсин», «озеро – река», «тюльпан – василек», на провокационной паре «молоко – еж» Новиков выделил в качестве общего то, что «они оба убегают». Это была еще одна очень жирная галочка. Находить нестандартные связи между предметами – особенность ненормативной психики. Хотя это показалось Косулину остроумным. Костя сильно устал, но не говорил об этом психологу. Мысль о том, что ему предстоит вернуться в шумное, забитое сумасшедшими людьми отделение, остаться одному, без человека, который слушает и, кажется, даже понимает его шутки, вызывала отчаяние.

Неожиданно он спросил психолога:

– Александр Львович, а вам нравится тут работать?

Косулин завис на неудобном вопросе, пробормотал что-то невразумительное. После чего быстро дописал в протоколе: «В процессе исследования истощается, соскальзывает», – собрал диагностические материалы в папку и попрощался с учителем. Пообещал встретиться с ним еще раз в первый рабочий день после Нового года, чтобы продолжить исследование. Только сейчас до Кости дошло, что Новый год ему предстоит встретить в психиатрической больнице, и опять стало жалко себя до слез.

У Косулина заболело сердце. Учитель опять напомнил что-то важное, больное и любимое. Новиков действительно был похож на погибшего младшего брата психолога – Венечку. Но Косулин пока не осознавал связи. За пределами сознания его накрывало отцовское сочувствие к этому, видимо, сумасшедшему педофилу-непедофилу, бессилие от того, что он бросает учителя одного в ужасной ситуации. Он растерялся, вспомнил утреннее кривляние жены, смешался.

Косулин стремительно покинул отделение Царицы, на этот раз не побрезговав открыть двери самостоятельно – стало плевать на дезинфицирующие тряпки. Он направился в столовую в смешанных чувствах, профессиональная рефлексия не помогала. Новиков больно попал в хорошо защищенные, давно закрытые от посторонних душевные раны Косулина. И, еще не понимая этого, он заметался, побежал за помощью к нам, боевым братьям и сестрам.

Мы тем временем заседали в столовой. Это было наше место и наше время.

Столовая располагается в отдельно стоящем двухэтажном здании. На втором этаже – столовая для больных из дневного стационара, а на первом – частное заведение без названия. Когда-то название было: над входной дверью белой краской было выведено «У Кагановича». А потом белой же краской замазано. Столовая во время обеда принадлежала пациентам, их

родственникам, студентам и психологам.

Мы, психологи, остро нуждаемся в совместности. Нам жизненно важно посидеть вместе спокойно, обсудить события дня, пожаловаться на врачей, заведующих, получить профессиональную и дружескую поддержку, рассказать о необычных пациентах. Психологов в больнице работает много, человек сорок, в столовой собираются около десяти. Нельзя с первого взгляда сказать, что объединяет именно нас. Возможно, нежелание растворяться в агрессивно-абсурдной среде, может, особое отношение к своей работе. Кроме того, так проще «не пропасть по одиночке». А пропасть можно запросто.

Система готова быстренько съесть тебя. Два-три года – и наступает профессиональная деформация – такое особое словечко, означающее, что ты вроде такой, как был, только под влиянием своей профессии деформировался, сломался, искривился, оподлился, почти умер. Точное слово и не подобрать, у каждого свое меняется. Ломает то, что системе ты не нужен. Психологов считают чем-то вроде необязательного аксессуара, призванного больше развлекать пациентов, чем лечить.

Лечить – прерогатива врачей. По одной простой причине: у них есть таблетки. Психологи же могут дополнить таблетки неочевидными на взгляд системы вещами – беседами с пациентами. Но современная психиатрия не верит в целительную силу слова и человеческого общения, она верит в загадочные химические процессы, происходящие в мозгу пациента. И слово никогда не сравнится с химией, так уж устроен современный мир, основанный на слепой вере в волшебные таблетки «от всего». Вообще, психиатры впитывают высокомерие по отношению к психологам с молоком матери. Самый страшный грех для них – психологизация, то есть объяснение причин болезни психологическими причинами. Их старательно отучают от этого еще в институте.

Сами психиатры довольствуются туманными, якобы биологическими по своему происхождению причинами психических расстройств, которые никакого отношения не имеют к тому, что называется «доказательной медициной». То есть такой медициной, при которой ты сдал анализы, рентген сделал, компьютерную томографию – и получил диагноз. Но с психическими расстройствами сложнее: нет никаких генов шизофрении, нет понятного мозгового механизма, нет доказанных различий между разными расстройствами на уровне мозга. А есть сопровождающие психические расстройства мозговые процессы, которые за причину этих расстройств уж никак нельзя принять. Поэтому некоторые врачи верят скорее в свой опыт и убеждения: в то, что обязательно есть наследственный

фактор, в то, что анамнез «подмочен», в то, что болен человек уже давно. Чаще всего так и бывает, но, как и многие другие убеждения, становясь иррациональными, они перестают быть убедительными для остальных, в частности для пациентов. В том числе и поэтому психические расстройства так часто переходят в разряд хронических: ну не верят пациенты в психиатрические концепции!

На самом деле практикующий врач просто не в состоянии досконально разбираться в исследованиях разных показателей мозга, потому что мы слишком мало знаем о работе мозга и о том, как связаны психика и мозг. Задачей врача становится подбор лекарств опытным путем. Так называемое симптоматическое лечение – то, которое устраняет симптомы, а не причину болезни. Хороший врач обладает развитой интуицией в отношении соответствия пациента и препарата.

Вот почему профессиональная самооценка психологов в больнице довольно низкая, самым сложным оказывается не работа с пациентами, а ежедневное осознание того, что твой труд, нелегкий труд, системе не нужен.

Профессиональная деформация обычно начинается с депрессивного переживания бессилия и бессмысленности собственных усилий.

Эти десять в столовой деформироваться не желали, сопротивлялись и поддерживали друг друга как могли.

Когда Косулин пришел, все были в сборе. За столом он увидел лохматую голову Пашки Шостаковича и услышал его характерное покашливание. Пашка ковырял традиционный гуляш и что-то бурно рассказывал Белле. Она смеялась, как всегда. Шостакович был Косулину другом, коллегой и боевым товарищем. Впрочем, несмотря на явную душевную близость, он оставался для Косулина загадкой: он совершенно не мог понять, как Пашка выживал в больнице. Он уже не первый год работал в старческом женском остром отделении, и Косулину после нескольких посещений его отделения впечатлений хватило на всю жизнь.

Старческое женское располагалось на пятом этаже относительно нового корпуса больницы. Было оно каким-то оскорбительно голым. Ни лишней мебели, ни дверей в палатах, только пустые стены и непременные банкетки, к которым привязаны бабульки, чтоб не упали или чтоб не мешали.

Несколько слабоумных пациенток, не понимающих, где и зачем они находятся, объединившись в небольшой караван, искали выход. Иногда они останавливались и совещались или приставали к персоналу в попытках выведать пути побега. Несмотря на то что отделение тщательно и

регулярно мыли, запах стоял непереносимый: моча, дерьмо, больничная еда, лекарства, старость и отчаяние. Некоторые пациентки все время раздевались, таких ласково называли «голышами».

Косулин не раз пытался прижать Пашку к стенке и, взяв за пуговицу, узнать-таки, что его заставляет оставаться в этом аду. Пашка уверял, что, будучи нейро-психологом, испытывает неугасаемый интерес к диагностике. И только в пьяных задушевных разговорах, когда Пашка оставлял свою ироничную защиту, Косулин чувствовал, что близок к разгадке.

Путь Пашки в старческое отделение был прихотлив и извилист.

Шостакович закончил психфак МГУ, а до психфака – МАДИ. В семнадцать лет, еще не зная, чего хочет от жизни, он просто выбрал ближайший к дому вуз. Ему нравилась физика и другие точные науки. Учился он, однако, плохо, и к концу третьего курса, не сдав термодинамику, отправился в академический отпуск. Целый год Пашка провел на даче в полном одиночестве, отмахиваясь от настойчивых требований мамы заняться делом. Переживал экзистенциальный кризис. На выходе из кризиса поступил на психфак МГУ. Спустя полгода после окончания МГУ обзвонил все психиатрические больницы Москвы и устроился на настоящую работу. Ему хотелось приносить пользу, делать что-то, за что он бы мог себя уважать и что явно было нужно кому-то еще.

Первый год Пашке было интересно работать, хоть он и не понимал, что именно нужно делать. Не было ни образца для подражания, ни контакта с коллегами. Работал в полной изоляции. До него психологи никогда не работали в старческом.

Идеи служения человечеству и спасения заблудших душ умирали от страха, отвращения и растерянности. Когда он в первый раз вышел из ординаторской, его окружила толпа бабулек. Они плакали, причитали, спрашивали, дергали за рукав. Пашка в ужасе убежал. А потом привык. И стал хранителем историй сумасшедших старых женщин. Истории эти были ужасны и, как правило, заканчивались уходом в мир иной, но, когда их рассказывал Пашка, мы смеялись.

Не осуждайте нас, вы бы тоже смеялись, если бы слышали, как Пашка рассказывал! Вот, например, однажды в отделении Пашки делали ремонт. Туалет закрыли и посередине отделения поставили биотуалет, попросту – большой горшок. И каждый раз Пашка, проходя мимо, видел невозмутимо восседающих на нем бабушек. Или история об изнасилованной восьмидесятилетней женщине, заболевшей потом сифилисом. Мы тоже смеялись. И никто не понимал, как он это выдерживает. Однажды нетрезвый Пашка сам поймал Косулина и без всякого юмора сказал:

– Знаешь, на что это похоже? Как будто ты в аду, и вокруг корчатся наказанные, поджариваются на сковородках, кипят в котлах со смолой, а мое наказание в том, чтобы смотреть на это. Вот так-то.

Впрочем, это была минутная слабость, трагическое настроение редко задерживается в наших рядах.

Косулин пробрался к столу. Сел рядом с Беллой, хрупкой смуглой девушкой с глазами цвета травы, с некоторым романтическим пафосом, как Косулин про себя называл их цвет. Но вслух, конечно, не говорил. Рядом с ней с Косулина моментально слетала взрослость, хотелось дурачиться. Косулину нравился ее нестандартный взгляд на вещи, чувствительность и нежность. Белла тоже не сразу стала психологом, поучившись сначала на юриста. Захотелось рассказать ей про учителя и про жену.

За столом о работе не говорили, строили новогодние планы, кто-то уходил в отпуск, собирались устроить вечеринку.

Агния, порывистая блондинка боттичеллиевской красоты, сразу заметила, что Косулин молчит. Вообще, у Косулина иногда возникало подозрение, что их начальник отбирает сотрудниц в основном по внешним данным: большинство были небанально красивы. Косулину казалось, что все его больничные коллеги-друзья родились не в свое время. И чаще всего он думал так, смотря на Агнию. Ее романтизм, ум и неуемная социальная активность напоминали о женщинах-«эмансипэ» начала двадцатого века. К своим двадцати пяти годам Агния успела закончить психфак, поработать в ПНД[1], поучиться в Германии. В Берлин поехала в надежде прикоснуться к истокам психоанализа, а получила популярные нынче в Европе проповеди о пользе когнитивно-бихевиоральной дрессировки. Но мятежный дух Сабины Шпильрейн и Лу Саломэ не покинул ее.

В больнице Агния работала в отделении дневного стационара. Пожалуй, ее работа ужасала Косулина даже больше, чем Пашкина. Дневной стационар был параллельным миром, последним пристанищем хронических психиатрических пациентов. Коридоры его двухэтажного корпуса всегда пусты и темны. Со стен взирают портреты пациентов, написанные давно убившим себя художником. В дневной стационар попадали старые, дефектные больные. Считалось, что без поддержки они не выживут. Они ходят в дневной стационар, как здоровые люди – на работу. Пять дней в неделю, с перерывом на выходные, ночуют дома. Завтракают, принимают лекарства, посещают занятия всевозможных кружков. На местном жаргоне их называют «оболочечниками», что очень точно отражает производимое ими впечатление. Оболочка, тело,

простейшие социальные реакции налицо, но внутренняя жизнь давно осталась в прошлом, уничтоженная психозами и нейролептиками. Когда Агния рассказывала про свою работу, Косулин недоумевал. Как можно быть рядом с человеком, чей разум разрушен старением и скорой смертью, Косулин еще мог представить, но как быть рядом с тем, чья внутренняя, да и внешняя жизнь похожа на заезженную пластинку… Этого он представить не мог.

– Что ты голову повесил, друг сердечный? – спросила Агния, приобняла Косулина за плечи и немного встряхнула. Была у нее такая привычка встряхивать людей, как копилку с мелочью.

Косулин панибратства не любил, но из симпатии терпел, к тому же между ним и Агнией всегда существовал легкий флирт. Границ они не переступали: Косулин безнадежно женат, у Агнии постоянно случались романтически истории. Но, как часто бывает в таких случаях, оба бурно фантазировали друг о друге.

Белла и Агния дружили близко еще с институтских времен: учились в одной группе. Чувствительная к малейшим нарушениям границ Белла тут же вмешалась:

– Что ты его трясешь, дай поесть человеку! Видишь, он грустный какой…

– Да нет, все нормально у меня. Наверное… – неуверенно начал Косулин.

В этот момент, перекрывая все столовские шумы, раздался зычный голос буфетчицы:

– Пельмени, оливье, чайслиминомсахаром! – так объявлялось о готовности собранного заказа.

После этого сообщения заказчик, о чьих гастрономических пристрастиях теперь знали все окружающие, отправлялся к стойке и забирал свой поднос. Почти в каждом заказе было это таинственное дополнение «чайслиминомсахаром». Произносилось оно именно так, в одно слово, и его все пили – это была лучшая смазка для трудноперевариваемой кухни Кагановича.

Беседа за столом продолжалась, Косулин пил чай, есть не хотелось. Напряженный и расстроенный, он все никак не находил рациональную причину своего состояния.

– Саша, ты видел новое украшение столовки? – Белла вновь попыталась втянуть его в разговор.

– Какое? – Косулин оглянулся, но ничего нового не заметил. Все те же ставшие привычными декорации абсурда. Экзотические пластмассовые

цветы, эпилептически мигающая новогодняя елка на стойке, хищная новогодняя мишура…

– Ну, вон же, на холодильнике «Кока-Кола»!

И тут он заметил. На красно-белом «кокакольном» холодильнике, удивительно вписываясь в общее цветовое решение, уютно и даже как-то по-домашнему висел портрет товарища Сталина. Косулин не верил своим глазам. Вождь, облаченный в простой военной китель и фуражку, добродушно, но строго взирал на столпившихся в очереди пациентов дневного стационара. Как Каганович мог повесить портрет Сталина в своем заведении и, главное, зачем?

– Ну ни хрена себе! – Косулин от удивления никак не мог сформулировать, чем так поразителен этот портрет здесь, в столовой психиатрической больницы.

– За психику! За Сталина! – Белла захихикала, прикрыв смуглой ладошкой рот.

– Наша служба и опасна и трудна, – откликнулся Косулин. – Моя служба сегодня точно была трудна…

– А что такое-то? – Пашка оторвался от своего гуляша. – Пациенты? Врачи?

– Пациенты… Вернее, пациент. Смотрел сегодня мальчика одного…

– Мальчика? – Агния удивилась. Такие снисходительные интонации не были свойственны Косулину. Да и детского отделения в больнице не было.

Косулин и сам не понял, почему назвал Новикова мальчиком. Он смутился и попытался продолжить. Но рассказ не шел, как ни помогали ему коллеги. Косулин чувствовал, что говорит все не то, все мимо, что-то важное об этом пациенте все время ускользало от него.

– Ну мужчину. Молодого. Учителя. Мутная история…

Косулин рассказывал о Новикове, мешая диагностические подробности с фактами Костиной биографии. Конечно же, все отреагировали на «обвинение в педофилии», особенно Пашка, он такие темы любил.

– Мальчик, который любит мальчиков, соблазнил и напугал нашего Сашку, – подвел итоги Шостакович.

Все заржали.

– Ну хватит вам, мне правда нехорошо, – прервал их Косулин обиженно.

– Слушай, а что тебя самого так зацепило-то в нем, в этом учителе? – спросила Белла, моментально став серьезной. Она видела, что Косулин взволнован и переживает больше, чем показывает.

– Я не знаю! Не знаю… – Косулин с ужасом и удивлением почувствовал комок в горле. Стало тяжело дышать. Он резко поднялся из-за стола, пробормотал какие-то невнятные объяснения про срочную работу и под удивленные взгляды и возгласы коллег покинул столовую.

На улице шел снег. Быстрым шагом психолог двинулся по широкой аллее в сторону своего отделения. Деревья, окружающие аллею, с одной стороны были заключены в прогулочные садики и свешивали свои нагруженные декабрьским снегом ветки через железные заборы, а с другой стороны вольно раскинулись вдоль дороги. Ветви узников и их свободных братьев соединялись и спутывались у Косулина над головой, образуя высокий снежный коридор, похожий на внутреннее пространство готического костела. Но Косулин не замечал торжественной красоты окружающего мира, которая обычно восхищала и примиряла.

Он шел быстро и, перемешивая грязный талый снег под ногами, пытался угнаться за бешено несущимися мыслями. Те же чувства, что вынесли его из столовой, теперь заставляли куда-то стремительно бежать. Впереди было отделение, работа, пациенты. Нет, туда он не мог сейчас пойти.

Косулин остановился. Стало жарко в тяжелом зимнем пальто. Он расстегнул его, размотал шерстяной шарф и глубоко вздохнул. Оглядевшись, увидел расчищенную от снега лавку, сел. Набрал пригоршню снега, сжал его в кулаке, подождал, пока он превратится в плотный комок. Раскрыл ладонь и начал бездумно наблюдать, как снег тает, становясь холодной водицей.

Венечка называл такие комки снега «леденчиками». Перед глазами Косулина вдруг возникло острое и яркое воспоминание. Вот он, ученик десятого класса, такой же снежной московской зимой ежится от холода и нетерпеливо ждет младшего брата у школы. В его обязанности входило встречать брата-первоклассника после продленки. Вот Веня, одетый в коричневую, стоящую колом шубку, неловко переваливаясь, шагает к нему из школьных ворот. Вид у него хулиганский и довольный.

«Ну и где ты так долго был?» – раздраженно спрашивает Косулин.

Веня не отвечает. Косулин замечает, что Веня что-то жует.

«Что ты там ешь?!»

«Леденчик», – отвечает Веня, улыбается во весь рот и протягивает Косулину ладошку в варежке с примерзшим к ней куском талого снега.

За этим воспоминанием к Косулину приходят и другие, похожие на сон наяву, реалистичные и живые. Их много, Косулин не успевает толком понять и прочувствовать, про что они. Но во всех – Веня, младший брат,

золотой мальчик, предмет любви и ревности к родителям. Вот Веня, раскачивающийся, как пьяный боцман, пробует устоять на ногах и цепляется за его коленки. Он же, безутешно рыдающий от обиды, потому что Косулин не берет его с собой гулять с «взрослыми мальчишками». Веня, уже взрослый юноша, загорелый и красивый, но улыбающийся лукавой и самодовольной улыбкой, сидя на линии прибоя, говорит Косулину:

«Да не волнуйся ты так, Саш, все будет хорошо. Просто я понял, как хочу жить». – И протягивает ему ладонь, полную…

Косулин встал. Ему показалось, что прошло много времени, но снег на ладони еще не успел растаять до конца. Веня ушел, а теперь и Лида… Так, стоп! Это все в прошлом! – скомандовал он себе. Ты уже пережил это. И незачем ворошить.

Внутренний голос звучит неубедительно, явно уберегая от слез. Косулин пытается вернуться в действительность и тянет в рот почти растаявший на ладони снег. Снег холодный, отдает землей. Косулин морщится, выплевывает его и решительно направляется в отделение. На свое безумие у него нет времени, когда вокруг столько чужого! Ухмыляясь от пафоса собственных размышлений, ускоряет шаг.

Психиатр паяц

Был у Косулина один секрет. Один из тех маленьких и, казалось бы, незначительных внутренних секретов, которые наше сознание милосердно укрывает на своей границе, чтобы не вносить сложных противоречий в представление о самих себе. Секрет доставлял Косулину удовольствие так хитро, что в его простерилизованной профессиональными конструкциями голове не возникало никаких сомнений в собственной адекватности.

Дело было в том, что уже второй год в одном с Косулиным отделении работал врач-эксперт Олег Яковлевич Паяц. Самый обычный врач-психиатр, родом из Калуги. Он был старше Косулина, однако сохранил в чертах юношескую моложавость. История его, как и многих других психиатров, изобиловала трагическими событиями и подробностями.

Паяц переехал в Москву по большой любви. Женщина, ради которой он бросил насиженное место в Калуге, забрав в Москву только чемодан со скарбом, медный таз для варки варенья (в память о нежно любимой бабушке) и лохматого колли по кличке Туз Пик, после нескольких лет страстных и мучительных отношений с Паяцем покончила с собой при невыясненных обстоятельствах. А Олег Яковлевич остался в Москве и посвятил свою жизнь работе в больнице.

С Косулиным сначала не заладилось. Бог весть в чем была сложность. Они игнорировали друг друга, сухо здоровались по утрам и так же сухо и официально прощались в конце рабочего дня. Это длилось несколько месяцев. Постепенно они стали больше замечать и признавать друг друга. Их разговоры превратились в профессиональный обмен информацией и обсуждение больных. (Косулин не должен был работать с экспертными больными, чтобы не влиять на картину, получающуюся в результате экспертизы, но в реальности экспертные больные часто нуждались в поддержке психолога, и он им не отказывал.) Потом в беседы добавилось еще и светское обсуждение выходных дней и больничных сплетен. А однажды Косулин задержался, с ненавистью дописывая заключение на одну дементную больную. Заключение не писалось. Паяц тоже еще работал, впрочем, он задерживался на работе каждый день. Не очень-то ему хотелось идти в свою пустую квартиру на окраине Москвы и сидеть там бобылем (Туз Пик к тому времени помер). Косулин дописал заключение и спросил Олега Яковлевича, который рассеянно изучал толстый справочник «Видаль», почему тот не идет домой.

Он предполагал услышать как всегда формальный и понятный ответ, но вместо этого услышал правду. Паяц поднял на него глаза и так же рассеянно, как до этого листал справочник, ответил:

– Меня там никто не ждет, а тут хоть люди.

Косулин удивился и взглянул на Паяца как будто в первый раз. Тот сидел расслабленно расплывшись по креслу. Закинув ногу на ногу, держался одной рукой за рыжеватый вихор, периодически подергивая его – словно хотел оторвать, а другой перебирал страницы справочника.

Похоже, сам Паяц даже не заметил своей откровенности. Но с тех пор что-то произошло между ними, и изредка, оставаясь вдвоем в ординаторской, они вели долгие задушевные разговоры, похожие на взаимные исповеди. Постепенно Косулин узнал подробнее жизненную историю врача, но хранил эти знания и никому ничего не рассказывал, можно даже сказать, что он дорожил ими и не хотел ни с кем делиться. По окончании бесед Косулин чувствовал большое волнение, симпатию и сочувствие к врачу… И что-то еще – то, что его сознание надежно укрывало за обманчивой пеленой незначительности и несущественности.

После таких разговоров их отношения быстро возвращались к приятельски-профессиональному трепу, как будто и не было ничего. Единственное, что поменялось, – это искренняя радость и удовольствие, которое Косулин стал испытывать в присутствии врача-эксперта. Впрочем, радость эту он не демонстрировал. Наслаждался и радовался как будто тайком, сохраняя при этом будничное выражение лица.

Доктор Паяц невысок, рыж, веснушчат, с круглыми зелеными глазами. Острый кадык и крючковатый нос придают его лицу что-то неуместно испанское. Его гардероб изобилует вещами из секонд-хенда и винтажных магазинов. Под белым халатом скрывается то твидовый британского стиля костюм, то майка с неприличной надписью на вьетнамском, то комбинезон из вельвета. Винтаж доктору удивительно идет. Такие вещи всегда нравились Косулину, но смелости носить их у него не хватало. Да и халата, под которым можно было скрыть свой костюм, он принципиально не надевал.

Олег Яковлевич – хулиган от природы, любил крепкие выражения и устаревшие деревенские словечки, так же как и медный таз, доставшиеся ему в наследство от бабушки. Все эти «ононо, пошто, чё» и «поделом ему, лешему». А еще – и это, пожалуй, больше всего нравилось Косулину, – врач обладал несравненным талантом подражателя. Чтобы напомнить Косулину больного, о котором шла речь в разговоре, Паяц просто корчил рожу, изображал характерный жест или походку. И Косулин тут же узнавал. Эта

способность мгновенно преобразиться, а потом так же мгновенно вернуться, как ни в чем не бывало, к разговору неизменно вызывала у Косулина смех. А смех – большая ценность в больнице. Чувство юмора – лучшее лекарство от сумасшествия. Был он, в общем, хулиганом и шутом, но мало кто об этом знал. По большей части Паяц выглядел и вел себя как адекватный, серьезный и профессиональный доктор-эксперт. Это сочетание мальчишеской дурашливости, живости и профессиональной серьезности, мгновенная смена этих ипостасей сильно соблазняла Косулина.

И хотя чувства Косулина к врачу были секретом, отчасти секретом и для него самого, мы его все же раскроем и назовем вещи своими именами. Ведь наша задача рассказать историю, а не щадить образ и чувства героев.

Косулин был влюблен. Влюблен, как можно быть влюбленным в тринадцать-четырнадцать лет в героя книги или фильма или, например, в учителя. Когда объект влюбленности кажется уникальным, удивительным и как бы не совсем реальным.

Он берег это легкое, бодрящее чувство, прятал его. Отчасти потому, что переживать такое к мужчине – сразу записываться в гомосексуалисты, к чему Косулин не имел никакой склонности.

Конечно, как профессионал в устройстве человеческой психики, он хорошо знал о бисексуальности как женщин, так и мужчин и не считал гомосексуальные влечения чем-то особенным. Но так было в теории и для других. Косулин хорошо изучил себя, он знал свои пристрастия и любовные привычки и до сорока лет был уверен, что до мозга костей гетеросексуален. Он любил свою жену и дорожил их отношениями. Но он так давно не был ни в кого влюблен. Влюбиться в его возрасте и ситуации – безответственно и слишком рискованно по отношению ко всей своей жизни. И поэтому хотелось сохранить это приятное чувство близости и вдохновленности как один из ресурсов, помогающих выжить на работе. И главное, Косулин знал: такие периоды заканчиваются – реальность разрушает все иллюзии, особенно приятные.

Придя в отделение, Косулин опустился на свое, зажатое батареей и столом, рабочее место, тяжело вздохнул и уставился в окно. Шел снег, начинало темнеть. Паяц, как всегда, что-то писал.

– Представляете, опять поступили «выдолбы», – сказал он, не прерывая работы.

– Угу. – Косулин не повернул головы – больные сейчас волновали его меньше всего, хотя «выдолбы», вернее, история больной, страдающей этими «выдолбами», была примечательна и около года назад вызвала у

Косулина большой интерес.

Больной казалось, что вся пища, которую она ест, выходит через кожу. Чтобы облегчить пище выход, она вырывала все волосы на теле и голове. Госпитализировалась полностью лысой, без бровей и ресниц. Выдолбами она называла места выхода пищи через кожу.

Олег Яковлевич поднял глаза от бумаг и, прищурившись, посмотрел на Косулина:

– Так, что случилось, Александр Львович? Что за упаднические настроения?

Это Косулину тоже нравилось: как бы глубоко они ни были посвящены в жизни друг друга, они всегда обращались друг к другу официально по имени-отчеству. Старорежимность создавала еще большую интимность между ними и в то же время сохраняла безопасные для обоих границы.

– Олег Яковлевич, давайте чаю выпьем?

Это было приглашение к одному из их длинных разговоров. Доктор с сомнением посмотрел на недописанную историю, потом на поникшего Косулина:

– Ладно, сейчас я только по воду схожу. – Паяц отправился в сестринскую.

Вернувшись, он застал Косулина все в той же позе. Доктор включил электрический чайник, присел в кресло, привычно закинул ногу на ногу и выжидательно посмотрел на психолога.

Косулин не реагировал, отсутствуя и сосредоточиваясь одновременно. Чувствовалось, что напряженная внутренняя работа поглощает его полностью.

– «Отцвели уж давно хризантемы в саду-у-у», – затянул вдруг Паяц тоненьким дребезжащим голоском.

Косулин удивленно обернулся, оставив наконец свое бездумное созерцание сугробов за окном.

– «А любовь все живет в моем сердце-е-е больном», – как ни в чем не бывало продолжал петь Паяц, переходя под конец на оперный бас.

Косулин удивленно поднял бровь. Паяц с деланым разочарованием вышел из образа и сварливо проговорил:

– Ну вот, я уж понадеялся, что в этот раз мне удастся допеть до конца.

Это была дань старой шутке. Считалось, что Паяц очень любит петь, тогда как Косулин терпеть этого его увлечения не может.

– Между прочим, я тактично молчал и терпел. Пели бы себе дальше.

– Молчали. Но как посмотрели! Если бы на юного Утесова кто-нибудь так посмотрел, не слыхать бы нам его великих хитов. Таких, как,

например… – Паяц скроил лицо торжественное и величавое и загудел: – «У Черного моря, у Черного…»

– Ну ладно, ладно. – Косулин не выдержал и засмеялся. – Выражение моего лица только что прикончило очередного гения. Может, туда ему и дорога.

Паяц довольно улыбнулся. Если Косулин включается в старую дружескую игру, значит, все не так уж плохо. Сумрачность Косулина встревожила Паяца. В его представлении, да и в представлении остальных коллег, Косулин – образец психической стабильности и равновесия.

– Как обстоят дела за бортом? – Олег Яковлевич неопределенным кивком указал за окно. – Как здоровье Царицы? Не хворает ли, сердешная?

– Да что ей станется, она еще нас с вами переживет. – Косулин опять вернулся к тревогам сегодняшнего дня и помрачнел. – Смотрел сегодня у нее в отделении одного пациента…

И Косулин рассказал Паяцу о Косте Новикове, о своих сомнениях, о смутных воспоминаниях и Венечке. Паяц слушал и не перебивал.

Когда Косулин закончил свой рассказ, за окном совсем стемнело. Косулин говорил долго и путано, временами умолкая, задумываясь, потом начинал снова и снова умолкал. Паяц слушал.

– Мне кажется, вы драматизируете и преувеличиваете, Александр Львович, – наконец не выдержал доктор.

– Что? – Косулин опешил.

Паяц, конечно, ироничен, но, если дело касалось истинных переживаний, обычно был деликатен. Косулин считал, что Паяц был таким хорошим психиатром именно из-за этого своего интуитивного умения различать душевную боль. Эта же реплика доктора показалась Косулину жестокой. Он как будто споткнулся о нее.

– Ах, ну что вы сразу насупились, Александр Львович. Я не собирался вас задевать. – Паяц раздраженно отмахнулся от набирающей силу обиды Косулина. – Ну сами посудите: вот вы приходите, рассказываете мне про пациента, чья судьба вас так сильно взволновала, и что же вы хотите?

– Вы просто его не видели, я уверен, что он не оставил бы вас равнодушным… – начал Косулин.

– Напротив, напротив! – перебил Паяц. – Видел я вашего учителя! Я же его и оформлял в приемке.

– Вы?!

– Ну я, я. А что вы так удивились, собственно. Вот я, вот моя пижама. – Паяц извлек из-под себя полосатую пижаму, в которую облачался во время ночных дежурств. – И знаете, что я вам скажу, учитель этот ваш

ничем особо не примечателен. Ну да, пламенная душа, энтузиаст и герой, что, кстати, вовсе не исключает особых чувств к детишкам. Такие, как он, всегда создают окружающим проблемы. Как будто они специально созданы, чтобы люди бросали свои дела и кидались творить геройства и злодейства, которые на деле оказываются простыми человеческими глупостями.

– Глупостями, значит… непримечателен, значит… – Косулин отхлебнул из кружки холодного чая и поморщился. – А что это вы так завелись, Олег Яковлевич?

– Потому что потому.

Возникает напряженная пауза. Паяц перекладывает вещи на своем столе – признак большого раздражения или волнения. Косулин снова отворачивается и смотрит в окно. Так проходит несколько долгих минут.

Пора домой, думает Косулин, но с места не двигается. Паяц заканчивает, наконец, перестановку на своем столе и тяжело вздыхает. Он собирается что-то сказать, но Косулин успевает раньше:

– Если вы собираетесь продолжать в том же духе, то самое время промолчать.

– Чую я местами, кои неприлично называть в обществе, что этот учитель принесет еще много неприятностей. А между тем… Мне кажется, вы упустили из виду тот факт, что мы, работники психиатрической индустрии, каждый день сталкиваемся с подобными трагедиями. Загляните в наше отделение. Кого вы там найдете? Вернее, что? Ворох несбывшихся надежд и судеб, необратимо измененных диагнозом. Учителей, которых больше не подпустят к детям, врачей, которым не видать практики, да просто старых дефектных больных, всем сердцем желающих попасть домой… Но мы же с вами отправляем их в загородные больницы и интернаты. И будем отправлять! Такая наша селяви! Если уж ты выбрал свободу сумасшествия – будь добр, заплати обществу соответствующую цену. Однако же они не выбивают вас из колеи. Безумие – обыденность! То, что происходит каждый день. И, в общем-то, в голове каждого. Учитель этот ваш решил, что он особенный, отличный от простого плебса, а значит, и законы для него не писаны, можно многое себе позволить. Я удивляюсь вашей наивности и доверчивости. Неужели вы с вашим опытом приняли всерьез и так близко к сердцу всю эту историю с попранием чести и достоинства?

– О чем вы, Олег Яковлевич?! – Косулин перестает понимать, что происходит.

Они и раньше многое обсуждали с Паяцем, но никогда еще доктор,

которого Косулин считал особенным в своей человечности психиатром, не озвучивал так определенно и жестко свои взгляды. И взгляды эти Косулина шокировали. Целый день он думал о психиатрии, об этой странной системе, в которой он провел всю свою профессиональную жизнь. Думал о власти и грандиозности психиатров, о наслаждении и разочаровании от этой власти. Вернее, теперь, когда Паяц говорил о своем отношении к истории учителя, в голове и душе у Косулина поднималось накопленное годами отвращение ко всей психиатрической системе. Особенно неприятно слушать этот текст в исполнении Паяца, потому что именно на его образ Косулин опирался, когда сталкивался с вопиющими деформациями личности врачей, порой холодных, властных, тщеславных, равнодушных, привыкших ежедневно, не вовлекаясь, вершить человеческие судьбы, прикрываясь идеей помощи и душеспасательства.

Паяц между тем продолжает:

– О чем я? Ну как же… Представьте себе хирурга, убивающегося над вырезанным аппендицитом и вспоминающего при виде крови о разбитых в детстве коленках. Вряд ли он сможет чем-то помочь больным. Я о том, что вы слишком сильно в эту историю включились.

– Подождите, подождите, Олег Яковлевич! Вот вчера, помните, вы совершили поступок, исполненный сочувствия. Та больная, которая, кроме правонарушений, наркомании и всего прочего, еще и СПИДом больна. Помните, медсестры повесили на холодильник с продуктами записку о том, что ее посудой нельзя никому пользоваться. Больная плакала и от стыда не вылезала из-под одеяла. Вы же, узнав об этом, собственноручно сняли записку, порвали ее в клочья и еще полчаса бушевали в сестринской, обещали загнать за Можай того, кто это придумал, грозили, стыдили! И утешали больную! Это что было? Не личное ли отношение? Просто профессиональный долг? Педантичное исполнение клятвы Гиппократа?

– Ах, ну что вы, в самом деле. – Паяц на секунду замешкался, опять взялся за вихор и как-то сдулся.

Косулин было подумал, что Паяц в запале наговорил глупостей и сейчас пойдет на попятный. Оказалось, он просто подыскивал новые аргументы.

– Конечно, я обязан защищать права больных. А права этой пациентки бесспорно были нарушены. Но мне нисколько не жаль эту гнилую спидоносную наркоманку. Наша задача помогать, а для этого иногда надо быть жестким и знать, что нужно больному, даже если он сам с этим не согласен. Люди – малахольные существа по большей части. Если они сами начнут решать свою судьбу, порядка не видать!

Косулин чувствует, как тело его каменеет. Он привык к подобным высказываниям, вернее, к поступкам врачей, совершаемых из такого мировоззрения. Он признавал, что во всех этих измышлениях есть рациональное зерно. Но вот только оболочка этого зерна отвращала невероятно. Все это просто оправдательная речь, думал он, просто способ скрыть правду о самих себе. Но Паяц? Как он-то может не осознавать мотивы своей философии?

– Зачем вам, Олег Яковлевич, столько власти? Ну зачем?

– Вы же психолог, Александр Львович, вы должны понимать, что если вы будете так сильно проникаться трагизмом судьбы каждого пациента, то от вас очень быстро ничего не останется, только, как говорится, рожки да ножки, рога да копытца. Надо как-то держать себя в руках…

Косулин слушал и одновременно рассматривал Паяца отстраненно, словно через предметное стекло. Какое самодовольное лицо, как он искренне убежден в собственной правоте и непогрешимости, какой менторский высокомерный тон, передо мной вершитель судеб человеческих…

Психолог не любил себя в такие моменты, что-то холодное и жестокое просыпалось в нем, не испытывающее никакой симпатии к людям. В такие моменты он говорил слова, о которых потом жалел. Но удержаться не мог.

– Эта ваша отповедь кажется мне вершиной ораторского мастерства, она достойна оваций. Браво! Смущает только одно: то, что подобную речь, состоящую, впрочем, из штампов и банальностей, произносите вы, Олег Яковлевич. Вы правы, я слишком вовлекаюсь. Допустим. Вы же всю жизнь положили на то, чтобы другие люди не узнали, что вы чувствуете и думаете на самом деле. Хотя я же психолог, как вы мне любезно напомнили, я могу предположить, что больше всего на свете вы боитесь испытать хоть какое-то подобие привязанности и близости. Как и большинство ваших коллег, вы считаете проявление чувств слабостью, для вас недопустимой. Вы и больных так дрессируете: заплакал – укол, разозлился – в наблюдательную палату. Но чувства – это не симптомы душевной болезни. А вот их отсутствие – симптом! Но вы считаете, что только вы знаете, какие чувства являются адекватным поводом для переживаний, а какие – нет. Вы призываете меня сойти с ума и перестать думать и чувствовать то, что я думаю и чувствую. Прийти в себя, держать себя в руках! Знаете, чем обычно заканчиваются такие подвиги самообладания? Хотя зачем я спрашиваю, вы знаете это лучше меня: ведь ваша подруга покончила с собой. И наверняка она достаточно хорошо держала себя в руках, чтобы вы до конца дней фантазировали о том, что же она чувствовала, завязывая

веревку на своей шее? – Последние слова Косулин выговаривал с горьким удовольствием и ужасом.

«Что я говорю, боже? – успевает подумать он. – Я слишком долго уговаривал себя не замечать своих чувств после смерти Венечки, и теперь, когда Паяц делает то же самое…» Додумать Косулин не успевает.

На секунду в ординаторской воцаряется полная тишина. Паяц побледнел и замер, он выглядит ошеломленным. В следующую же секунду он как спущенная пружина взметнулся из своего кресла. Косулину кажется, что его рыжая макушка мелькнула где-то под самым потолком, и в то же мгновение Паяц со всего размаха опускает на голову Косулина увесистую папку с историей болезни, которую так и не успел дописать. Косулин вскрикивает от неожиданности, запоздало пытается прикрыться рукой, но не успевает и получает чувствительный удар по уху. В голове зазвенело. Из папки веером рассыпались по столу и полу справки и бумажки, чашка с остывшим чаем, задетая полой белого халата Паяца, летит на пол, по дороге заливая своим содержимым штаны Косулина и протоколы психологического исследования Кости Новикова. Косулин вскакивает, держась за ухо. Паяц стоит напротив, все еще крепко сжимая в руках историю болезни.

Косулин не дрался с холостяцких времен. Ухо оглохло, по штанине расплывалось холодное пятно от пролитого чая. Косулин вспомнил, как Паяц рассказывал ему, что иногда впадает в состояние неконтролируемой ярости. Однажды он якобы чуть не утопил в сортире своего оппонента, некорректно высказавшегося об умственных способностях пса Паяца. Косулин не очень верил в эти рассказы, считал их хвастовством и байками, частью комическими. Представить себе щуплого, суетливого, ироничного Паяца, макающего кого-то в сортир, было сложно. До этого момента.

Лицо Паяца совершенно преобразилось. Его привычная маска, от которой лицо казалось всегда чуть-чуть ухмыляющимся, исчезла. На мгновение он кажется Косулину старым и очень злым. Глаза – щелки, острые ноздри раздуваются, плечи трясутся.

– С-сука, – прошипел Паяц и вновь занес свое картонное оружие, чтобы снова ударить.

Косулин уворачивается, отпихивает Паяца и начинает выбираться из своего закутка у батареи. Паяц отлетел и плюхнулся обратно в свое кресло, но тут же снова вскочил и снова бросился на Косулина. Косулин стоит теперь в центре их крошечной каморки и пытается схватить Паяца за руки, чтобы остановить град ударов, которые с удивительной силой и ловкостью обрушивает на него взбесившийся доктор.

– Любишь поковыряться в дерьме, скотина! Я тебе поковыряюсь, сука! Развели тут сволоту, психологи х…вы! – орет Паяц, молотя Косулина папкой.

Косулин плотнее Паяца и выше на голову. Он все никак не может поверить в реальность происходящего и только защищается.

– Стойте, да хватит же, черт вас побери! – пытается увещевать Паяца.

Но тут Паяц попадает углом папки прямо в глаз Косулину. Становится по-настоящему больно. Он хватается за глаз, шумно выдыхает и выпрямляется. Затем берет доктора за воротник белого халата и встряхивает как пустой мешок, отчего Паяц смешно пискнул и выронил, наконец, папку. Но тут же с силой ткнул Косулина в солнечное сплетение.

Психиатр и психолог, окончательно потеряв контроль, вцепились друг в друга, и началась настоящая драка, оставшаяся в анналах и устных больничных преданиях на многие годы. Конечно, мы ее слышали и сами пересказывали не раз. Со временем она обросла новыми невероятными подробностями про разгромленное отделение, бригады санитаров и сломанные конечности. Но в реальности ничего столь драматичного не произошло.

Косулин и Паяц, сцепившись и мутузя друг друга, обрушивая на пол стопки с историями болезни и разломав служебный телефон (Паяц швырнул его в Косулина, но промахнулся) вывалились из ординаторской в небольшой холл с четырьмя дверьми (в ординаторскую, в отделение, на этаж и в комнату отдыха). И продолжили драться уже там. На шум из соседнего кабинета прибежала Кукла. Она некоторое время ошалело наблюдала за тем, как Косулин одной рукой пытается отодрать вцепившегося в него мертвой хваткой Паяца, а другой выкручивает тому ухо, в то время как Паяц изо всех сил пытается удержать руки Косулина и одновременно пинаться. Все это сопровождалось пыхтением и матерными воплями.

– Немедленно прекратите! – завизжала Кукла, придя, наконец, в себя. – Александр Львович, хватит! Да стойте же! Вы что, с ума сошли? Олег Яковлевич, отпустите Александра Львовича! Слышите! Я сейчас санитаров позову!

На ее крики в холл сбегаются медсестры. В маленькой комнате становится многолюдно и шумно. Начинается полная неразбериха. Мужчины продолжают драться, мотаясь из одного угла холла в другой. Их сопровождает толпа орущих теток, в которой солирует Кукла, громко выкрикивающая угрозы и мольбы.

Неизвестно, сколько бы еще это продолжалось, но тут за дверью

отделения зазвенели бидоны – принесли ужин. Дверь открылась, и на пороге показалась могучая фигура Катьки Макаровой, одной из любимых пациенток Косулина. В каждой руке Катька держит по бидону. Закутанная в больничную безразмерную куртку, она кажется еще больше, чем всегда. Она быстро сориентировалась в ситуации, и в ту же секунду весь царящий в холле крик перекрыл ее мощный, как корабельная сирена, голос:

– Куда-а нашего психолога обижать? Львович!! Твою мать!!! – Она ринулась в гущу свары, ловко влезла между двумя дерущимися мужиками, прижав обширным задом Паяца к стенке, а Косулина схватила в свои медвежьи объятья.

Подключился медперсонал: трое схватили Паяца, продолжавшего подпрыгивать и рваться в бой. Двое держали Косулина, который быстро прекратил сопротивляться, только стоял и сопел. Все продолжали галдеть.

– Всем замолчать! – твердо приказывает Кукла. – Любовь Владимировна, – обращается она к одной из медсестер, – отведите больных в отделение и проследите за порядком.

Катьку и еще двоих пациенток, изрядно напуганных происшедшим, уводят. Катька не хочет уходить, злобно зыркает на Паяца и обещает показать лично ему кузькину мать.

Паяц и Косулин, которых все еще держат, стоят друг против друга. Косулин, насупившись, смотрит на носки собственных ботинок. Костюм его в полном беспорядке, тот самый синий галстук, купленный женой, порван, рубашка вылезла из брюк, несколько пуговиц оторвано с мясом. Лицо горит, под глазом начинает расплываться фингал, в боку колет. Паяц выглядит не лучше. Из разбитого носа течет кровь, белый халат измят и перепачкан, кажется, на голове, не хватает волос. Он все еще немного подпрыгивает.

– Объясните мне, что происходит? – Кукла требовательно смотрит на Косулина. – Вы же психолог, Александр Львович, я от вас такого не ожидала.

– А что вы от меня ожидали?! Чертовы импотенты, врачи без границ! Ну давайте, сделайте мне укол, чтоб я вел себя спокойнее, вы же без своих лекарств даже посрать не садитесь. – Косулин злобно шипит.

– Так идите и вылечите всех своим чудесным словом, Зигмунд Фрейд долбаный, – тут же откликается Паяц.

В холле опять поднимается переполох, все говорят разом. Кукла возвращает себе контроль:

– Я не хочу этого слышать! Либо вы оба сейчас успокаиваетесь, убираете в кабинете и после этого идете домой, либо я вызываю милицию,

и разбирайтесь как хотите. Я жду ответа немедленно!

Косулин, помедлив, кивает, Паяц не отвечает, но перестает подпрыгивать.

– Чтобы завтра оба были за полчаса до начала рабочего дня. Я хочу с вами поговорить.

Косулин смотрит на Куклу. Обычно аккуратная челка, лежащая, как парик, волосок к волоску, растрепалась, очки съехали на кончик носа. Учительница первая моя, думает Косулин. Чувствует себя как нашкодивший школьник.

Кукла развернулась на каблуках, вышла из холла, напоследок хлопнув дверью. Медсестры и санитарки ретировались вслед за ней, перешептываясь и закатывая глаза, уже начиная смаковать подробности.

Косулин и Паяц остаются вдвоем. Постояли, помолчали. Наконец Паяц передергивает плечами, хмыкает и заходит в ординаторскую. Огляделся, смахнул со стула помятые бумаги, поднял с пола чашку, вытер ее полой халата, подул в нее и поставил на тумбочку. Открыл один из ящиков стола, достал оттуда еще одну чашку. Проделал с ней те же гигиенические процедуры. Затем выудил из кармана халата ключи от маленького сейфа, в котором хранились истории экспертных больных, погромыхал дверцей, извлек из сейфа початую бутылку хереса. Налил в чашки, обернулся и жестом пригласил Косулина сесть напротив.

Косулин заходит в ординаторскую, аккуратно прикрывает дверь, переступает через лужу разлитого чая и опускается в кресло Паяца. Берет протянутую Паяцем чашку, заглядывает внутрь, нюхает. Пахнет сладким и крепким вином.

Паяц шмыгнул разбитым носом и опрокинул кружку, одним глотком проглотив содержимое. Косулин следует его примеру.

Еще посидели, помолчали. Тут в ординаторскую заглядывает медсестра, отдает Косулину завернутый в полотенце лед, а Паяцу кювету с несколькими ватными тампонами, замоченными в перекиси водорода. Оба вежливо ее благодарят.

Когда она уходит, Косулин прикладывает к глазу компресс, Паяц отжимает тампон и аккуратно вкручивает его в распухшую ноздрю.

– Однажды мы подрались со Светкой. – Из-за разбитого носа голос Паяца звучит гнусаво. – Вечером. Сначала мы просто играли, пихались, щипались, щекотались… А потом увлеклись. – Паяц вновь наполняет кружки и продолжает: – Она меня укусила, даже след остался – вот здесь. – Паяц перекошенно улыбается и показывает плечо.

Косулин чувствует, как тепло и тяжесть разливаются по телу.

– Скучаете по ней?

– Очень.

Паяц опустил лоб на руки и беззвучно, судорожно вздрагивая, заплакал.

Косулин сидит неподвижно. Какой долгий день. Хоть кто-нибудь сегодня может вести себя как обычно? Потом он подъезжает в кресле к Паяцу и кладет руку ему на плечо. Паяц дернулся и сбросил его ладонь. Помотал головой. Косулин убрал руку, но остался сидеть рядом.

– А я вчера узнал, что мне жена изменяет. Давно уже, – говорит он и тянется к бутылке.

Апокалипсис Лоры

8 ноября

Иду, солнце светит. Мне хорошо. Легко, давно так не было. Внутри бьется: жизнь имеет смысл, годы медленного умирания закончились. Свободна! Радость, свет, любовь.

Вдруг опять! Черт!!!! Черт!! ЧЕРТ! Опять этот ужас, на Большой Никитской, на моей Большой Никитской, на улице Герцена, в конце концов, творится ужас. Консерватория почернела. Она такая, как будто сгорела и умерла. А ведь стоит целехонькая и не пахнет ничем. И никого там нет.

Когда человек умирает, непонятно, что имеется в виду. Как будто одна оболочка осталась. А души нет. Непонятно, была ли она вообще когда-то или это только казалось. Тело без души бессмысленно и отвратительно.

А вот дом по-другому. Он и мертв и жив одновременно, и это очень страшно. Оглядываюсь… В переулке вижу еще один черный дом. Один за другим чернеют дома. Они умирают.

ВСЕ-ТАКИ ЗЛО ЕСТЬ, И ОНО БОРЕТСЯ С ДОБРОМ. Бабло побеждает зло – хорошая шутка. До того момента, как такие вещи не начинают происходить с тобой на самом деле. Шутки кончились. Работала тихонько, пописывала свои программки, постмодернизмом баловалась. Типа хз, кто я, моя хата с краю, и идите вы все – вот и расплата. Не надо было так шутить, за все сказанное отвечать придется, когда время придет. Вот оно и пришло. Это все про меня. Я важный игрок в игре.

Думать, думать, думать! За мыслями не успеваю, их слишком много. СТИВ не умер, дома чернеют. Я знала, солнце тоже знало, оно мне подсказывало. Но что? Меня запугивают. Черные дома – страшилка для детей: в черном-черном доме… И я должна испугаться и домой пойти под одеялом кофе пить. Ага, сейчас! Пора выяснить, что почем. Что, деточка, кишка тонка? Со всеми пойдешь под нож, как овца, или побарахтаешься еще? На моей стороне – Цифры. 15. Это ведь я сама посчитала, никто мне не подсказывал, значит, это логично можно объяснить. Солнце на моей стороне. Вон оно как светит! Солнце против черного.

Надо двигаться. Игра идет на время, кто быстрее, счет 3: 1. Вот и

Манежная. Прямо на глазах чернеет Институт Азии и Африки, мне смешно – Африка почернела. Какой-то юмор в этом есть. Черный.

Надо в Кремль идти. Там Сила. Там и спасение. При чем тут 15? Не время еще, непонятно. Слева стало стремительно чернеть, почернел и осыпался новый – отель «Риц», как будто его и не было никогда. От огромного отеля осталась маленькая кучка черного, все остальное бесшумно исчезло.

Ненавижу подземные переходы. В них воздух спертый и воняет терактами, лучше поверху перебежать, так безопаснее. Но тут стою, и страшно бежать через Охотный Ряд, машины едут слишком быстро. Гонят в переход. Голова кружится. Главное – войти в Кремль, там уже не тронут, там Сила. В переходе стараюсь ни на кого не смотреть, людей огибаю, а все, как назло, пялятся. Продавщица из ларька кивает на меня бабе какой-то и ржет. Быстрее надо ноги отсюда уносить. От бомжа воняет. Шампусик сейчас исторгнется. Не дышу, вообще дышать не буду, воздух отравлен, быстрее выбраться бы. Народу тьма, все бегают, а я ползу как черепаха.

Слава богу, я на Красной площади. Вон Ленин ряженый. А может, настоящий? Дубль Ленина. На чьей стороне Ленин? Надо в Мавзолей зайти проверить. Это важно. Очереди нет, иди к дедушке свободно, милости просим. Внутри темно, и Ленин сверкает в хрустальном гробу. Теперь понятно, что ряженый Ленин – просто живой. А этот мертвый. У красивого мента, который Мавзолей сторожит, вдруг звонит телефон. Достает айфон. Слава богу, значит, Ленин на моей стороне, на стороне Стива.

Внутрь, в сердце Кремля, в главную Церковь! Там все ответы. Проникаю вместе с экскурсией. Лицо делаю туристическое. Вот увижу Грановитую палату и все про русских пойму. Молодец, Лора! Мама была бы довольна. Мама! Ты же у меня профессор, и не гуманитарных лженаук, а математики. Вот и объясни мне про число 15. Посижу немного, воздухом подышу, подожду тебя здесь у Церкви. Хорошо. Ни суеты, ни бизнес-ланча. Благодать, как перед боем затишье. На Колокольню смотреть больно, такой от нее свет идет, накрывает весь Кремль. Мама, мам, помоги, видишь – я в кофточке. Что есть 15?

«Лора, пятнадцать – это вихрь двойственной природы, число выбора. На чьей ты стороне? Неужели ты не видишь ошибку? Думай, Лора, будь хорошей девочкой».

И тут же мысли полезли, тысячи мыслей, уже громко очень: «Ошибка! ты ошиблась! ты плохая! Ты дура, ты не поняла ничего!..»

Полный хаос, вообще ничего не понятно. И Голос говорит незнакомый, но такой, которому сразу доверяешь:

«Стив Джобс – черный Мессия, он выбрал другую сторону пятнадцати».

Замираю, и вдруг все складывается: в основе его веры надкушенное яблоко познания. Яблоко змия, искушающее человеков. Еще мальчиком он говорил: «Я свергну мертвых богов». А еще истинно дьявольское: «Смерть – это лучшее изобретение жизни». Все сходится: происхождение его туманно, приемный ребенок, черные свитера, магические представления, яблочная Библия, MAC-церковь. И верующие, которые с Яблока уже никогда не слезают. Он возбуждает желание иметь. Вот он, Апокалипсис! Вот черный Мессия! Страшно, стыдно. Жутко. Я ведь в вере этой давно уже обретаюсь. Я ж из самых верных. Господи, что же я наделала?! Как искупить, как отмолить?!

Ответ приходит:

В КРЕМЛЕ ЖИРУЕТ ЧЕРНЫЙ ПУТИН
И КРОВЬ НАРОДНУЮ СОСЕТ
А БЕЛЫЙ ПУТИН НАСТОЯЩИЙ
В ЗАСТЕНКЕ ТАЙНОМ НА ЦЕПИ

Раньше смешно было, аж до колик. А теперь смысл ясен. Все имеет свою вторую сторону, «двойственный вихрь». И Стив, и Путин, и Я.

Но так не должно быть! Добро и зло не должны быть равны. От меня все теперь зависит. Я выбираю, и времени нет. Москва почернела и местами исчезла. Я могу еще все изменить. Очиститься! Отвергнуть скверну! Раскаяться и преобразиться! Чтобы свет воссиял! Это и есть спасение. Надо предупредить всех.

Спастись еще можно, только раскаяться надо. Преобразиться полностью, через себя надо, тогда все спасутся. Кофточка блядская уже тело жжет, снять все до чистоты! Предстать как есть перед Судом Преображения. В Церковь! Там звуки райские и свет золотой. Я вся свечусь. Молюсь о Преображении. Все отдаю, сдаюсь на волю Божью. Очищена, светла, чиста, свята, слава, слава, слава!! Душа моя на травинке тонкой трепещет и золотом переливается. Сила Господня со мной. Победил во мне Свет и слуги его. Испуганные дети Божьи вокруг. Знайте! Прозрейте, кто Спаситель. Кто Истинная Богиня. Славно как, музыка райская, голосов не слышно, только аллилуйя на все лады. Пойдемте из Церкви! Москве возвестим Победу! Выходим, свет залил все,

все – переливается и трепещет. Москва целая и живая. Вижу и «Риц», и «Консерву» – целые и невредимые переливаются радугой. Два ангела в белых одеждах встречают меня, зовут с собой, за руки ведут как Королеву Миров, как Богиню! Иду с ними, радуюсь, больше нет одиночества, страха и зла.

МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА. АЛЛИЛУЙЯ!!

Обход

27 декабря

На следующий день после исторической драки с Паяцем Косулин, страдая от жестокого похмелья, пришел на работу к обеду. Паяц взял больничный. Все отделение перешептывалось. Катька бесконечно пересказывала, как она спасла «любимого Александра Львовича» от «этого жуткого Паяца». Косулин выпил два литра воды и сидел один в ординаторской. Пасьянс упрямо не сходился.

Тем временем подходило время обхода. Мы с сестрой много раз сопровождали заведующую в составе ее свиты (медсестры и другие врачи).

Обход – главное событие дня в больнице. Его нетерпеливо ждут все пациенты, возлагают несбыточные надежды, прокручивают про себя правильные слова короткого диалога с доктором, готовят решительные вопросы и доводы. Все убирают в палатах, стараются получше выглядеть, наводят в тумбочке порядок. Некоторые врачи обращают особое внимание на устройство тумбочки пациента и по нему судят о его психическом состоянии.

От обхода зависит очень многое. Если ты понравишься заведующей отделением, то тебя переведут в лучшую, более статусную палату, могут разрешить свободный выход, может решиться вопрос о домашнем отпуске. Для пациентов обход – большой стресс. Говорить надо в присутствии свиты заведующей, при других пациентах, вопросы при этом задаются самые сложные. Некоторые просто теряют дар речи и потом расстраиваются, что все их надежды на понимание рухнули. Позже в разговорах с психологом строятся планы на следующий обход, обсуждается важнейшая проблема нахождения общего языка с врачом.

Пациенты проводят многие часы в разгадывании ребуса, как сделать так, чтобы доктор их понял, выполнил просьбы, в конце концов поверил в их выздоровление и отпустил домой. Демонстрация врачу своей «здоровой головы» – главное искусство, которое осваивают пациенты психиатрических клиник. Это действительно сложно, особенно если голова не очень здорова.

Косулин всегда поражался прозорливости пациентов, их старанию «обмануть» врача, показать себя с нормальной стороны, скрыть

симптоматику, все что угодно, только бы выйти из больницы. С опытом приходило многое, в том числе и умение подавать правильные сигналы врачу, успокаивать его тревогу.

Во время обходов можно спокойно работать в комнате отдыха, не выгоняя оттуда пациентов, поэтому Косулин не всегда в них участвовал. Но сегодня – особый предновогодний обход, для многих последний шанс на встречу Нового года дома, в кругу семьи. К тому же поступили новые пациенты, с которыми на обходе можно познакомиться и договориться о будущей диагностике. Для Косулина обход – диагностическая работа: сразу видно, как пациент ведет себя в стрессовой ситуации. Это помогает восстанавливать пациентов. И кроме всего прочего, работа для Косулина всегда лучшее лекарство.

Обход начинается с самых дальних палат в глубине отделения, где лежат пациенты в остром состоянии. Палат всего шесть. Перемещение из одной в другую организовано по принципу: чем здоровее, тем ближе к выходу. То есть, если вы совсем невменяемы – пожалуйте в самые глубины отделения; если понимаете, кто вы, где и почему здесь оказались, – ваше место посередке, ну а ближе к выписке – уже почти у двери, у выхода. Эту нехитрую науку своеобразной карьерной лестницы пациенты передают из уст в уста, распознают по ней свое положение на карте реальности. Если двигаешься по палатам – все хорошо, дело идет, если завис – плохо. И нет ничего хуже, чем обратно переместиться от дверей в глубины. Такое иногда случается – это крах и позор, все обсуждают и сочувствуют. А некоторые имеют постоянную прописку в какой-нибудь палате, и не видать им высот палаты пятой и шестой, прописаны они навечно в третьей, например, там и живут. В каждой палате особый климат, свои законы и публика.

В первой и второй палатах лежат вновь поступившие пациенты в остром состоянии. Эти палаты называются надзорными, то есть все время надо следить за тем, что там происходит. Атмосфера в них тяжелая и напряженная. В психозе больному может быть очень страшно, и события вокруг воспринимаются как ужасные и угрожающие. Например, вы можете думать, что находитесь в специальном заведении, где проводят эксперименты на людях, и вас скоро уничтожат. А может быть и совсем наоборот! Вы пребываете в божественном состоянии человека или существа, спасающего мир, жаждете обнять и слиться с каждым, ведь в любом вы видите прекрасное неземное существо, слышите все мысли и видите мир насквозь. Вы тогда начинаете приставать к людям с этой идеей, а они думают, что вы хотите их убить.

Вот примерно такая жуткая каша из состояний и варится там с утра до

вечера. Иногда и привязывать приходится, если состояние совсем невыносимо, и риски разные возникают, суицида например. Смирительные рубашки – остроумное психиатрическое изобретение – уже давно не используют. Если есть необходимость – просто привязывают к кровати. Это называется «фиксировать». К счастью, фиксируют редко.

Обход двинулся в надзорные палаты. Из новеньких во второй палате на кровати у окна лежит та самая молодая девушка, невеста Путина, просившая у Косулина расческу. На вопрос, как она себя чувствует, девушка отвечает, что сидит и ожидает своей участи, окончательной участи. Кукла пометила в своем блокнотике что-то и спросила у девушки:

– Голоса слышите?

Девушка задумалась и слабо кивнула.

– Что они говорят?

– Ругаются, а иногда хвалят, говорят, что делать.

Позже она рассказала Косулину, что голосов никогда не слышала, но решила сказать так, потому что вокруг так многие говорили, а ей было страшно и казалось, что она на экзамене, где главное – правильно отвечать на вопросы. Вот она и ответила.

Из новеньких во второй была еще пациентка Люда, больших размеров женщина в остром психозе, внешне похожем на глубокий духовный кризис. Прямо во время обхода она вдруг упала на колени, заломила руки и стала очень громко молить о прощении ее грешной души. Ее размеры, громкость и неподдельное страдание в голосе пугало. Остальные пациентки затаились в своих кроватях. Прибежали санитарки, сделали Люде укол, она потихоньку затихла.

Можно продолжать обход. С облегчением процессия двинулась в третью палату. Из второй за Куклой увязалась практически постоянно проживающая в отделении пациентка по прозвищу Кошелка. Она пыталась догнать Куклу и покрыть ее тысячей поцелуев. Сестры отгоняли Кошелку, но та периодически прорывалась опять, вцеплялась в ручку и чмокала, считая поцелуи.

В третьей палате держали безнадежных бабушек, пациентов с пороками развития, слабоумных и пациентов безнадежно депрессивных. В общем и целом палата предназначалась для органиков или «для дураков», как говорят сами пациенты. Здесь уныло, темно, скучно. Бабушки подолгу и обстоятельно рассказывают про свои жизненные обстоятельства, просят назначить еще обследования всех имеющихся в наличии органов, жалуются на детей, соседок по палате, на весь мир. В третьей обход грозил зависнуть до вечера.

Косулин вышел в коридор, опять подташнивало. В коридоре встретил только что поступившую Аллочку Сонькову, из числа постоянных клиентов. Она схватила Косулина за рукав и потащила в столовую к иконам.

– Вот!!!! – торжествующе указывала она на дешевенькую бумажную Деву Марию. – Познакомьтесь: моя мать!!!

Сонькова дрожит от возбуждения. Косулину кажется, что она даже немного трясется.

– А вот!!! – теперь она указывает длинным желтым, прокуренным до дыр пальцем: – Мой отец!!!

Палец устремлен в окно. Оказалось, что отцом Сонькова считает главного врача больницы и пальцем указывает на крест, торчащий из административного корпуса. Косулин заметил, что с такими родителями вряд ли у Соньковой могут быть какие-то проблемы. Эту пациентку он искренне любил. Много лет назад, когда Косулин обучался психотерапии, Сонькова за минуту наглядно показала ему, как выглядит в упрощенном виде сложное психоаналитическое понятие «перенос», означающее перенесение чувств пациента к своим родителям (или кому-то еще) на своего психотерапевта.

Рано с утра сонный Косулин вошел в отделение и не успел опомниться, как Аллочка налетела на него с громким воплем: «Папа пришел!!!» Так они и познакомились. В процессе лечения Сонькова становилась менее возбужденной, но все равно сохранялось впечатление натянутой до предела струны. Ходили слухи, что когда-то она была то ли судьей, то ли прокурором.

Теперь же, познакомив со своими родителями Косулина, Аллочка успокоилась и деловито попросила психологическую консультацию. Когда приступили к делу, Аллочка, смущаясь, спросила, может ли она иногда, не чаще, чем раз в три месяца, делать минет собственному мужу в условиях отсутствия у них других сексуальных отношений. Она трогательно объясняла, что очень любит своего мужа, что они в браке более тридцати лет и такую малость, как редкий минет, он заслужил.

Тоскливо и неуместно Косулин представил себе, что Лида сейчас делает минет незнакомому украинскому торговцу батарейками, и горько подумал, что ему сто лет уже никто не делал минет, и он даже немного завидует Аллочкиному мужу.

Очнувшись, поинтересовался, в чем же тогда проблема?

Аллочка удивленно ответила:

– Ну грех же!!!

Косулин всегда поражался особой наивности, детскости и чистоте некоторых своих пациентов. Для Аллочки этический конфликт между любовью к мужу и строгостью сексуального поведения представлял серьезную проблему. Еще немного поговорив, они пришли к выводу, что, поскольку он хороший муж и она его любит, иногда – не грех.

Обход тем временем выкатился из третьей палаты и уже с меньшей энергией двинулся в четвертую. Здесь лежали пациентки уже подлечившиеся, или с хорошей репутацией, или те, за которых похлопотали родственники. В палате светло, на столах книги и журналы, кое-где живые цветы. Половина жителей четвертой – молодые девчонки, изнывающие от скуки большую часть времени. Некоторые лежат в больнице второй или третий месяц. Здесь Косулин всех знал, они уже все прошли диагностику, кто-то ходил к нему на индивидуальные занятия, кто-то на психологические группы.

В четвертой лежали Катька Макарова и Лора, наскоро ставшие подружками. С Катей, вчерашней спасительницей, Косулин знаком много лет.

Каждый раз, когда Катя попадала в больницу, Косулин вспоминает первые моменты их знакомства.

Дело было так: он зашел с утра, как обычно, в отделение. С другого конца коридора на него с видом боевого носорога неслась Катя, ростом с Косулина и весом 120 кг. Времени на раздумья у Косулина не было: железная дверь за спиной отрезала пути к отступлению. Он просто стоял и ждал. В двадцати сантиметрах от Косулина Катя затормозила и насупленно поинтересовалась, кто он, собственно, такой. Он представился. Катя сразу заявила, что ей необходима психологическая помощь, и утащила Косулина в зал отдыха. Медсестры испуганно предупреждали Косулина, что запираться с Катей не следует. Но ему не было страшно. Сговорились: если что – будет звать на помощь. Катя была по-настоящему буйной и при этом совершенно безопасной. Это сочетание внешней буйности и абсолютной внутренней миролюбивости подкупило Косулина навсегда. Без сомнения, она была одной из самых любимых и потому сложных пациенток. И многому его научила. Вместе они постигали сложные выверты и парадоксы человеческой психики, именуемые в психиатрии психозами. Что-то становилось понятней, что-то так и осталось загадкой. В этот раз все было особенно грустно.

Через три дня после рождения сына Катька Макарова жестоко чокнулась. Послеродовые психозы – вещь особенно печальная. Безумные

мамочки, у которых из груди течет молоко, постепенно приходя в себя, невыносимо мучаются. Они скучают по ребенку, при этом боятся его и себя, ревнуют к тем, кто заботится о новорожденном, стыдятся всего света. Они же не справились с великой ролью матери! Это действительно очень больно. И тем больнее, что свидания с ребенком часто только ухудшают ситуацию. Беспомощность, страх «не справиться», жуткие картины: ребенок истошно орет, а ты НИЧЕГО НЕ МОЖЕШЬ СДЕЛАТЬ и сам сидишь в углу и орешь.

Катя, к слову сказать, весьма неплохо справлялась: всю беременность и роды была молодцом. Но когда на второй день после рождения ее ребенок попал в реанимацию с туманным диагнозом и внутренним кровотечением и она, с трудом после кесарева поднявшись к нему в детскую реанимацию, увидела его всего в трубочках и на аппарате искусственного дыхания – психика не выдержала. Она перестала спать, стала метаться, пыталась уехать на дачу, заблудилась в лесу, потратила кучу денег и через неделю оказалась в больнице.

Теперь она пела, ругалась, а то вдруг начинала убиваться. Настроение ее менялось постоянно и непредсказуемо. Кроме всего прочего, ополчилась на весь свет и собралась разводиться с мужем.

Увидев Косулина, с воплем ринулась к нему и, повиснув, зарыдала.

– А-а-александр Львович, ну что же это тако-о-ое, у-у-у, опять я здесь, у-у-у! Обманом заложили, су-у-ки!! Вы же говорили, что медицина для меня, а не я для медицины, за что же меня по-о-о-ложили-то?!! У-у-у!!!

У Косулина разрывалось сердце. Катя была одной из пациенток, кто ходил к Косулину на поддерживающую терапию после госпитализации. Все было так хорошо: отличная ремиссия, удачно-негаданное замужество, и даже ребенок случился. А ведь и не мечтала она уже о таком развитии своей жизни. Чудо! И вот как грустно все обернулось. Психозы, они ведь не спрашивают. Ходят, как поезда, по своему расписанию.

Как пережить психоз теперь, вернуть веру в себя, в то, что все случившееся в последние «подарочные» четыре года ремиссии были не просто так, не обман, а жизнь. Веру в то, что потом жизнь опять наладится. Жизнь-то долгая. Такой психоз после длительной ремиссии – большое испытание. Человек поверил было, что здоров, что жизнь его похожа на жизнь нормального человека, что есть надежда вырваться из кругов безумия и госпитализаций. И тут со всего разгона лицом в стекло, которого не видно было. Хотя оно тут всегда стояло.

А ведь потом будет еще депрессия – постпсихотическая. Когда сил нет, потому что в психозе все потратились на несколько лет вперед, от таблеток

тяжко, да еще и мысль-яд: да нет, все-таки я псих, больной человек, инвалид, интернат по мне плачет.

Работать с пациентами в таком состоянии сложнее всего. Но выбора нет, в этот момент психологи больше всего и нужны, потому что – край.

Но все это еще впереди: постепенное, долгое, с откатами назад, выкарабкивание из глубокой темной пропасти. Когда каждый день тяжелый, как могильные плиты, и нет надежды у пациента, только у тебя, да и то – крохи.

Но ты знаешь, что рано или поздно станет лучше, надо потерпеть, дожить до этого «лучше», не уничтожив себя от стыда и бессилия.

Но это потом, потом! А сейчас Катя жгла: психоз на время отменяет все социальное. Можно говорить что думаешь, не стесняясь, и делать что хочется, не заботясь о последствиях. Редкая привилегия. В наши дни доступная только сумасшедшим.

– Зачем вы вообще все нужны?! Как же вы мне надоели! И все обманом, обманом! Представляете, я им говорю: везите меня к моему психологу! Они спокойно так: да-да, конечно, отвезем. И я зде-е-е-сь!!!!! У-у-у!

На Катины вопли собирались пациентки, кто головой качал, кто поддакивал. Нет ни одного, кого бы опыт общения с психиатрической перевозкой оставил равнодушным.

– Грамотные санитары попались. Не обижали тебя, руки не выкручивали. Повезло. – Косулин в любом событии умел находить хорошее.

– Они меня обманули! И все меня обманули! И ты меня сейчас обманываешь? Да, обманываешь, Александр Львович?

– Да вроде не обманываю.

– Тогда скажи: за что меня в больницу увезли? Я отлично себя чувствую. Муж только – гад страшный, бил меня, представляешь?

Надо делать грязную работу – втолковывать Кате, что она сошла с ума. И в чем именно. Понимания эти доводы, естественно, не находили.

– Но как можно так, обманом?! – продолжала очень громко вопрошать Катя. – Я домой прихожу, они уже там сидят, меня поджидают. Я ведь понимаю, куда они меня сейчас повезут. А сделать ничего не могу! Я их боюсь! Так не честно! Я же человек! Нормальный человек! Это ведь так страшно, так жестоко! Зачем так? Медицина ведь для меня, а-а? А? Львович? Или я для нее?

Вопрошала Катя со всей строгостью Божьего суда. Надо отвечать, а что? Головная боль все не отпускала. Наверное, и на Страшном суде так,

увела Косулина мысль. Нечего ответить, по большому счету.

– Ну а что делать-то прикажешь с тобой, Катя? Если тебе по почте письмо заказное придет, что ты с ума сошла, ты сразу в больницу побежишь сдаваться, так?

– Не знаю! Может, и побегу?! – И уже совсем без запала: – Да вряд ли. Не побегу. – Неприятное осознание охладило Катин пыл.

Момент, когда ты осознаешь, что реально сошел с ума, сложно сравнить с каким-нибудь другим важным моментом в жизни. Он абсолютно не похож на остальные. Мир навсегда утрачивает предсказуемость и однозначность. То, что казалось – было, на самом деле никогда не было. Все чувства утрачивают определенность. Становится непонятно, как ты на самом деле относишься к людям и как они относятся к тебе. Страшный момент. Это невозможно забыть. И невозможно вылечить. Что хорошо знал Косулин и старался обходиться с этим по возможности бережно. Подобный самообман давался ему нелегко. Очень непросто сообщить человеку о том, что ты видел его совершенно безумным, непонимающим то, что понимают все остальные. А твоя реальность при этом не подвергалась никакому нападению. Сделать это деликатно не получается.

И, главное, если долго работать в такой обстановке, реальность становится настолько множественной, что однозначное утверждение единственного и истинного ее варианта теряет смысл. Наверное, именно поэтому психологи не совсем норма, они похожи на посредников между тем миром и этим. В одном мире ты можешь за что-то поручиться, в другом твои представления ничего не стоят, потому что ты – псих.

Впрочем, каждый сходит с ума по-своему. Думать, что в пути от рядового менеджера до руководителя отдела или, к примеру, от умника в престижной школе до академика жизнь наконец-то обретет смысл, – так же нелепо, как и привилегия говорить что думаешь и никогда не обманывать, как многие пациенты.

Похожие мысли крутились в голове Косулина наравне с фантазиями о женином минете. Обход закончился, пора писать заключения.

Косулин вернулся в свою каморку. Никого не было, врачи ушли к Кукле пить чай. Неожиданно болезненное чувство горечи и бессилия опять закололо в сердце, он вспомнил встречу с Новиковым. Косулин спросил себя, почему именно Новиков так его растормошил. Семейная жизнь лежит в руинах, шестьдесят пациенток, в разной степени несчастных, ждут его прямо сейчас за стеной. В голову просилась глупая мысль, что женщины легче переносят безумие, что они к нему более приспособлены, как более животные и адаптивные существа. Возмутившись своим сексизмом,

Косулин стал думать о Новикове, перебирая протоколы психологического исследования.

В истории учителя действительно не было ничего необычного, кроме обвинения в педофилии. Еще один спятивший молодой мужчина. Не готовый к встрече с машиной правосудия и машиной медицины. Еще один человек из другого времени… Античные сюжеты для школьных спектаклей… Старомодно дать по морде начальнику в ответ на оскорбления. Честь, достоинство, справедливость, почти девичья чувствительность. Косулин осознавал, что учитель так молод по сравнению с ним, «не обстрелян», так глупо и трогательно верит в наличие справедливости и правды в окружающей его действительности. Лет двести назад он, пожалуй, вызвал бы директора на дуэль. Или застрелился бы от позора. Да, надо отметить в протоколе суицидальные риски, подумал Косулин и приступил к написанию заключения.

Костя знакомится с Лорой

28 декабря

До Нового года остается несколько дней, и в отделениях, безмерно увешанных мишурой, шариками и стенгазетами, наконец-то кипит жизнь. Пациентки Косулина собираются принимать гостей. Предстоит новогодняя вечеринка в том отделении, где лечится Лора. Женщины ярко накрасились, подальше засунули больничные халаты, приоделись в свое, многих теперь сложно узнать. Социальный работник согласовывает списки с заведующей, последние надежды попасть в этот список рушатся или, наоборот, сбываются.

Костя сидел и размышлял о встрече с психологом. Он думал, может ли ему чем-то помочь этот симпатичный человек. Вокруг опять начиналось движение. Мориц нарядился в лучшее, Мент растревожился и беспрерывно курил. С женщинами у него после развода не складывалось. Наконец гости пришли. Больше всех радовался Ванечка-дурачок. Он помогал таскать подносы с чаем, любовно раскладывал шоколадные конфеты. Завидев Костю, подковылял к нему и начал тянуть:

– Ко-о-о-стя, съешь ко-о-нфетку, я тебя люблю-у!

Развернул конфету и стал кормить, как маленького. Костя не сопротивлялся. Душный ходил с видом мачо, хвастался солдатикам о том, как он когда-то сразу шестерых отымел, и все довольны остались. Солдатики смеялись, верили и не верили одновременно. Они немного опасались предстоящей вечеринки: в отделение обещали привести штук двадцать сумасшедших женщин. Чего от них ожидать, солдатики понятия не имели. Возбуждение нарастало.

Вечеринка началась. Кроме чая подавали фанту с кока-колой. Пациенты шутили: настоящая дискотека – все на таблетках. Молодые танцевали, те, кто постарше, стеснялись, некоторые беседовали, бесконечно курили в туалете. Кто-то постоянно заходил и возвращался обратно. Кто-то неожиданно начинал плакать. Вообще не испытывала стеснения Графиня, безошибочно выбрав самого брутального партнера, мужчину с тяжелым взглядом и голосом Высоцкого. Глухонемая Марина спряталась за шторой с симпатичным солдатиком. Она умела совокупляться в любых условиях с потрясающей скоростью, за ней надо

было следить. Предполагалась еще торжественная часть. Талантливая пианистка Зуля играла импровизации на расстроенном пианино. Толстая, с одухотворенным лицом Полина читала Маяковского. Спели «В лесу родилась елочка». Неожиданно для всех не выдержала Настя, тридцать лет по паспорту и лет пять в душе. С возгласом: «Я тоже могу!» – она сделала колесо. У мужиков отвисли челюсти: Настя не носила трусов. Ее быстро увели, хотя уходить она не хотела. Раскраснелась и была довольна собой. Чтобы замять ситуацию, всем предложили отгадывать загадки.

Костя сидел в сторонке: на вечеринку ему было не положено как только что поступившему, но вел он себя тихо, и его никто не замечал. Он смотрел на читающих стихи людей, на шоколадные конфеты – их эти люди съели со скоростью, на которую способны только дети, когда им запрещают сладкое. Подпевал «елочке». Думал, что на школу похоже или на детский садик, мои-то как там, на воле? Спектакля, конечно, не было. И не объяснить ничего ни детям, ни Вовке.

Он смотрел на людей, которые явно приспособились к тому, что Новый год празднуют под замком, и не мучаются от того, что их, как в зоопарке, сводят, мужчин и женщин. Многие явно получали удовольствие, общались. На секунду ему показалось, что он лежит в психиатрической больнице уже давно и, возможно, больше никогда из нее не выйдет. Будет ставить спектакли, прославится в больнице как режиссер. А ведь несколько дней назад я не мог представить себе ничего подобного. Как непредсказуемо все… Как же мы нелепы в своих попытках контролировать историю. А она смеется над нами.

Из философских размышлений Костю вырвала неожиданно возникшая рядом женщина. Растрепанная и «неполиткорректно» накрашенная немолодая женщина. Совсем некрасивая, но что-то такое в ней было. Она уставилась совершенно неприлично на Костю и, делая огромные глаза, косясь на танцующих, спросила:

– Ты видишь, что они мертвые?

– В каком смысле? – Костя поежился.

– В прямом. Они думают, что живы, – танцуют, но видно же, что мертвые.

Ни тени юмора в ее словах. Костя внимательно посмотрел на танцующих людей. Они были странные только потому, что праздновали Новый год в дурдоме. А так – люди как люди. Начинается… сумасшедшая женщина… – подумал Костя.

– Это страшно? – спросил он из вежливого ужаса.

– Очень.

– А я? Ты? Мы тоже мертвые? – продолжал выспрашивать Костя.

– Вот ты живой, я тебя сразу заметила. Живые редко бывают, – грустно вздохнула женщина.

Косте стало жутко от тона, которым она говорила. Обычная на вид женщина. Тетка. А говорит так, как будто я ее всю жизнь знаю, а она меня. «Живые редко бывают». Это же надо такое сказать.

– А когда умирают, что же происходит, если они уже мертвые?

– Да ничего особенного. Нам только кажется, что есть граница между живым и мертвым, мы просто не видим перехода. Не видим, и все. Некоторые видят. Такие, как я. Может, и ты видишь? – с надеждой поинтересовалась женщина.

– Да я уже ничего не понимаю… Я об этом и не думал никогда.

– Я тоже не думала, пока не заболела и сюда не попала.

– Так это болезнь? Шизофрения? – Костя задал вопрос с некоторым трепетом.

– Кто же знает? Врачи говорят, что болезнь, но сам подумай, как им доверять: они же не видят, да и живых среди них немного…

– Погоди… но ты таблетки пьешь, и это проходит?

– Да, таблетки голоса глушат, и притупляется все.

– Так если проходит, значит, болезнь? – Костя начинал запутываться.

– Молодой ты еще, не понимаешь. Смотри: вот любишь ты, к примеру, женщину – видишь ее где-нибудь, на работе например. Ты кем работаешь?

– Учителем.

– Тем более. Вот ты с ней встречаешься, разговариваешь, все так у тебя хорошо, ты мечтаешь о ней, она о тебе, а потом она куда-то девается, пропадает. Например, в дурдом ложится, полечиться от такой сильной любви. Ха-ха, пример неудачный, но жизненный! Вот, значит, она пропала, ты ее не видишь. Ты же не перестаешь ее любить? Не видишь, ну и что? Ты же помнишь. Приходят к тебе всякие умники и говорят: брось, ты ее не любил никогда, с глаз долой – из сердца вон. Ну и что ты скажешь?

– Не знаю. Пошлю их, наверное, к черту…

– Ха-ха, молодец! Вот и я посылаю, к черту. – Она захихикала так, что Косте сразу стало понятно: она про черта больше него понимает.

Спрашивать неловко, но он спрашивает:

– А черта ты тоже видишь?

– Да брось ты, больной, что ль, какой черт, кто в него верит сейчас? Козел с копытами? Пожилой булгаковский супермен? Смешно. На этих уровнях его нет. Забудь! Ничего этого здесь нет! А есть только ма-а-

ленькие-маленькие частицы: кванты, бозоны, кварки, у них много всяких названий, но все они ничего не значат, потому что мы не можем их увидеть. Мы только можем их представить, как представляем Бога. Увидеть не получится, представлять – сколько угодно. И в мире частиц ничего, кроме них, нет. Нам кажется, что мы открыли наномир, но на самом деле он всегда был, мы только недавно начали его представлять. Бесконечно малое – это так прекрасно! Бесконечно великое мы уже познали, теперь дело за малым.

Она нагнулась к нему и быстро зашептала в ухо:

– Слышал, конечно, про адронный коллайдер? Все скинулись на него, частицы разгоняют и поймать хотят самую маленькую? Так вот, если поймают – всем п…ц.

– Почему п…ц? – Костя давно запутался в ее монологе, но интереса не утратил.

– Так ведь это все равно, что Бога поймать, только маленького.

Это было неожиданно. У Кости даже рот приоткрылся.

– Ты, кстати, ничего. – Тетка внезапно отшвырнула всякое мудрствование и, изогнувшись, почти легла на Костю скромной грудью в леопардовой кофточке. – Знаешь, а ты – красивый мужчина, у меня от тебя голова кружится. Я знаю, кто ты, я вижу тебя всего насквозь. Ты красивый, ты сильный, живой. – Ее рука молниеносно оказалось под пижамой и ласково его гладила.

Она смотрела на Костю черными зрачками в целый глаз, и ему показалось, что он тоже видит ее насквозь, видит то, что не видел раньше. Душу этой женщины. Она была красивой, тоненькой, похожей на половинки зефира. И в душе было много любви, и у любви не было выхода.

Он подумал было упасть в этот зефир, но вдруг вспомнил про частицы, среди которых ничего крупного нет, наверное, и любви нет, и ему стало нехорошо, буквально затошнило. Он отодвинулся от нее.

– Что с тобой? Господи! Ну что ты, малыш? Прости, ладно? Ты – хороший, живой! Не бери в голову весь этот бред. Шучу я так. У меня сегодня настроение такое… безумное, манечка накрыла, может, и полюблю кого, может, и тебя, а может, и не тебя, а вот того красавчика! – Она сощурила глаз на Душного, стоявшего в окружении молоденьких пациенток. – Пойду к нему, может, он моя судьба, может, он мне на роду написан, может, я рожу от него божественного ребенка. Да!! – Она красиво встала, раздвинула молоденьких и пустилась в цыганско-эротическое соблазнение Душного.

– Во дает Актриса, – шептались рядом.

– А кто это? – спросил Костя у соседей.

– Что, не узнаете? А ведь она не очень постарела. Известная актриса была, учительницу играла, не помню, как кино называется. Хорошее кино. Она часто лежит, мучается, бедная. Галлюцинации, голоса, депрессии потом тяжелые. Месяцами лежит, молчит.

– Жалко ее. Она добрая, хоть и странные вещи говорит, – подытожили соседи.

Костя сидел и смотрел, как Актриса разделывает Душного. Вид у того был ошалелый и счастливый, привычное высокомерие с него Актриса сняла легко, как пенку с молока. Стало видно, что он застенчивый и романтичный.

Костя от этих превращений устал, голова шла кругом.

Праздник был в разгаре. Музыка стала совсем жесткой. Руководил дискотекой социальный работник, сам из бывших пациентов. Дискотеку он делал без скидок на душевное самочувствие, со светомузыкой и громко. Народ расслаблялся. Иногда заходил Мент, окидывал собрание недовольным взглядом, качал головой и уходил.

Мориц танцевал в центре зала. Его движения существовали отдельно от музыки и были не похожи на обычные танцевальные па. Это были не простые человеческие, бессмысленные по большому счету, движения. Они что-то значили для Морица. Так казалось Новикову, когда он смотрел на него.

В дверях Костя увидел девушку, внимательно рассматривающую вечеринку. Новогодняя дискотека в дурдоме не похожа на обычный ночной клуб. Это уникальное социальное сборище людей, оказавшихся вместе не за тем, чтобы как-то развлечься после праведных трудов или проводящих так свою молодость. Это не запертые в тюрьме люди. В тюрьме вечеринок не случается. А в больнице есть. Должны же люди общаться друг с другом. В больнице скучно.

Обычные клубы стратифицированы: для хипстеров, для гламуров, для съема, рейвы. Больничная дискотека могла бы претендовать на звание самого демократичного клуба в городе. Богемная девица танцует с солдатиком на экспертизе, пожилая учительница ведет разговоры с колоритным алкоголиком, поющим под Высоцкого. Наркоманка и продавщица фруктов, бомж и бухгалтер, менеджер по рекламе и несчастная девушка с ДЦП.

Существует популярное мнение, что психические расстройства – удел социально низкой прослойки общества. Всяких неустроенных и живущих в стиле горьковского дна низов. Однако это далеко не так. Психическое

расстройство может случиться у всякого, не нужно иметь в анамнезе голодное бедное детство, побои отца-алкоголика или равнодушие матери-наркоманки, многократные изнасилования и всякие другие прелести социального дна. Можно быть ребенком из вполне благополучной семьи со среднестатистическим счастливым детством, собственным домом, высшим образованием, собакой, кошкой и рыбками.

Так что, если вы вдруг очутитесь в больнице, не удивляйтесь обилию там интересных и не похожих на вас людей, не сводимых к простым человеческим множествам.

Лора уже давно поняла, где она. Этот факт перестал вызывать у нее сильные отрицательные эмоции. Мир больницы настолько отличался от ее привычного мира компьютеров, программ, мамы и двухкомнатной квартиры на Арбате, что ей даже понравилось. Появилась возможность узнать, что на свете существуют очень разные люди, разные миры, с которыми вполне можно взаимодействовать и даже приближаться к ним на безопасное расстояние. Эти люди не принадлежат к миру высокой математики и физики, они не засыпали с фейнмановским лекциями в десятом классе, они говорят на других, пусть и не всегда понятных языках.

Лоре страшно любопытно. Она чувствует, что вырвалась из тюрьмы своего малонаселенного одиночества. Вокруг люди, и ей с ними хорошо. После пережитого падения мира и уничтожения столицы, обретения святости и власти, после ужаса и счастья – эмоций недосягаемой высоты и редкости – мир больницы представляется ей простым и понятным, даже домашним. С утра завтрак, таблетки, потом ничегонеделание, сон, разговоры, обед, прогулка, если повезет с погодой. Возможно, придется вывезти тяжеленные тележки с бельем, но это тоже интересно. Так же как и посещение врачей, к которым Лора никогда не ходила. Она узнала, что у нее повышенное давление и холестерин, получила рекомендацию посетить эндокринолога.

Лора сроду не занималась домашним хозяйством. Мама варила борщ на неделю, и ели они его на завтрак, обед и ужин. Готовка и уборка для мамы были презренными занятиями, отвлекающими от главного. Лора никогда прежде до больницы не мыла полов, не таскала тяжестей, кажется, даже не знала слова «режим». Справлялась со всем бабушка, пока была жива. А после ее смерти они с мамой замкнулись, перестали заниматься домом. Им это было не нужно. У бабушки всегда были планы: что из техники они купят в следующем году, какое белье хорошее, а какое пора пустить на тряпки, куда что повесить и куда поставить, – все это она знала точно, без сомнений. Маму с Лорой это устраивало. Им хозяйство было ни

к чему. Мама жила математикой. Новые шторы не входили в список ценностей.

Лора унаследовала от матери увлеченность цифрами. Она бесконечно думала о связях между числами и буквами, об эквиваленте различных символов, о том, что такое язык программирования, и могут ли люди говорить на этом языке. Вслед за мамой она считала, что для женщины важно быть такой же реализованной, как для мужчины, и поэтому тратить время на семью бессмысленно. Традиционные женские занятия скучны и никогда не бывают по-настоящему вознаграждены, секс не стоит того, чтобы гробить на него всю жизнь, а наслаждение творчеством для нормального человека несоизмеримо выше, чем любое другое. Плоды любви всегда можно пересмотреть и подвергнуть сомнению. Любили ли мы друг друга так сильно, как нам тогда казалось, или нам это только казалось? А плоды творчества остаются навсегда в неизменном виде.

Программирование принадлежало к стихии, доставлявшей Лоре чистое, острое наслаждение. Придумывание алгоритмов, сочетание их с другими алгоритмами, создание новых объединяющих факторов для старых схем увлекало ее более всего на свете. Когда удавалось создать нечто, что упрощало путь к старой задаче, рассеивало ненужные элементы, освобождало горизонт от некрасивых механизмов, ей казалось, что дышать стало легче, плечи расправлялись, она была счастлива. Мечтала о сложном программировании человеческих отношений, о том, что в мире, где проживает несметное множество миллиардов, надо свести ненужные контакты к минимуму. Она буквально страдала, узнавая, что люди тратят жизнь на походы в магазин, оплату счетов в сберкассе и езду по городу с толстыми папками документов. Все это для нее – пустая трата времени, бездарно сжигающая жизнь. Зачем, зачем, если есть Интернет?

Они с мамой выпивали литры кофе с сахарными сухарями с изюмом (единственная позволительная сладкая слабость) и мечтали о новом мире, в котором все будет по-другому.

В своих чудесных беседах они даже додумались до того, что Интернет – это новый Бог. У него есть имя, и он связывает всех людей на земле, и вера в него не требует дурацких сказочных допущений, а ограничена лишь активностью пользователя.

В момент, когда ее увидел Костя Новиков, Лора лежала в больнице второй месяц и свыклась с тем, что ее жизнь изменилась навсегда. Отныне ее жизнь разделилась на «до» и «после». Теперь другие люди считают, что то, что с ней приключилось, было обманом, сном, психозом! Никогда Стив Джобс не был с ней на энергетической связи, Москва не превращалась в

высокобюджетный фильм-катастрофу, она не стала Королевой Миров и Богиней, а если и стала, то не для людей, которые ее окружали, а лишь для самой себя. Да и мир она не спасала, потому как, со слов людей в белых халатах, он в спасении не нуждался.

Конечно, она ни с чем не свыклась. Нам, как сестрам, много раз рассказывали люди, которые якобы признавали наличие своего психического расстройства, что одна, возможно главная, часть их личности оставалась навсегда уверена в том, что видела своими глазами, чувствовала своими чувствами, думала своими мыслями. Большая часть души Лоры оставляла за реальностью право быть необыкновенной, волнующей, неожиданно разной, невообразимо Другой.

Как программисту ей было легко усвоить идею, подсказанную психологом: мол, людям уже почти сто лет достоверно известно о том, что реальность множественна, одно и то же действие может быть совершено различными способами и к тому же в разных местах. Квантовая физика все расставила по местам. Частица и волна – суть одно. Чем это утверждение отличается от того, что она, Лора, – одновременно программист двадцати восьми лет, живущая на Старом Арбате и переживающая смерть своей мамочки, лучшего друга и родителя, и той версии реальности, где она – все та же Лора – выиграла мир в великой битве с темными сторонами своей души, нареклась Богиней и Королевой Миров и пела с ангелами. Конструкция позволила на время отвлечься и с удовольствием погрузиться в мир больницы, который, по ее впечатлению, мог соперничать с несколькими безумиями одновременно.

Немного смущало то обстоятельство, что квантовых физиков никто не сажает под замок и не лечит лекарствами, а наоборот, называют великими современными мыслителями, истинными жрецами наших дней. Вокруг было полно женщин, которых она с легкостью сочла бы безумными, и спроси ее в свое время, надо ли их принудительно лечить, скорее всего, согласилась бы с такой необходимостью. Мысль, что ее считают – сумасшедшей, портила все очарование нового мира. Она признавала, что отличается от всех других людей и теперь принадлежит к тем, чья реальность так же множественна, и, похоже, все они не справились с задачей быть нормальными людьми. Они не стали поддерживать какие-то очень важные базовые программы и теперь сидят под замком.

В любом случае, после психоза ей стало легче. Мир был спасен, ей понравилось быть Богиней. Откуда-то взялась убежденность, что вскоре такое не повторится и она может пожить жизнью обыкновенных людей, отвлечься, так сказать, от дел серьезных и расслабиться, отдохнуть.

Одной из опций в больнице значилась новогодняя дискотека. Лора проспала начало: утренние таблетки валили с ног. Проснулась от того, что Катька Макарова трясет за плечо.

– Ну что ты спишь, боже мой, вставай, соня-королевна, пойдем Стива Джобса искать! – Не выдержала, заржала.

Она была в курсе. Лора рассказала ей больше, чем всем. Наверное, потому, что Катька поведала про свои три психоза так откровенно и с кучей подробностей, что Лоре тоже захотелось. Отчасти даже похвастаться.

Они имели смелость смеяться друг над другом и шутить над своим сумасшествием. Для Лоры происшедшее с Катькой было вообще из ряда вон. Она всегда считала, что детская тема для нее закрыта. Идея завести детей казалась ей более сумасшедшей и безответственной, чем стать Богиней. В ее глазах Катька решилась на жуткие вещи: выйти замуж в тридцать восемь лет с пятнадцатилетним шизофреническим диагнозом за плечами, родить ребенка. Это было круто. И совсем не про Лору. Она сочувствовала и безмерно восхищалась. По сравнению с Катькой, ее собственные переживания, мамина смерть меркли и казались проходящими, не такими уж и трагическими. Раз Катька такое пережила и справилась, значит, и она, Лора, тоже может.

На глазах возникала их близость. Несмотря на разницу в возрасте и непохожие истории, ощущали они себя ровней. Она чувствовала, что Катька скоро изменится, загрустит, перестанет зажигать все отделение. Что будет с их дружбой – неясно. Но очень хотелось, чтобы теперь – друзья навек. Они строили планы, как вырвутся из больницы и будут тусоваться вместе: везде сходят, всех соблазнят, спасут все миры. В основном от себя самих. Смеялись много и один раз даже всплакнули.

Катька, любитель танцев, трясла Лору:

– Вставай, вставай, пойдем скорее, танцы та-а-м!

– Иду, иду.

Лора вскочила, поняла, что проспала, расстроилась. Быстро просчитала, что еще успеет хоть поглядеть на гостей из мужского отделения. До этого дня не принимала в расчет, что мужчины тоже бывают сумасшедшие. И теперь ее мучило желание узнать, какие они. Вдруг они особенные? Раньше среди мужчин ей нравились только кинозвезды или великие люди, как Стив. В реальности принцы не встречались. А те, кто встречался, не стоили разрушения высокой башни, в которой она надежно укрылась от мужского мира.

Посмотрелась в зеркало. Вот что от психоза не изменилось, слава богу,

так это внешность: очень красивая, лучше всех! Втихаря думала, что стоило с катушек съехать, чтобы наконец начать себе нравиться. Вокруг часто хвалили, но думала, что врут, из вежливости. Да и что с ней, с красотой, делать? В программу не пристроишь, и все равно пройдет.

Катька ускакала. Лора дошла до залы отдыха, откуда перестало, наконец, долбить техно. Наступало время медляков.

Костя смотрел на девушку в дверях. Лохматая какая, удивился. Красивая. Такая же небось замороченная, как Актриса. Куда я попал, Господи?

Лора огляделась, на Морице взгляд задержала, изучая, как диковинное животное. Увидев пустое кресло рядом с Костей, подошла, села.

Костя поздоровался. Лохматая сразу показалась ему отдельной, не сливающейся с окружающими, самостоятельной неделимой сущностью со своими четкими правилами. Это волновало и раздражало. Захотелось разрушить эту отдельность, заговорить, узнать, разведать.

Он решил, что поскольку теперь все по-другому в его жизни, то и с женщинами должно быть по-новому. Подбодренный безумием Актрисы, стал действовать решительно.

– Вы, наверное, от любви сошли с ума, да? – Получилось не светски, зато смело.

– Я?! Да я в любовь не верю. Сказки. – Лора, к его облегчению, совсем не обиделась.

– В любовь не верите? Не может быть! У вас лицо такое, что сразу видно, что верите.

– А вы по лицам верования считываете? Экстрасенс?

– Да что вы! Я учитель. Костя зовут. Историю детям в школе преподаю. Вот. А вы?

– Я – Лора. В этом мире – я программист. Программы пишу для больших корпораций.

– Здорово… для больших корпораций… Теперь по правилам этикета я должен вас спросить, как вы здесь очутились, и про себя рассказать, но мне не хочется. Давайте лучше про любовь поговорим.

Лора улыбнулась. Костя ей понравился.

– Согласна. Рассказывать не хочется. А про любовь интересно… Только любовь – это миф. Есть общие интересы: завести детей, создать ячейку общества, чувствовать себя психологически комфортно. Ну что ты не лузер по жизни – тебя кто-то любил или ты кого-то. Как достижение. Медаль за участие в шахматном турнире.

Костя опешил от такой рациональности:

– Постойте, Лора, кроме экономической и психологической функции есть и другие.

– Ах да, конечно! – Лора думала пару секунд. – Я забыла! Секс, конечно. Чаще всего влюбленностью называют сильное любопытство к тому, что произойдет, если с этим незнакомым человеком вы вдруг окажетесь без трусов. Каждый раз есть фантазия, что произойдет нечто особенное. Рай спустится в кровать, или вы на кровати в рай прилетите. Что-то в этом роде. – Лора с вызовом рассмеялась.

– Вы все так раскладываете, рационализируете. А на самом деле просто боитесь и никого не любили! – Костя сказал в запале и сразу пожалел. – Ой, простите, Лора. Я вас очень прошу! Это запрещенный прием. Я перешел границы. Я же ничего про вас не знаю. Простите!

Лора нисколько не смутилась. Улыбнулась загадочно, опять выскользнув в свою герметичную отдельность.

– А я и не скрываю… Мужчину я никогда не любила. Я всех людей сразу полюбила! Раз и навсегда. И женщину любила – маму. Как сто мужчин сразу! – Сама удивилась. Так горячо сказала и задумалась. Правда, что ли, так любила, как сейчас сказала? Неужели прав этот психолог, Александр Львович, с безумной идеей того, что чокнулась она якобы от горя и любви к матери?

Лора задумывается, глядя сквозь танцующие пары. Костя незаметно ее рассматривает. Ощущение времени исчезает. Он сидит и медленно, как будто стараясь узнать ее всю и сразу, рассматривает лицо, волосы, руки, тело. Замечает изящное черное платье, родинку на руке, ломает голову над тем, как причудливо она закрутила свои светлые волосы. Заколки не видно, как будто она подвязалась самими волосами. Накрывает ощущение, что такого момента в жизни уже никогда не будет. Такой он может увидеть ее только первый раз. Потом будет история их отношений. Отчего-то сразу понимает это. Но вот такой – незнакомой, отдельной – она больше не будет никогда.

Издалека, прорываясь сквозь шум музыки, к Лоре приходили чувства. Мама умерла. Никогда мамы больше не будет. Как грустно, как пусто. Ни с кем я кофе с сухарями не попью, никто не подскажет, как жить. А я не знаю, как жить. И как умирать – не знаю.

Костя затосковал. Лора только что была с ним, говорила про любовь, он чувствовал себя живым и смелым. А теперь она ушла и возвращаться не собиралась.

– Лора… – зовет он осторожно. – Лора, простите. Бог с ней, с любовью, тема такая сложная… давайте лучше о политике поговорим, –

сказал, сам удивившись: при чем тут политика? Но время такое – о политике вместо любви говорят. – Во что же вы верите, Лора? Вот вы в Россию, к примеру, верите?

Лора с радостью вынырнула из себя:

– Конечно, верю, как же можно не верить? Я верю в страну, которой есть что предложить миру. Мир, мудрость, братство народов, любовь к труду и творчеству.

– Лора? – Костя поражен. – Не может быть, вы что – коммунистка?!

– Я из семьи верующих в коммунизм, так скажем. Прадед и дед в шарашках советскую науку двигали. Мама всю жизнь на государство работала. Конечно, сейчас все по-другому.

– Как же?

– Нам нужен неокоммунизм, реставрация. И мы его обязательно дождемся. Люди так устали от одиночества, дешевого индивидуализма, от тупости бытия. Нам нужна общность, нас стало так много на не очень большой планете.

– Это как здесь, что ли? Такая общность, под замком? – возмутился Костя. – Никто не хочет разделять смыслы! Потому что они у всех свои собственные. Даже здесь, посмотрите, своя иерархия, своя карьера. Каждый хочет, простите, нагнуть другого, возвыситься хоть в чем-то!

– Да ничего, не извиняйтесь, это же честно… это сейчас к общности никто не готов, но надо подождать немного, и баланс восстановится. Люди не могут жить только ради потребления, это скучно в конце концов, – откликнулась Лора. – Костя, вы так удивляетесь моим словам… А сами-то что думаете? Про любовь и Россию?

Лора развернулась к нему всем телом, от чего Костя на доли секунды забыл, о чем они говорят. Заглянул глубоко под гордые Лорины брови и понял, что хочет рассказать ей то, о чем думал всю жизнь. Это было настолько приятно, что Костя, взяв с места, воодушевился и стал, наконец, похожим на учителя истории:

– Лора, наша Земля – вечная, только она и важна! А история никуда не денется – обязательно случится. У нас с вами все получится, если мы перестанем выбирать мучительно, кто мы такие: белые или красные, сталинисты или демократы. Мы и то, и другое, и третье, в каждом из нас есть внутренний сталин и ярослав мудрый, крепостной и пролетарий, космонавт и олигарх. Все это наши кусочки. Общие кусочки. Глупо это отрицать и лицемерно думать, что какие-то кусочки лучше других. Идеальных времен еще не случалось, все цари не ангелы, а люди не жертвы обстоятельств. Нам нужно все это признать. Мы все – наша история.

Лора нахмурилась:

– То, что вы, Костя, предлагаете, странно. А как же справедливость?

Справедливость… Костя приготовился рассказать Лоре про справедливость, ему понравилось, как она внимательно слушает, но тут он заметил, что дискотека почти закончилась и диджей объявил последний танец.

– Давайте танцевать.

Сладко запел Ляпис Трубецкой свой экуменический гимн: «Я верю в Иисуса Христа, я верю в Кришну, я верю в Гаруду, я верю в Гаутаму Будду, в пророка Мухаммеда, я верю, джа, и верить бу-уду».

Одно дело – разговоры, другое – танцы. Тела не врут. Лора смутилась, но бежать было поздно. Она танцевала так давно, что не помнила, с кем и когда. Костя был выше ее, его мягкие длинные волосы защекотали нос. Это очень приятно. Положила руки на плечи, подумав: широкие какие, хоть сам и худой.

Костя вдыхал ее запах. Ощущая всем телом движения ее талии, боялся нарушить ее границы, поспешить, приблизиться сильнее, чем нужно.

Музыка быстро кончилась. За пациентами из других отделений потянулись сопровождающие – психологи, соцработники. Все поздравляли друг друга с наступающим Новым годом. Лора и Костя стояли, расцепившись, и не знали, как прощаться. Просто стояли и молчали, смотрели друг на друга. Умные мысли и сиюминутная смелость исчезли. Ни одной уместной фразы не находилось.

– Костя, собирайтесь, ваше отделение уходит, – торопила медсестра.

Подлетела Катька:

– О, с кем это ты подружилась, королевна моя? Как вас зовут?

Костя представился.

– Приходите в гости, или мы к вам опять придем. С наступающим вас Новым годом! Счастья! Здоровья! Любви! – тараторила Катька.

Это спасло ситуацию. Попрощались. Путано, даже формально. Когда она теперь его увидит?

Внезапно остро поняла, что должна сказать ему прямо сейчас, иначе все пойдет неправильно, и ее преображение ничего не стоит.

Вернулась, дернула за рукав:

– Костя, спасибо вам большое. Я хочу рассказать вам что-то очень важное для всех нас. Наверное, это тоже про любовь. Про другую любовь и другую справедливость. – Она разволновалась и не могла толком выразить.

Медсестры тем временем выталкивали гостей за железную дверь.

– Давайте уже, давайте, идите откуда пришли, потом встретитесь,

поговорите. Хорош уже!

Железная дверь захлопнулась. Лора осталась стоять перед ней. Захотелось сломать ее, вернуться к Косте. Успеть сказать, рассказать ему все, что она видела своими глазами. Про черную Москву, про ангелов, спросить его – что все это значит? Как теперь жить и при чем тут любовь. Она почувствовала, что именно он знает, объяснит, утешит, расставит по местам. Учитель истории. Он должен знать об этом. Может, и он видел такое же.

Она уже поняла, что алгоритмы безумия универсальны и люди сходят с ума похоже. Наслушалась и про голоса, и про борьбу добра со злом, про то, что подслушивают за такими, как она, и подглядывают, что любые чужие мысли могут быть всем известны. Она подозревала, что на прямой связи с космосом находится полбольницы. Это успокаивало и освобождало. Если ты один видишь зеленых человечков – это безумие, если вас таких много – значит, человечки есть, и все не так страшно.

Непостижимым образом в ее голове возникла твердая уверенность в том, что он – такой же, как она. Что он сможет ее понять и скажет, что делать.

Но было поздно. Дверь захлопнулась, и открыть ее не было никакой возможности. А она даже не спросила его ни о чем! Дура! Хоть телефон бы взяла или свой оставила.

Всего за час Лора пережила столько, сколько не переживала за последнюю пару месяцев, проводя их в основном во сне. Мама умерла – слезы опять подкатили, но не выливались, стояли как вкопанные. А теперь единственный мужчина, с которым так легко разговаривать и танцевать, который был так добр и уверен в себе, остался за железной дверью! А она даже фамилии его не знает.

Первое письмо Лоры

Костя проснулся. После обеда спалось сладко. Раньше в это время он никогда не спал – проверял тетрадки, готовился к урокам, читал, занимался с отстающими учениками. В больнице начал привыкать к тому, что думать о будущем необязательно, потому что оно все равно от тебя не зависит. Ты под замком и никогда не знаешь, когда тебя выпишут. В тюрьме есть срок, и освобождения можно терпеливо ждать, в больнице же время исчезает в силу неопределенности сроков. О выписке можно только мечтать. И делать в этой неопределенности решительно нечего. Спать после обеда – лучшее времяпрепровождение.

Костя, не поднимаясь с кровати, вытянул руки, потянулся и наткнулся на бумагу у себя под подушкой. Письмо! Сердце забилось. Письмо было сложено по-фронтовому – треугольником. Кто же его принес? Огляделся – все спят, как в детском садике. Тихонечко перевернулся, сел, прикрыл письмо одеялом, развернул. Прочел подпись – Лора. Не может быть! Он не прекращал думать о ней ни на минуту, и вот удача – письмо!

Здравствуйте, Костя!

Наверное, я все-таки безумна, раз решилась написать, но, когда за вами захлопнулась дверь, меня захлестнуло отчаяние. Пусть мы больше никогда не увидимся. Вы не захотите общаться с сумасшедшей шизофреничкой. Но я не прощу себе, если не решусь. Я знаю, что вы можете меня понять. И простить.

В ноябре случились страшные вещи. Самые страшные и прекрасные в жизни. Тому миру, в котором мы с вами живем, пришел конец. Все стало рушиться и исчезать. В борьбу вступили мощные силы. Такие силы, о которых вы и не подозреваете. И я была проводником этих сил. Я познала себя до конца. Я нашла в себе Богиню. И она спасла все. И вас, и меня, и даже эту больницу.

Здесь мне объяснили, что на самом деле я тяжело больна. Что я сумасшедшая. Но если это так и все, что было со мной, – безумие и ничего на самом деле не было, то я не знаю, как жить дальше. Это невозможно! Я чувствовала и видела все своими собственными глазами! А чему еще доверять, если не им?

Поэтому, когда вы стали мне говорить о любви, я рассердилась.

Как нелепа сама идея любви в мире, в котором реальности нет! В

котором черное оказывается белым, хорошее – плохим, умный человек – безумцем.

Любовь – последняя отговорка идеалистов. Любовь… мол, ради нее можно не замечать всего остального кошмара. Но что такое ваша любовь? Иллюзии души и тела – редкие моменты контактов с чем-то таким же, как ты. Это может развлечь, конечно, но подсчитаем время: сколько часов вы реально испытываете это чувство, а сколько равнодушны или попросту ненавидите того, кого любите? Злость перевешивает любовь. Математически любовь невыгодна. Меня ужасает бред про любовь, которая нужна, чтобы встретить вместе старость… Видели стариков? Что в их отношении друг к другу вы замечаете? Как они беспомощны в своих попытках не замечать полное отсутствие контроля и разочарование от прожитой совместно жизни. Сколько в них претензий и боли!

Недавно я видела, как мужчина с болезнью Альцгеймера читал стихи Ахматовой женщине, которая после инсульта не могла даже кивнуть головой. То есть он не помнит элементарных вещей, а про нее непонятно, знает ли она, кто она такая и где находится. Так трогательно и уныло одновременно. Ведь это значит, что в каких-то остатках своего самоуважения и разума он полагал, что может доставить ей удовольствие. Мы продолжаем надеяться на удовольствие даже тогда, когда нам откажут и тело, и разум.

И вы так серьезно говорите о любви! Как о Великом Оправдателе всего. Но посмотрите, что случилось с христианским Богом Любви? У вас он правда ассоциируется с любовью, а не с кровью и страданием? А если честно?

Не верю я в любовь, дорогой Костя. От нее одни проблемы. Нет, ну верю, конечно, как все, – сказочной частью своей души. Знаете, примерно как в Муху-Цокотуху.

Мой дорогой друг, простите меня за это письмо. Когда мы танцевали, я почувствовала, что должна рассказать вам обо всем. Хоть мне так стыдно и страшно.

Лора

Костя долго, вдумчиво читал это непонятное письмо, отложил и прочел еще раз. Богиня?.. Да, точно! Богиня, как же он сразу не понял! Ведь похожа очень. Волосы золотые, брови гордые, взгляд такой серьезный, надмирный. Иконы с нее писать.

Был бы дома – позвонил бы сразу, приехал спасать, а здесь что делать?

Голубей посылать? Как к нему попало письмо? Кто почтальон и как послать ответ? Подсказок не было. Костя разбудил Мента, спросил, не знает ли он, кто мог передать письмо. Мент спросонья вытаращился, задумался и решительно сказал:

– Да некому, Костя. Шпионы, ангелы, может? А прочитать дашь?

Костя возмутился: чужие письма читать? А потом подумал: ладно, Менту можно. Непонятного много в письме, и как ответить на него, и что ответить? Мент после происшедших с ним несчастий был безжалостно опытен в делах любовных, не страдал романтизмом, но распознавал искренние чувства. Костя, как старшему брату, доверился. Он так и не понял, что Лора хочет от него и как ей помочь.

Мент прочел за секунду. Отдал письмо обратно. Стал нервно ходить по палате.

– Да… Девочка-то пережила сколько, натерпелась. И половины ведь не говорит. Ты влип, Костя. Это я тебе как профессионал говорю. Непроста девица.

– Я уже давно влип, – невесело ответил Костя.

– Я, кажется, понял! – Мент повернулся резко и ликующе. – Есть тут у нас один специалист по богиням. Может, ты его и видел, он в шестой палате проживает. ВИП-персона. Отец Елений. Святой.

– Святой? Здесь?

– А ты думал? Самый настоящий святой! Собирайся, Костя, я вас познакомлю.

Мент начал носиться, надел майку почище, вытащил сокровища – три шоколадных «Мишки», и причесался. Костя занервничал, поискал, чем придать казенной пижаме более или менее приличный вид. Не нашел. Иди к святому по-простому, какой есть. Сокровищ у него не осталось. Мамину передачу съели сразу с космической скоростью.

– Спокойно, – заверил Мент, – он добрый. Пошли.

Путешествие из первой палаты в шестую заняло примерно минуту. Но Костя успел поволноваться. С отцом Елением он еще не встречался и не знал, чего ожидать. Судорожно вспоминал, как нужно себя вести с такими людьми. Костина семья не была религиозной. Церкви он посещал редко и интересовался в основном историческими и художественными аспектами церковной жизни. Вопросы роились: надо ли целовать руку? Как обращаться? Верит ли Костя в святых? Как себя вести?

Наконец дошли. В шестой светло и уютно. На кровати у окна сидит седой сухонький дедушка и читает книжку. В растянутой белой майке и

синих трениках. На майке нарисована фломастером женщина в синей балаклаве с прорезями для глаз. Вокруг ее головы сияет желтый нимб. На руках женщины сидит милая маленькая девочка тоже с нимбом.

Лицо у отца Еления непривычно доброе, несуетное, распахнутое навстречу. Он смотрит на Костю так, будто сидел и ждал его в шестой палате всю жизнь. У Кости мурашки побежали по рукам.

И правда на святого похож. Добрый.

– Здравствуйте, отец Елений. Я вам тут друга своего привел – учителя. У него любовная забота. Влюбился в женщину, которая говорит, что она – Богиня.

Отец Елений встает и, ни слова не говоря, обнимает сначала Мента, потом Костю. В его глазах появляются слезы. Костя опешил: давно его так не обнимали. Тоже захотелось плакать, но он закусывает изнутри щеку и сдерживается.

Мент достает конфеты, протягивает отцу Елению.

Тот берет конфеты и раздает каждому по одной. Разворачивают и едят. Молча.

Медленно наслаждаясь шоколадно-вафельным «Мишкой», Костя успокаивается, перестает тяготиться молчанием. Просто разглядывает Мента и отца Еления. Возникает удивительное чувство теплого сопричастия этим чужим, странным людям.

Разве они – сумасшедшие? Они – настоящие друзья, такие, как и должны быть.

– Ну… я пошел. – Мент сияет довольством. – Поговорите тут спокойно, а я посторожу.

В палате больше никого. Десять аккуратно застеленных коек отдыхают от больных. Больные кто где. Кто посещает врачей, кто гуляет, многие в домашних отпусках. Может быть, поэтому Костя ощущает настоящую больничную редкость – воздух. Вокруг много воздуха и пространства. Костя задышал и в первый раз за все это время расслабил. Отец Елений, кажется, до сих пор так счастлив от вкуса «Мишек», что слова считает лишними.

Костя вдруг выпаливает:

– А вы-то как сюда попали, за что?

Отец Елений растягивает майку на груди:

– А вот из-за нее, сынок, из-за нее, родимой, и попал.

Костя в недоумении разглядывает изображенное на майке отца Еления существо. Совсем не похожее на традиционные религиозные изображения, оно, однако, цепляет за чувство подлинности. У Кости опять бегут

мурашки по рукам. Синяя женщина на майке вызывает и страх, и робость, и любопытство, а вот девочка на руках – прямо принцесса, такая, каких обычно рисуют маленькие девочки.

– Я, сынок, не сразу про нее понял. Она открылась постепенно. Сразу бы я не выдержал. Но она не требует преданности, она вообще ничего не требует. Ты сам все отдаешь. По зову сердца.

– А почему же отдаешь?

– А вот в этом, сынок, и есть главная тайна. Ведь старые боги, что? Все жертвы требуют, договора! Ненасытные кровопийцы. Человек как раб для них. Слаб, грешен, ничтожен и всем должен. А она не такая, она человеческую природу любит, верит в нее, поддерживает. Ведь человек – настоящее чудо!

Костя слушает отца Еления во все уши. Как это связано с Лорой, с ее Богиней? Голова кружится от волнения. Такого он никогда не слышал. Становится страшно. Проносится мысль: они же все сумасшедшие, а я слушаю. Но отец Елений продолжает говорить так убежденно, так искренне, что не верить не получается.

– Вот и я, сынок, всю жизнь ведь христианином был, православным, а на старости лет прозрел, уверовал. Нет Христа в России давно, уже лет двести как нет. Вообще Бога нет на нашей земле. Прогнали всех, давно уже. Россия Богиню ждет. Ведь Россия – женщина, Мать, а ее все насилуют, бедную, то огнем и мечом покрестят, то серпом и молотом замордуют, а то и просто продадут на рынке, как рабыню.

– Как же вы, отец, все это поняли?

– А как понял? Претерпел. Был я, сынок, простым монахом в Стирском монастыре на Волге. И не знал, что такие испытания впереди. Монастырь наш бедный, монахов сорок человек. Рядом, в старом здании, психиатрическая лечебница была, еще с советских времен. Жили мирно, помогали им, как могли, христианский долг выполняли. Бедно было, но по-божьи. А тут девяностые настали, а потом все изменилось в монастыре. Настоятель умер, царство ему небесное, любимый мой человек, настоящий мудрец был, как я сейчас уже понимаю. Монахи жизнью монашеской жили, соблазнов-то и не знали. А тут новый настоятель, из Москвы, реформы затеял, денег у бандитов и бизнесменов взял. Монастырь заблестел, люстры новые, крыша сияет, как лик Божий, цветочки. Святая вода в бутылочках. Магазины. Настоятель уверил нас, что песочек под монастырем целебный. Он песочек к коленкам прикладывал, и они болеть переставали. И стало главное наше послушание – песочек в маленькие мешочки расфасовывать. Образцом служил холщовый мешочек с лавандой,

который настоятель привез из Франции, из хорошей гостиницы. Все учил нас деньги зарабатывать. Нафасовали мы, значит, песочку, воду святую разлили, в магазины товаров завезли, стоянку для автобусов организовали – туристы повалили толпой. Зажили, значит, как во Франции. Не всем это благолепие нравилось. Дух-то ушел. Не молитва уже творилась, а бизнес. Но все терпели, да и в соблазне были, что тут скрывать-то. Всем нравилось кушать хорошо.

И вот однажды настоятель говорит: не дело, братия, что психиатрическая лечебница рядом. Ну сам представь, сынок, – выходишь ты из двухэтажного автобуса на богомолье, весь в благолепных мыслях, впереди золото блестит на солнце, благодать! И нечаянно голову направо повернешь, а там – мрак, гниль, из стен кирпичи выпадают, трещины на стенах, как после землетрясения, решетки на окнах, в окнах сумасшедшие, как тени, бродят – и все благолепие с тебя слетает, и даже песочком его не поправить.

И затеяла братия войну с лечебницей. В суд, к чиновникам, кинулись, чтобы выселить их и помещение себе вернуть. Настоятель в Москву ездил хлопотать. Планы были гостиницу для паломников сделать. И не выдержала, сынок, душа моя. Не по-христиански ведь это… Как думаешь? Сирых и убогих-то обижать? Не тому Христос учил, не за-ради золотища церковного страдал, не за песочек в мешочках холщовых. И аргументация такая утвердилась: там, где сумасшедшие, там и бесы, – надо наше благолепие от бесов оградить. Где это видано, сынок, чтоб христианин так рассуждал? Мы им помогать должны были, крышу им сделать, а не себе люстр золотых навешать!! Вот и спаслись бы через любовь к ближнему. Но что ты думаешь, послушала меня братия? Пальцем у виска за спиной крутили. Елений, говорили, загордился, умней всех себя почитает. Настоятель прямо сказал: либо ты с нами, либо ищи другой монастырь.

Я думал и молился, молился, и услышаны были мои молитвы. Открылась мне она – Новая Богиня. Работал я в тот день в огороде, сорняки полол и вдруг смотрю – иконка лежит. Я грязь с нее смахнул – сначала показалась Троицей, но, смотрю, чудная какая Троица: лиц не видно, закрыты цветными покровами, а на руках у них девочки. Вроде как женщины это! Я сначала испугался, что ересь какая-то, молиться начал. И вдруг голос мне говорит: «Не бойся, Елений, это я – Богиня». Я чуть в реку не упал. Никогда голосов не слышал! Молюсь уже отчаянно. Надеюсь, может, Богородица со мной говорит. А она моим мыслям и отвечает: «Нет, Елений, я другая, я Новая. Не бойся, я теперь с тобой буду. Всегда».

И хорошо мне так стало, так спокойно, как будто все самое страшное в

жизни уже позади и теперь все легко будет, по правде. Иду я, смеюсь, веселюсь: счастье-то какое мне выпало! Навстречу мне братья идут и спрашивают, что ты такой веселый, Елений, все сорняки выполол?

Я все им рассказал: и про голос, и про Богиню, иконку им показал. Говорю: надо срочно в Москву собираться, рассказать патриарху про то, что со мной случилось, про Новую Богиню, про то, что вернуться надо к правде, к служению настоящему. Что психиатрическую лечебницу не выгонять надо, а под крыло взять, крышу починить, обогреть людей, помочь. Я решил сразу выезжать, у меня такие силы после встречи с Богиней открылись, даже и не думал, как до Москвы доберусь, денег у меня личных не было.

Братья меня послушали, не сказали ничего. А я зашел в келью, рюкзак взял и на вокзал пошел. Добрые люди подвезли и билет купили. В поезде девочка ехала, фломастерами рисовала, так мы с ней вместе на майке нарисовали мою Богиню и ее дочку. Грешен, девочка на нее похожа оказалась. Но в каждой женщине Богиня есть. Так что не грех это, а милость. Ее только узнать надо. Похоже, и ты, сынок, такую встретил?

– Ой, отец, я и не знаю. Она особенная очень. Не похожа ни на кого. Говорит, что мир спасла в ноябре. А теперь как жить, не знает. Ведь сумасшедшей признали.

– Это испытание такое, сынок. Меня ведь тоже сюда посадили. Я как из поезда вышел, так и свинтили. Не успел я до патриарха добраться. Доктор говорит, расстройство у меня психическое. Но между нами, сынок, если и так, то я не в обиде. Некоторым выздоравливать не нужно. Но ты не думай, твоя любовь не сумасшедшая вовсе, просто Богиня выбрала, чтоб открыться ей. А как поверят тебе там, где ни во что не верят? Надо тебе знак ей послать, что ты с ней, что веришь ей. Ей только это и нужно.

– Отец Елений, очень вас прошу, расскажите мне еще про Богиню эту – что она обещает, что хочет от нас? Как ей служат? Я-то неверующий, кажется…

– Сам не знаю, сынок. Это нам всем вместе постигнуть требуется. Я как понял, служение-то такое, как мы привыкли, ритуальное, она не приветствует, но и не отрицает. Говорит: ритуалы нужны, но они вселяют иллюзии и подменяют реальность. А спасемся только через то, что есть.

– Непонятно… а что есть?

– Да, сынок, она простоты не ищет. Говорит, принять надо сложность эту, не осквернять простотой. Говорит: старые боги много лгут, потому что упрощают. Поэтому и не верят в них всей душой. Душа человеческая не поле битвы добра и зла, она сама и есть добро и зло. Сама и есть

сложность. Нам простота нужна для спокойствия и безответственности. Но от упрощений только кровь да стыд выходит. Вот и думай, сынок, что все это значит.

Отец Елений и сам задумался, грустно смотря на Костю. Руки развел: мол, вот и все, чем могу помочь. Дальше ты сам.

– Спасибо, отец Елений. Вы мне очень помогли. Мне идея одна пришла в голову. Можно к вам еще потом прийти, поговорить, посоветоваться?

– Конечно, сынок, приходи, помогу, чем могу. Возлюби то что есть! Богиня тебе в помощь!

Мент за дверьми палаты весь извелся.

– Как долго! Что вы там целый час обсуждали? Костя! Он больше пяти минут не говорит ни с кем – замолкает, и все, пишите письма, не разговоришь! Я для медсестры целый театр устроил, чтобы она вам не мешала. Пошли скорее, расскажи, что он тебе сказал.

– Что ты сказал?.. Театр?! Театр?!!

Костя взбудоражился, заходил взад-вперед по коридору. Иногда останавливался и застывал. Задавал себе громко вопрос: и что дальше? Напряженно думал и начинал опять ходить. За ним, сгорая от любопытства, ничего не понимая, ходил возмущенный Мент. Из туалета выплыл Мориц с сигареткой и кофе, который он пил из пластмассовой, весьма изящной рюмки. Под глазами еще виднелись следы вчерашней косметики. Плохо открывающимися глазами молча взирал на то приближающихся, то удаляющихся Костю и Мента. На третьем круге не выдержал:

– Господа-а… вы похожи на возбужденных психопатов, что с вами? – Потом вальяжно обернулся к постовой сестре: – Милочка, что вы им вкололи сегодня? Амфетамины? Почему они носятся, как цирковые лошади? Гаспа-а-дин учитель, мой фиолетовый друг, что с вами?

Костя только сейчас заметил Морица, подошел и взял его за руки:

– Театр, Мориц, мы будем делать театр!

Мент, приревновав, начал громко возмущаться:

– Е…ть, что происходит? Я ничего не понимаю!

– Га-аспада, позвольте, я плохо соображаю после вчерашнего, давайте сядем, насладимся утром, все спокойно обсудим и не будем кричать, как потерпевшие. – Мориц покосился на Мента. Он перестал его подкалывать после того, как оба стали приятелями Кости, но иногда не мог удержаться. Его забавляло возмущение Мента.

Но Мент не заметил, раздраженно отбиваясь от сестры, в третий раз

переспрашивающей его имя-отчество.

– Фа-аниль Рауфович, через «ф», не ваниль, а Фаниль! Поняли? Давайте я ваш бланк сам заполню.

Сестра шустро спрятала бумажки:

– Ишь ты, Ваниль, без тебя справлюсь. И откуда вы такие взялись тута, – пошла ворчать в кабинет.

– Вот дур-ра неграмотная, – привычно выдохнул Мент, – откуда мы взялись, не знает она… сука… Да оттуда же, откуда и ты, блядь старая, из материнской п…ы!

– Господи! Коллега, прекратите немедленно, эта старая рабыня пишет с трудом, а вы хотите от нее всечеловеческой толерантности. Будьте проще! Пройдемте в столовую, там господин учитель нам наконец-то соизволит все объяснить.

Уселись. Приковылял Ваня-дурачок. Мент терпел из последних сил: обычно Ваня приставал минут на десять. К его облегчению, дурачок взял карандаши и сел рисовать елочку и Деда Мороза.

Тем временем Костя заметно преобразился, тоже схватил листочек, карандаш. Увидел Деда Мороза в красном колпаке, счастливо рассмеялся и даже потер руки от удовольствия.

Мент с Морицем быстро переглянулись. Неужто все-таки спятил учитель?

Костя, поймав их взгляд, стал еще более довольным:

– Друзья, я вас обожаю! Сейчас я вам все объясню. – Он интригующе замолчал, хитрющими глазами глядя то на Морица, то на Мента.

– Друг мой, я тоже вас обожаю. Не спятили ли вы часом? А то, знаете, бывает: привезут сюда – еще ничего, а потом как начнется! Некоторые думают: раз дурдом, то все можно.

– Мориц, успокойтесь. Я просто очень возбужден! Сегодня я получил письмо от дамы, которая меня так заинтересовала вчера. Насколько мне удалось понять с помощью отца Еления, она нуждается в нашей помощи. Мы должны сотворить для нее действо, театр. Это ободрит ее и будет знаком от меня…

– Вы уже и у отца Еления были? Какая активность с утра, однако… Что сказал вам божий человек?

– Женщине, о которой я говорю…

– Ее зовут Лора, – вставил Мент.

– Да, Лора… Так вот, Лоре открылась Богиня. Она вошла в нее в ноябре и предотвратила разрушение Москвы. Отцу Елению Богиня тоже открылась, и он оказался здесь. Так что дело опасное. Хотя мы уже здесь…

Что может быть хуже?

– Бо-о-гиня? Но-овая? Как интересно. Та самая – синяя аватарша с девочкой на коленках, что на майке у отца Еления?

– Да! Наша роль весьма сложна, друзья. Мы сочиним пьесу-знак и поставим ее на Рождество. Времени очень мало. А театр будет самый что ни на есть серьезный. Самый серьезный в моей жизни!

Мент резко откинулся на спинку стула и выдохнул. Он с самого первого взгляда заподозрил в Косте нечто особенное. Он чувствовал, что они оба неугодны некоей Системе, не вписываются в нее, как детали от более совершенного мотора следующего поколения. Он внимательно наблюдал за всеми движениями Кости, складывал и раскладывал в уме разные версии своей и Костиной роли в больших событиях, к которым постоянно готовился.

– А ты, учитель, оказывается, еще и режиссер. Не ожидал, не ожидал… – Теперь и у Мента стал странный вид. В его системе появился новый элемент – режиссура, театр. Он еще не понял всего его смысла, но уже почувствовал, что этот элемент способен изменить все остальные.

Лагерный вопль медсестры прервал их:

– Обе-едать! На-а-крывай на стол, кто дежурный?!

На столы стали раскладывать миски. Пора было закругляться. Костя сказал, что ему надо денек-другой подумать над «матрицей сцены», и потом они сразу начнут репетировать.

Новенький

31 декабря

Костя проснулся. Тридцать первое декабря, Новый год. Как новый год встретишь… На соседней койке тревожно спал Мент, даже во сне сохраняя острое настороженное лицо. Костя рассматривал его и видел, что Мент похож на птицу, стремительную и трагическую. Ворон? Или сумасшедший ястреб? А в чем, собственно, его сумасшествие? Надо понять его. Тогда определится его роль в спектакле.

Из коридора доносился голос Морица, вполне сносно поющего «Джингл Белз». Костя улыбнулся: Мориц может недурно петь, это тоже пригодится. В углу палаты сидел Ваня-дурачок и украдкой жевал синюю мишуру, прилепленную скотчем к голой стенке. А ты кто? Костины мысли блуждали. Тот школьный спектакль казался теперь репетицией к главному театру его жизни, который будет здесь – в психиатрической больнице. Это будет настоящий современный театр. Правильно сказал Мориц: мы же в дурдоме, здесь можно все, рецензий все равно нигде не напишут. Да здравствует творческое безумие! Костя вскочил, потянулся и украдкой выглянул в коридор.

Медсестры на посту пошленько хихикали. Было тише, чем обычно, большинство больных отправились отмечать Новый год домой. Костя чувствовал себя бодрым, сознание было ясным, хотелось есть. Он оделся, умылся и сходил в туалет. Уже привыкнув к коллективному справлению нужды, доброжелательно поздоровался с Душным, который стоял перед унитазом и внимательно его осматривал. Костя бросил режиссерский взгляд на внушительный пенис Душного, подумал автоматически, что Душного тоже надо занять в театре.

В столовой уже гремели бидонами, больные помогали разливать овсянку по тарелкам, жидкий чай исходил паром в одинаковых кружках. Мориц подсел к Костику, подпихнул его легонько и указал пальцем на одного из пациентов:

– Смотри, новенький.

Новенький оказался истощенным напряженным мужчиной, довольно молодым, с мутными бледными глазами. Он сидел и смотрел в пол. Заметив, что Костя его рассматривает, быстро поднялся и ушел. Костя

поежился.

– Мориц, друг мой, кто это?

– Новенький. Ночью привезли. По виду – в психозе. Смотри аккуратнее, учитель, он опасный. Если что, меня держись.

Мориц жеманно оттопырил мизинец с длинным острым ногтем и принялся за кашу. Медсестры раздавали таблетки. Косте тоже дали две белые и одну оранжевую. Мориц засунул свои в рот и сразу выплюнул, как только медсестры отвернулись. Костя поколебался и сделал так же. Внимательно следили не за всеми, а только за теми, кто был замечен в отказе от лекарств.

Каша была почти доедена. Повеяло легким ветром – Майя Витальевна легкими шагами неслась по отделению, здороваясь со всеми и ни с кем конкретно. Сказала что-то постовым сестрам и скрылась. Костя удивился: что она тут делает в Новый год? Неисчерпаемый источник информации, сидящий рядом, тут же откликнулся:

– Наша фея сегодня дежурит. Кому еще дежурить в главную ночь, как не ей? Это честь для провинившихся, одиноких, тех, кого никто не ждет, ну и для фиолетовых фей, естественно.

– Ее никто не ждет?

– Любезнейший Костя, это же дурдом! Здесь очень мало счастливых женщин. Впрочем, у нее есть отпрыск. Девочка.

Между тем завтрак закончился. Со столов убрали. Солдатики накрывали столы скатертями, буфетчица гремела грязными бидонами. Неразлучная парочка наркоманов сидела с видом ведущих аналитиков Пентагона. Встречать Новый год трезвыми они не собирались. Предстоял настоящий мозговой штурм. Вариантов было несколько, все они были рискованны и неочевидно приводили к успеху. В итоге аналитики решили попробовать в новогоднюю ночь галоперидол, благо достать его не было проблемой. Они долго обсуждали предполагаемый эффект, в итоге решили, что это будет похоже на «побыть роботами и, собственно, почему бы и нет?». Мориц крутил пальцем у виска: галоперидол жрут добровольно, торчки хреновы! Он явно не дружил с галоперидолом, разнервничался и ушел спать.

Костя пошел на острую половину, надеясь найти Майю Витальевну и решительно сказать ей, что хоть он и подписал согласие на лечение, но больным себя не считает и от лечения хочет отказаться. Надо все ей объяснить, она поймет…

Вдруг он услышал резкий звук бьющегося стекла, женский крик, еще крики. Подумал сначала, что включили телевизор, но слова слышались

матерные, некрасивые и страшные. К нему по коридору в двух левых ботинках бежал Ванечка-дурачок. Прямо у ног споткнулся, повалился на Костю и, закатывая глаза, страшным шепотом проговорил:

– Ко-остя, доктора убили.

Из столовой бежали больные, часть спряталась в туалете, другие, онемев, смотрели на новенького. Он жутко орал:

– Порежу, с-суку, и себя порежу!!

В правой окровавленной руке у него был большой кусок оконного стекла, пол был усыпан осколками. Левой рукой он крепко держал Майю Витальевну. Острый край стекла приставил к ее горлу. Майя Витальевна смотрела на Костю серьезными, ничего не выражающими глазами. Костя оцепенел. Сзади послышался топот постовых сестер. Их было двое. Как только они вбежали в столовую, новенький опять заорал:

– Порежу всех, суки, ни х…я у вас не получится, я вам живым не дамся, выпустите меня отсюда! Убирай свой шприц! Подойдешь, я ей в шею воткну и себе потом. – Новенький опасно дернулся, сестры отступили.

Все замерли. Кто-то в глубине отделения завыл. Наркоманы оказались близко к разбитому окну и теперь тихонько отползали под столом.

Медсестра Любочка стала загонять больных в палаты. Костя стоял к новенькому и Майе Витальевне ближе всех, боясь пошевелиться. Кровь с рук новенького заливала белый халат врача, и на нем расплывалось новогоднее красное пятно. Стало холодно, в разбитые окна врывался мороз.

Любочка дернула Костю за рукав и попыталась увести, но Костя стоял столбом. Она оставила его в покое. Не до него сейчас.

– Что ты хочешь? Мы сделаем все, что ты скажешь, отпусти врача. – Любочка попыталась сделать шаг вперед.

– Стой, сука, с-сказал, порежу, с-сказал! Открывай двери, быстро, я с-сказал, меня не запрешь, суки еб…е!

Вторая медсестра исчезла. Наверно, пошла за помощью, с надеждой подумал Костя. Майя Витальевна перестала дышать, став похожей на мертвую куклу.

– Выпустите меня! – орал новенький. – Или я ей башку отпилю. Быстро!

– Мы выпустим тебя, только стекло опусти. Надо достать твою одежду, не пойдешь же ты в пижаме на улицу. Там холодно. Подожди немного, сейчас принесут. – Любочка говорила ласково и убедительно.

И тут Костя включился. Он вновь почувствовал ярость, как тогда в кабинете у Ясеня.

– Отпусти ее, – сказал он тихо.

Новенький от неожиданности перестал орать. Костю он до этого момента вообще не замечал.

– Что??

– Отпусти ее. Ты же мужик – отпусти бабу. Давай лучше меня возьми, какая тебе разница?

Это будет хорошим решением и моих проблем, холодно подумал Костя.

Новенький растерялся, замер. Костя сделал шаг вперед, потом еще один. Он подошел на расстояние вытянутой руки. Реальность стала прозрачной. Он увидел ужас и безумие новенького, увидел бессилие и смирение Майи Витальевны, увидел свое желание убить и быть убитым. Потом остались только несчастные одинокие глаза новенького. Костя протянул руку, взялся за стекло и отвел его от шеи Майи Витальевны. Она сделала пару шагов в сторону и осела на пол. Костя и новенький стояли почти вплотную друг к другу. Костя держал стекло с одной стороны, новенький с другой. Что я делаю? Я и вправду спятил! Сомнение мелькнуло у Кости в глазах, и новенький взревел. Он дернул стекло на себя. Он сейчас убьет себя или меня, понял Костя. Но тут что-то больно обрушилось на Костю сбоку, он отлетел в сторону. Четыре санитара, как потом выяснилось, и вправду вызванных второй медсестрой, вязали новенького. Один из них и отпихнул Костю. Новенький отчаянно кричал, ревел, бился насмерть, но санитары знали свою работу.

Костя наклонился к Майе Витальевне, все еще сидящей на полу, взял ее под мышки и поставил на ноги. Ноги ее не слушались. Она вцепилась в его рубашку и прижалась напряженным телом. Такая маленькая, удивился Костя. Костя наклонил голову к самому ее уху и сказал:

– Все уже хорошо. Все кончилось.

От нее пахло адреналином и мандаринами. Потихоньку оживая, она все еще не отстранялась. Костя и сам еле стоял на ногах. Вдруг развеселился, как будто стакан водки залпом выпил. Подумал: «Да я герой, а вот и спасенная дама. Как хорошо жить-то, Господи!» Кажется, сказал это вслух. Майя Витальевна тоже улыбалась с совершенно детским лицом. Санитары меж тем волокли новенького прочь из отделения. Он продолжал орать:

– Все уколы рикошетом! Все уколы рикошетом!!!

Косте стало его жалко. Он начинал понимать, что же такое безумие на самом деле. Больные осторожно выглядывали из палат, примчался все проспавший Мент. Узнав, что случилось, торжественно пожал руку Косте и заверил, что, если учителя выгонят из школы, наверняка возьмут в

антитеррор, поскольку он профессионал от природы и вообще мог бы стать настоящим милиционером.

Мориц, обретя дар речи и привычную манеру, указал на Костю и торжественно произнес:

– Господа, еще есть герои на этом свете! Костя – да ты же Спаситель настоящий!

Ванечка рыдал навзрыд в дальней палате.

Спустя полчаса в отделении навели порядок. Битое стекло убрали, кровь замыли, дыру на месте оконного стекла заложили фанерой. Острым пациентам дали дополнительные лекарства. Все обсуждали случившееся.

В кабинете Царицы сидели Костя, Майя Витальевна и Любочка. Решили запить стресс коньяком. Барьер, непреодолимо отделяющий врачей от пациентов, исчез. Костя чувствовал себя героем вечеринки. Майя Витальевна после пережитого совершенно опьянела и смотрела на Костю влюбленными глазами.

Рассказывала, что каждый психиатр хоть раз в жизни подвергается нападению, и это ее первый раз. Выпили за то, чтоб и последний. Костя рассказывал про школу, говорил, что дети, конечно, тоже бандиты, но не до такой степени. Любочка ругала предыдущую смену, не заметившую у новенького острого состояния и склонности к агрессии, рассказывала про аналогичный случай в ее практике, закончившийся трагически. Пациент тогда выпрыгнул в окно и разбился насмерть. Костя все выспрашивал, что чувствовал новенький, чтобы решиться на такое. Выпили и за его скорейшее выздоровление. Между Костей и Майей Витальевной возникало чувство родства, которое так связывает переживших совместно смертельную опасность. Без халата и опьяневшая, Майя Витальевна казалась хорошей и близкой. Он рассматривал ее лицо, удивляясь, что не сразу заметил, какая она милая. Сидели рядом на диване. Майя Витальевна забралась с ногами, скинув туфли, и ела одну шоколадку за другой. Ближе к полуночи Любочка ушла встречать Новый год вместе с дежурившими сестрами. Они остались вдвоем.

Ощущение странности происходящего все больше заполняло пространство. Она – врач-психиатр, он – буйный пациент, педофил и чудовище, неожиданно оказавшееся героем. Коньяк кончился, и мысль о том, что завтра все будет по-другому, повисала все чаще.

– Ты завтра работаешь?

– Нет, теперь только четвертого.

– Жалко.

Стресс отпускал, и ей потихоньку становилось неловко от того, что

она ночью пьет с пациентом в кабинете Царицы. Только сейчас подумалось, что кто-то наверняка зайдет и увидит ее без туфель на диване рядом с пациентом в клетчатой больничной рубашке. Праздник заканчивался. Они неловко попрощались, она проводила его в отделение, заперла за ним дверь, включила телевизор без звука. До пяти утра смотрела на новогодних фриков, пытаясь осмыслить происшедшее.

Никогда в жизни ее никто не спасал, она вообще не считала себя такой женщиной, ради которой мужчины могут совершить подвиг. Женщина-врач, сама спасающая всех вокруг и никогда не получающая достаточно благодарности. В пациентах она не видела мужского начала, не кокетничала с ними, чувствовала себя скорее матерью или старшей сестрой, на которой висят младшие, все отнимающие братья. Влюбиться в пациента казалось ей непрофессиональным и достойным осуждения.

Пытаясь вернуть себе старую удобную схему «доктор – пациент», нашла историю болезни Кости, несколько раз все внимательно перечитала, поискала заключение психолога. Его не было. С Косулиным у них были приятельские отношения. Почти дружеские. Больше года они проработали вместе. Посылали друг другу пациентов, иногда созванивались, чтобы обсудить обострение кого-нибудь из них и стратегию лечения. Хорошо бы с ним поговорить про пациента Новикова. Майя Витальевна, разложив на диване постельное белье для дежурств, заснула в смятении и счастье.

Сны

Сон Косулина

Косулину снится, что он идет по пустынному берегу моря. Пасмурно и сыро, ноги увязают в сыром песочном тесте, ветер наполнен грохотом волн и солеными острыми брызгами. Он бредет по этому берегу без цели, кутаясь в вязаное старенькое пальтишко. Серое небо низко нависает над головой облаками, грозящими дождем. Он видит скамейку у самой воды. На скамейке кто-то сидит. Косулин подходит и садится рядом. Повернуть голову и посмотреть на сидящего рядом боязно. Сосед сидит неподвижно и молча.

Косулину страшно и тревожно, начинает сильно болеть сердце. Он хватает ртом воздух, но боль не отпускает. Сосед обращается к Косулину, но тот не может расслышать слова, ветер уносит их в сторону. Косулин оборачивается и видит лицо, так похожее на его собственное. Он узнает себя. Рассматривает. Собственное лицо кажется ему старым, несчастным и очень грустным. Ему становится себя жалко. Он улыбается себе и, повернувшись всем телом, распахивает руки, обнимает, прижимает себя к себе. Как будто две половинки складываются во что-то одно, целое и любимое. Из сердца уходит боль, его заливает горячее тепло. Так не хочется просыпаться.

Сон Майи

Майе снится, что она на работе, в своем маленьком кабинете. Пишет. Стопки историй громоздятся на столе, на полу, на подоконнике, она окружена ими со всех сторон. Она спешит и пишет, пишет. В голове ее привычные тревожные мысли. Она думает о том, что надо успеть написать еще много историй, и о том, что было бы здорово иметь такие наборные печати со словосочетаниями, которые повторяются чаще всего, вроде «эмоциональный фон устойчивый», «в отделении держится обособленно», «спал и ел достаточно» и так далее, и просто шлепать эти печати в правильном порядке. Размышления прерывает звук текущей воды. Майя отрывается от историй и смотрит на пол. Из-под двери

ординаторской течет вода. Канализацию прорвало, понимает она. И правда, вода, текущая из-под двери, грязная и воняет дерьмом. Она быстро прибывает. Майя судорожно спасает истории болезни, подбирает те, что на полу, и пытается пристроить их на стол, на подоконник. Места не хватает. Она мечется, а вода все прибывает. Вот уже по щиколотку, по колено. Становится страшно и отвратительно. Пытается открыть дверь, но гранка проскальзывает в дверном замке, дверь не поддается. Она кричит, зовет на помощь, бьется в дверь, но тщетно. Вода поднялась уже до груди, в воздухе стоит нестерпимая вонь, вокруг плавают истории болезни, справки, рецепты, выписки, ручки. Когда между водой и потолком кабинета остается меньше полуметра, Майя начинает вопить от ужаса, она не хочет захлебнуться в дерьме.

Просыпается от собственного крика в слезах и удушье, долго не может успокоиться, пьет валокордин, курит на кухне и плачет.

Сон Паяца

Паяцу снится венецианский карнавал. Темные улицы города на воде наполнены музыкой, тайной, пороками и мертвой красотой. Паяц ищет. Обращается к кружащимся вокруг ряженым, но его не видят. Он задает вопрос одному, другому, но те смеются и ускользают. Паяц злится, ему очень важно найти того, кого он ищет. Он кидается к темной глади канала, заглядывает в него, пытаясь увидеть, ухватить взглядом свое отражение, но вода слепа, в ней расплываются отблески фейерверков, силуэты танцующих, зданий, а самого Паяца там нет. Он пугается и бежит мимо празднующих, мимо темных каналов и кривляющихся мимов, через сверкающие праздничными огнями площади и узкие переулки. Перед одним из домов он останавливается. Видит то самое окно. Оно светится мягким леденцовым светом. Это из-за смешного оранжевого абажура с кисточками, которые они вместе смастерили из старой занавески. Он стоит как вкопанный, сердце колотится, уж в этом окне он точно себя увидит. Он завороженно подходит ближе и ближе. Но ничего не видит, только свет. «Неужели меня на самом деле нет?» – думает он. Смотрит в окно и не может оторваться. Меня просто нет, как же я раньше этого не знал?

Паяц просыпается, какое-то время лежит неподвижно, смотрит в потолок. Потом переворачивается на другой бок и снова засыпает.

Сон Лоры

Лора видит себя в странном кирпичном здании с множеством переходов, узких туннелей и проходов. Ходит по ним, пытаясь найти выход. Неожиданно заходит в комнату, заставленную мебелью. Крепкий дубовый шкаф, плюшевые диваны, разноногие стулья и столы. Лора рассматривает мебель, которая вдруг начинает уменьшаться и расплываться, теряя очертания. В конце концов просто исчезает. В этот момент Лора, перестав сдерживать в себе желание, взлетает и медленно летит к большому-большому окну. Лететь трудно, а хочется подняться выше. Вылетая из комнаты, Лора видит фигуру, летящую к ней издалека. Это высокий мужчина с темными волосами, и он летит быстрее и легче. Они встречаются и летят вместе вверх. Мужчине лететь просто. Лора обнимает его двумя руками, уткнувшись лицом куда-то в живот. Ей совершенно все равно, куда они летят, ей просто очень хорошо.

Сон Морица

Во сне Мориц – смешарик Нюша. Розовый и красивый. Во сне с ним Мент. Он тоже смешарик – Ежик. И это их нисколечко не беспокоит. Нюша-Мориц и Ежик-Мент бегают по дорожкам больницы. Тепло и весело. Лето. Они смеются, носятся туда-сюда, взявшись за руки, и подпрыгивают. Нюша-Мориц кричит Ежику-Менту: побежали купаться! И они бегут к фонтану. Залезают в голубой детский бассейн и вдруг становятся десантниками в фиолетовых беретах. И у них праздник. Нюша-Мориц поет песни, а Ежик-Мент машет флагом, на котором надпись: «Нет войне! All you need is love!» Мориц во сне улыбается.

Сон Кости

Костя бродит вокруг развалин античного храма на безымянном греческом острове. Храм стоит на высокой горе, поросшей средиземноморскими соснами. Жарко, стрекочут цикады. Костя устает и садится на обломок колонны, смотрит на храм. Возникает желание молиться. Он ложится на нагретый солнцем обломок колонны и засыпает. Во сне видит полупрозрачную деву в развевающихся одеждах. Она

кружится и зовет с собой. Дева показывает разные части острова: то маленькую деревеньку, то берег, потом горы. Все, что он успевает рассмотреть вокруг, удивительно прекрасное и яркое. Они оказываются под водой. На той глубине, где уже сумрачно, но солнце проникает и туда. Они подплывают к развалинам простого античного жилища – маленькой хижине. Дева указывает на него рукой. Костя входит, а она остается снаружи. Внутри все так, как будто жилище оставили только что.

В маленькие окошки проникает призрачный солнечный свет. Лучи скользят по грубо сколоченному столу и скамье, над очагом подвешен кувшин с надколотым носиком. Множество предметов, назначения которых Костя не понимает. Он садится на лавку и долго рассматривает все вокруг. Внезапно становится отчаянно грустно. Он плачет о том, как ненадолго дается возможность прикасаться к окружающим людям и предметам – всего лишь на несколько десятков лет! И у него еще есть время.

Костя просыпается в палате от острого желания кого-нибудь обнять.

Сон Лизы

Больничной дворняге Лизе снится ее любимый сон. О том, что она стала главным врачом больницы. Она ездит с шофером в департамент, проводит долгие совещания, посещает отдаленные корпуса больницы с бессмысленными, но очень страшными для окружающих проверками. Во сне у нее собственная столовая и повар. Больше всего ей нравится финал сна: когда она, будучи главным врачом, возвращается в кабинет, исполнив свои начальственные обязанности.

Кабинет даже во сне заставляет собаку нежно перебирать лапами. Она со всех ног бежит в красный кирпичный двухэтажный особняк девятнадцатого века. Из крыши которого гордо торчит золотой крест. Кабинет главного врача находится на втором этаже. В пролете между первым и вторым этажами висит огромная, батального размера картина «Снятие цепей». На ней изображен французский врач-реформатор Филипп Пинель, прославившийся борьбой за смягчение психиатрического режима. Он снимает цепи с истерической барышни, обнажившей грудь.

Второй этаж корпуса разделен на две части. Справа больничная церковь, слева приемная и кабинет. Причудливое сочетание Пинеля с церковной позолотой и ладаном, выросший из крыши крест, зеленая

коверная тишина, напряженные лица в приемной – все это придает Лизиному сну небывалую торжественность и высоту. В этот момент Лиза окончательно теряет голову, перестает быть собой и становится чем-то неизмеримо большим. И, становясь большим, Лиза строго вопрошает:

– Вы понимаете, что такое шизофрения?!

Неожиданно во сне все меняется, величие кабинета главного врача больницы сменяется уютом и затхлостью больничного музея. Среди старинных, обнимающих себя смирительных рубашек и пожелтевших историй болезни можно ознакомиться с меню пациентов столетней давности. Пациенты после экскурсий перестают воспринимать селедку на завтрак как нечто само собой разумеющееся и долго потом вспоминают всякие бланманже, стерлядки припущенные, бефстроганов с черносливом и малиновый крем на десерт. Меню звучит потусторонней музыкой. Незнакомые на вкус названия придают собачьей дремоте особую изысканность. Сквозь сон она слышит звуки подъехавшей психиатрической перевозки. В ней привозят больных из города. Лиза с любопытством, открыв глаза, нюхает воздух, пытаясь определить, знает ли она, кого привезли на этот раз…

Рождество

Новый год благополучно наступил, все подарки подарены, деньги потрачены, общение с родственниками уже утомило, и тут наступают первые рабочие дни. В новогодние праздники больница работает как обычно, безумие не уходит на каникулы. Наоборот: интенсивное общение с семьей, возлияния и злоупотребления, нарушение привычного ритма приносят обильный приток пациентов.

Косулин, промучившись всю неделю в колебаниях между желанием рвануть в Одессу, убить жену и ее любовника и страхом нарушить привычное равновесие жизни, с воодушевлением шел на работу. За дни праздников он выпил с Паяцем ящик водки. Еще три раза сходил с сыном на горку и один раз на каток, навестил мать, которой так и не признался, почему плохо выглядит, счастливо избежал встречи с родителями жены, наврав про срочную консультацию.

Он успел позабыть о больничных делах, отодвинув их и освободив место для хаоса внутренней жизни. Дочка укатила в Питер с институтской компанией, и он был этому рад. Появившееся в ее взгляде презрение провоцировало на необдуманные поступки. Он видел, что она ждет от него решительных действий, но не умел объяснить, насколько раздавлен изменой ее любимой мамочки.

Жена должна вернуться сегодня. Раз в день она посылала ему лживые эсэмэски о том, как скучает и хочет домой. Он с ужасом представлял, как она вернется и наступит час «икс». Ее не было целую неделю, и с очевидностью напрашивался праздничный секс. Что делать?! Он не сможет не выдать себя. Он просто не сможет. В таких вот мыслях психолог вышел на улицу и отправился на работу.

В праздники Москва принадлежит людям. В метро полно свободных мест. Становятся отчетливо видны изгибы улиц, стряхнувшие с себя двойные ряды припаркованных машин. На короткие минуты узнается старая Москва – Москва детства. В такие дни Косулин чувствует, что не так уж он любит людей. Он представляет себе, что бы могло такого случиться, не очень трагического, но все же совершенно неотвратимого, чтобы в Москве убавилось раза в три народу. Чтобы Москва потеряла свое значение, где-то вырос Новый Прекрасный Город, и все уехали туда. А остались те, кто слишком ленив, чтобы искать лучшей доли. Как раз такие, как он.

Косулин стыдился этих фантазий. Но быстро успокаивался от мысли, что сумасшедшие все равно останутся, их так же надо будет лечить и на больницу эти глобальные изменения никакого впечатления не произведут. Даже если рухнет весь мир Косулина, там все останется по-старому, как в детских воспоминаниях. Так же будут плодиться рыжие дворняги, сонные – охранники будут растворяться в пейзаже, прекрасные цветы и растения лечить измученные души пациентов. Палаты будут полны остановившихся глаз, движения больных будут скованны и необычны, движения врачей быстры и ускользающи.

Все так же он, психолог, с утра будет спешить на пятиминутку, чтобы услышать голос человека, который доносится из особняка с крестом на крыше. Все будет как всегда. Это и есть рай, грустно улыбается Косулин, входя в главные ворота больницы и энергично поднимаясь наверх, на крутой пригорок. Взобравшись на него, он устремляется в маленькую, до неприличия романтичную арку, летом увитую розами со всех сторон. По пути к корпусу он старается обязательно пройти через эту арочку. Это его личный ритуал, оживляющий детские фантазии о замках, рыцарях, принцессах и гномах. Из арки открывается вход в большое внутреннее пространство больницы, и вдалеке слева можно различить окно рабочей каморки Косулина.

Спектакль

Пятиминутка после праздников длилась утомительно долго. Косулин притулился на мягком подлокотнике дивана между монументальной Генеральшей и щуплой противной медсестрой Танечкой. Танечка развернула дневник с записями персонала о состоянии больных в отделении и, колюче упершись острым локтем Косулину в бок, изготовилась читать. Бубнеж дежурного врача по селектору никто не слушал. Заведующая уже писала в листах назначений, старшая сестра изучала свой маникюр.

И тут на стандартный вопрос главного врача: «Будут ли замечания, предложения, объявления?» – откликается директор больничного клуба:

– Сегодня, – начинает он голосом Левитана, объявляющего о победе Советского Союза над фашистской Германией, – в пятнадцать ноль-ноль в клубе состоится театральное представление, поставленное силами пациентов. Приглашаются все!

Формула «приглашаются» – условность. Посещение мероприятий, объявленных по селектору, обязательно для всех. Косулин настораживается. В сознании всплывает образ бледного тонкого лица учителя, его рассуждения о греческом театре.

Плохо, думает Косулин, ох как плохо. Точно сформулировать, что «плохо», не получается, но отступившие было переживания по поводу странного пациента, встретившегося ему перед Новым годом, вновь обретают актуальность. Дальше Косулин уже не слушает Танечку, рассказывающую про температурящих и неспокойных пациентов.

Рабочий день пролетает незаметно. Больных мало, подлечившиеся пациенты все еще пребывают в домашних отпусках, и Косулин проводит большую часть времени беседуя с теми, кто всегда встречает праздники в больнице. Косулин с удивлением замечает, что, кроме нехорошего предчувствия по поводу предстоящего спектакля, начинает зарождаться любопытство и какая-то смутная надежда. Возникает ощущение, что на этом спектакле произойдет что-то важное и для него самого.

Косулин терпеть не мог ходить в клуб. Обычно там выступали пациенты дневного стационара. Тягостное зрелище, вызывающее смешанное чувство стыда и раздражения. Пациенты, которым в этой жизни уже давно ничего не надо, под руководством больничного театрального работника пели и плясали. Больше всего это напоминало театр

депрессивного Карабаса-Барабаса, неумело управляющего поломанными марионетками. Косулин, возможно, более других драматизировал, но выдерживал эти спектакли с трудом. Он либо избегал их, либо садился у самой двери и ждал подходящего момента, чтобы сбежать. В этот раз все по-другому. Фраза «силами пациентов» внушает надежду.

На обеде почти никого. Только Пашка, Агния и Белла. Встречаются как после долгой разлуки, обнимаются, обмениваются новостями и подарками. Косулин радуется, что после праздничного перерыва привычный тоскливый фон отступил. Все оживлены и приветливы. Косулин рекламирует предстоящий спектакль. Не хочется смотреть его одному. Однако коллеги морщатся и в клуб идти не хотят. Тогда Косулин предлагает сходить на спектакль, а после отметить все прошедшие праздники, а заодно и сегодняшнее Рождество. Наконец удается договориться.

Косулин выходит из отделения ровно в три. Он знает, что спектакль не начнется вовремя, и поэтому никуда не спешит. День солнечный, морозный, и Косулин идет глубоко вдыхая холодный свежий воздух, позабыв про жену и предвкушая новизну.

Здание клуба стоит близко к входу на территорию больницы. Форпост – место встречи внешнего и больничного миров. Косулин идет обгоняя группы пациентов, под предводительством социальных работников медленно бредущих на спектакль.

Актовый зал, занимающий весь первый этаж здания клуба, заполнился уже больше чем наполовину. Все рассаживаются, здороваются со знакомыми, поздравляют с прошедшими. Косулин разглядывает кудрявую Пашкину макушку, рядом с ним сидят Белла с Агнией. Они шепчутся и хихикают. Косулин пробирается к ним, усаживается рядом с Агнией и начинает оглядываться.

Никому не приходит в голову топить зал как следует. Высокие потолки и окна во всю стену обеспечивают арктический микроклимат. Холодно даже в июле. Спустя полчаса наслаждения больничным искусством ноги начинают мерзнуть, а кончик носа леденеть. Косулин шутил над этим, говоря, что это искусство требует особых жертв и страданий, но сейчас жалеет, что забыл дома перчатки. Агния предлагает ему одну из своих варежек. Косулин как джентльмен отказывается.

Народу в зале прибывает. То, как рассаживаются зрители, отражает негласную иерархию больничной жизни. В первых рядах – врачи. Их белые халаты, не снятые даже на время представления, выглядывают из-под шуб и пальто. Они чинно шествуют по проходам между рядами, усаживаются и продолжают вести деловые и светские беседы. Вот прошествовала Царица,

окруженная стайкой докториц, среди них Косулин заметил и Майю Витальевну. Она выглядит встревоженной и не замечает приветственного жеста Косулина. Царица усаживается в первый ряд, рядом с главным врачом. Будут выступать ее больные, догадывается Косулин. Затем Косулин видит Куклу. Она устроилась в гордом одиночестве. Врачей немного, большинство спектакль проигнорировали.

Остальные места занимают больные. Пациенты каждого отделения сидят вместе, социальные работники, в чьи обязанности входит водить больных в клуб, следят, чтобы они не смешивались. Так за ними легче следить. Мощный бас Катьки Макаровой возмущается тем, что ее заставляют сдавать верхнюю одежду в гардероб. «Вот и мои пришли!» – отмечает Косулин.

Когда пациентки его отделения проходят мимо, Косулин успевает заметить, что Катя чуть ли не волоком тащит Лору. Лора сильно взволнована, все норовит остановиться, но Катька уверенно держит ее за локоть и, что-то убедительно доказывая, тащит ее ближе к сцене. В атмосфере разливается напряжение. Событие из ряда вон: пациенты сами поставили спектакль. Косулин тоже сильно волнуется. Он одновременно боится, что все будет как обычно – уныло, стыдно, глупо, и в то же самое время надеется, что спектакль окажется особенным. Все вместе пугает, страшно предположить последствия.

В то время как Косулин разглядывал пришедшую на концерт публику, Костя дает последние наставления своим актерам. Он серьезно и сосредоточенно носится по сцене, поправляет костюмы, разговаривает со всеми разом, досадует на то, что не успевают начать вовремя. Его останавливает Мориц. Он кладет неожиданно тяжелую руку на плечо Кости:

– Пора, учитель!

И вот, наконец, свет в зале гаснет. Зрители затихают в ожидании. Малиновый занавес колыхнулся раз, другой и плавно пополз в сторону. На сцене так же темно, как в зале. За несколько секунд воцаряется тишина. Вспыхивает софит, яркий круг белого света шарит по сцене в поисках действующих лиц и останавливается на высокой фигуре неопределенного пола и возраста. Фигура закутана в длинную белую хламиду, похожую одновременно на греческую тогу, ангельский наряд и костюм привидения. Лицо, обращенное к залу, тоже белое, темнеют только провалы глаз, кажущиеся прорезями в маске. Длинные волосы в продуманном беспорядке падают на плечи. Это Мориц, совершенно неузнаваемый без своего

обычного наряда.

Он стоит какое-то время, внимательно разглядывая зал. Из-за слепящего света софитов вряд ли может видеть лица зрителей, но каждый в зале чувствует, что фигура на сцене смотрит именно на него. И им неуютно. Словно не актер стоит на сцене под взглядами зрителей, а, напротив, зритель, нежданно-негаданно оказывается под пристальным вниманием этого странного белого существа. Когда некоторые зрители начинают подозревать, что все действие и будет заключаться в этом непонятном и неуютном разглядывании, Мориц слегка качнулся вперед и запел. Голос его, неожиданно высокий и мощный, странно хрупкий, усиленный хорошей акустикой актового зала, заполняет собой все. Мориц стоит неподвижно, выражение его лица не меняется, живут только голос и руки, совершающие одно медленное, непрерывное, почти незаметное движение. Мориц протягивает их вперед, к зрителям, то ли просящим, то ли предлагающим жестом. Песня звучит торжественно и грустно. Косулин, захваченный силой и красотой голоса, не обращает внимания на слова. Хочется закрыть глаза и только слушать. Когда же он отходит от первого эстетического потрясения и начинает вслушиваться, то с удивлением понимает, что не может разобрать слов. В этом грустном и торжественном гимне, обнажающем душу, слов нет.

Косулин удивленно поворачивается к Агнии и неожиданно близко видит ее лицо. Нахмурившись, она внимательно слушает странное пение. Косулину кажется, что сидящая рядом с ней Белла плачет, сама того не замечая. Косулин, боясь пошевелиться, рассматривает зал. Зрители выглядят завороженными жертвами сирен, запертыми в звуках. Мориц поет долго, и его голос все больше меняет реальность, заставляя каждого увидеть собственное одиночество и тоску.

Только Царица, монументально восседающая в первом ряду и изготовившаяся благосклонно принять сначала самодеятельность пациентов, а потом и похвалу начальства, чувствует, что все идет не так. под влиянием пения Морица она увидела себя старой и никому не нужной, и это чувство ей не понравилось. На празднике в психиатрической больнице должно быть весело и задорно. Или хотя бы просто задорно, как в детском садике. Это она знает наверняка. Но не понимает, что делать с желанием молиться, возникшим в ее душе в ответ на пение Морица. Ее пациента.

Мориц допел и, не поклонившись, медленно ушел со сцены. Еще несколько мгновений в зале стоит тишина, затем зрители разражаются аплодисментами, кто-то кричит «молодец!» и «браво!», все задвигались,

задышали.

Когда аплодисменты стихли, все увидели, что круг света на сцене несколько поблек и расползся. В нем появились новые действующие лица. На сцену выходят Костя, Мент, Ванечка-дурачок и отец Елений. Костя одет в серый костюм и галстук, в руках он держит учительский портфель. Мент в милицейской форме невероятно хорош. Отец Елений в черной монашеской рясе выглядит так, как будто в ней родился. Ванечка нарядился в красный спортивный костюм с Микки-Маусом на груди.

Фигуры медленно ходят по сцене и оглядывают друг друга, зал. Из колонок раздается шум улицы, слышны гудки машин, смутные обрывки разговоров, шаги, музыка в отдалении. Шум этот вскоре стихает, и герои оказываются стоящими в ряд у переднего края сцены. Как и Мориц, они безмолвно вглядываются в зал. Каждый из них похож на себя: Костя чувствителен и вдохновлен, отец Елений добродушен и открыт, Мент несчастен и подозрителен, Ванечка глуп и беззащитен.

Лора во все глаза рассматривает Костю. Он нравится ей в костюме. Так вот ты какой, учитель… Она вытягивается, стремясь макушкой к потолку, чтобы ничего не пропустить.

Тем временем на сцене актеры снимают с себя одежду и оказываются в одинаковых клетчатых больничных пижамах. Они складывают свою повседневную одежду в большой черный мешок, который выбрасывают за рояль. На сцене теперь пациенты психиатрической больницы.

Круг света опять сужается, концентрируется и замирает на Косте. Остальные трое актеров остаются в полутьме. Костя поправляет воротничок больничной пижамы и начинает говорить. Зрители, уже привыкшие к пантомиме, удивленно вздыхают.

– Я учитель, – говорит Костя. Голос его звучит совсем не театрально, а обыденно и просто. – Учитель истории. Я рассказываю детям про древних славян, про Ивана Грозного, про Ленина и про войну. Отвечаю на вопросы детей, чем Ленин отличается от Сталина, а Сталин от Гитлера. Еще я люблю театр. Знаете… я организовал в школе детский театр. Это стало делом моей жизни. – Костя горько усмехается и замолкает. Кажется, что он задумался или погрузился в воспоминания. – А потом мой начальник обвинил меня в педофилии. В том, что я домогался своего ученика. – Костя делает паузу.

В зале вновь начинается движение и шум. Царица поворачивается к Майе Витальевне и почти в полный голос что-то ей выговаривает. Майя сидит ссутулившись. Кажется, она готова заплакать. Остальные врачи тоже зашумели, переговариваясь.

Костя ждет.

– Это неправда! Я никогда не причинял вреда детям, – продолжает он. – Но кто мне теперь поверит? – Голос Кости становится жестче с каждой новой фразой. – Ведь я теперь псих. Я теперь один из вас.

В эту секунду, сидя в шумящем зале, Косулин чувствует мгновенный укол острейшей душевной боли. Точный безжалостный укол прямо в сердце. Косулин судорожно вздыхает, в голове его звучит Костина фраза «Я теперь один из вас». Да как он посмел, думает Косулин, как он посмел причислить и меня к общему числу. Один из вас…

Косулин не успевает додумать. Свет гаснет и в ту же секунду зажигается снова, но теперь уже в его кольце – Мент. Он нервно переминается с ноги на ногу и исподлобья оглядывает зрителей.

– Я милиционер, – начинает он. – Я должен охранять ваш покой и защищать закон. Но у нас никому не нужен закон. Только сила. Я пошел против системы и оказался здесь. Она меня сломала… – Губы Мента дергаются и уходят влево.

Свет переползает на отца Еления.

– На воле я был монахом. Я молился и работал. Я мечтал о встрече с Божеством. Когда я с ней встретился, то оказался здесь… – Елений смотрит прямо на главного врача, который понимающе кивает.

Белла перегибается через Агнию к Косулину:

– Он сказал «с ней» или мне послышалось?

– Я тоже услышала «с ней», – шепчет Агния, подняв недоуменно плечи.

Заканчивает сцену Ванечка. Он стоит, неуклюже скосолапив большие ступни, щурясь от бьющего в глаза света, и улыбается своей глупой улыбкой:

– Я – Ваня. Я люблю конфеты. – Он произносит «конфеКты», отчего в зале раздается хихиканье. Услышав его, Ваня тоже засмеялся. – Бабушка приносит мне конфеты в субботу. И в эту принесет. Я хочу уйти домой с бабушкой.

Под конец этой немудреной речи Ваня начинает хлюпать носом. Но тут вновь вспыхивает свет, осветив всех четырех героев. Они сбиваются в неплотную кучку и шаркающей неопрятной группой удаляются прочь со сцены.

Минутное недоумение разражается аплодисментами. Катька, сидящая рядом с Лорой, басом кричит: «Браво!» Лора тоже хочет крикнуть, но слезы сдавливают горло, и она молчит. Аллочка Сонькова вскакивает и всем длинным телом крутится во все стороны, приговаривая:

– Ну какие молодцы! Нет, ну не молодцы? Молодцы!!! Все правда, все как есть!

Психологи шушукаются, склонив головы к Косулину. Шостакович разводит руки: не ожидал, мол, и поднимает вверх большие пальцы на обеих руках.

Косулин сидит не дыша, вспоминая, что чувствовал себя почти так же, когда его шестилетний сын играл в детском садике главную роль Чебурашки. Он повторяет, боясь сглазить: «Подождите, подождите, давайте посмотрим, что будет дальше». Тревожно оглядывает часть партера, сидящую в белых халатах. Там – тихо. Наконец поднимается главный врач и с наигранным удивлением изрекает:

– Посмотрите-ка, интересно, очень интересно! Настоящий театр! И как раскрыта проблема стигматизации! Декораций почему-то нет… Ну это ерунда… Я не все понял, конечно, но интересно, очень интересно!

В антракте народ высыпает курить на улицу. Солнце припекает и заставляет сверкать сугробы бриллиантами. Косулин, Белла, Шостакович, Агния столпились обсудить увиденное. Договорились после спектакля встретиться около морга и покурить. День короткий, а домой никому не хочется.

Наконец все возвращаются и рассаживаются. Место главного врача пустует. Лора меняется местом с пациенткой, проспавшей все первое действие. Катька отдает целую пачку сигарет за место рядом с Лорой. Теперь они сидят во втором ряду, откуда сцена отлично просматривается, но Лора все равно тянется вверх. Все ждут, что будет дальше. Начинается второй акт.

Занавес открывается, и перед внимательным залом предстает новая картина. В правом углу сцены – докторский стол. Горит настольная лампа, громоздятся стопки папок с историями болезней. Белоснежный Мориц сидит, в задумчивости склонившись над раскрытой историей, и меланхолично грызет ручку. В центре сцены лицом к залу сидят Костя и Мент. Костя в женском платье. Старомодный зеленый костюм с брошкой в форме маленькой птички сидит на нем неожиданно хорошо. Косте кажется, что в нем он очень похож на маму. Мент сидит рядом, переодетый в штатское. В левом углу сцены, уютно устроившись в мягком кресле под клетчатым пледом, отец Елений отхлебывает чай из граненого стакана с серебряным подстаканником. Герои, одновременно присутствующие на сцене, совершенно не обращают друг на друга внимания, каждый занят своим.

За сценой слышится неловкое громыхание тяжелых ботинок, что-то со

звоном обрушивается, и, наконец, на сцене появляется Ванечка-дурачок, все в том же костюме с Микки-Маусом. Ваня оглядывается и ковыляет к Морицу, который при его приближении перестал грызть ручку и усиленно застрочил, изображая большую занятость.

Зал встречает появление Ванечки нестройными аплодисментами. Ванечка улыбается, кланяется и чуть не падает прямо на Морица. Тот не обращает на него внимания.

Косулин со стыдом и отвращением наблюдает за Ванечкой, ему мучительно хочется сбежать и не видеть продолжения. Мучит ощущение абсурда и неотвратимой опасности, заключающейся то ли в воцарившемся в его жизни балагане, то ли в чем-то еще, что он никак не может осознавать.

Косулин оборачивается к Агнии за поддержкой. Она с интересом и недоумением следит за развитием событий на сцене. Косулин со страхом думает: «Неужели только я это вижу?» Тут кто-то садится на пустовавшее до этого соседнее кресло. Косулин поворачивается. Рядом приземляется Паяц. Он помят, бодр и весел. Косулин с облегчением говорит:

– Слава богу, что вы пришли, а то я тут сейчас чокнусь.

– Разве ж я мог пропустить главное театральное событие сезона!

Тем временем на сцене Ванечка начинает дергать Морица за рукав халата и хныкать гнусаво:

– Доктор, доктор, что со мной? Когда я пойду домой?

– Ванечка, у тебя хроническое нервное расстройство. – Мориц говорит медленно, не отрываясь от письма. – Надо полечиться.

– Когда я выздоровею, доктор? – продолжает хныкать Ванечка.

– Надо пить все лекарства, слушаться доктора, и все будет хорошо, – отделываясь от Ванечки, как от ребенка, повторяет Мориц.

Ванечка не отстает и продолжает задавать одни и те же вопросы.

Тогда Мориц, наконец, отрывается от писанины. Оправляет белый халат, плавно и горделиво встает из-за стола, выходит на авансцену и начинает расхаживать туда-сюда, заложив ладонь за отворот халата. Его движения наполняются достоинством и смыслом, подбородок устремляется вверх. Видно, что эта роль доставляет Морицу особенное удовольствие.

– Ну что же тут непонятного?! Зачем вам так много знать? Есть доктор, есть больница, есть ПНД в конце концов, предоставьте свое здоровье профессионалам. Они о нем позаботятся. Вы все равно ничего не поймете, это слишком сложные материи… Ну вот узнаете вы, что больны, скажем… шизофренией! И как вам это поможет? Лучше об этом просто не думать. Лечиться – и все. А то вы же начнете все отрицать или, хуже того,

отчаиваться. В общем, будете только мешать. Мешать вас лечить!

Мориц возвращается к своему столу, открывает ящик, достает из него шоколадку и дает ее Ванечке. Ваня с радостью отвлекается от сложных вопросов, разворачивает шоколадку и бредет к Косте с Ментом. Мориц возвращается к столу и опять начинает грызть ручку.

Ванечка добредает до тихо сидящей пары, отламывает обслюнявленными пальцами кусок шоколада и протягивает его переодетому Косте.

– Ма-амочка, папочка, Ванечка принес вам шоколадку.

Мама-Костя, не замечая шоколадку, смущенно поправляет выбившуюся из штанов Ванечкину рубашку. Папа-Мент, краснея и принужденно улыбаясь, забирает шоколадку и, заворачивая в салфетку, брезгливо убирает ее в карман.

– Мама, папа, а вы меня любите? – глупо спрашивает Ваня.

Мама-Костя и папа-Мент, не отвечая на вопрос, встают, начинают суетиться, загораживают Ванечку от зала. Костя-мама с виноватым лицом обращается к залу:

– Не обращайте на него внимания, пожалуйста, он у нас хороший мальчик.

Папа-Мент раздраженно одергивает ее:

– Прекрати, прекрати, пойдем отсюда…

Мама-Костя берет Ванечку за руку, тянет за собой, напоследок оборачивается к залу и сдавленно шепчет:

– Я ведь даже не курила никогда…

Папа-Мент тянет Ванечку за другую руку. Ванечка ревет и не хочет уходить. Папа-Мент уводит маму-Костю со сцены.

Паяц нагибается к уху Косулина и шепчет:

– А чего, похоже на жизнь, правда, Александр Львович?

– Меня сейчас стошнит, Олег Яковлевич, я их всех уже ненавижу.

– Терпите, Александр Львович, такая у нас работа с вами. Бог терпел и нам велел, а вот, кстати, и он, судя по всему, под пледиком… – Паяц радостно тычет пальцем в направлении кресла отца Еления.

Майя сидит не дыша рядом с Царицей и тихо умирает от восторга. Как мог так быстро, казалось бы, ничего не понимающий в реальной жизни Костя ухватить самую суть их больничного мира? В Морице она узнала себя и отчасти Царицу. Ленинский жест, так точно повторенный Морицем, принадлежал сидящей рядом заведующей. На лице Царицы не дрогнул ни один мускул. Майя еле держится.

Тем временем зареванный Ванечка перестает звать маму и, заметив отца Еления, ковыляет к нему. Всхлипывая, усаживается на пол, обнимает ноги отца Еления:

– Боженька, я здесь. Я урод, и меня не любят родители. Я никому не нужен. А я их люблю…

Зал замирает. Катька в гробовой тишине, со слезами в голосе, укоряет невесть кого:

– Ну что же это делается-то?

В отсеке белых халатов слышатся разговоры. Косулин разобрал: «Надо прекратить этот балаган, сейчас все возбудятся, что мы делать будем? Ловить их потом по всему городу?»

Елений оборачивается к залу и очень внимательно смотрит на белые халаты, смотрит пристально, никуда не торопясь. Он не похож на себя обычного: сухонького и смешного. Глаза Еления заблестели, стали очень серьезными и словно знающими то, о чем в зале никому не известно. Все его тело, по-прежнему скрытое клетчатым пледом, приобретает весомость, став точкой силы всего зала. Халаты притихли.

Отец Елений кладет руку на лохматую Ванечкину голову, гладит его, вытирает ему слезы ладонью и спокойным голосом говорит, обращаясь к залу:

– Мы все скоро умрем, друзья! Таково условие бытия. Наша встреча коротка. Это факт. Но Божество не так жестоко, как мы привыкли думать! Оно не всесильное вовсе! Это обман, иллюзия, грандиозный многовековой обман. Я знаю, что она другая на самом деле. Наша реальность другая. Мы никак не можем признать… не можем оценить! Все мечтаем о лучшем, о другом. Как дураки. А ведь… То, что есть сейчас, – хорошо! Правда – хорошо!

Ванечка поднял голову и с улыбкой уставился на Еления.

– Да. Одни заперты в дурдоме насильно, а другие, – он приятельски кивает Царице, – здесь добровольно. Но это не так уж и плохо, друзья. Не самое плохое место под солнцем. Возможно, единственное для любви. Не самое плохое место для тебя, Ванечка. И для меня тоже. Возможно, лучшее для всех нас, связанных общей судьбой. Да благословит нас всех Богиня!!!

На этих словах он берет Ванечку за руку, подходит с ним к краю сцены и медленно кланяется низко, в пол. Выходит так, что поклонился он Лоре, ловящей каждое его слово. Со стороны не очевидно, что кланяется он именно Лоре, однако тем, кто сидит рядом, это ясно. Ко всему прочему она не удержалась и поклонилась ему в ответ.

Ванечка, у которого моментально, по-детски, высохли слезы, громко восклицает:

– Возлюби то что есть! – и хлопает в ладоши.

Зал выдохнул, разразился аплодисментами. Между тем все актеры высыпают на сцену, начинают обниматься друг с другом. Внезапно сцена за их спинами заполняется множеством пациентов в белых простынях и с вымазанными черной краской лицами. В зале заохали. Мориц высвободился из объятий Мента и в тишине ритмично защелкал пальцами, начал притопывать ногами. Этот ритм постепенно подхватывают все находящиеся на сцене. В зале слышатся робкие хлопки. И вот Мориц неожиданно высоко запевает, вплетая свой радостный голос в общий ритм. Мориц поет: «Возлюбим то что есть, друзья!» Ему вторит хор в белом на сцене. Зал уже уверенней поддерживает заводной ритм. Мориц начинает пританцовывать, повторяя на разные лады свой припев, Костя все еще в образе мамы Ванечки, подобрав юбку, выделывает кренделя коленками.

Этого не может быть. Все-таки я спятил, и у меня галлюцинации, думает Косулин. Паяц подпрыгивает на кресле рядом с ним, радостно хлопая в ритм. «Госпел в дурдоме! Костя – настоящий псих!» Он чувствует, что теряет связь с реальностью, и не знает, как реагировать, хоть и очень любит госпел.

Сонькова вскакивает со стула и садится обратно, громко радуясь и скандируя: «Молодцы! Молодцы!» Спектакль тем временем закончился, и толпа со сцены, кланяясь и продолжая петь, презрев все театральные условности, вываливает прямо в зал.

Косулин даже испугался. Реальность вокруг действительно изменилась. Пациенты не выглядят скованными, вокруг полно жизни, движения, улыбок. Они похожи на обычных людей. В голове мелькает: да, да, ведь сегодня Рождество, революция, рождество-революция, что-то сейчас начнется. Врачи выглядят растерянными, в своих белых халатах похожие на недобитых белых офицеров.

В дальнем углу огромный пациент, на всех концертах исполняющий роль Высоцкого, совершенно неожиданно выскакивает из многолетнего амплуа и запевает Виктора Цоя.

Вокруг Лоры столпились женщины и разглядывают ее, трогают за волосы, задают вопросы. Катька, как профессиональный бодигард, перекрывает к Лоре проход и командует:

– Товарищи, со-облюдаем порядок, организованно возвращаемся в свои отде-е-ления!

Мориц счастлив и принимает восторги как заправская звезда. Паяц,

все еще качаясь рядом в ритме «возлюби-то-что-есть», лукаво подмигивает Косулину:

– Ну и что я вам говорил, Александр Львович, полюбуйтесь, от вашего любимого учителя какой переполох! Устроил настоящий вертеп, лекарств не хватит успокаивать театралов наших.

Косулин в эту минуту готов с ним согласиться: слишком грубо нарушил Костя привычную схему: здесь больные – а тут здоровые, здесь власть и контроль – а здесь безответственность и детский сад. Привычный строй системы трогать нельзя. А тут свобода какая-то – возлюби то что есть… бред…

Майя Витальевна пробовала ускользнуть от Царицы, чтобы тихонько дать знать Косте, что спектакль ей очень понравился и она в полном восторге. Ей, с детства привыкшей все делать «как надо и как все», «не показывать плохие эмоции», «не говорить то, что думаешь», Костин спектакль как будто разрешил быть собой, хотя бы ненадолго. В толпе она пробирается к зеленому «маминому» жакету, но неожиданно натыкается на гордую спину Лоры. Они с Костей разговаривают и никого больше не видят. Не подобраться. А Майя заметила. И Лору, и Костин сияющий вид. Но, привыкнув не относиться к чувствам пациентов всерьез («все они могут быть продуктом бреда или психоза»), отмахивается от неприятной женской ревности («какая-то сумасшедшая, подумаешь»). Решает повременить со своими восторгами до возвращения в отделение.

Все устали и теперь суетливо засобирались, отложив обсуждение спектакля на потом. Косулин провожает взглядом Лору. Она кажется ему совершенно безумной: такие огромные у нее сделались глаза, и вся обычность, приобретенная в больнице за последние месяцы, исчезла. В чертах явственно проступает Богиня, прекрасная и величественная. Лора идет улыбаясь и пританцовывая.

Катька ведет ее за руку, заботливо намотав на длинную Лорину шею вязанный самолично шарф.

Морг

– Весело год начинается! Возлюби то что есть! – приветствует Косулин всех собравшихся около морга.

К моргу шли разными путями, чтобы никто не заметил. Не то чтобы нам нравилось курить именно около морга, но место это в больнице безлюдное, да и сюрреализм ситуации нам привычен. Правда, все равно казалось: все видят, что мы укуренные.

Косяк быстро кончился. Напряжение потихоньку отпускало. Косулин сделался ужасно гордый, напустил на себя вид папочки, как будто Костя и есть тот мальчик, который играл в детском садике роль Чебурашки.

– Во какой учитель! Я вам говорил?! Всех на уши поставил, почти революцию устроил!

Мы смотрим друг на друга с ощущением, что все изменилось, и сами мы как новые. После Костиного спектакля нельзя уже будет работать по-старому. Маски сброшены. Это то же самое, как если бы президент собрал всех агентов влияния и на всю страну по телику сказал им: ребята, хватит, мы же с вами всю страну уже продали, мы же ненавидим друг друга, и ни совести, ни будущего у нас нет! А потом признался бы, что ничего другого ему и предложить-то нечего, что такая наша судьба, и давайте любить то что есть, потому что могло быть и хуже. Или вообще не быть.

Что теперь будет – обсуждали в самых фантастических вариантах. Белла пристала к Косулину с выяснениями, почему Костя и Елений поклонились Лоре, имели они в виду, что Богиня – это именно она, и что все это значит. Косулин после Нового года не видел Лору и не знал, что она влюбилась в учителя. Но он догадался…

– Судя по всему, друзья, перед нами любовная история с политическим подтекстом! – сказал он голосом Морица. Вышло очень похоже, и все заржали. – Учитель влюбился в Богиню и преподнес ей в дар Революцию.

– Да не будет никакой Революции! – возмущается Шостакович. – У нас от революций иммунитет еще лет на двести. На х… революция-то? Чего делать-то с ней? Как вы вообще себе это представляете? Людей в белых халатах, назовем их условно «белые», расстреливают галоперидолом в больших дозах, а главный врач качается на кресте? Толпы сумасшедших выходят на улицы, бродят туда-сюда, радуются свободе, народ пугают, а потом чего?

– Да! Да! Да! А больницу бульдозерами сравнивают с землей, и на ее

месте ставят мемориал «Павшим в боях за нормальность», – увлеченно продолжает Белла.

– А что с нами будет, вы подумали? – многозначительно спрашивает Агния.

– Да нас же во всем и обвинят! Скажут: психологи доигрались, возбудили пациентов, поддержали их враждебные настроения, не поняли ситуацию! Да, именно так и будет, – мрачно предрекает Косулин. – Пациенты место свое забыли, забыли, кто тут главный! И мы пойдем домой.

Тогда нам казалось, что изменения неизбежны. Что главный, увидев этот спектакль, попробует изменить систему, что появится уважение к пациентам, сочувствие друг к другу, что станет не так страшно работать творчески, индивидуально, рисковать, что пациентов перестанут кидать, как мячики, от одного врача к другому, а самих врачей, как пешки, переставлять в немыслимой логике, что все поймут важность работы друг друга и перестанут красть, а расширят штат и повысят зарплаты. Что больница перестанет быть местом, в котором ты несешь крест, а можно будет с удовольствием и со смыслом работать, что пациентам наконец-то начнут объяснять, что с ними происходит, что им будут говорить правду, а не набор противоречивых – утверждений. И делать это будут достойно и без стыда. Что прекратят инвалидизировать тех, кто попал сюда молодым, что действительно дадут шанс на обычную жизнь, а не убедят в неизбежности жизненного краха и неизлечимости. Что можно будет любить друг друга, а не бояться и не кучковаться маленькими враждебными группками. Эта надежда на высшую силу, воплощенную в фигуре главного, была среди нас чем-то вроде детской веры в то, что добро всегда побеждает зло. Стоит лишь донести несправедливость реальности до высших сил.

Мы никак не могли дойти до той степени личной зрелости, которая знает о бессилии и одиночестве верхушки айсберга. Много позже мы поняли, что эта вечная русская надежда прекрасно позволяет уничтожать всякое подобие власти, способной установить одни правила для всех. Этот многовековой самообман позволял нам оставаться в возрасте подростков, которые отрицают власть родителей и не согласны брать на себя никакой ответственности. Так нам было удобно и позволяло ничего не менять.

– Я даже плакала, – признается Белла.

– Я видел, – говорит Косулин. – Я тоже чуть не разрыдался, когда Мориц пел. Так грустно стало…

– Слушайте, я ничего не понял – что это за Богиня вообще, что за

любовь, у кого с кем и за что? – спрашивает Шостакович.

– Пациент есть один, отец Елений в Костином отделении, я его смотрел еще давно, – рассказывает Косулин. – Так вот ему открылась Новая Богиня, за что его, сами понимаете, злые ортодоксальные силы бросили в больницу. Судя по всему, они все индуцировали друг друга. Массовый психоз, уверовали в Богиню новую какую-то. Ну и влюбились.

– Да в моем отделении сейчас пять или шесть богинь лечится! Тоже мне новость в дурдоме – богиня, почему именно эта пациентка? – удивляется Агния.

– Хороший пиар. – Все захихикали.

– Не пиар, а правильный возлюбленный! Так все хитро завернул, вроде она и не она это, не придерешься, – объясняет Косулин.

– Ага, – забоялся Пашка. – Сегодня Рождество вообще-то, а тут ересь настоящая, как бы нас всех на кострах не сожгли. Богиня-то языческая: принимает все как есть. Никакого тебе стремления к совершенству, высшим силам, иным мирам. Представляете, если этот психоз выйдет за стены больницы? Сначала вся Москва узнает о новой Богине, потом вся Россия…

– Вот это и будет настоящая революция! Я из этого спектакля понял только, что Богиня непроста и не признает лживых надежд. А! Я понял! Это Богиня Реальности! Во-о-злюби то что есть! – опять голосом Морица пропел Косулин.

– Точно. Очень похоже! Тогда, господа, я делаю официальное заявление. – Шостакович выкатывает свои черные глаза и обворожительно серьезнеет: – Мы, друзья, обязаны поддержать этот культ! Богиня Реальности – истинная Богиня психологов. По сути дела, мы те немногие, кто служит ей честно и со знанием дела. Мир лежит во лжи и иллюзиях! Возлюби то что есть!

– А-а-а-а! Я тоже так хочу, – решительно заявляет Агния. – Я тоже хочу, чтобы в меня кто-нибудь так уверовал! Са-аш! Я тебе не говорила раньше, но я – Богиня! Посмотри на меня внимательно! Видишь? Замечаешь? – Она подносит свое лицо прямо к лицу Косулина и упирается носом в его нос. Теперь у нее четыре глаза. А потом только один, но большой.

– Не считается, – дразнит ее Шостакович, – ты пойди сначала мир спаси, чудо сотвори, договорись с потусторонними силами о мире, а то… я – Богиня, я – Богиня! Знаем мы таких богинь…

Все ржут и ржут. Вдруг Косулин, взглянув на часы, понимает, что через два часа надо ехать встречать жену на вокзал, а он нетрезв, небрит и жену видеть совершенно не в состоянии.

– Бля-а! – не сдерживается он. – Ну что мне делать?

Это было неожиданно, все уставились на него, всеми силами пытаясь сохранять серьезность.

– Хватит ржать, все это очень плохо кончится, очень плохо, меня жена, кажется, бросила. Она мне изменяет, и я это узнал. Она сегодня приезжает, а я должен сделать вид, что ничего не знаю! Не знаю, что она там е…я с кем-то!! Я в отчаянии… – Губы Косулина сжимаются, а лицо изменяется так, что становится понятно, каким оно было раньше, в детстве.

Все это замечают.

– Наконец-то понятно, что с тобой! – Агния вздыхает с облегчением. – А то ты последнее время сам не свой. – Саша, поехали ко мне, я тебе выделю желтый диван, утром сам решишь, что делать.

Все поддерживают, что ехать за женой в таком состоянии нельзя.

Вечеринка у морга заканчивалась, темнело и холодало. Но нам было тепло, в душе опять расцветала радость от ощущения братства, от того, что, когда настанет твой личный жизненный п…ц, ты не будешь один.

Часть вторая

Во все тяжкие

Лора просыпается: рождественское утро, в палате свежо, почти все койки пусты, за окном мирно падает снежок. В душе мрак, а в голове мыслей не счесть: опять снилась мама… Во сне Лора кричала ей: мне больно, я обижена на тебя, смертельно обижена!!! Больше ничего не помнила, проснулась от ужаса этих слов. Смертельно обижена – это не просто обида. Это до смерти, значит. Можно так обидеться, чтобы человек умер? Могла ли ее обида убить маму?

Я что, убила ее? Погоди, Лора, ты такая смелая и решительная. И убийца, и спаситель… И Богиня…

Вчерашний день разогнал мрак. Костя… Как же он ей нравится! Волосы у него мягкие и пахнут приятно. В чертах особая к ней близость, вызывающая желание обладать и меняться чем-то похожим, обнаруживая равенство и взаимность. Зашаталось все, когда он со сцены к ней спустился. И про Богиню ввернул так тонко, и отец Елений ей поклонился! А она ответила, вот дура! Все видели. Не ожидала такого, просто мечтала с Костей увидеться хотя бы раз еще, а тут, оказывается, и для нее место нашлось. Да чуть ли не главное. Богиня. Как он забавно все понял, по-своему: возлюби то что есть. А что есть?

Конечно, он совсем другой человек, не из Лориной вселенной, где они с мамой кружились, как сдвоенные звезды. Он проще, прямее. Лора – интеллект-машина, зато в отношениях между людьми ничего не понимает. А он ничего не скрывает, не то что Лора. Она-то обманет детектор лжи, если надо. Похоронит все чувства на дне души, и все – ничего сложного. Он не такой – он чувствительный, как на иголках все время. Бурлит. Вчера счастлив был. И видно, что не только от спектакля, но и от встречи с ней тоже.

Неужели я влюбилась? Так вот это, оказывается, как. Сильно. Как же я могла так влюбиться? Наверное, он младше меня. Вчерашняя короткая встреча, как доза долгожданного наркотика, наполнила жизнью все клеточки тела. Самые скрытые, незнакомые Лоре места ее тела ныли, стонали, умоляли: еще, еще, еще. Ворочалась полночи, ерзала, любила подушку, ничего не спасало – заснуть не получалось. Была бы дома – в ванне бы валялась, постепенно расслабляясь. Но интимная жизнь в больнице не предусмотрена – уединиться негде. А ночью стыдно – сама слышала, как жаловались на одну: всю ночь мастурбирует, спать не дает.

Всей аптекой успокаивали – не помогало девке. Куда ж деваться Лоре? Вполуха слушала горячие обсуждения спектакля в палате, на вопросы отвечала невпопад. Разговаривать не хотелось, хотелось замереть в сладком коконе: я ему нравлюсь, он для меня все это сделал, я ему нужна, а он – мне. Нам будет так хорошо, как и не бывает вовсе. Вопросы отвлекали, злили, хотелось спрятаться ото всех: да отстаньте, пожалуйста!

Во всем теле наступала легкость, как будто Лора лишилась веса, а ткани души и тела приходили в невиданное ранее движение, бурлили, сливались, безжалостно разрушая картезианскую картину мира. Она замирала, уносилась в фантазии, одна откровеннее другой, злилась на себя, пыталась выбраться. Сопротивлялась из последних сил: ничего и нет между ними, два раза в жизни виделись, что может быть? Он ничего про нее не знает, а она про него тоже ничего… кроме самого главного. Но сопротивление было обречено на провал. Сдалась, утонула.

Внешне все это выглядело несколько по-другому. Психиатрически выражаясь: в контакт не вступает, улыбается, погружена в себя, сути переживаний не раскрывает. Пока Лора, наполняясь возбуждением до краев, познавала новую себя, Катька и соседки по палате тревожно переглядывались. Барышни все были опытные и, что такое обострение, знали не из чужих рассказов.

Лорино сознание вспыхивало от дрожащей долгожданной любви к мужчине – нормальному живому мужчине. Которого можно потрогать, которого хочется потрогать! Только коленки от страха подгибаются. Что будет-то, если все-таки потрогает? Наверное, сразу – умрет, не выдержит. Или плакать будет и убежит. Нет! Раньше бы убежала. А теперь рискнет. Все изменится сразу, решительно и навсегда, стоит им только приблизиться так, что назад уже пути нет. Страшно – мир опять изменит ей, и она не знает, как. Знает лишь, что никогда не будет прежней, если хоть один раз выйдет за границы фантазий в реальность. Она вспоминала, как было, когда реальность менялась, не спрашивая разрешения. Как страшно было, как хорошо!

Он любит ее, он любит ее, ведь он признал ее на весь мир. Всем рассказал, что она Богиня. А она Богиня? Лора, ты Богиня? Богини в современном мире разве девственницы? Разве они лежат в дурдоме и развлекают других богинь помельче? Разве Богини убивают обидой собственных матерей? Тоже Богинь. Разве нет? А может, Костя не любит, может, просто развлекается? Голову заморочил, про любовь с три короба нагородил? Откуда он знает про любовь? Вообще, разве есть сейчас любовь? Все только про отношения говорят. Строят отношения, как гараж

или сарай. А зачем про Богиню всем рассказал? Посмеялся? Может, все не так уж хорошо? Что она, собственно, знает о нем, кроме того, что у него с головой не все в порядке?

Невозможная любовь, страсть, возбуждение такое, что не скрыть… Вина, боль, мама, где ты, мама, на кого ты меня бросила?

Все вместе, все вместе, как в детском компоте, как бывает, если вы действительно сошли с ума. Невыносимо! Но, благодарение психиатрическим богам, на помощь пришел честный трифтазин. Под утро уснула, так ничего и не решив. Завтра рождественский вечер. Погадать, что ли, духов вызвать? Маму? Она все знает.

На том душа Богини и успокоилась ровно на три часа. Богини мало спят.

С утра едва вспоминает, кто она и где, сразу накатывает: Костя, Костя, Костя. Костя Новиков. А по отчеству как? Константин Михайлович… Александрович… Юрьевич?.. Как теперь с ним встретиться, когда они заперты и принадлежат другим людям, правилам, больнице, судьбе?

Есть не хочется. Вчерашняя легкость опять забралась в тело, и ему не нужно еды. Лора задумывается: может, любовь – еда, особая еда для особых обстоятельств? Еще неделю назад у нее был прекрасный аппетит, больничная пшенка утяжеляла, заземляла, вселяла уверенность. А сегодня не лезет, за ноги хватает, но не достает. Лора уже почти летит. Да и набрала она на больничных обедах, пора худеть. Он такой высокий и стройный. Красивый. Черт! Она опять не услышала Катькиного вопроса – опять уплыла из больницы во внутренний мир тела и желания. Срочно собраться! Соберись, Лора!

Спать нельзя – будет хуже, будут сны с ночи до утра, не разберешь потом, где реальность, где вымысел. В детстве Лора терялась между снами и явью. Что на самом деле правда – не могла понять. А сейчас важно знать наверняка. Мысль хорошая вечером посетила – духов вызвать. Время ведь наступило гадать. Рождество. Раньше бы смеялась над дурачками примитивными, что верят в деревенские сказки, но после истории со Стивом Джобсом стала осторожнее – все бывает на белом свете, даже то, чего не бывает.

Воодушевленно изложила свой план подружкам. Больше всех обрадовалась Актриса. Выяснилось, что по гаданиям она большой спец. Гадала с детства, бабушка научила – ведьмой считалась или волшебницей, она уже и не помнила, кем конкретно. Богобоязненная Катька опасливо слушала (вот уж кто на всю голову ку-ку, так это Актриса, поаккуратней бы с ведьмами этими). После недолгих уговоров согласилась: гадать – грех,

конечно, но не сидеть же одной, скучно, да и интересно, что там? Спросить бы надо: как дальше жить ей с ребеночком – может, духи знают?

Весь день готовились. Самым сложным оказалось добыть церковные свечи, на чем настаивала Актриса. Взять свечки в церкви и пронести в отделение проблемы не составляло, вот только ни у кого из них не было свободного выхода. Актрису не отпустят – нечего и думать: три побега за плечами. Катька боялась идти в церковь за свечками, считая это серьезным грехом, причем не коллективным, где еще можно рассчитывать на поблажки, а индивидуальным, где ни на что рассчитывать не приходится. Решили послать Лору, но после ночного бдения и дополнительного трифтазина был риск, что не пустят.

Лора чисто умылась, волосы тщательно расчесала и принялась ловить доктора, чтобы получить дозволение на поход в церковь.

Поймать доктора, когда нужно, – задача сложная. Пришлось два часа изнывать в коридоре, потом выдержать соревнование с десятком таких же челобитников. Но команда решает все! Машка взяла на себя линию обороны столовки, Актриса на ближних подступах обнималась с Кошелкой, рвавшейся покрыть тысячей слюнявых поцелуев доктора в честь Рождества. Лора караулила прямо у дверей. Лечила Лору Кукла, каждый раз пытливо заглядывая в глаза снизу вверх (росту она была крошечного, и ей на всех приходилось так смотреть) и задавая вопросы, на которые Лора не знала, как отвечать. Пройдя инструктаж у более опытных подруг (говори, что намного лучше себя чувствуешь, благодари и, ГЛАВНОЕ, ВСЕ ОТРИЦАЙ!), Лора не понимала, как выполнить эти странные требования, отродясь врать не умела. Но уж очень нужно… Старайся, Лора.

Железная дверь открылась, и Кукла приготовилась к ускорению, как бегун перед стартом (ей очень хотелось в туалет после сонного совещания у главного, где долго пугали угрозой проникновения телевизионщиков в больницу). Лора улыбается, как мама учила – вежливо, слегка. Поздравляет с Рождеством и, пытаясь утихомирить сердце, просит разрешения сходить в церковь на службу. Внутри все время вертится: почему я должна спрашивать у этой женщины разрешения? Она такая маленькая и слабая, так боится получить двойку. Почему?

Кукла, сдвинув пухлый аккуратный ротик, пытается казаться сантиметров на двадцать значительнее, берет так раздражающий Лору насмешливо-вежливый тон:

– А что это, мне старшая сестра доложила, что вы не спали ночью. Ходили туда-сюда, нервничали и таблетки просили? Что это с вами было?

Лора, приказывая себе не частить, спокойно отвечает:

– Не спалось вчера после клуба… дурацкого. Сейчас все хорошо. Ничего не чувствую, надо сходить в церковь свечки поставить в честь праздника и за упокой матери.

Кукла внимательно выслушивает, утвердительно качая головой:

– Да, действительно, клуб вчера был дурацкий, это вы правы. Ну хорошо… В церковь сходите, в сопровождении, естественно. – Уже собралась нестись дальше, очень писать хотелось, а впереди еще больные караулят.

Лора, просияв, благодарит.

Кукла все-таки оборачивается, бессознательно чувствуя подвох: раньше Лора в церковь не просилась.

– А что, Лора, мама с вами больше не разговаривает? – насмешничает властная малявка.

Покраснев от стыда, Лора все же выдавливает:

– Ну что вы? Она же мертвая. Мертвые не разговаривают. – И уже про себя: «Только танцуют».

– Ну ладно, давайте, давайте, я внесу вас в список.

Итак, пункт первый – галочка! Лора идет в церковь. А потом и свободный выход дадут, погулять одной можно, не гурьбой, как в тюрьме. И кофе выпить в больничном кафе! Счастье!

Разговоры с мертвыми

В церкви на Лору накатило. Густой воздух разом вернул память о пережитом психозе. Скромный больничный храм в административном корпусе ничем не напоминал Главную церковь, но все же… Голова кружилась от пения дьякона. Она вспомнила, как была счастлива, что все кончилось хорошо, что она спасла Москву, и сколько света лилось золотого, и в душе что-то невообразимо теплое и сладкое творилось. Как она гордилась тем, что справилась. Как любила все живое. Потом ангелы белые пели. Которые никакие не ангелы оказались. А потом… Уколы, уколы… Пропасть.

Как же этого не было, когда точно было? Реальнее в сто раз, чем вот сейчас, например.

Что там психолог говорил про реакцию на стресс и переживание горя? Разве бывает такая реакция? У всех кто-то умирает, а у нее одной такая реакция?! Ну не у одной, положим, больница оказалась очень большой. Она и не знала, что сумасшедших в городе столько! И какие люди хорошие, интересные, и реакции у них разные.

Горе? А она не чувствовала ничего. Когда маму отпевали – стояла и не могла заплакать, плечи и грудь сводило от напряжения. Она смотрела на маму и видела, как похожи их лица. Непроизвольно ее лицо сложилось в последнее мамино выражение. Строгое и немного недовольное. Странно, но в гробу мама была очень красива. Живая о внешности не задумывалась, но тут постарались гробовщики. Густые седые волосы причудливо складывались и вились, простое серое платье с белым воротничком делало маму похожей на учительницу. Все это ей очень шло. Лора смотрела на маму, крошечную в дешевеньком гробу, и никак не могла узнать ее.

Когда пришло время прощаться и священник объяснил, как надо поцеловать иконку и специальную повязочку на лбу, ноги подкосились, и одна мысль начала биться: не могу, не могу, не могу!! Дальше она плохо помнила: провалилась куда-то в небытие, откуда выскочила только раз, когда гроб забивали гвоздями. В полупустой церкви этот жуткий звук буквально выбил из Лоры рассудок. Она даже на кладбище не доехала, не попрощалась с мамой как следует. Вина уколола сердце: не справилась. И все это было, даже и не пробуй забыть. И то, что потом случилось, – тоже было!

Все-таки было! Если не было, значит, и того, что сейчас, тоже нет!

Кроме меня, никто не видел черной Москвы, правда. Но я видела, я видела! Почему же то, что видела я, – неважно, неправда, безумие? Боже, никогда не соглашусь.

От церковного марева и воспоминаний чуть свечки не забыла. Дали одну, но она незаметно стащила еще. Актриса сказала, если тонкие – три нужно.

Пока Лора была в церкви, Актриса приготовила все необходимое: блюдце с нарисованной красной стрелочкой, большой лист ватмана (выпросила у соцработника вместе с ручками и фломастерами в обмен на обещание делать стенгазету). Больным то разрешалось, то запрещалось иметь в личном пользовании писчие принадлежности. Потенциальная опасность карандашей и ручек никак не хотела определяться навсегда. В данный момент истории опасность карандашей была высока.

На листе Актриса начертила целую гадальную карту: по одну сторону все буквы алфавита – разборчиво и с пробелами, в ряд; по другую – цифры. Во внутреннем круге жирным черным главные ответы: ДА и НЕТ. Готово. Теперь – дождаться ночи, когда няньки заснут, настроиться и: здравствуй, духовный мир!

С нетерпением ждали ночи, молились, чтобы отделение заснуло крепким сном. Демонстративно, на глазах дежурной сестры, взяли в рот вечерние таблетки (потом все выплюнули, чтобы самим не уснуть). Ходили-зевали. Наконец, отделение погрузилось в ночь. Повезло гадалкам – дежурная сестра с похмелья заснула первой.

И все же решили перестраховаться, укрылись в дальнем от двери углу палаты. Столом заставили, чтобы свечки не видно было. Устроились, Актриса руководила: объясняла, как с духами общаться. Пальчики на блюдце держать, духа позвать, благодарить, вопросы конкретные задавать, не пугаться и не визжать, если вдруг что…

Лора развеселилась: никогда не гадала! Очень хотелось маму спросить, узнала ли она на том свете доказательство гипотезы Римана, о которой думала всю жизнь. И вообще, как мама, для которой Вселенная – набор известных и неизвестных порядков чисел, могла стать духом? Вдруг она тоже стала числом? Простым?

Лора развеселилась еще больше, Актриса шикнула: не смейся – надо верить серьезно, а то не придет никто.

Для начала решено было вызвать безопасного русского писателя – Пушкина или Лермонтова. Наивная Катька была за Пушкина, но Актриса со знанием дела сказала: его так часто вызывают, что он не придет.

Кого же? С кем из мертвых поговорить?

– А давайте – Брежнева, – бухнула Катька. – Детство, советский рай, миру – мир, стабильность. Он добрый! Так целоваться любил!

Актриса с сомнением качает головой, но потом решается:

– Наверное, сейчас его редко вызывают. Попробуем.

В темной палате три женских лица склоняются друг к другу, на них пляшут тени от горящих свечей. Пальцы легко касаются блюдца. Актриса входит в роль с ходу. Посерьезнев, молвит в вечность:

– Вызываем тебя, дух Брежнева Леонида Ильича. – Глаза прикрыла.

Тихо… Никого. Повторяет. У Лоры вдруг по позвоночнику прошла судорога, похолодало, вновь, как с утра в церкви, реальность показалась ей зыбкой. В углу скрипнуло, пламя свечек закачалось. Актриса делает большие глаза и спрашивает:

– Здесь ли ты, Дух?

Вдруг под пальцами блюдце дрогнуло и поехало. Катька ойкает и даже пальцы отпускает. Актриса строго зыркает: пальцы держи – уйдет! Лора перестает дышать: блюдце никто не двигал – сразу видно, все по-настоящему.

Актриса шепчет:

– Спрашивайте!

Но Лора и Катька как языки проглотили. Тогда Актриса спрашивает, когда ее наконец-то выпишут. Блюдце поползло к цифрам, жирная красная стрелка ясно указывает на цифру 2. Неужели два месяца еще, не может быть! Актриса расстраивается, но ситуацию не упускает:

– Скажи, Дух, изменяет ли мне мой муж, пока я в больнице лежу?

Блюдце рваными движениями ползет к буквам, к букве «н», потом к «а», потом запрыгало как безумное: н-а х-у-й н-а х-у-й х-а х-а!

– Боже, спаси меня грешную! – запричитала Катька.

– Все, хватит! – Актриса блюдце перевернула, оно сразу опустело, превратилось просто в блюдце без всяких следов движущей силы.

– Я говорила, что это плохая идея – Брежнева звать! Надо же: на х…й послал! Вот мудак – что живой, что мертвый. Я, конечно, тоже хороша – задала вопрос, – злится Актриса. – Как думаете, девочки, что генсек хотел сказать? Изменяет муж или нет?

– Я не знала, что у тебя муж есть, – бестактно удивляется Лора.

– Лора, а почему у меня мужа не может быть? У всех есть муж, и у меня есть. Не приходил давно, вот и волнуюсь. Я его выгоняла перед больницей. Говорила, что не люблю, не хочу, сама изменяла, а ревновала безумно: эсэмэски читала, ночью в «Одноклассниках» рылась, следила за ним. Давай, Лора, лучше про твоего мужа спросим, ты замуж собираешься,

вообще? Пора уж, – слегка язвительно предлагает Актриса.

– Я с мамой хочу поговорить. Это важнее. – Лора внезапно смущается, взрослая уже, а все о маме да о маме.

– Как хочешь, давай зови маму, – снисходительно разрешает Актриса.

Катька молчит. Ей страшно звать маму, свою ли, Лорину. Катька мертвых боится, но старается не показывать.

Актриса уже возвращает на лицо маску греческого оракула и готовится ко второму раунду общения с мертвецами. Но тут в дверь палаты тихонько постучались.

Лора стремительно набрасывает на свечки полотенце, гадальный лист смахивает под кровать. В одно мгновение все трое, трясясь от ужаса, оказываются под одеялом. Лежат – воздух под одеялом кончается, а вылезти страшно. Катька не выдерживает:

– Как в пионерлагере.

Вылезает, присматривается. Стоит кто-то, на привидение похож: Катька как завизжит в подушку и с разбегу на соседнюю Лорину кровать бухается – спасаться. Кто там стоит? Дух, что ли? Лора от неожиданности позабыла всю конспирацию – еле выбралась из-под стокилограммовой Катьки и зажгла лампу. Как мама в детстве учила: если страшно – просто включи свет, и все пройдет.

Посреди их палаты стоит девица из шестой, та рыжая, что Путина до безумия любит. Стоит и дрожит жалобно:

– Девчонки, а что это вы тут делаете? Мне спать не хочется.

Смешно стало до колик, а смеяться нельзя: беззвучно корчились, затыкая одеялами рты. Хорошо, что не Брежнев собственной персоной!

Актриса лампу потушила:

– Все, нет шухера. А мы тут духов вызываем, гадаем, давай тоже, а то нас мало.

Невеста Путина обрадовалась:

– Ой, а давайте на жениха! Меня опять вылечили, я больше не хочу замуж за Путина, за другого хочу.

– Погоди с женихом, тут у нас дела семейные. Лора с мамой поговорить хочет. Она умерла недавно.

Все гадальное оборудование на место вернули, помолчали, и теперь уж точно всерьез Лора зовет маму.

Назвала по имени, спросила, здесь ли мама.

Живое блюдце ползет к «да».

Лорины глаза расширились – мама здесь! Она оглядывается, пытаясь заметить хоть что-то, уплотнение воздуха, дымку, тень – все, что обычно

показывают в фильмах про привидения. Все спокойно, только свечка горит тонко и высоко-высоко.

– Мама, как ты? Как ты там? Зачем ты умерла?

Актриса нахмуривается: ненужные вопросы.

Блюдце пускается в путешествие от буквы к букве. Невеста записывает. Получилось: ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ДОЧКА, НИЧЕГО НЕ БОЙСЯ!

Опять стискивает все внутри: слова, которых никогда не говорили друг другу при жизни.

– Мама, как мне жить теперь?!

Блюдце отвечает: ЖИВИ и замирает. Больше не двигается. Актриса переворачивает блюдце. Свеча ожила, расплясалась. Ушла мама…

– Что это значит? – спрашивает у всех Катька. – Наверное, она в раю? Жива или мертва?

Актриса молчит, а Невеста язвит:

– Если и в раю, то со свободным выходом! Сюда же пришла!

Посмеялись.

А Лоре полегчало: ЖИВИ! Мама всегда знает, что сказать. Эх, надо было про Римана спросить.

– Ну, Катя, давай ты… – Лора, счастливая и взволнованная разговором с мамой, хочет радости и для Катьки.

– Может, тоже маму вызвать? Она уже давно умерла. Я с тех пор и болею при папе. Всю жизнь скучаю.

– Ой, девчонки! – Невеста даже подпрыгивает. – А можно я спрошу у Фрейда очень важный для меня вопрос! Катенька, пожалуйста, не могу терпеть. Мне надо знать, любит ли меня один человек.

– Ну давай… а почему Фрейд?

Невеста торжественно молвит:

– Он знает! Он все знает про любовь! Великий Дух Зигмунда Фрейда, скажите, пожалуйста, – вежливо-смешно начинает она звать, – любит ли меня Косулин Александр Львович, наш психолог? – Невеста выжидательно уставилась на блюдце.

– Ну ты даешь! Косулин тебя любит?!! – возмущается Катька. – Да он жену свою любит! А не тебя! Да кто ты такая вообще?!! Тоже мне нашлась.

– Девочки, ну успокойтесь, ведите себя прилично, здесь же Дух. – Лора спасает ситуацию.

Катька замолчала и надулась, но пальцы не отпустила. Блюдце недовольно ездит по полю, к буквам даже не приблизилось. Поколебавшись, указывает стрелочкой на цифру 4 и упрямо встает. Почему 4?! Фрейда поблагодарили и отпустили.

Невеста расстроилась, решив, что «нет», но через минуту раззадорилась, придумав другую версию: Александр Львович любит четырех женщин, и она – одна из них!

Катька злорадствует:

– Ага, маму, бабушку, жену и тещу. У него еще дочка есть! Ты – не влезаешь!

– Может, про другое спросишь? – предлагает Лора, сочувствуя теперь всем влюбленным на свете.

– Нет, не хочу, я только его люблю!

– Как скажешь, выбор за тобой. Кать, ну ты как? Решилась? – Актриса торопится: свечки догорают, время общения с мертвыми заканчивается.

– Ой, ну не знаю, писателей этих ваших не хочу, маму страшно. Не буду я спрашивать. И так все понятно: мама твоя сказала – ЖИВИ, – мне это тоже подходит.

Потом долго лежат в темноте, каждый думает о заданных вопросах и ответах. Пытаются понять скрытые смыслы сказанного, запоздало поражаясь тому, что в двадцать первом веке чайные блюдца все еще пишут на листах ватмана.

Пауза

Перед глазами Косулина возникает кусок пупырчатого желтого дивана. Где я? В кармане брюк вибрирует мобильник, тщетно пытаясь связать с внешним миром.

Внешний мир не позволял Косулину сбежать, волею реальности возвращал к наличному бытию мужчины среднего возраста, счастливая (как теперь казалось) жизнь которого рухнула. Жене хотелось новизны, сексуальной любви, возможно, ей очень хотелось денег, просто денег или счастья, просто счастья. А Косулину тоже всего этого хотелось, конечно, но не настолько и не сейчас.

Признаться, Косулин в счастье не верил, жарко нападал на Аристотеля и его подпевал (человек создан для счастья, как птица для полета, – что за нелепица?). Был убежден, что идея счастья погубила множество хороших людей. Что за счастье такое? Постоянное ощущение или мгновение? В чем оно измеряется? Не выдерживает человек счастья – потому что не создан для него. Потому что – живой, а живым всегда неймется: холодно, жарко, голодно, одиноко, хорошо. А счастье выдумали идиоты, не признающие человеческой природы. Вечно умники всякие пытаются зафиксировать бытие, обкорнать, упростить. А оно не поддается – изменяет, как последняя блядь.

Он постоянно замечал людей в этой ловушке: я несчастлив, а ведь достоин счастья. Все равно, что вакуума желать. И терпеливо исследовал – что для них счастье сейчас. Что раньше было. Какие они счастливые, эти пойманные на крючок дурацкой чужой идеи?

И пришел к выводу, что толком не знает никто. Просто потому, что живы, меняются постоянно, каждую минуту. А поиски счастья как бы для оправдания изменений выдумывают. Все равно как если бы дерево оправдывалось идеей климата за то, что почти умирает зимой, а потом воскресает весной.

Он смотрел, как на экране прыгающего телефона светится слово «жена», и никак не мог вспомнить, почему он всегда записывал в телефонную книжку не имена, а роли: жена, мама, папа. Оказывается, эти роли не вечны. Жена запросто может перестать быть женой и стать просто Лидой. Незнакомой волнующей Лидой, которая теперь не его родная «пусечка», а коварная и чужая спутница короля турецких батареек. Чем больше он смотрел на телефон, тем гаже себя чувствовал. Ярость пополам

с бессилием и страхом – жесткий коктейль. Лучше бы налили только злости, тогда б он выжил.

Он сотни раз слышал от своих клиентов про измену. Он мог читать курс лекций: как выжить после того, как вы узнали про измену. Мог написать книжку про психологию развода. Он доподлинно знал, как мучительно все будет потом, как навек принятые вечером решения рассыпятся в прах утром, как невозможно быть интеллигентным человеком, когда боль разрушает сердце, как будет ее хотеться, а – нельзя. Он знал, что поражен в самый центр своей мужской сущности. Ему предпочли другого мужика… Убить бы…

И все-таки мы, так хорошо и давно знавшие Косулина, были удивлены. Он так и не ответил жене. Не ответил матери, звонившей трижды. Выпил на желтом диване две чашки гостеприимного Агниного кофе, посидел с часок в Интернете. И провернул трюк, который проворачивал всегда, когда не было другого выхода. Стал сам себе психотерапевтом.

– Что ты чувствуешь? Что ты хочешь сделать прямо сейчас? – спросил Косулин-психолог.

– Хочу притащить ее домой, оттаскать за волосы, трахнуть без всяких сантиментов, а потом выгнать на мороз голой, – признался Косулин-клиент.

– Хм, похоже, ты очень злишься…

– Я в жуткой ярости: еще немного, и меня накроет! Не хочу загонять это внутрь…

– Представь ее лицо. Как именно ты хочешь причинить ей боль?

– Не знаю… за волосы оттаскать, как блядь деревенскую. По жопе надавать, как маленькой.

– Не стоит. Она уже взрослая женщина. По жопе? Решил все слить в секс?

– Да уж… В этой истории много секса. В моих фантазиях они просто не вылезают из постели, трахаются и трахаются… как спятившие кролики.

– Завидуешь?

– Признаю, хоть и стыдно.

– Что с твоей злостью?

– Теперь страшно стало. Я не знаю, что делать. Такой расклад не входил в мои планы! Я собирался жить с ней долго и счастливо и умереть в один день. Это так неожиданно… Почему сейчас?

– Не знаю, почему. Разбираться надо. Ты же профи, мужик. Сейчас у тебя стадия шока, твои действия неадекватны и разрушительны. Нужен какой-то выход, пауза…

– Пауза? Хорошая идея! Может, сбежать, сбежать к черту?

– Так, дорогой, все реально: виза у тебя есть, отпуск взять за свой счет и сбежать куда глаза глядят, на несколько дней хотя бы. Подумать толком.

Идея сбежать так воодушевила Косулина, что он загадал поехать туда, куда удастся купить ближайший и недорогой билет. Выпала Прага. 199 евро, вылет в три часа ночи, сегодня. То что надо! У него вагон времени. Главное, не испугаться и не потерять контроль. К черту – он его уже потерял.

Даже весело и молодо! В конце концов, он почти свободный мужчина, хоть и несчастный. Измена развязывает руки и все остальное тоже.

Агния, светлая боттичеллиевская Венера, выпорхнула из душа. Она соблазняла его. Да и он был не против. Но это будет нечестно, стыдно и очень глупо. Не сейчас.

Агния внимательно выслушала «план Барбаросса»: укрыться, улететь, сообщить дочке, что все ок – папочка рулит, мамочка отдыхает. В Праге погулять, продумать все варианты: возвращать или отпускать, предлагать семейную психотерапию или устроить настоящую мужскую разборку с эффектной потерей человеческого достоинства и риском уголовного преследования? Сейчас главное: не стать жертвой. Запутать, навязать свою игру, не терпеть этих убийственных для брака «мне надо подумать, а пока мы поживем вместе и прощально круто потрахаемся». Сбежать из Москвы! Как Кутузов, сдав врагу квартиру и детей на время.

Агния план поддержала, даже подумала: «Может, вдвоем?» – но Косулин не предложил, а она интеллигентно промолчала. Только сварила еще кофе с кардамоном.

Косулин побрился. Начистил перышки в дорогу, написал с агниевского телефона понятное объяснительное письмо дочери. Как настоящий шпион, просил понаблюдать за обстановкой (на войне все средства хороши). Потом поставил блок на входящие номера жены и тещи, написал матери эсэмэску с просьбой помочь с Илюшей, пока он уедет в срочную командировку. (Война войной, а папой он быть не перестал.) И тоже заблокировал ее номер. Чтоб с ума не сводила.

Дальше дело техники: купил билет, написал на работе заявление, подписал его у начальства (скорбное лицо – по семейным обстоятельствам – нет, никто не умер, слава богу), занял у Шостаковича денег и пару чистых маек (домой нельзя, даже если майки очень нужны), вернулся на желтый диван (еще и поспать успеет до самолета), и все. Ровно в 3.00 – вон из Москвы.

В самолете никого, охотников лететь в Рождество немного. Два часа турбулентности, и измученный Косулин, так и не избавившийся от

самолетных фобий, вываливается в пражскую лубочную ночь.

Вдыхает полной грудью европейский воздух – все-таки он другой, и дело не только в очищенном бензине. Воздух детства, безмятежности, иллюзии уверенности в будущем. Так случилось, что Косулин жил с родителями в Праге, недолго, года два, но в возрасте «большого перехода», так что Прага – главный свидетель его взросления.

Сейчас кажется: Прага всегда знала, что он станет психологом, услужливо показывая самые занимательные тайны человеческой души. Он целый год пытался разгадать эти тайны, рассматривая люстры из черепов, алхимические лаборатории, музеи пыток. Разделял холодное одиночество католических соборов, сиживал на еврейском кладбище, древнем-предревнем, похожем на поле огромных кристаллов, выросших на могилах забытых евреев.

Ему все казалось, что он вот-вот разгадает тайну и стряхнет с Праги ее открыточность, туристическую маску, заставит признаться в страшных средневековых тайнах и верованиях. Во что верили люди, которые здесь жили? В красивые дома? В дизайн из черепов? Что за темный страшный Христос направлял течение их жизни и смерти? Во всем ему чудилась магия, лишь слегка прикрытая немудреной буржуазной жизнью.

Сейчас, сидя на Парижской в любимом кафе и наслаждаясь единственным в природе черным сладким пивом, вспоминал себя. Пиво с детства напоминало Байкал и всегда честно вознаграждало косулинские ожидания. Оно не менялось.

Эх, Европа… А ведь ты мог тут жить. И жена у тебя была бы другая, может, и не русская, а какая-нибудь шведка или француженка. Высокая блондинка с веснушчатым сильным телом или изящная смешная девочка-женщина. И дети плохо говорили бы по-русски. И был бы у тебя уютный кабинет в старом фрейдистском стиле, кушетка – нет, не кожаная, а мягкая, теплая, бархатная… да-да – зеленая и бархатная. Или не кабинет, а клиника, частная психиатрическая больница с собственным розарием и небольшим уютным производством чего-нибудь такого европейского – непременно экологичного и натурального.

Нет, ты выбрал другую историю – русскую. Где родился, там и сгодился. Как это несовременно звучит в мире, где национальность выглядит устаревшей условностью.

Косулин родился в Советском Союзе, был пионером, живущим безопасной, закрытой от мира жестокого капитализма жизнью. Оба родителя работали в научно-исследовательских институтах, там же работали их друзья и, как долго казалось Косулину, добрая половина

страны. И никто не считал это глупостью и детским взглядом на жизнь. Это было модно.

Самое забавное, что много у кого был вполне себе частный бизнес, как правило семейный: кто уроки давал, кто цветы выращивал, кто самогонку гнал. Вполне по-европейски. Потом стало совсем интересно – свобода, революция, ветер перемен, открытые чистые советские души. А девяностые? Это же время чистого адреналина, как было молодо, весело, еще не накрыто сверху буржуазной офисной скукой. А в Европе что? События исторического масштаба – крушение Берлинской стены, становление Евросоюза – казались лишь отголоском событий реальных, происходящих на любимых просторах неласковой Родины.

В целом, уже после сорока, Косулин осознавал себя человеком полностью советским, так и не сумевшим предать клятву пионера. Еще бы – давал на Красной площади, прямо напротив таинственного Мавзолея, где лежало и до сих пор лежит что-то, именуемое Лениным. Договоры с мертвыми не нарушить так просто. Поэтому и работал в больнице, любил и защищал родину, которая с великого момента клятвы маленького Косулина перед Мавзолеем все время грозила суицидом.

Суицид Косулин не любил и не уважал, а потому смирился с отсутствием мечты – бархатной зеленой кушетки.

Сидел, глотая жадно пражский «Байкал», вспоминал, украдкой рассматривая себя в зеркале: отяжелел за последние годы, давно забросил любимое плаванье. А глаза… Как будто он уже сотню лет продержался, все повидал, ко всему готов. Сможешь ли ты начать все заново? Новая семья, новый дом, новый ты и другая женщина рядом. Какая? Молодая, но с ними скучно, я все это уже прожил… Буду чувствовать себя старым. Что я ей могу дать? Кроме алиментов бывшей жене. Ровесница? Разведенная, с чужими детьми. Или холостячка, не привыкшая жить с другим. А он так привык, так пророс в это совместное бытие. Что ты наделала, Лида… В советские времена был штраф за развод, он бы ее оштрафовал лет на десять! Пусть уходит, только станет на десять лет старше. Было бы справедливо…

Пиво распускает чувства. Косулин перестает размышлять о судьбах Европы, целиком сосредоточившись на своей собственной. Она кажется не менее туманной, чем перспективы Евросоюза. И очень грустной.

Много позже этим же вечером Косулин обнаруживает себя стоящим на набережной и бездумно глядящим в тяжелые и темные воды Влтавы, играющей холодными огнями города. Он устал, замерз, ноги после долгой прогулки по брусчатке гудят, но спать не хочется. Хочется с кем-нибудь

поговорить, рассказать о том, что с ним происходит. Он устал от фантазий, мутных размышлений и воспоминаний. Достав свой телефон, Косулин начинает перебирать контакты в записной книжке, с меланхоличной иронией выбирая того, кого осчастливит своим пражским сплином.

Может, Пашке позвонить? Или он спит уже? Паяц точно не спит, но ему звонить не хочется: он насмешничать будет. Может, Агнии? Она наверняка будет рада и польщена, но грузить девушку нытьем не по-джентльменски… И тут на экране телефона засветилось имя «Ана». Внутри щелкнуло. Все встает на свои места. Он понимает, зачем на самом деле отправился в Прагу.

Не дав себе времени забеспокоиться о позднем времени, Косулин набирает номер. В трубке тянутся гудки. Косулин упорно ждет. Наконец ему отвечают:

– Вас слушают. – Ана всегда говорила эту странную для косулинского уха фразу, когда подходила к телефону.

Косулин разволновался, помялся и начал объяснять:

– Алло, алло, Ана, здравствуйте, это Саша Косулин, из психотерапевтического сообщества. Мы с вами встречались на интенсиве в Греции прошлым летом. Я был вашим клиентом.

– Да, Саша, я вас помню. – Голос звучит ровно и доброжелательно, как всегда.

– Понимаете, я тут случайно оказался в Праге и очень хочу попасть к вам на прием. Я улетаю завтра вечером. Не могли бы вы найти для меня время? – Косулин с надеждой замирает, прижимая телефон к уху.

– Одну секунду, Саша, я посмотрю свое расписание. – Что-то зашуршало, и через несколько секунд Ана отвечает: – Единственное, что могу вам предложить, это восемь утра, завтра.

– О, здорово! – Косулин выдыхает.

– Буду рада вас видеть, пришлю адрес эсэмэской. До встречи.

– Спасибо! – Косулин почувствовал, что в эту секунду нити судьбы опять оказались в его руках.

Бодрым шагом он отправляется домой. Как же теперь заснуть? Мне надо столько ей рассказать, успеть за час. Как же хорошо, что я про нее вспомнил!

Ана была особенным человеком в жизни Косулина. Старшим коллегой-психотерапевтом. Увидев эту маленькую обыкновенную женщину, «примерно за пятьдесят», Косулин не понял, почему все окружающие относятся к ней с таким пиететом. Она была симпатичной, но не более того. И только попав к ней на терапию, Косулин оценил ее работу.

У Аны была удивительная манера уютно устроиться в любом пространстве, слушать с интересом и говорить по делу. Она практиковала больше тридцати лет, и Косулин не уставал удивляться, как ей удалось не потерять непосредственности и ясности. Прошлым летом у них было всего шесть встреч, но после них Косулин еще долго был заряжен энергией, словно именно эта психотерапия, пусть ненадолго, но вернула ему погребенную под слоем профессиональных деформаций и защит азартную и молодую его часть. Он даже опять начал плавать и мечтать о смене работы. Но надолго его не хватило. Московская реальность затянула, привычный мир и порядок восстановил свои права.

Она знает обо мне что-то очень важное, знает, что я могу быть другим. Она знает, какой я.

В Москве Косулин тоже иногда ходил к психотерапевту. Он считал это важной частью профессии, элементом психогигиены. Но сейчас он отчетливо понимал, что неслучайно выбрал московского психотерапевта: тот, так же как и многие другие, работал на максимальное поддержание комфортного гомеостаза.

Косулин долго не мог заснуть, ворочался и перебирал в голове события, происходившие с ним за последнее время. Жена, пациент Новиков, спектакль, драка и братание с Паяцем, Агния, дочкины упреки. Косулин ловил себя на желании представить все это Ане в лучшем свете, представить себя невинной жертвой чудовищных и абсурдных обстоятельств, а затем уткнуться ей в колени, плакать и быть утешенным. Засыпая на рассвете под шум первых трамваев, катящих по Ольшанке, Косулин подумал: похоже, тебе нужна мамочка, дружок.

К своему удивлению, он проснулся через несколько часов, бодрый и замерзший (Европа экономила на отоплении). Во сне одолевали образы оставшейся в Москве жизни. Он пытался одернуть себя, умерить свои ожидания и надежды, но они упрямо не желали отступать. Наскоро приведя себя в порядок, вышел из отеля.

Шесть тридцать утра. Идет тихий и редкий снег. Касаясь мостовой, тут же тает. В Жижкове малолюдно, заметна стала лучшая черта пражан: любовь к собакам. В такую рань многие хозяева уже прогуливают своих питомцев.

Косулин заходит в маленький овощной магазинчик, как и большинство подобных заведений, принадлежавший вьетнамцам, и покупает сетку мандаринов. С юности он больше всего любил пражские мандарины, крупные, рыжие, сочные, настоящие новогодние мандарины. Идти Косулину далеко, аж до Мала Страны, на улицу Мисенску. Час с

небольшим, если утренним шагом. Ехать на трамвае не хочется. Однако дойдя до Ольшанской площади, Косулин чувствует, что весь путь ему пешком не осилить, сдается. Трамвай, покачиваясь, несет его мимо домов, соборов и площадей, мимо еще пустых рождественских рынков. Вот промелькнул вокзал, потом гигантский проволочный ангел, горящий в рассветной серости электрическими синими огнями на площади Республики, угольно-черный собор Марии Снежной. Косулин пригрелся, жует мандарины и выплевывает косточки в кулак.

Он выходит у высшей школы прикладного искусства, на Староместской, и бредет в сторону Манесова моста. Постоял немного, рассматривая издалека соседний Карлов мост. Раньше, в Средние века, Карлов мост был единственной дорогой, соединяющей две части города, входил в состав королевского тракта, по которому мрачные единовластные монархи въезжали в свои владения. Теперь же это часть пряничной сказки с затертыми до медного блеска копиями статуй святых. Туристическая бутафория. Косулин взглянул на часы. Семь десять. На мосту уже копошатся первые туристы с фотоаппаратами. Он с сочувствием смотрит на Карлов мост, находя что-то смутно общее в своей и его судьбе.

В половине восьмого Косулин стоит перед домом Аны. Дом «у королевы пчел», если ориентироваться по пражским домовым знакам. Барочный мещанский дом в несколько этажей. Косулин потоптался напротив, пытаясь заглянуть в окна второго этажа, где, судя по описанию, психологический кабинет. Ничего не разглядел, вспомнил, как в один из его приездов приятель-художник показал кафе «для своих», без вывески, и решил его поискать. Побродив по улице, он наконец отыскивает скромную деревянную дверь с железным колечком и заходит.

Маленькая комнатка, сводчатый потолок, три колченогих столика, сонная белобрысая девушка за стойкой мелет специи в ручной мельнице. Она улыбается по-утреннему хмуро, кивает. Повозившись пару минут, приносит Косулину чашку крепкого кофе и еще теплую плюшку. Косулин так же кивком благодарит, пристраивается за крошечным столиком, выпивает свой кофе в компании тряпичного медведя, ласково смотрящего на него с низкого подоконника.

Чем-то это утро напоминает ему утро в Праге его юности. Ранний подъем, поездка на трамвае, похожая на поездку в школу, завтрак – неуместно домашний в уже чужом городе. Не хватает только родителей. И Венечки.

Косулин оставляет на столе несколько монеток и выходит. За те полчаса, что он провел в кафе, окончательно рассвело, снег кончился, и на

Прагу опустился густой, мокрый туман. Фасады домов утопают в нем, все становится зыбким и призрачным. Косулин секунду помешкал, пытаясь понять, как он оказался в этой точке своей жизни. Ничего не поняв, наконец звонит в дверь Аны.

Ана встречает сияющая и бодрая. Обнимает ласково, так, что Косулин даже теряется: он не был до конца уверен, что та связь, которая возникла у них год назад, еще жива. Но после этих теплых объятий он обмяк, угнездился в мягком кресле напротив терапевта и огляделся. Кабинет Аны воплощает все его мечты о европейской жизни. Два удобных мягких кресла у окна, выходящего на черепичные крыши, мягкий свет, коллекция глиняных колокольчиков на подоконнике. Интересно, ее жизнь так же уютна и мила? Как же я ей расскажу про весь хаос, который творится в моей жизни? Начинает он с трудом, слова не идут. Ана терпеливо ждет.

После нескольких попыток изложить свою историю Косулин сдается:

– Ана, я не могу. У нас так мало времени, а я толком-то начать не могу.

– Что тебя привело ко мне, Саша? Выглядишь растерянным и взволнованным. Кажется, тебе сейчас непросто говорить.

– Да. Я запутался. Больше ничего в моей жизни не кажется мне понятным или надежным. Жена, которой я доверял, трахается с каким-то хреном из Одессы. Это такая пошлятина, мне стыдно про это говорить. На работе бардак, я давно не понимаю, что я там делаю, зачем работаю. Мне хочется сбежать, просто перестать во всем в этом быть. Это невыносимо. – Косулин сжимается в кресле, напряженно разглядывая свои руки.

– Ты перестал смотреть на меня, что с тобой сейчас?

– Мне кажется, что я ничего не могу изменить. Мне ужасно стыдно говорить тебе о своем бессилии. Злюсь, что мне вообще приходится об этом рассказывать. Женщине. Тебе. Все женщины… С ними так сложно. Они все чего-то хотят от меня. Жена – денег, дочь – решительных поступков, Агния – любви, Кукла – послушания…

– А чего, тебе кажется, жду от тебя я?

– Что я сам справлюсь со всеми сложностями. – Косулин выпалил это и замер.

Возникает небольшая пауза.

– Саша, я здесь для тебя. Мне будет жаль, если ты решишь справляться со всем в одиночку.

Косулин поднимает глаза на Ану. Она улыбается знакомой ему хитрой улыбкой, от которой у нее на одной щеке появляется ямочка. Косулин какое-то время с недоверием разглядывает ее, ее улыбку, глаза за тонкими стеклами очков. Потом не удерживается и сам начинает улыбаться в ответ.

Час пролетает быстро и легко, как бывает, когда хорошо и ты не один. Удивительно, но они говорили о детстве, о Венечке. Косулин неожиданно увидел свою жизнь как долгое путешествие с разными приключениями. Он уже много знал про дороги, про места, про себя. Много всего пережил. Ощущение течения жизни стало живым, и Косулин понял, что путь пройден лишь наполовину, что впереди много всего, что путешествие не закончено. Что он неплохо справляется и у него много возможностей. И если он не хочет что-то менять – то это не потому, что он слабохарактерный трус, а потому, что такова его воля и выбор.

Через час отдохнувший Саша Косулин был готов прервать свою паузу.

Жена вернулась

Киевский вокзал встретил Лиду невыносимо дорогими таксистами, вальяжно ожидающими своего счастья, и киоском с толстыми красными розами, завернутыми по сто одной штуке в белую оберточную бумагу. Лида гордо вспомнила о том, что в Одессе ее каждый день встречали такими букетами. А вот на вокзале никто не ждал. На утреннюю эсэмэску муж почему-то не ответил… Неопределенность тревожила. Новая любовь вскружила голову, но каникулы кончились. Дома ждала семья.

Вытащила тяжелый чемодан на перрон (в Одессе изрядно прибарахлилась). Телефон мужа упрямо не отвечал. После третьего звонка невидимая телефонная тетенька заговорила не по-русски. Лида зло тьфукнула и опасливо перезвонила. Тот же голос опять сказал Лиде про Косулина что-то важное и непонятное. По-чешски?

Подмерзающая Лида, решившая поразить Москву новыми туфельками в январе, сдалась наглому таксисту и за тысячу рэ доверила ему свой чемодан. Сначала она по привычке разозлилась на мужа: все-таки он идиот! Как он мог не встретить меня на вокзале! Неужели все понял?

Потирая ножки в теплом такси, звонила теперь уже дочери. Без ответа. Не выдержала и позвонила теще, у которой гостил Илюша. В последний момент сбросила звонок. Нет, сначала доехать домой.

Дом встретил тишиной и пустотой. Лида села на кухне, заварила чаю и ужаснулась от того, что все идет не по сценарию, многократно прокрученному в голове: она приезжает, рассказывает, как устала от недельного корпоратива, как провинциальны люди в Одессе, как все напивались и как она скучала, но ехать надо было обязательно, и скоро опять придется. Начальник очень просил.

Но ломать комедию было некому – на концерт никто не пришел. Опять принялась набирать номера. Косулинский телефон по-прежнему отвечал по-чешски – с пятого раза Лида поняла, что муж недоступен.

Слава богу, вернулась дочка, бросила сумку на пол, молоко метнула в холодильник, с матерью не поцеловалась. Внутри у Лиды все рухнуло… знает.

– Что происходит? Где все?..

– Может, мам, ты расскажешь, что происходит? Где все? Где ты?!

Жесткие дочкины слова застали мать врасплох. Договориться не получится – сразу видно: за папу будет насмерть биться. А на мать

наплевать…Такая правильная – не подступиться.

– Почему ты так со мной разговариваешь? В таком тоне? Что происходит? Где папа и Илюша?

Спрятаться за статус – от бессилия… Эти трюки давно не проходят: выросла дочка.

– Где папа?! А как ты сама-то думаешь, где наш папа, факинг шит?

– Я тебя по-человечески прошу: объясни, что происходит.

– Ты сама знаешь, что происходит, лучше, чем я.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь! – Лида запаниковала, как уличная воровка, пойманная за руку. Схватила сумку, шубу и выбежала из дому. Где Саша?!

Мужское

Самолет с трудом вгрызается в облачное кольцо обороны Москвы, видна полыхающая красным Ленинградка. Прямо перед посадкой Косулину опять поплохело от необходимости решать, что делать дальше.

Очевидно, надо включить телефон. И ехать домой. Лида дома уже, с ума сходит, мама обзвонилась. Но все еще страшно. Обреченно листая телефонную книжку, натыкается на номер Агнии – нет, нет, к ней нельзя. Между ними ничего нет, нечего и мечтать о желтом диване. С третьего просмотра увидел номер Паяца. Конечно, к Паяцу! Он поймет. Набрал номер, вдохнул.

Веселый голос, как будто ждал:

– О, наш беглец! Как я рад вас снова слышать! Полны пива и шпикачек?

– Да, под завязку. А я вот звоню и напрашиваюсь к вам на постой. Примете страдальца?

– Ну конечно, что вы спрашиваете!? Страдальцев – милости просим! Приезжайте, приезжайте, я дома. И водка еще есть. Желаете закуску – сварю пельмени.

– Это лучшее предложение на вечер за всю мою жизнь, Олег Яковлевич!

Параллельный входящий звонок пищал в ухе. О, началось!

Звонил Шостакович:

– Пропал ты с моими майками, Саша. Как ты, живой?

– Живой, Паш, еду к Паяцу и собираюсь напиться. Домой не могу.

– Я, чур, с вами, у меня хреновуха есть! И икра щучья. Майку взять?

– Саша, друг, приезжай, Паяц не против, я уверен.

Через пару часов сидели на теплой кухне. Паяц хлопотал в женском кухонном переднике с нарисованными луковками. Косулин привез бехеровки, Паша хреновухи, у Паяца в холодильнике мерзла модная водка. Расставили тарелки, сметанку, соевый соус (Паяц смешивал соевый соус со сметаной – с пельменями получалось вкусно), щучину, с Нового года еще остались позабытые соленья. Косулин вдыхал вкусы родины и поражался, как быстро он успевает по ним соскучиться. Три дня его не было, а радость – как из кругосветного путешествия вернулся. Вечер обещал быть долгим.

Пельмени оказались неожиданно вкусными, и водка начала свой диалог с хреновухой. Бехеровка подпевала. Слушали прощального Летова.

О жене никто не спрашивал, чему Косулин был рад.

– Ну как вы, работники психиатрической промышленности, находите начало года? Вы, вообще, в конец света верите? Представьте, что это – правда, последний год, почти последняя водка, а дальше: «и убегает мой мир, убегает земля-а-а!» – запел, покашливая, Пашка.

Паяц решительно возразил:

– Ну что ты, Паша, какая последняя – еще целый год впереди до конца света твоего, успеем умереть от белой горячки.

– Кстати, алкогольное закрыли, если что, и подлечиться негде будет, – предостерег Косулин.

– Не волнуйся, подлечат. А чего лечиться-то, если все равно скоро торжественно, коллективно и предсказуемо – что важно! – помрем. – Пашка был захвачен всерьез пропагандой апокалипсиса.

– Что ты, Александр Львович, помалкиваешь, не хочешь умирать в конце года?

Косулин задумался. Чуть не всплакнул от летовского прощания, на себя примерил: «на рассвете без меня…корка хлеба без меня».

Паяц заботливо соорудил бутерброд со щучиной и налил психологу хреновухи.

Выпили, не чокаясь. Сочетание вкусов показалось Косулину добрым, сулящим прекрасное продолжение. Хреновуха расслабила, а щучина толкала на философское восприятие действительности.

– Я, друзья, не знаю, как мне дожить до конца света! Он у меня уже случился, свой, личный, ВИП-апокалипсис. Как дальше жить, я понятия не имею. Была понятная программа: женился, детей родил, добра нажил, поработал и… честно помер. А теперь что? – Косулин завис в эффектной паузе.

Паша покашлял, но ничего не сказал. К тридцати он так и не решился приступить к реализации этой понятной программы, так что оставалось только плечами пожимать.

– Что, опять все по новой? Новая жена, дети, дом. Но я не хочу! Не знаю даже, как…

Паяц, в переднике с луковками, от выпитого стал похожим на старенькую деревенскую бабушку, только платочка не хватало.

– Александр Львович, дорогой… не знаю, как тебя и утешить. У многих совсем другие программы.

– Да, я знаю, прости… Страдание сделало меня страшным эгоистом. Думаю только о себе. Как я буду без детей? Больше всего боюсь без сына остаться. Кем он без меня вырастет. Или с мужиком другим – это вообще

меня с ума сводит. Он для меня – свет в окошке, даже не думал, что могу так кого-то любить. – Косулин выпил еще.

Пашка вставил:

– Вот поэтому и не хочу пока детей: ответственность, и потерять страшно! Разведешься, и все. А как не развестись, когда все разводятся?

– Не знаю, не знаю, Александр Львович, я бы на твоем месте все сделал, чтобы брак сохранить – любой ценой. Ну погуляет жена твоя – почудилось, померещилось ей, любви захотелось, романтики, Одесса опять же. Тепло и к блядству располагает. А потом все равно очухается. Женщины – та-акие фантазерки!

– Да уж. И бляди.

– А вот и тост родился. – Паяц деловито разлил рюмки: – За блядей-фантазерок, пусть не оскудеет ими земля русская!

Выпили. Пашка, крякая после водки, неожиданно предположил, что у Косулина обострилась «зависть к вагине».

Паяц, воздев круглые глаза к потолку, смеялся:

– Ну вы, психологи, даете: зависть к вагине! Чему там завидовать-то?

– Не скажи, Олег Яковлевич, женщины современные так в себе уверены, живут с таким напором, мне реально страшно бывает! – откровенничал Пашка. – Вот подходит красотка какая-нибудь – и с места в карьер: поехали, дорогой, к тебе. Па-азвольте, а чувства, а дистанция, а завоевать? Хотя бы вид сделать, что ты недоступна! Они так хорошо знают, чего хотят, и все зомбированы фразочками типа: «Ты этого достойна!» Вот жена твоя, Саша, ты уж прости, ей ведь наверняка ни капельки не стыдно! – Пашка не на шутку завелся, говоря уже явно о чем-то своем: – Ведь она уверена, что может себе это позволить, что она все может себе позволить, а мужиков просто сожрать, как десерт с мороженым! Брр! – Пашка покраснел, раскричался. Довольно неожиданно для Паяца с Косулиным.

Косулин решил поддержать его:

– Паша, ты абсолютно, прав. Женщины – опасные твари, но ты же знаешь, что, когда они приходят в терапию и открывают истинные свои чувства – там все тот же страх перестать быть личностью, потерять власть над собой, страх любви и поглощения. Женщины ничем не отличаются от мужчин. Чувствуют чувства все одинаково. Стоило заняться этой профессией, чтобы узнать страшную тайну. И конечно, я завидую собственной жене… она и детей рожает, и делает что хочет, но у женщин своя цена, и все равно пениса им не видать, как своих ушей!! – неожиданно азартно закончил Косулин грустную фразу.

Все проблемы от того, что живем долго вместе и устаем друг от друга.

На войне никто не гибнет, от холеры не умирает, живут друг с другом и живут… перебирают лимиты. И хотят по-новой… пока молоды.

Косулина отпускало. Так хорошо было сидеть на кухне с друзьями, пить и делать больное смешным и выносимым. Один он бы не справился. Захотелось домой, к сыну, к дочке… К жене.

– Ребят, слушайте, я лучше домой поеду, а? Пора уже, побреюсь только у тебя. Если ты не против, Олег.

– Я майку привез, твою любимую – с манифестом Коммунистической партии. По-моему, очень уместно ее надеть! – Пашка трогательно вытащил майку из сумки.

– Какие же вы хорошие друзья, я вас так люблю, я такой счастливый человек, – признавался пьяный Косулин. И про себя думал: как хорошо, что есть на свете алкоголь и иногда так легко быть искренним человеком. Додумав, пошел бриться.

Летов кончился. Начался Шевчук. Уходя, Косулин оставил Паяца с Шостаковичем на кухне, самозабвенно поющих хриплыми голосами:

– «Свобода! свобода! так много! Так мало!»

Уже в лифте сам себе признался: спасибо, не надо мне больше свободы, себе заберите.

История Косулина

Косулин вышел из отделения покурить. Катькины слова вновь и вновь всплывали в голове. Она его чувствовала. Когда они познакомились, она угадала, что у него зуб болит, хотя он никому не говорил. И как она видит? И сегодня опять. Ну как она видит то, что он видеть не хочет? И орет еще об этом во всю глотку. Говорят, сумасшедшие реальности не понимают. Некоторые ее части они понимают лучше всех.

– Александр Львович! Что же ты ничего не делаешь? Почему мне запрещают домой звонить? Я что, не человек?!! Я с ума сошла? Ты думаешь, я не знаю про свою шубообразную шизофрению? Знаю я все прекрасно! Больная я, с мужем, гадом, хочу поговорить, отдайте мой телефон! Вы только обещаете, что станет лучше, а лучше – не становится!

Косулин выкурил одну сигарету, закурил следующую.

Катя Макарова говорила правду. Он действительно ничего не может. Только разве рискнуть вызвать гнев Куклы, дать втихую свой телефон. Иногда он так делал и почти никогда не жалел. Больные не сдавали, если только случайно. Прочитав мысли, зазвонил телефон, высветился номер Майи Витальевны. Чего вдруг так рано?

Майя поздравила с прошедшим. Голос звучал глухо, было ощущение, что она только что плакала или собирается заплакать. Косулин удивленно ждал, пытаясь понять, в чем дело.

– Саша, а вы можете со мной сейчас встретиться, где-нибудь не в отделении? Может, на улице около нашего корпуса. Вы к нам сегодня собираетесь? Новикова смотреть?

– Вообще-то да, собирался. Как он?

– Очень плохо. Тут случились всякие вещи, мне хочется вам рассказать. – Голос ее задрожал и стал совсем жалким.

Косулину стало неловко и любопытно, что у них там стряслось такое, что доктор еле сдерживает слезы?

– Давайте я прямо сейчас подойду.

Радостный солнечный мороз странно не соответствовал их конспиративной встрече. Если нельзя поговорить в отделении, значит, Царица не должна ничего знать. Значит, есть что скрывать.

Новиков. Учитель. Спектакль. В праздники он так погрузился в собственную жизнь, что забыл про чужие. Сердце застучало тревогой.

Майя без шапки, красивая и несчастная, села на лавочку. Оба молчали,

разглядывая бриллиантовый сугроб.

Косулин с Майей скорее в приятельских отношениях, дружескими их назвать сложно. Встреча выбивается из рамок рабочего формата. Доктор молчит.

– Что случилось?

– Александр Львович, я не знаю… Столько всего странного случилось, я сейчас не пойму совсем, чего хочу и как надо. Скорее, ничего не хочу.

Косулин ждет, еле сдерживая вопрос: что с учителем?

– Понимаете, в новогоднюю ночь я дежурила. На меня напал новый пациент в психозе. Он меня чуть не убил, я так испугалась, подумала, что все – конец. Умру от рук сумасшедшего, как основатель нашей больницы, будут про меня всем рассказывать. Так стыдно… А пациент Новиков, которого вы смотрели накануне, помните? Который на спектакле в женскую одежду оделся… Он меня спас. Представляете, все разбежались по углам, а он подошел и говорит: «Отпусти ее!» – и вместо меня встал. Как заложника освободил… Санитары не спешили. Понимаете, он мог погибнуть из-за меня.

Ее голубые глаза растерялись, боясь взглянуть на Косулина.

– Ничего себе новости! Представляю, как вы испугались, ужас какой! Какой молодец этот учитель!

Косулин был поражен. История с Новиковым продолжалась, он чувствовал сейчас такую гордость, как будто сам спас психиатра. Но почему Майя такая несчастная?

– Что было дальше?

– Потом у меня было три дня выходных. А потом спектакль на Рождество. Царица была в бешенстве. Свалила все на меня: мол, это я поощряла творческую реабилитацию пациентов! Потом я дежурила, потом выходной. Прихожу, а он лежит описанный и ничего не соображает. Слюна течет, и лепечет: «Дева прекрасная, моя Богиня…» Оказывается, он таблетки не пил, и это заметили, Царице настучали. После спектакля и моего спасения он стал главным человеком в отделении. Все за ним как за Спасителем стали ходить. Мне обещали выговор в личное дело за то, что пациент, как она выразилась «у нас тут теперь главный», таблетки не пьет и готовит бунт. Она назвала это «пугачевщиной». Я, говорит, в моем отделении пугачевщину не потерплю. Вам тут не Болотная площадь! Спас он вас, видите ли! Работать надо уметь! Смотреть надо было лучше! Как так получилось, что пропустили агрессивного пациента? Где в журнале запись: склонен к неожиданным поступкам? Это вам психиатрическая больница!! А не дом творчества!

Майя помолчала, погрузившись в обидные воспоминания. Тяжело вздохнула и продолжила:

– Она так кричала, что медсестре Любочке плохо стало. Я вообще не знаю, что теперь делать. Он лежит как овощ, а я ничем помочь не могу. Пациенты все в шоке, он же для них герой! Теперь шепчутся, что его так лечат в наказание за то, что он меня спас! Представляете, говорят: аминазин «крестом» теперь за прикосновение к врачу ставят. Я в отделение зайти боюсь, на меня все с презрением смотрят, на вопросы не отвечают и вообще не разговаривают со мной! Даже насчет выписки не спрашивают! Как это можно выдержать?! Я же врач, в конце концов, я же не половая тряпка, за что так со мной?! – Майя от отчаяния разрыдалась.

Косулин в шоке. Положение учителя стало ужасным.

– Простите меня, Александр Львович. – Майя стряхивает слезы с мехового воротника. – Хоть в петлю лезь. Я – никто, десять лет сижу в этом отделении, а так ничтожеством и осталась. Дочка на работу недавно пришла и говорит: «Мама, ты не доктор! Ты писатель! Ты же пишешь все время, ты никого не лечишь». Так и есть, писатель я. А не доктор. Я, видите ли, не «вижу» пациентов! Она Новикову уже выставила статус: непредсказуемый, неожиданные поступки, уклоняется от лечения, склонен к агрессии, в надзор круглосуточно. И объясняет так: «Конечно, Майя Витальевна, склонен, если бы не был склонен, не заступился бы за вас!»

– Знаете, Майя Витальевна… – Косулина тянет на откровенность. – А ведь этот Новиков так похож на моего брата, на Венечку. Он давно умер, и я забывать уже начал. А Новиков на него похож.

– Чем?

– Ох, это такая для меня история. Самая больная. Больней нет.

Майя смотрит на психолога заплаканными глазами. Неожиданно он чувствует такую жалость к ней, к себе, к Косте Новикову, к погибшему Венечке.

– Майя, ноги уже мерзнут, пойдете к вам, я по дороге расскажу, мне так легче. А то оба рыдать будем, неудобно.

– Пойдемте и Костю заодно навестим.

Майя и Косулин встали с лавки и медленным шагом направились к отделению Царицы.

– Был у меня брат, Венечка, – на девять лет младше, – начал Косулин. – Он меня любил, знаете, как младшие братья старших любят… Я был для него бог! Слушался меня, а не родителей. И я его любил. Он был очень непосредственный. Я всегда стеснялся чувств, в себе держал, а он – нет. Если любил – все об этом знали. Если плохо – то до самого дна. Без

просвета. Знаете, он почему-то не потерял детскую непосредственность. Вырос, а для меня малышом все равно остался. Переходный возраст у него поздний был. Он долго метался туда-сюда, страдал из-за несовершенства мира и себя самого. А потом вдруг взял и укатил в Крым с гитарой на плече. Подумал, наверное, что он в Америке. В Крым автостопом поехал, деньги решил зарабатывать по дороге. Мама так переживала, что спать перестала. В конце концов уговорила меня поехать за ним. Нашел я его в Симферополе, где он красил заборы. А в том году он должен был поступать в институт. Естественно, родители только об этом и думали.

Вижу его: тощий, довольный, красит на жаре забор. Я его забрал, и поехали мы вместе на побережье. Мама каждый день звонила, требовала в Москву вернуться – к экзаменам готовиться, но… Зря, что ли, ехали? Решили по Крыму попутешествовать, добрались до Коктебеля.

Тогда Коктебель не был похож на псевдо-Ибицу, как сейчас, в нем сохранялся интеллигентный советский курортный дух. Работал кинотеатр под открытым небом, процветали диетические столовки, чебуречная на пляже. Лето это было особенное, жаркое, обильное на приключения, знакомства, фрукты, портвейн и любовь.

Поселились в Планерном, на горе. С планерами подружились, они такие романтичные ребята, полдня сидят и ждут ветер, все время за ветром наблюдают, а потом летают. Веню это страшно вдохновило. Он решил не поступать на юридический, а стать планером. Я всерьез это не воспринимал. Он потихоньку учился, летал, я даже не пробовал. Высоты боюсь. Я купался, по горам лазил, на танцульки ходил.

Кара-Даг уже был заповедником, но мы пробирались в первые бухты, в Лягушачьи, ныряли, загорали. Соревновались, кто глубже нырнет и достанет со дна осколки амфор. Веня выигрывал всегда, страха не знал. По вечерам на Тепсене, на старом городище, жарили шашлыки, пели под гитару, пили дешевое домашнее вино. Веня легко с людьми сходился, и мы быстро обросли друзьями-приятелями. Один такой приятель показал кизиловые места у подножья Святой, другой за миндалем сводил, третий научил мидии собирать.

А девчонка одна местная рассказала, что на горе есть могила святого Азиса, и если переночуешь там, то желание исполнится. Я такие вещи люблю: романтика, ночевка на горе, звезды, проводник. Пошли мы туда ночевать.

Полночи не спали, обсуждали, кто чего желает на самом деле. Как в фильме «Сталкер» ситуация, помните? На горе было очень страшно. Представьте: ногами мы в могилу улеглись. В полночь ясное небо со

звездами исчезло, буря началась. Мы замерзли, всю ночь дрожали, как цуцики. Никакой романтики, только страх, и холод, и желание, ради которого приперся. Я все думал тогда, чем в жизни заняться, первое образование у меня юридическое, поэтому и Венечка туда хотел.

Не очень у меня складывалось с юриспруденцией, хотелось быть адвокатом, защищать несправедливо обиженных, но в нашей стране, вы же понимаете, всех справедливо обижают. Так что разочаровался я в этом деле, думал, что дальше делать. Чуть было не пошел богословие изучать, слава Богу, обилие монашек остановило. Они вроде женщины и симпатичные даже, но… монашки. Чего с ними делать – неясно. Я ведь еще не женат был и в поиске. Короче, испугался я монашек, сбежал, думал пойти второе высшее образование получить, но все никак решиться не мог. Психологом всегда хотел быть, читал Фрейда и Юнга запоем, но думал почему-то, что для поступления надо хорошо математикой владеть, а у меня с ней неважно.

Вот и размышлял я всю эту ночь, чем по жизни дальше заняться, в чем мое призвание, и желание загадал, что после той ночи все само собой понятно будет. Чудо произойдет. Вот оно и произошло…

Косулин запнулся. Они тем временем зашли в отделение, уселись в ординаторской, с мороза напились чаю. Психолог продолжал:

– Какое желание загадал Венечка, я точно не знаю, рассказывать не разрешалось, пока не сбудется. Но он всю ночь говорил про полеты, объяснял мне что-то про ветер, про то, что им можно управлять. Мне казалось все это таким несерьезным по сравнению с моими наполеоновскими взрослыми планами и проблемами. Какой ветер? Какие планеры?

Под утро Венечка сообщил, что все понял. Сказал, что со мной домой не вернется, останется до конца сезона, а потом поедет учиться летать. Думаю, дело еще и в девчонке было, той местной, что нас на гору привела. Нравилась она Венечке. Дура белобрысая и замечать его не хотела. Все со мной заигрывала.

Майя удивленно подняла глаза на Косулина. Злость свою он показывал редко.

– Саша, если не хотите, не рассказывайте…

– Да нет, нормально. Я уже могу спокойно рассказывать эту историю, годы психотерапии не пропали даром. Раньше не мог, сразу умирать начинал.

– В общем, на следующий день он разбился насмерть на планере. То ли ветер не рассчитал, то ли еще чего. Иногда мне кажется, что специально.

– Суицид?

– Он был серьезно расстроен из-за этой местной. Может, решил по дурости подростковой, что больше никого не полюбит. А может, просто – не повезло. Никогда уже не узнаю. Зато вопрос с психологией решился сразу. С нами там, на горе, у могилы что-то странное случилось. Захотелось понять, что именно, разобраться. Желания-то наши, видимо, исполнились.

Как я из Крыма этого чертова ехал с телом, всю жизнь помнить буду. Жара под сорок. И самое страшное, что, несмотря на весь ужас, который был потом с мамой (она ведь меня обвинила, что мы из Крыма вовремя не уехали)… самое страшное – я все время знал, что произошло реальное чудо, но сказать некому было. Кто бы мне поверил? Вот такая история. Похож Новиков на брата моего. Очень похож.

Вот так становятся клиническими психологами, Майя Витальевна, а психиатрами – как? – Он засмеялся. – Знаете шутку? Психологами становятся люди с психологическими проблемами, а психиатрами – с… психиатрическими.

– Спасибо, что рассказали. Не знала про брата. А в шутке есть, наверное, и доля правды.

Посидели, помолчали. Наконец Майя спросила:

– Еще чай попьем или к Косте сходим?

– Пойдемте уже.

Верните его!

Они вошли в отделение. Железная дверь за ними с лязгом грохнула. Косулин шел за Майей Витальевной, привычно держась чуть позади белого халата, как всегда ходил во время обходов. Они стремительно пересекли отделение. Майя Витальевна шла ни на кого не смотря, Косулин, наоборот, искал Морица, так поразившего его на Рождество, и остальных героев спектакля.

Они вошли в первую наблюдательную палату, куда Костю перевели после спектакля. Костя спал. Отяжелевшее, расслабленное ото сна тело глубоко вдавливалось в матрас. Он был плотно укутан в синее шерстяное одеяло с белой полосой. В палате было прохладно, большие окна пропускали холод, хоть их и тщательно заклеивали. Из-под одеяла виднелись только засаленная макушка и длинная сухая желтоватая ступня. Он был неподвижен. Казалось, в кровати лежит не живое и теплое человеческое тело, а безжизненная восковая кукла.

На соседней кровати, склонившись друг к другу, сидели Мориц и Мент. Мент внимательно слушал, Мориц что-то ему нашептывал. Иногда Мент пытался вставить слово, вскидывал руки, напряженно хмурясь, открывал рот, но Мориц успокоительно клал руку ему на предплечье, и Мент продолжал покорно внимать.

Как только психолог и доктор вошли, конфиденциальная беседа Морица и Мента прервалась. Майя Витальевна и Косулин встали над Костей. Никто не решался его разбудить. Они стояли и смотрели на неподвижный кокон. Косулин с ужасом и отвращением, Майя Витальевна с болью и яростью.

Немая сцена длилась недолго. Мориц вскочил с кровати, схватил Мента за плечо, как бы призывая его в свидетели, другую руку вытянул в сторону вновь пришедших и возопил:

– Господа! Сильные мира сего навестили нас! Я призываю в свидетели всех живых и неживых существ нашей обители, обретших тут абсолютный покой! Господа! Глядите – вот преступники, пришедшие взглянуть на дело рук своих! – Его длинный палец с остро заточенным ногтем маячил у самого носа Майи Витальевны.

Больные на соседних койках зашевелились, медленно пробуждаясь, кто-то заглянул в палату. Майя Витальевна опешила, Косулин с любопытством смотрел на Морица, отмечая краем глаза, что почти все

больные проснулись, а около входа в палату собралось человек пять любопытных.

Мориц между тем продолжал, по ходу своего гневного монолога распаляясь все больше. В голосе его опять появились театральные интонации:

– Он же спас тебя, принцесса, как только может настоящий герой спасти свою возлюбленную. Он нарушил закон человеческой сущности, он рискнул своей жизнью! Он спас тебя, фиолетовая фея… – В голосе настойчиво пробивалась слеза.

– Что-то наша фея ни х…я не феячит, – пробурчал Мент.

Несколько больных глумливо заржали. Майя Витальевна покраснела.

– И чем же ты отплатила ему?! – грозно продолжал Мориц, надвигаясь на доктора. – Что ты сделала с нашим учителем? Ты решила убить его душу, выжечь ее своими… психотропными ядами. – Мориц перешел на шипящий громкий шепот.

Начал просыпаться Костя. Мориц замолк, в коридоре послышался командирский голос медсестры, разгоняющей больных.

Костя перевернулся на спину и остановился отдохнуть перед следующим усилием. Глаза его открывались с трудом, один глаз склеился, и Костя принялся его вяло тереть.

– Константин Юрьевич! – Майя Витальевна наклонилась над Костей. – Встаньте, пожалуйста, нам надо с вами поговорить.

Костя приподнялся на локте и непонимающе уставился на Майю Витальевну.

Косулин стоял рядом и не мог оторвать взгляда от Новикова. Опухшее, некрасивое лицо, тусклые глаза, грязные сальные волосы, засохший след от слюны в уголке рта, пижама застегнута неправильно, один рукав кажется короче другого. Это был не тот Костя, который произвел на него такое сильное впечатление. Это был обычный больной, загруженный нейролептиками. Косулин видел сотни таких.

Костя между тем все так же непонимающе таращился на Майю Витальевну. Она наклонилась над ним еще ниже, подсунула руки ему под плечи и попыталась его посадить. Костя не сопротивлялся, но и не помогал. Майя Витальевна посадила Костю, но тот сам сидел плохо, шатался и заваливался. Майя Витальевна присела рядом с ним на кровать и, придерживая его за плечи, спросила:

– Костя, как вы?

Костя в ответ промычал – чувствовалось, что он борется с собой, хочет что-то сказать, но сил, чтобы сосредоточиться, ему не хватает. Борьба

утомила его. Он вздохнул и медленно опустил голову на плечо Майи Витальевны. Косулин удивленно наблюдал эту сцену. Что-то в этом жесте было удивительно интимное, нежное. Майя Витальевна покраснела, но отстранилась не сразу, это Косулин тоже отметил. То, как Костя при помощи поддерживающей его Майи Витальевны медленно оползал обратно в кровать, то, как он тер глаза тыльной стороной ладоней, вся эта маленькая пантомима опять напомнила Косулину Венечку, только Венечку маленького, заснувшего раньше, чем его донесли до кровати. Он поморщился и отвернулся. Майя Витальевна заботливо подоткнула Косте одеяло. Косулин встретился взглядом с Морицем, который выдохся и безмолвно наблюдал. В глазах Морица стояли уже не театральные слезы.

– Верните его, – сказал он тихо, непонятно к кому обращаясь.

В ординаторской Майя бессильно упала за свой стол. Косулин разозлился, стал метаться от чайника к столу и обратно:

– Нет, ну какая сволочь Царица ваша! За пять дней превратить его в слюни, это же дико – зачем?! Вы можете объяснить мне, зачем? Ну чем несчастный учитель ей так помешал?! С ним вообще дело темное, диагностику надо дальше делать, может, у него и органика какая есть, нейролептики его размажут в кашу. Все побочные эффекты налицо! Нет, я не могу это стерпеть, просто не могу. Что делать? Что мы реально можем?!

– Саша, что мы можем? Скорее всего – ничего. Сегодня должны прийти его родители. Что я им скажу? Забирайте вашего мальчика, а то дебилом сделаем? Надо поговорить с ними, может, они нормальные люди. И все – больше я ничего не могу.

– Совсем ничего? Вы – его лечащий врач?

– Это так, но заведующая имеет право изменить назначения. Я могу только в обход ее обратиться к старшему врачу за консультацией. Но Царица наша со старшими врачами кофе пьет и внуков обсуждает. Так что я подставлюсь, а Косте это не поможет нисколько.

Хуже всего в жизни Косулин переносил собственное бессилие. Когда обстоятельства складывались так, что он мог только утешать себя банальным: такова жизнь. В реальности он ничем не мог помочь Новикову. Мог написать заключение как на здорового, но тогда позовут другого психолога, и тот напишет заключение, более соответствующее представлениям Царицы. Диагностика – дело творческое. Мог пойти к Царице и попробовать объяснить ей, что Новиков достоин лучшей доли, что он – уважаемый человек, что он учитель, герой, что диагностика его не закончена и его нельзя лечить как буйного психотика. Репутация его была бы в момент уничтожена, Царица послала бы его очень далеко, он ничего

бы не добился, кроме насмешливого презрения системы. Стоило ли так рисковать? Ради одного пациента, тем более чужого. Но власть старой вины в душе Косулина разворачивалась в полную силу. Понимал прекрасно, что попал в так называемый контрперенос – засаду психотерапевта. Что связывать истории Кости и Венечки напрямую неправильно. Но все равно чувствовал: Костя гибнет, а он смотрит, занятый своими взрослыми проблемами, доводами и аргументами, и ничего якобы НЕ МОЖЕТ! Тогда не мог и сейчас не может.

Профессиональная рефлексия подсказывала: тормозни, ты в аффекте! Но Косулин не хотел ее слушать, отвечая: «Я в курсе, что я в аффекте, и я рад этому. Я не хочу в бессильное всепонимающее болото, я не хочу ничего понимать, я хочу спасти этого дурацкого учителя, откуда он вообще взялся на мою голову!»

Тем временем Майя следила за Косулиным, и одновременно в ее голове проступала одна простая и очевидная мысль. Пока Косулин по-мужски злился, ругался, метался в диалогах с внутренним профессионалом, Майя Витальевна совершенно по-женски, без сложных размышлений, доходила до понимания того, что она МОЖЕТ сделать. И это наполняло ее ужасом и восторгом. Потому что то, что она собиралась сделать, – настоящее преступление.

В отделение позвонили, и через минуту на пороге нарисовалась пожилая супружеская пара. Напряженный красивый мужчина военной выправки и мягкая старомодная женщина – родители Кости Новикова.

Их попросили подождать. Косулин и Майя – оба взвинченные, каждый по-своему, стараясь говорить тихо, чтобы их не услышали, договаривались о плане действий.

– Саша, давайте, я сейчас побеседую с ними, соберу анамнез, прощупаю ситуацию. У меня тут идея одна появилась. Созвонимся через часок. Подумайте, чем вы можете помочь…

В ее голосе появилась несуетливая деловитость, спокойствие, так не похожее на то, как она говорила сегодня утром. Желтый пушистый цыпленок, прикрепленный к ее компьютеру, тоже вполне уверенно смотрел на Косулина. Сейчас она напомнила ему жену, которая становилась такой же деловитой, когда, наконец, заканчивала метаться с выбором меню на праздник или решала нерешаемую задачу: что лучше и правильнее купить – джинсы со скидкой или кофту из новой коллекции. Женская уверенность всегда успокаивала Косулина: приятно иметь дело с женщинами, умеющими делать выбор, а не пропихивающими свои желания на место ваших решений по совету идиотских журналов.

Кивнув, Косулин вышел, в тамбуре столкнулся лицом к лицу с отцом Косулина. От него расходились волны напряжения, он старался сохранять явно привычный образ командира. Они встретились глазами – Косулин был поражен, насколько Костя не похож на отца. Мать он не заметил, она уже прошмыгнула в ординаторскую к Майе Витальевне.

Неприятный, властный отец наверняка ненавидит сына за полную противоположность себе. Костя – маменькин сынок, а папа одинок, как подбитый танк. Интересно, в каких войсках он служит. Вроде Майя говорила, что военный. Да и так видно.

Мама и папа

Майя Витальевна пригласила к себе родителей Кости. Мама села на стул около стола, папа уселся сзади. Майя представилась лечащим врачом Кости и принялась выспрашивать подробности Костиной биографии. Мама многословно рассказывала историю семьи, папа сидел с непроницаемым лицом, рассматривая книжные полки и замирая от названий корешков: «Нервные и психические болезни», «О псевдогаллюцинациях», «Общая психопатология».

Марии Николаевне, так звали маму Кости, молодая докторша сразу понравилась. Вначале готовая, как всегда, соответствовать всем возможным ожиданиям, мама постепенно расслабилась и погрузилась в воспоминания. Давно никто не слушал ее так внимательно, и тем более никогда ее рассказы не записывали.

Одета Мария Николаевна скромно: на шее – ностальгический шелковый платочек в горошек, зеленая кофта с пуговицами, пучок седых волос. Майе Витальевне многое из ее рассказов вовсе не нужно для анамнеза, но интересно слушать плавную, интеллигентную речь, смотреть в маленькое, аккуратное личико, сложенное в привычное внимательно-виноватое выражение, искать в нем похожие на Костю черты.

– Костику двадцать девять, но выглядит он молодо, правда? Лет на двадцать пять. Это он в меня. Я долго выглядела моложе своего возраста.

– Скажите, а как протекали беременность и роды?

– У меня был ужасный токсикоз в первом триместре, и родился он недоношенный на восьмом месяце. Я ведь уже немолодая рожала. Долго не могла забеременеть. Родила его в тридцать два, мы, – оборачивается к мужу за поддержкой, но тот сосредоточился на заоконном пейзаже, – думали: не будет у нас уже детей. Я так переживала, что попала в клинику неврозов, у меня была страшная депрессия. Я сама из многодетной семьи, нас четверо было. А тут только забеременею – сразу выкидыш. На третьем я сломалась. Глупая была, решила, что без детей жизнь смысла не имеет, перестала выходить из дома, запустила себя совсем. Слава богу, – смотрит с благодарностью на мужа, – Юрий Алексеевич через знакомых меня в больницу положил. Когда я забеременела, мы были уже двенадцать лет женаты.

– А где рожали? В Москве?

– Нет, что вы. Мы же военные. Мы тогда служили в Актау. Это город

на Каспийском море в Казахстане. Тогда это все было еще частью Союза. Город сам по себе маленький, его от края до края можно за час пройти. Стоит на стыке пустыни и моря, ветра там жуткие, пыльные бури случаются. В городе нет улиц с названиями, знаете, это так меня удивило (я сама в Питере родилась). Есть всего одна поименованная улица – проспект Мира. В итоге адрес на письмах выглядит так: г. Актау и три цифры – номер микрорайона, номер дома, номер квартиры. Город задумывался как поселок для нефтяников, потом там решили построить атомную электростанцию, так как город разрастался, а питьевой воды нет, рек нет, ручьев нет. Построили завод для опреснения морской воды, и для него, для этого завода, и построили атомную электростанцию, чтоб она давала энергию. Вокруг электростанции крутилось очень многое, все мужчины были либо нефтяниками, либо энергетиками. В восьмидесятых, когда мы туда приехали, город получил медаль за то, что построен в непригодных для жизни человека условиях. Климат кошмарный, настоящий ад: очень длинное и жаркое лето, сухая и холодная зима. Нет почвы для растений и нет воды, голая скала. И недалеко захоронения отходов всяких ядерных испытаний. Радиационный фон повышен. Наша часть находилась за городом, недалеко от МАЭС (Мангышлакской атомной электростанции). Часть там нужна была для охраны нефтянки. Юрия Алексеевича перевели уже офицером. Мы туда приехали, и я почти сразу забеременела. Может, потому что отчаялась уже родить, и Бог смилостивился, может, условия там какие-то особенные. Но это было просто чудо! Мы были так счастливы, особенно когда узнали, что будет мальчик. Мы жили в самом Актау, в старом районе города, в бараках. В таких двухэтажных деревянных бараках, похожих на огромные коммуналки.

Часть была километрах в двадцати от города, прямо посреди пустыни. А вокруг по пустыне ходили верблюды и лошади, перекати-поле.

Признаюсь, мне там нравилось. Часть начиналась с проходной, где всегда воняло дерматиновыми креслами и табаком. Я, когда беременная была, прямо не могла к мужу приходить, меня от этого запаха сразу тошнило. За проходной стоял штаб – четырех-этажное здание, окруженное елками и акациями. Все это растительное богатство было привезено за тридевять земель и высажено аккуратно вдоль здания. В штабе сидели все офицеры и командование. Я туда приходила чаще всего в день получки мужа, чтоб в местный магазин сходить. Туда привозили всякий дефицит: халву (ее Костик до сих пор вспоминает как самое вкусное, что он пробовал в жизни), колбасу, белье белорусское трикотажное, шпроты прибалтийские. Я Костика брала с собой на работу в выходные. Ах да, я же

в части работала библиотекарем. До седьмого месяца ходила на работу, а после родов через три месяца сразу вышла. Работу я любила. Книги – главная страсть и утешение. Я приходила, иногда оставляла Костика в клубе на первом этаже, где показывали кино и репетировал духовой военный оркестр. Костик любил там играть. На втором этаже клуба была библиотека. Для такой небольшой воинской части просто огромная, с высоченными потолками и со стеллажами до этого самого потолка. Костик провел все детство на этих стеллажах. Он с другими детьми не очень-то любил общаться, залезал обычно на стеллаж, как обезьянка, и сидел там часами, читал. Иногда, правда, он выбирался оттуда к солдатикам, приходящим почитать газеты. Но интерес у него был чисто практический: он просил их рисовать ему картинки с лошадками. Солдаты Костю любили – и за то, что офицерский сын, и просто за то, что был ласковым мальчиком. А вот Юрий Алексеевич ласковость не поощрял.

Муж слушал рассказ с трудом: он не любил воспоминания, его утомляла женина многословность и сентиментальность.

– Скажите, а где у вас курят? – не выдержал он разговоров о тонкой душевной организации сына.

– Только на улице.

– Мария Николаевна пока изложит ситуацию, это дело долгое, я покурю и вернусь. – Как пружина, папа Кости выстрелил из кабинета.

– Вот видите! Отец его не любит – вот что самое ужасное! – На глазах у Марии Николаевны появились слезы. Она достала из сумочки белый, аккуратно сложенный носовой платок, кончиком промокнула глаза, собралась и продолжила: – Муж – человек строгий, военный, эмоции не показывает никогда, меня попрекает, что сын похож на гомосексуалиста, иногда дразнит Идиотом, ну вы понимаете – князем Мышкиным. Мне кажется, муж стыдится Кости с самого детства, – жалобно зачастила мама.

Впрочем, Майя и так уже примерно поняла про отношения Кости с папой.

– А у вас как с Константином отношения?

– А что я? Я всегда поддерживала мужа. А с тем, какой Костя, я смирилась давно. Старалась поддерживать творческие способности, которые в нем с детства были. Он умеет видеть красоту мира. Многие ведь, как вырастают, перестают ее видеть, больше плохое замечают, недовольны всем. Его дед, мой отец, был художником-иллюстратором, довольно известным в Питере человеком. Мы когда в Актау жили, у меня было черно-белое клетчатое платье до колена с черным пояском, Костик его часто вспоминает, говорит, что он больше платье помнит, чем меня.

Говорит, что самое красивое в детстве, что помнит, – мама, склонившаяся над книгой в этом платье. Мне, конечно, приятно. Он меня часто рисовал, когда маленький был. Могу принести его рисунки, я все сохранила.

– Приносите, если хотите…

– Костю я отдала в художественную школу, хотя отец очень протестовал. А потом еще и в музыкалку, по классу скрипки. Я сразу почувствовала, что Костя пошел в мою породу – такой же тонкий, ранимый. Только вот вспыльчивость и упрямство ему от отца достались. Сочетание, сами понимаете, опасное: видите, куда оно его привело. И наклонности его художественные я пыталась развивать, но все тайком, тайком от мужа. Сначала сделаю, а потом долго готовлюсь к обороне.

Однажды, когда Косте было лет девять, ему в художественной школе дали задание – рисовать наброски с натуры. Костик приехал со мной на работу. Он попросил меня помочь с этой самой натурой. Мы пришли на оружейный склад, которым один офицер заведовал, друг нашего папы. Я его отвела собак служебных рисовать (он зверей всегда любил) и свинок, потому что этот офицер разводил свиней, и по складу бегали два жирных хряка. Костя там целый день просидел среди полок с оружием, рисуя животных. Когда отец его потом попросил показать рисунки, у них вышел первый серьезный скандал. Отец надеялся, что Костя на складе с оружием будет рисовать солдат, автоматы, такое все мужское, понятное. Он рисунки увидел и назвал их девчоночьей мазней. Костя обиделся ужасно и убежал из дома. Мы его сутки искали, нашли в заброшенном здании общепита на набережной. Я тогда за него ужасно испугалась!

– Какие-то детские страхи, снохождения у сына были?

– Да нет, не помню… А, нет, было, было! Когда перестроечные годы начались, очень сильно поднялся уровень моря, мы боялись, что город совсем затопит. В городе только об этом и говорили. А Костя же очень впечатлительный, ему кошмары про то, как море затапливает город, почти каждую ночь снились. Он просыпался и кричал: «Спасайтесь! Море идет! Спасайтесь!» Но, когда мы переехали, это прошло.

– А в детский сад Костя ходил?

– Нет, я сама за ним присматривала. Пока он совсем маленький был, я его с соседкой оставляла. Приятная казашка, у нее своих трое, так что ей четвертый не в нагрузку был. Он и в школу ходил нерегулярно. Он же был одаренный, все уроки ему давались играючи. Ему там было скучно, многое он сдавал экстерном. Когда Косте было одиннадцать, нас перевели в Подмосковье. В Актау начался ужас. Нас перевели в девяносто первом году, в марте… Казахстан уже почти три месяца был независимым. Мы жили как

в военное время. Костя очень переживал: все вокруг стали злобными, из магазинов исчезли продукты, стало очень грязно на улицах. На набережной было опасно, страшно ребенка отпускать гулять. Русские начали собираться, у каждого подъезда стояли контейнеры, каждый день кто-то уезжал. Костя был одиночкой, но с двумя мальчиками из художественной школы дружил. Он тяжело переживал их отъезд, плакал, злился, отказывался разговаривать даже со мной. Да и часть перевели в город, на ее месте в пустыне сделали туберкулезную лечебницу. Мою старую библиотеку, которую Костя так любил, закрыли. А он в детстве очень медленно ко всему новому привыкал. Когда Юрия Алексеевича в Москву на повышение перевели и мы переехали, Костя не мог привыкнуть к тому, что в Москве высокие дома, осенью листья становятся цветными и опадают. В метро его было невозможно затащить: он боялся эскалаторов, боялся, что его засосет или он не успеет спрыгнуть, от шума поездов просто впадал в ступор. Вначале вообще отказывался выходить из дома, боялся потеряться. Но постепенно все наладилось. Правда, в школу так и не начал нормально ходить. Он сильно опережал своих сверстников в развитии, как я уже говорила, ему было скучно учиться. Проучился ровно месяц. Его избили одноклассники, и он туда больше не пошел.

– А за что избили?

– Темная история. Я думаю, просто за то, что он сильно отличался. Школа была ведомственная, там учились дети московских военных. И тут приходит мальчик, с одной стороны, всех боится, с другой – нос задирает, Шекспира с Платоном по памяти цитирует, на уроках скучает. У него вышла ссора с учителем истории. Строгий, советской закалки педагог, все слово в слово по учебнику рассказывал и потом заставлял так же это пересказывать. Им задали какой-то реферат, ну Костя и написал что-то очень умное и с претензией, по-моему, что-то про неоднозначность роли фашизма в мировой истории. Костя тогда был увлечен религиозными идеями, читал все подряд. Реферат был про то, что мы, люди, не можем оценивать события и явления окружающего мира как однозначно хорошие или плохие, потому что не знаем всего замысла Творца. Историк его, конечно, распек при всем классе. Тогда Костя вступил с ним в дискуссию. В результате Костю отвели к директору, вызвали меня в школу и долго нас обоих ругали за распущенность и аморальность. Когда про этот конфликт узнал отец, он был в бешенстве. Он устал от того, что с Костей все не как у людей. Да и тема про фашизм, представляете? Я пыталась Костю отговорить рассказывать папе про эту тему: папа потомственный военный, большая часть его семьи погибла в Великую Отечественную войну. У нас в

семье роль фашизма – это не тема для дискуссии. Но Костя патологически честен и всегда говорит то, что думает. Их ссора закончилась ужасно. Отец Костю выпорол. По-настоящему, солдатским ремнем. Они не разговаривали после три месяца.

– За что все же одноклассники его избили?

– Ах да, его избили за то, что он занял чье-то место в классе и, вместо того чтобы извиниться, начал доказывать, уверять, что места тут казенные. Ну это то, что он мне рассказал. И то, что рассказали одноклассники. Но мне кажется, все было сложнее, просто Костя старался меня защитить и мне не рассказывал. Его со средней школы начали дразнить. Называли пидором (простите) за его нежный внешний вид и манеру говорить, за то, что он болезненно реагировал на неудачи, плакал, когда получил свою единственную четверку по физкультуре. К тому же он с детства мечтал стать учителем, вечно всех поучал, только нашелся бы кто-нибудь, готовый его слушать. Все учителя истории его недолюбливали, потому что Костя знал историю лучше них, по памяти цитировал Ключевского и Карамзина. Он мечтал стать историком, ему нравилось, что он все знает, как будто он сам жил в этих местах и в этих временах. У него даже игра такая была: он представлял, что стоит на одном месте где-нибудь в центре города, а вокруг время течет с огромной скоростью, меняются эпохи, архитектура, транспорт, наряды людей. Он перестал в нее играть, когда повзрослел, но раньше часто мне про это рассказывал. Так вот, чтобы в нее играть, нужно было досконально знать множество эпох и исторических обстоятельств. И он знал. И сейчас знает.

Майя вспомнила Костю – овоща, которого всего полчаса назад безуспешно пыталась посадить на кровати. Решимость ее с рассказом мамы крепла.

– Как бы то ни было, Костя в школу не ходил. Сидел дома, учил древнегреческий, готовился к вступительным экзаменам в институт. Иногда его от школы посылали на олимпиады, которые он обычно выигрывал.

– Менялся ли он по характеру в подростковом возрасте?

– Да, когда он поступил в институт в шестнадцать лет, он сильно изменился. Он нашел единомышленников. И хотя ему было сложно вписаться в свою группу, так как он был моложе всех, все же у него получилось. Появилось много друзей, он организовывал кружки, журналы, какой-то благотворительный фонд, у нас дома вечно сидели юноши с горящими глазами и такие же девицы. Большинство из них были в Костю влюблены. Он к тому времени вытянулся, возмужал, голос наконец-то сломался, и оказалось, что у него очень красивый тембр. Таким бы

проповеди в церкви читать. Он же влюблялся в таких, знаете, фиф, а они его всерьез не воспринимали. Костины успехи дали папе новую надежду. Пусть хоть так. Но Костя закончил институт, поступил в аспирантуру и через полгода ушел оттуда. Сказал, что ему не подходит научная среда, что наука сплошная профанация и обман. Никак не мог понять, почему к кандидатским диссертациям всерьез никто не относится, не читают работы друг друга. Потом попросил меня устроить его в школу учителем. Я долго сопротивлялась и правильно делала. Но все же сдалась. У меня сестра работает в Минобразовании, она пристроила его в хорошую школу.

– Как ему там работалось?

– Как устроился, сразу создал детский театр, где ставил с детьми древнегреческие трагедии и эпос, а также кино популярное, «Матрица», кажется, называется. Дети его очень любили, дома у нас часто бывали – я только успевала чай заваривать. Сейчас, понимаете, так не принято. Все так далеки друг от друга, если ты что-то делаешь сверх своих обязанностей – это уже подозрительно, в благие намерения не верит никто. Если он с детьми все время свободное проводит, то другие учителя тоже должны, получается? Это раздражало многих, для учителей теперь важен только ЕГЭ, а как дети растут – дело второстепенное. Последнее время Костя был взвинчен, возбужден, знаете, политика на него так действовала. Он был так счастлив из-за митингов, ходил чуть ли не на все сразу. Был увлечен, все время с блеском в глазах говорил, что история вышла на улицы. Даже хотел весь класс повести, чтобы дети оказались внутри исторического процесса и поняли, наконец, как зарождаются общественные движения.

Майя перестает записывать. Представляет Костю на митинге, бодрого, смелого, орущего лозунги.

– Майя Витальевна, поймите, Костя очень хороший, он необычный, правда! Но то, в чем его обвиняют, это так нелепо, так ужасно! Это неправда, естественно! Я не переживу всего этого кошмара, помогите, пожалуйста, Костик без детей не может, он учитель от Бога, понимаете. А после психушки – что с ним будет?! Ведь его бояться станут, презирать, жизнь его сломана будет навсегда. У нас в семье всегда все здоровы были, ничего психического не было, помогите, пожалуйста. – Она уже не может сдерживаться и готова на коленях умолять Майю Витальевну, сама не понимая, о чем.

Рыдая, роется в сумочке, вынимает деньги из кошелька:

– Пожалуйста, возьмите, я вас очень прошу – ведь единственный сын, кормите его получше, пожалуйста, он котлетки очень любит куриные, я вот принесла. Скажите, если лекарства надо купить хорошие, я куплю, у меня

знакомые есть. Ведь идиотом станет, Майя Витальевна, помогите, я вас умоляю!!

– Перестаньте, перестаньте, пожалуйста, возьмите деньги – это не нужно.

В другой ситуации она взяла бы деньги. От таких вот «доплат» мало кто в больнице отказывается, разве что некоторые врачи старшего поколения, на генетическом уровне дрожащие от слова «взятка». Но те, кому нет пятидесяти, слово это знают, и оно, полностью лишившись своего стыдного и преступного оттенка, вызывает гораздо более приятные эмоции. Деньги в карман воспринимаются как справедливое вознаграждение. Конечно, деньги-то врачам за их по-настоящему тяжелый труд платят не унизительно маленькие, как раньше, но все равно недостаточные, чтобы отказываться. Да и не в деньгах дело. Взять деньги – значит проявить непослушание, хоть в чем-то оказаться сильнее и хитрее системы. Хоть где-то «сделать» ее. Система никогда не отблагодарит тебя за тяжелый труд, скорее просто выкинет на помойку, а конверт с деньгами представляет простое выражение благодарности одного человека другому, в чем мы все отчаянно нуждаемся. И от такого удовольствия в наши дни отказываются только сумасшедшие.

Вернулся папа, холодным взглядом окинул кабинет, заметил и слезы жены, и сумочку, из которой выглядывает кошелек, поморщился при виде пластиковых судочков с котлетами. Майя Витальевна решает задать и ему свои вопросы.

– Юрий Алексеевич, а вы что думаете по поводу сложившейся ситуации с вашим сыном? Что вы можете сказать про его психическое состояние в последнее время?

– В последнее время?! Да он всю жизнь был очень странный, с детства. Я все сделал, что от меня требовалось, ничего не помогло… Я запрещал, приводил примеры, наказывал, поощрял правильные поступки. Я старался быть хорошим отцом. Но он как будто не мой сын! Сами посудите: мы с Марией Николаевной строили дом, давно уже начали, как в Москву переехали. Все как положено. Я думал, мы вместе с ним это дело поднимать будем. Он был в этом доме от силы раз десять! Только ради матери приезжает, когда она умолить сумеет его превосходительство. Он мне вообще не помогает никогда – материально мы не нуждаемся, сами кому хочешь поможем, но ему ведь ничего настоящего не нужно: ни карьеры, ни праздников семейных, ни рыбалки – ничего! Мои друзья, вы поймите, – нормальные мужики, в серьезных погонах, все с сыновьями, на худой конец с зятьями! А я? Один раз в жизни взял его на охоту на лося.

Чтоб вы понимали, это очень дорогая охота – лося бьют с вертолета, серьезная подготовка, не детский сад. Так он истерику закатил: орал так, что в вертолете слышно было, а там вообще-то ничего не слышно. «Сами в себя стреляйте, уроды вонючие, убийцы!» Так стыдно мне никогда в жизни не было. Я в таких кругах вращаюсь, где подобная сентиментальность за самое серьезное психическое расстройство считается. И ведь он знал, что эта поездка для меня важна, я про лося все ему заранее рассказал, это не сюрприз для него был. Полное неуважение, наплевательство на меня! Он всегда был ко мне абсолютно равнодушен, все мое ему было противно. Ему годика четыре было – он меня спрашивает: папа, а ты убийца, да?

Никогда с ним по-человечески договориться ни о чем нельзя, полная безответственность и слюнтяйство. Вам тут мама, знаю, наговорила про него, что он чувствительная художественная натура. По мне – он самое настоящее отклонение! Нормальные мужские вещи он всегда презирал и ненавидел, скандалил чуть что, писался еще лет в пять, ни одной женщины я с ним ни разу не видел. Я ему аспирантуру устроил с таким трудом, и не в педагогическом, а в РГГУ, так он ее через год бросил! Так что я допускаю, что все, что Ясень говорит, – это правда. Вышестоящему начальству морду расквасить – это же надо до такого дойти! А если бы он его убил? А вы знаете, что на него дело завели о причинении тяжких телесных повреждений, возможно, еще и покушение на убийство предъявят. Так что он – самый настоящий псих, и вылечите его, пожалуйста, если можете, конечно. В чем я сильно сомневаюсь!

Мама смотрит на него в ужасе:

– Ты не говорил мне про уголовное дело, это что – серьезно?

Майя Витальевна сидит ошарашенная: редко кто из родственников, тем более отцов, не только вот так сразу соглашается с тем, что их ребенок психически болен, но еще и настаивает на этом. Он действительно его совсем не любит, как обидно…

Костин папа тем временем собрался, вернул себе самообладание и деловым тоном говорит:

– Майя Витальевна, давайте сразу договоримся: все, что касается режима питания, одежды, котлеток и так далее, – это вы с женой решайте. Серьезные вопросы я хотел бы обсудить с заведующей. Подскажите-ка, где я могу найти ее и имя-отчество?

– Я – лечащий врач Кости, все вопросы вы можете обсудить со мной.

Уверенность покидает ее, ей ясно давали понять, что она никто, все вопросы – с начальством, а она – солдатик: «слушаюсь, товарищ командир». Утренняя обида и беспомощность опять замаячили в области

горла. Но ей есть за что бороться, и она разом переходит на специальный врачебный тон.

Расписание приемных часов на двери отделения висит, заведующая работает каждый день – приходите, ищите. Мол, у вас своя мафия, у нас – своя. Но надежда на союз с родителями Кости исчезает, не успев толком зародиться.

– Вы можете пройти сейчас в отделение, через десять минут начнутся официальные часы посещений. – Майя дает понять, что разговор окончен.

Мама обрадовалась, что увидит сына и передаст котлетки. Папа напрягается: он не ожидал увидеть его сегодня. По правде говоря, с удовольствием бы сбежал. Но показывать это другим людям неудобно.

Сумасшедший сын

Они посидели в тамбуре оставшиеся до начала посещений десять минут. Тем временем там образовалась толпа родственников, многие с тяжелыми сумками. Народ собрался разношерстный, и папа в своем дорогом, идеально скроенном костюме, с начальственной осанкой чувствует себя все менее подходящим месту. План, который созрел в его голове после встречи с решительно и безжалостно настроенным Ясенем, сейчас кажется не таким уж блестящим.

План прост: Костя получает серьезный диагноз, лежит как можно дольше, шансы на возвращение его в школу исчезают с каждым днем лечения в психиатрической больнице. В это время папа рассчитывал договориться с Ясенем о мировом соглашении, чтобы не допустить развития уголовного дела. Повреждения у директора были зафиксированы весьма умело: черепно-мозговая травма, травма глаза с риском потери зрения, множественные гематомы, еще мелочовка. Свидетелей полно. Покушение на убийство при желании наскрести можно. А желание у Ясеня было.

В колонии Косте с историей про педофилию жить долго не пришлось бы. Папа питал к сыну сложные чувства, но допустить его гибель, конечно, не мог. Оставался единственный выход – крепкий диагноз.

Тем временем подошло время посещений. Звук открываемой специальным психиатрическим ключом двери прервал папино неуютное состояние. На пару минут два мира, разделенные крепкой железной дверью, соединились. Дверь широко распахнулась, и внутрь стали входить люди с сумками, а у двери с той стороны столпились странные люди в клетчатых пижамах. Сестра грубым голосом выкрикивала фамилии счастливчиков, к которым пришли посетители. Папу объял настоящий ужас, и он попятился к выходу. Он нечаянно толкнул невысокого старика, как будто прилетевшего из прошлого: в коричневом худеньком пальто и меховой заячьей шапке-ушанке. Такую папа носил в седьмом классе. Старик (это был дед Ванечки-дурачка) уронил палку, на которую опирался, и пытался нагнуться, чтобы ее поднять. Папа схватил палку, неловко протянул ее старику:

– Простите, ради бога, я первый раз, испугался. Там что – ад, да?

Старик с облегчением оперся на палку, сочувственно посмотрел на сильного красивого мужчину, пришедшего, скорее всего, к своему сыну и,

похоже, сильно напуганному.

– Да нет, что вы. Это не ад. Это чистилище… Пойдемте, вас наверняка уже заждались.

Папа никогда не испытывал ничего подобного. Профессиональный военный бывал в опасных для жизни ситуациях. Но никогда ему не было так страшно. Десятки безумных людей, среди них его сын. Он не знал, что увидит, не мог создать образ. В голову лезли картины черного Гойи, которые он несколько лет назад видел в Мадриде в музее Прадо. Бесы, черти, безумие, ужас – картинки мелькали в голове, смешиваясь с образом Кости и с ним самим. Наконец вошли. Мама уже устраивалась в большом зале, безвкусно претендующем на подобие приличий. На стенах развешены убогие картины, в углу пианино, у стены большая клетка с попугаями. Все в бежево-замызганной гамме. Предчувствуя острое отвращение от соприкосновения дорогой итальянской ткани своего костюма с нечистыми невесть от чего плюшевыми диванами, папа, почти зажмурившись, садится рядом с обнадежившим его стариком.

Надо же, в России есть чистилище, а я всю жизнь думал, что мы по аду специалисты. Надо успокоиться и потерпеть, чуть-чуть потерпеть и решить проблему. Я должен. Я – хороший отец.

Заняли три места в комнате, мама суетится с судочками, сестра уже два раза тюремно орала: «Но-о-виков!!!»

Проходит минут десять. В каждом закутке кто-то ест, умоляет забрать его из больницы, узнает, как дела дома, родственники интересуются самочувствием больных, стараются обнадежить, рассказывают новости. Кто-то ругается, кто-то плачет.

Папа и мама растерянно оглядываются, стараясь не смотреть на больных, а если встречаются с кем-то взглядами, то, деликатно улыбаясь, отводят глаза. Мама, казалось, совсем не волнуется, как будто всю жизнь ходит по психиатрическим клиникам. Но как только судочки, салфеточки, пирожок, домашний компот из кураги, Костин любимый, аккуратно расставлены на качающемся столике из ДСП и она оглянулась вокруг, заметив в глазах непоколебимого мужа смятение, более того, настоящий ужас, мамино сердце забилось часто-часто, в глазах потемнело, затошнило, захотелось убежать. Кости все еще не было.

Папа, увидев медсестру, с командирской спесью контролирующей порядок в часы приема, карикатурно развел руки и, хотя она стояла в трех метрах от него, беззвучно прошептал: «Нет Новикова». Сестра нахмурилась, выглянула в коридор, усмехнулась:

– Идет ваш Новиков с подмогой. Быстрее, быстрее, чего еле ноги

двигаешь, ждут тебя, уже заждались!

Папа и мама не видели коридора, но слышали, как один за другим неравномерно шлепают два ботинка и кто-то дурашливым голосом уговаривает:

– По-о-о-шли, Ко-о-остя, я тебя доведу, к тебе мама и папа при-и-шли.

Папа побледнел, не выдержал, подошел к двери: в нее медленно входил, нелепо расставляя ноги, дурачок Ванечка, крепко держа за руку его сына. Бледный Костя с сальным блестящим лицом и руками, согнутыми в локтях, прижатыми к груди, как у зайца, входит в зал посещений. Все движения скованны и похожи на стариковские. Глаза Кости, обычно живые и яркие, медленно, нехотя осматривают папу. Папе кажется, что сын его не узнал.

– Здравствуй, Костя, мы с мамой пришли тебя навестить.

– Очень хорошо. Я очень рад тебя видеть. – Костя говорит медленно, с трудом, как будто тяжелые камни ворочает.

Сели, мама сразу принялась квохтать, совать котлетки, компот. Костя молча и без удовольствия ест. Всем очень тяжело. Какая-то часть души Кости хочет плакать, целовать и обнимать родителей, сказать им, как он соскучился, как много пережил за эти дни, как изменилось все, и он не знает теперь, как жить. Но слова не складываются, мысли ворочаются медленно, как огромные колеса, и сосредоточиться толком удается только на еде. Через десять минут он ужасно устал, глаза слипаются, он не помнит уже, что хотел от родителей. Машет рукой сестре: уведи, мол. Встает и, не оборачиваясь, бредет с одной лишь мыслью: надо дойти до кровати и отдохнуть… я жутко устал, спать, спать.

Мама и папа остаются сидеть, замерев от бури сильнейших чувств. Единственный сын стал совершенно сумасшедшим чужим человеком, похожим на этих странных, отвратительных людей, странно двигающихся и непонятно говорящих, с остановившимися, как у мертвых, глазами. Сумасшедший сын. Единственный сын. Теперь они старались не смотреть и друг на друга, боясь внезапно вспыхнувших подозрений, кто же из них виноват в том, что их сын такой. Быстрые мысли, сопоставления, воспоминания супружней родни сложились в тайный семейный диагноз, генетическую вину, которую каждый приписывал другому. Моментально между ними развернулось молчаливое поле битвы, на главном знамени которого крупными буквами было написано: ЭТО ТВОЯ ВИНА! ВСЕ ЭТО ИЗ-ЗА ТЕБЯ!

Молча, не сказав ничего, садятся в машину. Неожиданно папа выходит, бросив водителю:

– Марию Николаевну – отвезти домой.

Кивнув жене, захлопывает дверь и идет, делая вид, что знает, куда. Но как только машина скрылась, остановился у скамейки, грузно сел и закрыл глаза. Действиям в такой диспозиции его нигде не учили. Удар пришелся из самого тыла, да такой мощный, что сил на перегруппировку и осмысление ситуации нет. Это поражение, разгром, полное и окончательное уничтожение. Папа погрузился в хаос. Но так уж он был устроен – в хаосе долго находиться не мог.

По правде говоря, папа Кости Новикова знал, как выходить из безвыходных ситуаций: надо обозначить цель, определиться с правилами игры, отказаться от эмоций и выиграть – во что бы то ни стало. Потери считать после победы. Эта стратегия всегда приносила удачу.

Главное сейчас, не поддаться на жалость. Сын ужасно выглядит, но, если бы ему было плохо по-настоящему – он бы сказал. Больше к нему не пойду, пока все не закончится. А то сразу становлюсь как жена: чуть не расплакался сегодня, старика толкнул, про ад спросил. Сам как больной.

Итак, план: договориться, чтобы держали его подольше. Пусть полечат. Потом оклемается, в санаторий съездит, может и поумнеет, в аспирантуре восстановится. Дальше – договориться с Ясенем. С женой в переговоры не вступать. Это самый сложный пункт плана. А там, может, и образуется все. Поискать надо, как на Ясеня надавить, больно он упертый, директор этот.

Проговорив про себя план и разозлившись под конец на Ясеня, папа обрел порядок, вышел из хаоса и начал методично действовать.

После ухода родителей Майя Витальевна спросила у Кости, рад ли он встрече с ними. Разговаривала как с больным ребенком. Косте это неприятно, но показать – нет сил. У него были какие-то чувства. Но они как будто лежали на дне океана, под бесконечно огромной толщей воды, а нырнуть за ними – невозможно. До него долетало только приглушенное эхо этих чувств. Он хмуро смотрел на добрую милую женщину в белом халате и ждал, когда же она посмотрит на него опять нормальным женским взглядом. Как тогда, когда они пили коньяк в новогоднюю ночь. Отвращение к самому себе стало таким непереносимым, что все время хотелось отключиться, всплывая только, чтобы поесть. Ему снились бесчисленные сны, которые он не запоминал. Проснувшись и увидев свое тело все в той же казенной пижаме, испытывал такое отвращение, что общаться ни с кем не мог.

Мориц, качая головой, как Пьеро, подходил к нему раз десять на дню,

начинал интригующие витиеватые беседы – все напрасно. Костя был глух. Сильно загруженный нейролептиками, вообще плохо понимал, что происходит. Только простейшее: есть, пить, ходить в туалет и спать, спать, спать…

Такой эффект лекарств позволяет многим пациентам спрятаться от мучительных симптомов и состояний, тяжелой уборочной техникой сметая из сознания все лишнее, погружая их в спасительный, иногда многонедельный сон. Все переносят лечение по-разному. Кто-то быстро идет на поправку, день ото дня отдаляясь от безумного мира и начиная его стесняться. Кто-то цепляется и долго мигрирует туда-сюда. Некоторые вообще зря пьют таблетки, которые гасят психику, но совершено не затрагивают при этом бред больного. Оттого многие пациенты плохо улавливают связь между лечением и изменением своего состояния. А часто вообще понимают ее неправильно.

Например, Мент был абсолютным противником таблеток и после выписки из больницы прекращал принимать их практически сразу, несмотря на то что в больнице его за три недели вылечивали полностью. Попытки объяснить этому совсем неглупому человеку, что, принимай он лекарства дольше или постоянно, он может не попадать в больницу вовсе, наталкивались на стену недоверия и подозрительности. Иногда он был даже убежден, что сходит с ума уже в больнице от самого лечения.

Мент близко к сердцу принял Костину историю. После спасения Майи Витальевны и спектакля он искренне зауважал его. В его чуткой к любой враждебности душе созрела не подлежащая сомнению идея того, что Костю хотят «превратить в овощ», душевно сломать, сделать постоянным клиентом больницы. Он уже не упоминал вездесущих полицаев. Вникнув в Костину ситуацию, он решил, что главный враг есть некая система, которой обязательно нужно подчинить и унизить учителя, чтобы он не представлял для нее опасности. Служители системы (сюда он относил Ясеня, Царицу, Майю Витальевну, а также департаменты образования и медицины) в его представлении сплотились, дабы противостоять учителю, потому что тот был силен.

Силой Мент считал способность противостоять социальному страху, то есть тому чувству, которое заставляет присоединяться к большинству, даже если оно не желает признавать явной гнусности происходящего, а напротив, настаивает на этой гнусности как на единственно возможном варианте реальности. Потому что гнусность сама по себе не так уж и страшна по сравнению с опасностью того, что каждый начнет самостоятельно с нею бороться. Непредсказуемые последствия никого не

устраивали. В Косте он видел силу именно такого рода. В доказательство приводил листочек в клеточку, на котором в подробностях была нарисована схема борьбы системы с учителем.

Многие пациенты верили Менту и убеждали его помочь учителю. Мориц ходил в грустной задумчивости, сопровождаемой неконтролируемым стихосложением. Они подолгу и тайно совещались о чем-то с Ментом, позабыв прошлые разногласия.

Против правил

У Майи Витальевны в январе больше всех дежурств по больнице. Она и сама не понимает, зачем стремится так много работать. Формальная причина, конечно, имелась. Деньги – универсальная палочка-выручалочка для объяснения всего на свете. Матери-одиночке нужны деньги, но все же дело не только в них. От семьи потомственных врачей Майя Витальевна унаследовала невроз Гиппократа – попытку вылечить всех имеющихся больных. Больных становилось больше, платили по новым правилам за них поштучно, и появилась практика набирать пациентов как можно больше.

Рабочий день заканчивался, но дел было еще много, надо задержаться, как обычно. Майя Витальевна устало потянулась, размешала пятый по счету растворимый кофе и включила лампу. Весь стол занимали стопки с историями болезней пациентов. Дочь права, грустно вздохнула Майя Витальевна, пора заняться писательским трудом.

Младенец изрек истину: все врачи в первую очередь – писатели, а потом уже врачи, потому что главное в их работе – это заполнить правильно истории болезней, написать сотни выписок и обоснований на лекарства, а потом уже все остальное. Учитывая, что на каждого врача в среднем приходится пациентов двадцать пять, а писать дневники надо почти каждый день, то пишут они большую часть рабочего времени.

Труд это тяжелый, потому что бессмысленный. Истории, как говорится, пишутся «для прокурора», не для пациентов и других врачей. В ведении истории есть свои школы, наглые отступники и верные последователи, дело это сакральное и неизмеримо более важное, наполненное эмоциями, чем лечение самих пациентов. К этому невозможно привыкнуть, потому что это ужасный бред, но, как везде, привыкают же. Нам очень жалко врачей, они настоящие заложники бредового устройства своей деятельности, и ни выхода, ничего впереди, только писанина.

Воистину русский психиатр – фигура трагическая! Почти сплошь женщины, работающие с женщинами: мужчин унесло из психиатрии, их мало, и они больше на административных должностях. Женщины в таком количестве (шестьдесят пациентов и двадцать человек персонала) и в отсутствие мужчин звереют, не перед кем им свою слабость демонстрировать, и от этого они становятся много жестче мужчин.

Ладно бы Майе Витальевне предстояло описывать что-то разнообразное или только очень важное – нет! Сегодня нужно написать

штук двадцать дневников. В дневниках врач описывает состояние пациента, становится ему лучше или нет, какие симптомы сохраняются, какое лечение принимает. Поскольку пациенты психиатрических больниц лечатся месяцами, то про каждого приходится десятки раз написать одни и те же фразы, например: «спала и ела достаточно», «бредовых переживаний не раскрывает», «настроение снижено», «залеживается в постели». На компьютерах дневники писать считается неправильным, только от руки. Так что бедной Майе Витальевне сегодня сидеть до вечера. Тем временем десятки пациентов будут ждать, когда она вихрем понесется по отделению, чтобы задать ей свои сокровенные вопросы, но у Майи Витальевны не останется на них ни времени, ни сил. Вот и последняя стопка. За окном стемнело, зажглись фонари. Заполнять историю Новикова мучительно. Каждая фраза вызывает ярость: состояние без изменений. Апатичен, малоэмоционален, продуктивному контакту малодоступен, критика к своему состоянию отсутствует, спит и ест достаточно. Выводя мелким почерком назначения Царицы, Майя Витальевна закрывает руками лицо и замирает. Назначения Царицы – уважаемого врача старшей категории – это как приговор суда высшей инстанции: обжалованию не подлежит. Обжалованию – нет, но выполнению…

До этого января Майя Витальевна считала себя законопослушным человеком. Она посидела в тупом ступоре еще минут двадцать, полистала историю Новикова, внимательно перечитала первичный осмотр, решительно дописала и захлопнула обернутую синим кожзамом историю болезни.

Сегодня дежурила сестра Любочка, та самая, которая пила с ней и с Костей коньяк в новогоднюю ночь. Майя Витальевна пригласила ее к себе в ординаторскую что было ей не свойственно, и сразу перешла к делу.

– Любовь Андреевна, у меня к вам очень серьезный разговор. Я считаю, что Новикова лечат неправильно. Вы, с вашим опытом, я думаю, и сами заметили. Надо ему помочь. Долг платежом красен.

Любочка, простая женщина пятидесяти лет, не грубо злоупотребляющая, трудившаяся в больнице намного дольше пылкой Майи Витальевны, была человеком своенравным, но склонным к искреннему благоговению перед начальством. К Царице, очевидно признавая ее высший статус, она обращалась «матушка», трогательно ее жалела, старалась угодить и никогда не ставила под сомнение ее врачебный авторитет. Она прекрасно видела, что Костю «залечивают», ничего «безумного» она за ним не замечала, а случай с новеньким породнил их всех. И все же – то, что предлагала Майя Витальевна, было из ряда вон.

Полечится-полечится и оклемается. Ей, молоденькой медсестрой попавшей в психиатрию во времена «доаминазиновой эры», страдания Новикова не казались чем-то особенным.

Она как сейчас видела: в первый месяц своей работы в остром отделении она пришла в новеньких туфельках с миленькими черными бантиками, и больной набросился на нее и откусил эти бантики. Туфельки было очень жалко. Времена с тех пор сильно изменились, туфли с бантиками Любочка давно не носила. Появились новые лекарства, творящие настоящие чудеса с очень тяжелыми пациентами, в отделении появился закон о психиатрии, демонстративное наличие которого, веером разложенного на столах, скрупулезно проверяли многочисленные комиссии.

Ей предлагалось преступление, то есть непосредственное его исполнение. Не давать назначенные лекарства технически несложно. Уколы она делала самолично, их можно было не делать вовсе или колоть витамины. С таблетками сложнее: их раскладывала по таблетницам аминазиновая сестра, следовательно, надо было их как-то заменить или выбросить. В сговор с аминазиновой сестрой войти было невозможно по причине того, что они искренне ненавидели друг друга. По приказу Царицы за Новиковым следили, уклониться от приема лекарств он не мог. Оставалась только подмена.

Отметив все сложности этого дела, Любочка приуныла от отсутствия здесь хоть какой-то выгоды, кроме моральной, да и то весьма сомнительной, и решила ничего не обещать доктору, а потом посмотреть. Она видела, что спасенная женщина-врач влюблена. В больнице все друг про друга знают, история неудачливой в личной жизни Майи Витальевны была ей хорошо известна. Любочка ее жалела, по собственному опыту зная, как сложно влюбиться после того, как мужчина разбил тебе сердце.

На следующий день она вместо аминазина вколола Косте больнючие витамины. По счастливому стечению обстоятельств, вражина-сестра умудрилась сломать ногу на больничном гололеде, и таблетки пришлось раскладывать все той же Любочке. Она громко возмущалась всякими дурами, на гололеде форсящими на высоких шпильках, и успокоилась, что подмену таблеток всегда можно будет оправдать ошибкой. А это уже не такое страшное преступление.

Косулин каждый день встречался с Майей Витальевной после работы и, стараясь не вызвать подозрений, навещал Костю. Костина жизнь замерла, потеряла временной ориентир, превратилась в тупое

бессмысленное настоящее. Косулин страдал. Он никак не мог решить, что делать, в своих фантазиях он произносил гневные и полные терапевтической силы речи. Он по многу раз представлял себе, как увещевает Ясеня, Царицу и Костиного папу. Как взывает к милосердию, объясняет этим представителям «нормального мира», что подобная ненормальность вовсе не страшна, а даже очень может быть полезна обществу в целом и им в частности.

Богатое воображение психолога рисовало картины, в которых Костя выходит из больницы, его встречают с цветами, провожают ликующей толпой в школу и Косулин со счастливой Майей Витальевной идет на очередное новаторское школьное представление, скажем, по мотивам книги «Пролетая над гнездом кукушки». Он мысленно присутствовал на особенном уроке, когда учитель рассказывал уже почти взрослым детям о психиатрической больнице, о тайнах и парадоксах человеческой психики, о том, что психи – нормальные люди, а нормальные люди часто сущие психи. О том, что «нормальных» больше нет и, возможно, никогда не было. О том, что у каждого человека бывают сложные моменты в жизни, когда сходят с ума – от любви, от горя, от гордости, от страха, от стыда…

После таких фантазий Косулин на себя злился. Профессиональная рефлексия пилила его часами, твердя, что только законченные идиоты, не желающие уважать реальность, могут мечтать о таком развитии событий. Рефлексия запугивала профессиональным выгоранием. Стыдила за то, что он перестал быть психологом, а вознамерился стать спасителем, неся людям новую благую весть о том, что все мы равны перед безумием и не стоит так уж уповать на стабильность своей психики. Лучше видеть и принимать собственного внутреннего психа, тогда и внешние перестанут быть инопланетянами, а останутся просто страдающими людьми.

Когда рефлексия совсем уж зверствовала, она показывала ужасное кино, в котором учитель интеллектуально быстро сдает, становится равнодушным и малоэмоциональным, так называемым «дефектным шизофреником», и заканчивает свою жизнь в отделении у Шостаковича. А Косулин иногда приносит ему дешевые сигареты.

Старый Новый год

К тринадцатому января уже невозможно праздновать. Наоборот, срочно необходимо начинать детокс, но уникальный русский праздник старого-нового времени требует от натур романтичных особого внимания. Косулин традиционно приглашал в этот день к себе коллег по работе. Поскольку обжорство в семье Косулиных считалось немодным, да и к концу каникул уже ничем не удивить, было решено приготовить легкий обед: фирменный семейный суп из креветок с оливками, запеченную нежирную телячью ногу, на сладкое – то, что гости принесут. Косулины всегда ответственно готовились к приему гостей, тщательно убирали в доме, покупали лучшие продукты, думали над сервировкой.

Пражская пауза Косулина удивительным образом подействовала на семейные отношения. Заставшая пустой дом Лида так испугалась, что брутальный король турецких батареек померк в ее глазах, вытесненный мятежным мужем. В семье начался новый цикл взаимного сближения и признания единства общей судьбы, что тайно радовало обоих. Супружеский секс опять стал волнующим событием, а вина Лиды и победа Косулина привнесли в него новые краски.

Однако Лида не находила удовольствия в общении с друзьями Косулина. В обществе психологов она всегда чувствовала себя лишней и глупой. Их язык казался ей странным, слова были русские, но употреблялись в непонятных смыслах. Они говорили откровенно о том, о чем обычные люди никогда не говорили. Они могли запросто говорить о сексе, смерти, чувстве зависти – о том, о чем Лида говорить не умела и не хотела учиться. Иногда ей казалось, что друзья мужа видят ее насквозь, а поскольку она их насквозь не видела, то к общению не стремилась. Тем более сейчас, когда хрупкий семейный мир только что чуть не рассыпался, как карточный домик. Выпив ритуальный бокал шампанского и получив заслуженные комплименты красивому столу, она сбежала к подружке.

К обеду собрались Шостакович, Паяц, Белла, Агния и близкий друг Косулина – Денис Себяка. Себяка в больнице не работал, трудясь на ниве родной сестры психиатрии – наркологии. Себяка больничный мир понимал хорошо, а еще лучше понимал самого Косулина.

Под суп выпили по рюмке водки, расслабились и разговорились. Вообще, психологи – народ такой – только дай поговорить. Между нами, даже шутка неприличная имеется, что психологи друг друга словами

трахают. Мы с сестрой, правда, не можем подтвердить такой вид взаимодействия как единственно предпочитаемый, но уж точно гарантируем его высокую популярность в психологической среде.

Говорили о том о сем: о зарплате – низкой и почти у всех одинаковой, а потому спокойно обсуждаемой, о частной практике, о том, кто, где, чему собирается учиться. Психологи постоянно учатся: профессия заставляет быть в тонусе развития, а это требует регулярных вложений.

Под телятинку уровень искренности повысился, и заговорили о проблемах – личных и профессиональных. Агния рассказывала про суицидального пациента, который ее постоянно пугает. Это вызвало волну спокойной профессиональной злости: кто ж любит, когда ему все время грозят смертью? Стали вспоминать своих пациентов, делиться, как переживали напряжение и страх – придет ли на следующую сессию пациент или убьется и записку оставит с каким-нибудь неприятным содержанием. Кто-то рассказывал про свое маленькое кладбище, которое рано или поздно образуется у каждого клинициста.

Белла, смеясь, поведала жуткую историю про пациента, который был гомосексуалистом и не знал об этом. Намедни он с неподдельным ужасом прошептал ей доверительно, что у него болит попа, и, краснея, намекнул, что кто-то из пациентов ночью его изнасиловал. Она в глубине души ужаснулась и, заверив, что честь его будет отреставрирована, пошла жаловаться. Оказалось, что никто его не насиловал, а страдает он сенестопатиями, то есть достоверными телесными ощущениями того, что в реальности не происходит. Лечатся сенестопатии очень плохо. И однажды утром, пока персонал был на пятиминутке, этот пациент надел себе пакет на голову. Хотел умереть. Спас его другой пациент.

Все стали вспоминать сенестопатии из своей практики: огромного червя, от которого очень просила избавить одна из пациенток Шостаковича, суккубы и инкубы, каждую ночь донимающие сексом, пятеро псевдомладенцев в животе женщины и беременного мужчину и т. д.

От темы сенестопатий решили избавиться с помощью десерта – помогло. Разговор перешел с пациентов на жизни самих обедающих. Косулин долго молчал, всем подливая, и в итоге не выдержал:

– Я, наверное, уволюсь. Не могу больше.

Все загалдели. Разговоры об увольнении были типичными в больничной среде – текучка огромная, но некоторые не могли решиться годами. Косулин был настроен серьезно.

Себяка внимательно посмотрел на друга:

– Саш, неужели и ты сломался? Не может быть! Ты же кремень. Что за

история?

Косулин рассказал всю историю с Новиковым в подробностях, и главное: каждый день бездействия его просто убивает, что ненависть его растет, и, если ничего не сделать, он точно заболеет, а так много злиться в его возрасте опасно – может и рак развиться. Или сойдет с ума и подложит в больницу бомбу. А поскольку суицидальное поведение не в его вкусе, то только месть и окончательная реабилитация Новикова принесет ему удовлетворение.

Себяка поинтересовался:

– А ты не думал, что он и шизофреник, и педофил, а даже если и не педофил, то шизофреник. К детям-то, может, не надо его, мало ли что?

Паяц поддакнул:

– Я ему всегда говорил, что не стоит так доверять ему. Пациенты всегда врут!

– Даже если он и шизофреник, это ничего не меняет. Полечится и пусть живет дальше, зачем же его уничтожать? Чтобы нам с тобой потом всегда работа была? Или больница без дела не простаивала? Так желающие найдутся и без него, свято место пусто не бывает.

Себяка, бывший психоаналитиком по зову сердца, начал поэтично рассказывать про член отца, которым вознамерился стать Косулин, дабы победить плохую мать – психиатрию. Все поржали.

– Может, я и член отца, трагедии в этом не вижу. По-своему даже приятно. Но чего мы все терпим да терпим? Нас учат уважительному отношению к пациентам, а на деле пациент – мелкий гвоздик в большой машине. И наше отношение мы смело можем засунуть себе в задницу, и это будет не сенестопатия, а самый что ни на есть профессионализм в жопе. Меня больше всего поражает, что врачи, когда сами в больницу попадают, очень возмущаются. Почему мы так не любим друг друга? – вдруг погрустнел Косулин.

– Саш, так это же основной вопрос русской революции: почему мы друг друга совсем не хотим любить? – Агния, активный участник протестного движения, знала, о чем говорит.

– Господи, да чего тут непонятного, все хотят любви, очень хотят, но не умеют и боятся любви хуже черта. А ненавидеть легче, привычнее, опыта больше, – сказала Белла.

– Я вам как специалист по подведению итогов скажу, – начал Шостакович. – Мы просто вырождаемся и не хотим жить вместе как биологическая популяция. Нас, жителей всея Руси, Господь послал на три буквы, и мы радостно пошли. Вроде был момент, помните, в начале

перестройки… каяться начали, осмыслять без истерики и трибунала, что это было в последние семьдесят лет с нами, но процесс быстро свернул на продажу родины, и никто не успел ничего понять и ни о чем договориться. Ни прощения толком попросить, ни простить. Так и ходим до сих пор, боимся друг друга.

Ведь если свою семью знает кто в трех поколениях – это уже удача, порода, аристократы! А те, кто на прием приходит, толком не знают ни национальности, ни истории семьи. Ничего про себя не понимают и понимать не хотят! Нам всем на семейную психотерапию надо, копать, копать, кто мы такие, раскапывать!

Представляете, недавно на группе потрясающий случай был: народ выяснять начал, а чего это в группе так много агрессии, чего все злые такие и бить морду готовы по первому зову. Копали и накопали: в группе были и внуки энкавэдэшников, и репрессированные, и чистых кровей графиня затесалась, и честные коммунисты, представляете? И все без осознания.

Расщепляться-то мы умеем. На первый-второй рассчитаться – это в крови: красные против белых, болотные против поклонных, и все так страстно, без башки. Потому что внутри любовь и ужас. И если ты меня не полюбишь, как я хочу, то я тебя уничтожу. Когда старушечьи истории слушаешь годами – сразу понимаешь: кого ругают, того и любят больше всех.

Косулин, подняв бровь, уточнил у Пашки:

– Ты хочешь сказать, что Путина болотные на самом деле очень любят? Жить без него не могут?

– Конечно! Да! На самом деле – да! Его поимели, как всех царей имеют. Сначала сказали: Царь, ты лучший, ты супергерой – давай вперед, измени, наконец, что-нибудь. Сделай нас счастливыми европейцами! А мы пока займемся своими делами, в основном продажей родины. Ну а теперь нормальная фаза разочарования, но тоже божественная – ты плохой супергерой, ты Мистер Зло, ты опять должен решить все наши проблемы. Манихейский бред в масштабах страны! Вот что меня бесит, так это примитивный Восток в голове наших интеллектуалов: они реально верят, что все зависит от царей. В пример Сталина приводят – мол, умер, и репрессии кончились. Как будто Сталин лично миллионами доносы на соседа писал и лично каждого гнобил в ГУЛаге. Да любой шахтер и то реальней мыслит: он знает, что всех в итоге переживет. Для него Путин – Вовка, а не Мистер Зло. Он просто человек, обыкновенный царь! Вот вы, если вас так обижать будут, вы что сделаете? На х… пошлете, правильно? Глупые интеллектуалы, ничего не понимающие в человеческих

отношениях, верят в идеальное как дебилы, реальности видеть не хотят, все рай на земле ищут – дебилы, честное слово! А от поиска рая всегда одни проблемы!

Пашка раскраснелся, вспотел, но наконец успокоился, слив накопившуюся социальную ярость.

– Простите, друзья, завелся, меня это выводит из себя! Вот ты, Саш, за кого?

– Ты знаешь, сам от себя не ожидал… Я вообще-то человек консервативный. Если можно ничего не менять – отлично. Но ситуация с Новиковым сливает все в одну кастрюлю. Опасную такую кастрюлю. Везде вижу одно и то же: люди, которые не хотят уважать другого, равного себе человека, уверены, что только они и познали все секреты бытия. Каждый считает себя лучше другого. Одни стали древними славянами в одночасье, и поэтому не-древние славяне пошли вон. Другие признают только силу, как животные. Третьи – самые верующие на Земле, и Господь у них в личном сейфе заперт: они от его имени командуют. Четвертые убеждены, что, если ты не умеешь зарабатывать деньги – ты биологический мусор. И все спорят, кто лучше, убивать готовы, чтобы доказать, что они самые крутые! Все перевернуто и названо нормой, заметь! Медицина делает так, как удобно ей, а не пациенту, он должен под нее подстраиваться. Как Царица гениально сказала: «С каких это пор у нас здесь главный пациент?!» В учебниках по нечеловеческой медицине можно эту фразу в заглавие выносить. – Косулин все больше горячился. – А кто у нас должен быть главным? Для кого все придумано? Где милосердие, любовь, братство, доброта, смысл, в конце концов? Где детские приюты при церквах? Где уважение к пациентам? Ладно б врачи еще себя при этом чувствовали хорошо, но это ж не так! Раньше врачей любили, уважали, а теперь боятся и не доверяют. И таблетки не хотят пить именно поэтому! Ну не бред? Кто вообще тут сумасшедший?

– Александр Львович все о врачах печется так трогательно, – промурлыкал Паяц.

Себяка поддержал:

– Ага, я недавно в БТИ 1 пришел за справкой. Сидит тетя и ногти красит – я ей мешаю соответственно. Стою, как придурок, бумажки робко протягиваю и точно понимаю: я человеку жить мешаю, хочу чего-то нелепого, например разрешения, а она сидит и не хочет разрешать! Почему это вообще должно быть разрешаемо – понятно, чтобы этой дуре было что жрать, но она этого не понимает, благодарности не ощущает – она богиня, совершающая маникюр!

Косулин вскочил, забыл подливать и, в слабой надежде решить для себя что-то, разразился:

– Больше всего меня поражает, как мы все уверены, что неспособны это изменить! Что люди вокруг идиоты, и их обязательно надо заставлять меняться. Я, конечно, пропащий идеалист и, как подтвердил Себяка, член отца, но я уверен, что люди стремятся к лучшей форме, к уменьшению напряжения, которое поддерживает бред. Ведь наши пациенты испытывают большое облегчение, когда реальность становится более человеческой. Если завтра врачам сказать: не надо так много писать всякой ерунды, общайтесь больше с пациентами, уделяйте им время, они что скажут – нет, нет, давайте лучше писать? Конечно, дефект есть дефект. Кто-то не способен ничего поменять. Но и их тоже надо любить, а не унижать, так, чтобы они за свой бред сражались до последнего солдата.

Все с удивлением следили за бегающим из угла в угол Косулиным. Агния скатала из бисквитных крошек маленький шарик, прицелилась и кинула им в Косулина. Он не заметил.

– Саша, да сядь ты, баррикады пока не построены… – не выдержала Агния. Ей хотелось, чтобы мужчины отвлеклись от политики и нерешаемых вопросов и обратили на нее внимание. Зря она, что ли, наряжалась?

– Саша, сядь, – присоединился к Агнии Себяка. Речь Косулина его взволновала, ему хотелось, чтобы Косулин его тоже послушал. – Знаешь, Саш, ну а как может быть по-другому? Мы же страна бесконечного нарциссического облома. От этого столько высокомерия и ярости. Ждем от себя только героических свершений, а медленные и тяжелые дороги нам неизвестны и скучны. Про агрессию: сейчас ведь совсем хаос, все не доверяют всем. А как я могу доверять чему-то? Сам посуди – я родился в семьдесят третьем году. Счастливейшее время – все ужасы военно-послевоенные забылись, жизнь была налаженной и понятной, падение Империи еще далеко. Я много чего из детства своего помню. Самое главное: мне около пяти лет, когда сознание дремуче-магическое и если желание загадываешь, то без дураков – от чистого сердца, так, чтоб сбылось! И что мы с тобой загадывали, помнишь? Чтобы не было ядерной войны! Настоящую молитву детскую творили во имя мира. Я лично очень боялся за судьбу мира. – Себяка прижал обе руки к сердцу и стал очень трогательным. – В пять лет мы мыслили как жители планеты Земля!! Мы были ответственны за нее и молились за мир. А сейчас что? О чем дети молятся? Об айфоне, наверное, или чтобы хорошо сдать ЕГЭ. Они же не плохие или бездуховные, сознание у них другое. Мы не смогли им это

передать. Потонули в собственных противоречиях и распрях. Я не хочу вешать клеймо на детство – ужасный Советский Союз или прекрасный Советский Союз. Зачем мне быть настолько примитивным? Чем-то я горжусь, чего-то стыжусь, что-то хочу вернуть, а чего-то не хочу ни при каких обстоятельствах.

Пашка подхватил:

– Мало того что о мире думали, я не знаю, как вы, друзья, а я лично рассчитывал жить при коммунизме. Мне лично был обещан коммунистический рай. Конечно, коммунисты покруче христиан нафантазировали. Жить при коммунизме… Как сладко было мечтать об этом. Все равно, что рай на земле. И без всяких апокалиптических ужасов и отделения ВИПов от грешников. Никаких границ, государств, все люди – братья…

Паяц запел летовским басом: «А при коммунизме все будет за…ь, и даже, наверное, не надо будет умирать…»

– Да! Я думала, что при коммунизме не будет денег и можно будет в магазин ходить и брать сколько угодно. Я точно помню, что решала эту проблему внутренне: а сколько брать, если не надо платить? – Агния мечтательно закатила глаза.

– Агния, ну как же ты забыла? От каждого по способностям, каждому – по потребностям, – напомнил Пашка.

– Да уж… сложно решаемая задача при капитализме, в котором потребности не ограничены ничем. А здесь нечеловеческая сознательность личности, которая свои способности реализует на сто процентов, а потребности ограничивает личной ответственностью перед всем миром. Коммунизм с точки зрения психологии – триумф человека осознанного. Нам до него еще так далеко. Мы были дети-философы? – спросила Белла у всех, игриво обводя зелеными глазами каждого.

Косулин откликнулся:

– Ага, мы дети-идеалисты, которые выросли жестко разочарованными реалистами. Все дети верят в сказки, но в эту сказку верили не только дети. И что взамен: вместо братства народов – трехметровый забор от соседа и таджик как отдельный вид людей-строителей. Вместо «бабло на выход» – «бабло в смысл жизни». Та-ак скучно! Наверное, поэтому на Путина так обиделся народ: ожидали большего на уровне идей, фантазий, надежд. А разочарование о-очень злит.

Паяц опять запел:

– «Ты вчера был хозяин империи, а теперь ты – сирота…» Сударь и сударыни… Самое страшное изобретение человечества – это не оружие

массового поражения, не контрацепция и даже не запеканка из манной каши. Самое страшное изобретение – идея! Идея коммунизма, капитализма, религии. Да какая угодно идея опасна. Идеи как вирусы, они заражают людей, регулируют их поведение и даже то, как люди видят реальность. Если ты одержим идеей национализма, то ты видишь везде русских, немцев, кавказцев. Если же в твоем мозгу паразитирует идея справедливости, или равенства, или, не дай бог, братства, то ты всегда готов увидеть несправедливость, неравенство и чужаков… Откажитесь уже от идей, Саша! Не ищите в них вдохновения. Действуйте от своего имени!

Возникла пауза. Агния смотрела на Паяца с неприязнью. Желчный рыжий доктор ей не нравился, он отказывался ею восхищаться и частенько язвил. Белла одобрительно кивала. Пашка покашлял, собрался было возразить, но передумал. Сейчас его больше волновали другие проблемы. Себяка подвел итоги:

– Друзья, ну так ведь наше время еще не пришло. Поколение другое, мы еще молоды. Правят отцы. И их члены, да-да… А мечтали они о чем-то другом, понятия не имею о чем, кстати. О «нормальной жизни», наверное. Холодильник, телевизор, машина, яхта, самолет. Все как у людей, короче, чтоб было. Ну а чего, правда, в детстве жили-то плохо, некрасиво. Непонятно, главное: как снесет башню нашему поколению, когда придет время править? Уверен, что только реставрация детских молитв и отказ от идей, друзья, излечит наши душевные раны, иначе к пятидесяти нас всех ждет депрессия и суицид. Аминь.

Шостакович добавил:

– На идее вкусно кушать и молодо выглядеть мы долго не протянем, она уже почти исчерпалась. Даже с нашими зарплатами. До пенсии не хватит. Скучно.

– Ребята, это все круто, стану президентом, верну марксизм-ленинизм в систему школьного образования, ну а сейчас-то что делать? Скажите, погибаю ведь. Что бы вы сделали на моем месте? – Косулин с надеждой обратился к друзьям.

Все призадумались. Косулин подбодрил друзей круговым разлитием. Чокнулись за победу добра над злом. Помолчали.

Первой откликнулась Белла:

– Я бы много работала с самим пациентом Новиковым, ему нужна постоянная поддержка. В конце концов бороться ему, а не тебе. Твоя задача – помочь ему в этом.

Агния предложила написать письма в разные общественные организации, вызвать бучу в Интернете, пригласить журналистов, чтобы

администрация больницы взяла дело на контроль и поскорее выпихнула Новикова, а заодно последила бы за его лечением.

Шостакович вздохнул:

– Не знаю, Саш, ты от себя много хочешь. Скорей всего, у него – шизофренический дебют, вяленький, такой психопатоподобный, он тебя своей психопатией заразил, и ты уже на баррикады собрался, увольняться… Может, подождать, посмотреть, как он лечиться будет, не гнать особо? Куда ты так торопишься? Он меньше месяца лежит. Будет у человека опыт, ничего страшного. Если учителем останется, так золото будет, а не учитель: детей нестандартных гасить не будет, толерантности их научит, человеколюбию.

Себяка почесал лысеющую голову, нахмурил умный лоб и начал рассуждать конкретно:

– Я так понял, что в том, чтобы он лежал, заинтересован его отец… Думает, что это поможет остановить ход уголовного дела. Может, он даже сунул бабла Царице, чтобы держала твоего учителя крепко. Судя по твоим рассказам, папа у нас обеспеченный и со связями. И сына не любит. Стыдится.

Как мы сегодня выяснили, ненависть не что иное, как обозначение препятствий для любви, по сути же одно и то же. Значит, папа любит сына, он его спасает, не очень удачно, но спасает, это факт! А значит, папа способен на большее. Ты претендуешь на его член, друг мой, может, тебе с ним поговорить? Объяснить ему популярно, что плохо сыночку в больнице, что он недостаточно болен, чтобы лежать так долго и не работать. И тебе не зазорно работать с родителями пациентов – твоя святая обязанность. Оказать папе психологическую помощь, в конце концов. Ему и так тяжело: мало того что сын чокнутый, его еще и клянут, небось за то, как именно он его спасает. Мама, наверняка, мозг выносит. А там, глядишь, папа и придумает чего поумней. Наедет на директора грамотно. Ты ему поможешь. А?

Косулин задумался. Все были правы и говорили дельные вещи.

– Спасибо! Вы – настоящие друзья, давайте выпьем за Новикова, он – хороший!

Радостно выпили за Новикова и за своих пациентов и пошли на балкон курить.

На балконе быстро продрогли, наспех покурили, вернулись к теплому коньяку и остаткам десерта. Все расслабились, коньяк расширил сосуды, зарумянил щеки. Спорить и дискутировать больше не хотелось.

– Я хочу вам сказать кое-что, – начал осторожно Шостакович. – Я

через две недели увольняюсь. Завтра буду заявление писать.

Все замерли. Разговоры об увольнении были как разговоры о суициде. Раз говоришь – значит, не сделаешь. Пашка хронически был недоволен своей работой и много лет об этом говорил.

– Ну ты интриган! И ты все это время молчал? – Агния почти кричала.

– Я сам еще точно не знал… – попытался объясниться Пашка.

Договорить ему не дали. Поднялся гам, посыпались вопросы, все что-то говорили, перебивая друг друга.

– Да дайте же рассказать! – не выдержал Шостакович.

Все примолкли.

– Мне предложили работу, от которой я не смог отказаться.

– В ФСБ? – Белла сделала страшные глаза.

– Ну почти… – Шостакович откашлялся. – И еще я уезжаю. Сначала в Таиланд, а потом посмотрим, куда отправят.

Косулин оторопело рассматривал Пашку, словно в первый раз увидел.

– Кто отправит? – Возмущение Агнии сменилось грустью и предчувствием, что увольнение Пашки станет началом конца их маленького психологического братства.

– Та благотворительная организация, в которой я буду работать. Когда я последний раз был в Таиланде, ну вы помните, этим летом, я познакомился с одним мужиком… Бывший наш соотечественник, с Украины. Он уже больше десяти лет работает в благотворительной миссии. Они в основном детьми занимаются, строят школы, приюты, больницы, добывают деньги на обучение талантливых. Мы с ним полночи в баре проговорили. Он, послушав про мою работу, начал меня звать в миссию. Сулил всякие чудеса, о которых я и мечтать не мог. Говорил, что им нужны такие люди, как я. Я, конечно, тогда отказался, даже рассказывать ничего никому не стал. Но в голове это предложение держал. Утешал себя картинками жизни в тропическом раю, путешествиями, приключениями, из которых могла бы состоять моя жизнь, реальной помощью другим людям. А тут я понял, что, если сейчас не уйду из психушки, вообще никогда не уйду.

– «Безумству храбрых поем мы песню!» – Паяц поднял стакан и отсалютовал Шостаковичу. Паяц единственный не выглядел расстроенным. – Давайте же, друзья, выпьем за освобождение и жизнь после психиатрии!

Косулин огорченно покивал, вздохнул. Он пока не мог за Пашку радоваться, чувствовал только сожаление и удивление.

– Ну что тут скажешь… – вступила Белла серьезно и грустно. – Мне

ужасно жаль, что я теперь не смогу видеть тебя каждый день, мне будет тебя не хватать. С другой стороны, это же так круто! Ну ты даешь! Какое-то кино – из дурдома в Таиланд!

– Да я сам в шоке от своего решения. – Пашку понесло от облегчения, что он наконец-то все рассказал. – Я вообще не ожидал, что получится. Почти полгода прошло. Я написал этому украинцу. Думал, он уже думать обо мне забыл, а он помнит. У меня и билеты до Бангкока куплены.

– Пашка, как же я без тебя в дурдоме буду? Да и не только в дурдоме… – Косулин укоризненно взглянул на Шостаковича.

– А я как без вас? Меня привязанность к нашей компании больше всего и удерживала от увольнения. Но все… не могу больше.

Вечер заканчивался. Собравшиеся пребывали в смешанных чувствах. За несколько часов многое изменилось.

Папа Кости

В душе Косулина воссияла определенность относительно Новикова. Все друзья были в совокупности правы, и все, что они советовали, необходимо было сделать, но ближе всех к побуждениям Косулина был Себяка. Поговорить с отчужденным одиноким отцом, попробовать объяснить ему важное про его же сына, поддержать его – именно это казалось существенным и необходимым. Он наверняка ужасно себя чувствует. Настоящее испытание для таких, как он, – привыкших доверять силе и надеяться, что она всегда вывезет. Воинам – им тяжело таких сыновей иметь. Сыновей-учителей.

Косулин взял телефон папы у Майи Витальевны. Она была неожиданно весела. Тихонько прошептала в трубку, что есть хорошие новости. Одобрила план поговорить с папой. Договорились встретиться завтра.

Косулин позвонил. Четкий, властный, с холодком голос удивился, переспросив:

– Психолог? Вы работаете с моим сыном? А зачем ему психолог? У него есть лечащий доктор.

Косулин терпеливо объяснил, что люди, первый раз попадающие в психиатрическую больницу, испытывают сильнейший эмоциональный стресс, нуждаются в психологической помощи, осмыслении событий, приведших к госпитализации, и т. д. Папа выслушал:

– А при чем здесь я?

– Есть некоторые вещи, которые мне хотелось бы обсудить с вами лично.

Папа заупрямился, ему совсем не хотелось еще и с психологом встречаться. Будет ему рассказывать всякую чушь про то, какой он плохой отец, или чего-нибудь про детство. Представления у папы о психологах было туманное. Один раз он смотрел передачу, где рассказывалось о гипнозе и психологах, воздействующих на подсознание. Все, что связано с подсознанием, вызывало у папы отвращение. Он привык мыслить фактами, рационально складывая все в логические цепочки. Сын и все, что с ним сейчас происходит, в логику не укладывались. Папа представил себе, что будет сидеть в психушке и какой-то псих, работающий с психами, будет водить у него перед глазами руками и уговаривать сделать что-то неприятное, непозволительное и глупое.

Косулин заподозрил, что папу смущает перспектива приехать в больницу.

– Давайте встретимся не в больнице, у меня есть офис для частных клиентов, метро «Смоленская». Сегодня часиков в шесть, вам удобно?

Метро «Смоленская» было удобно. Офис? Ну ладно, так уж и быть.

– Это бесплатно, я надеюсь?

– Да, это бесплатно. – Косулин сам не до конца понимал, почему нарушает профессиональные правила – бесплатные консультации вне больницы не были приняты, но решимость поговорить с отцом Новикова была сильнее.

– Договорились, сегодня в восемнадцать ноль-ноль. Высылайте адрес. – Папа сдался.

После работы Косулин поехал в офис, где принимал частных клиентов: кого-то из больницы и других, не имеющих к ней никакого отношения. Работал из-за денег, конечно, – в больнице психологам платят гроши. Ну и для разнообразия практики, чтоб в психиатрии не замыкаться.

Ровно в шесть вечера явился папа:

– Давайте приступим к делу. – Папа был конкретен, ему было тревожно в незнакомой обстановке.

Уселись в мягкие удобные кресла. Косулин молчал. Папа осматривался и через минуту взглянул на Косулина прямо. Каждый оценивал другого.

Непонятный тип, внешность с восточным оттенком, еврей? Одет со вкусом. Паузу держит. Сейчас лечить начнет. Ага, жди, так я тебе и дамся, готовился папа.

Да-а. Настоящий полковник. Кремень, не достучаться. Что делать-то? На что я вообще надеялся? – засомневался Косулин.

– Я вот сижу и думаю, Юрий Алексеевич, чего я вас сюда позвал, тем более бесплатно.

– Действительно, хотелось бы узнать. (Скептически.)

– Видите ли, ваш сын произвел на меня особенное впечатление. (Удивляясь сам себе.)

– Что же в моем сыне такого особенного? (Напрягаясь.)

– Мне важно объяснить вам кое-что. У меня множество пациентов, вы в больнице видели, сколько там народу, один психолог на отделение приходится, а это шестьдесят человек. Поневоле выбирать начинаешь: с кем работать есть смысл, а на кого жалко время тратить и силы, да и бесполезно, если честно… Это может показаться жестоким, но такова реальность. (С трудом подбирая слова.)

– Я вас не понимаю. (Раздражаясь непонятно на что.)

– Выслушайте меня, Юрий Алексеевич, я вас очень прошу. Я встречаюсь с Константином, и после встречи со мной что-то происходит. Объяснить это сложно. Я не знаю – у военных бывают профессиональные кризисы? Ну когда они больше не могут убивать, или подчиняться, или отдавать приказы? (С надеждой на понимание.)

– У профессионалов такого быть не должно. (С непоколебимой уверенностью.)

– Не должно… Но ведь бывает. Военные психозы всякие. Так вот, к чему я это? В обычной ситуации я бы не обратил на вашего сына особого внимания – человек в стрессовой ситуации, загнанный в угол – собой, или обстоятельствами, особой разницы нет. Сделал бы свою работу: написал диагностическое заключение, поговорил с ним пару раз и забыл. Пациентов-то тьма. Но, видите, вместо этого я позвал вас сюда для частного разговора, больше даже человеческого, чем профессионального.

Папа слушал удивленно. Ожидал чего угодно, только не откровенности.

– Понимаете, я уверен, что вы это прекрасно знаете, но мне важно сказать: ваш сын – особенный человек. В некотором смысле он действительно безумен, он отличается и от вас, и от меня. У него совсем не простой характер, уверен, что вам с ним пришлось тяжело. Вы ведь… другой. (Немного торжественно.)

– Я другой! Это правда. Он никогда на меня и похож не был. А мне бы хотелось. У вас дети есть? (Грустно.)

– Да. Мальчик и девочка. (Просто.)

– Мальчик на вас похож? (С надеждой.)

– В чем-то да. В чем-то вообще нет. (Размышляя.)

– А Костя на меня ничем не похож и никогда не был! (С обидой и злостью.)

– Не знаю… Я в этом не уверен. А вы знаете, что он в больнице доктора спас от смерти?! На нее напал больной в острейшем состоянии, стекло разбил, к шее осколок приставил, угрожал убить. Костя себя в заложники вместо доктора предложил, и у него получилось ее вытащить! Он мог погибнуть запросто! И доктор тоже. (Серьезно.)

– Я не знал… Заведующая рассказала, что было ЧП и он вел себя агрессивно, пришлось применить меры… (Потрясенно.)

– Я вас не обманываю, зачем мне врать? Это до сих пор вся больница обсуждает… А еще он спектакль поставил про больничную жизнь. Я видел, как все рты пооткрывали – не только пациенты, но и доктора. Он – настоящий герой. Только герой не награжденный, а наоборот. Ну как у нас

любят с героями обращаться – к черту героя, в расход! (Жестко.) Юрий Алексеевич, я все правила сейчас нарушаю, сор из избы тоннами выношу. Мне вам все это не следует рассказывать. Но! Нельзя ему в больнице долго оставаться. Ему надо к детям вернуться, в рабочую среду, он же этим живет. В больнице пару месяцев посидит, на работу не вернется – прогноз плохой: засядет дома, инвалидизируется, депрессия нагрянет обязательно. В итоге пару лет будет выкарабкиваться из этой ситуации, а может, и хроническим больным станет. Состояние его не острое, амбулаторно лечить можно, найти хорошего врача и работать. Но главное – из школы ему нельзя уходить! Это его призвание и есть. Лишите его школы, и адаптироваться ему будет практически невозможно. Проблем будет в сто раз больше, чем сейчас! (С жаром и убедительно.)

– Но заведующая говорит, что у него и дальше могут быть неконтролируемые вспышки агрессии. Что это опасно и для него, и для окружающих. (Недоверчиво.)

– Юрий Алексеевич, будем откровенны до конца. Директор получил по морде за дело. Факт педофилии не доказан. Это была, по сути, клевета. Вам бы такое предъявили, вы бы что сделали?

– Да я бы этому директору печень по асфальту размазал. (Честно.)

– А говорите, сын на вас не похож… Похож, по-моему. (С иронией.)

– Что же мне делать прикажете?! У меня был четкий план. Он сидит в больнице – из школы уходит – Ясень дело закрывает. Что вы предлагаете? Как я Ясеня уговорю дело прекратить? Вы хоть понимаете, на что я иду, чтобы это дело тихо-мирно завершить?! Сын-педофил и шизофреник! Моей карьере – конец! (С отчаянием.)

– Я вам сочувствую и понимаю, что тут нет идеальных решений. С одной стороны, жизнь и будущее сына, а с другой стороны – ваша. Это трудно. Замечу лишь, что Ясень вас на этом стыде и страхе огласки держит. Вы действительно верите, что Константин – педофил? (Очень внимательно.)

– Нет, конечно, не верю. (С облегчением.) А вы?

– Нет. Не верю. Ерунда. (Убежденно.)

– А веду я себя так, как будто верю! (Потрясенно.)

– Похоже на то…

Возникла пауза. Папа размышлял. Его на самом деле сковывал стыд. В глубине души он не верил, что отвратительные вещи про сына – правда, но он так привык подозревать его во всем дурном, что какая-то часть души с ужасом поверила Ясеню. И это лишило его равных позиций в борьбе с директором.

– Знаете, а я не зря с вами встретился… Спасибо. В голове прояснилось. Я вам, наверное, должен что-то?

– Нет. Мы же договорились. Это была моя инициатива. Мне хочется помочь вашему сыну, он мне искренне симпатичен.

Пожали крепко руки, даже слегка неловко обнялись. Папа, обычно напряженный и неприступный, стал похож на живого человека, видны стали их на самом деле сильно похожие с сыном черты. Косулин тоже расчувствовался, на душе полегчало.

Качаясь на медленном, никуда не спешащем троллейбусе, по дороге домой блаженно думал: все-таки моя профессия иногда очень радует. Все так тяжело, жутко, страшно, а потом раз – и хорошо, и хоть какой-то смысл в этой суете. Что там дальше будет, совершенно неясно, но вот сегодня, именно сегодня, сейчас – все не так уж и плохо, а даже, если разобраться, – хорошо!

Терапия Лоры

Лора после рождественских гаданий успокоилась и первый раз задумалась всерьез о том, что же делать дальше. Кукла все чаще заводила разговор о выписке. Мысли о том, что где-то там, за крепкими стенами больницы, копятся счета за квартиру, становились все настойчивей. Прошлая жизнь потихоньку соединялась с текущей. Сама себе удивляясь, Лора с жалостью вспоминала многочисленные фиалки, населявшие подоконники ее квартиры. Мама любила фиалки. Наверняка они все погибли. Может быть, какие-то еще можно спасти, если корень не высох. Его надо вытащить, аккуратно почистить, срезать все мертвое и обработать антисептиком, потом поместить обратно в землю. Удивительная фиалка умеет вырасти из любой своей части.

Все чаще в больнице Лора скучала: день сурка потерял всю новизну и прелесть. Многие, с кем она госпитализировалась в ноябре, уже выписались. Почти все были счастливы вернуться домой, даже если, по их словам, дома плохо. Полет в другую галактику подходил к концу. Систематический Лорин ум требовал выводов. Она подошла к делу, как всегда, основательно. Счастливо стащила из ординаторской учебник по психиатрии, тайком изучила, нашла у себя огромное количество разных симптомов. В итоге сама себе выставила: галлюцинаторно-параноидный синдром с элементами парафрении. Прочитала учебник несколько раз, и картинка в голове сложилась самая что ни на есть печальная.

Кукла на умные вопросы отвечала уклончиво и успокаивала, словно Лора маленькая девочка. А нужна была определенность. Хоть в чем-то, пусть в психиатрическом диагнозе. А Кукла все чаще спрашивала Лору странное: кто может забрать ее из больницы? Лора никак не могла уяснить, зачем ее должен забирать какой-то родственник, которого она в глаза не видела много лет, но Кукла настаивала.

В итоге заранее договорилась о консультации с Косулиным, на листочке записала вопросы, твердо намереваясь получить ответы. Психолог с любопытством ждал Лору. После спектакля она стала знаменитостью, звездой отделения. Косулину было интересно, как она проживает эту ситуацию. Кроме того, она была симпатична учителю, а про ее чувства ничего известно не было. Его ждало настоящее потрясение, когда она показала ему список вопросов с уже намеченными вариантами ответов и процентами их вероятности. Пожалуй, такого он еще не видел.

Лора устроилась в глубоком кресле, открыла тетрадку с вопросами, держа в руке маленький остро заточенный карандаш.

– Катя Макарова утверждает, что вы – честный человек. Непонятно, как здесь вообще можно остаться честным человеком… но, возможно, вы – уникальное исключение. Вам нравится эта работа? – Лора проверяла Косулина на прочность.

Косулин сразу решил, что будет с ней разговаривать абсолютно откровенно, даст ей всю информацию максимально полно и понятно и не будет лезть в душу. Если сама не захочет.

– Ну… Иногда нравится, иногда я ее ненавижу.

– Итак, Александр Львович, ситуация у меня непростая. Шизофрения – хроническое расстройство, которое началось у меня уже давно. Как я сейчас понимаю, года три-четыре назад. Наследственный фактор тоже есть: двоюродная сестра по матери всю жизнь страдала депрессиями, в больнице несколько раз лежала, но мы не общались близко, и подробностей я не знаю. – Лора говорила спокойно, сухо, как будто все это к ней не относится. – Я изучила учебник, многое на меня очень похоже: я замкнутая, моя социальная сеть – пять человек, в подростковом возрасте, да и позже – сплошная метафизическая интоксикация. Можно назвать меня холодным человеком, я избегаю чувств, предпочитаю логику. Чувствам место внутри. Никогда не видела, чтобы от чувств что-то хорошее было… только проблемы.

Косулин рассматривал ее, вспоминая, какой она была, когда поступила. Сейчас перед ним сидела красивая умная женщина. Ей очень шел завернутый в узел толстый хвост сильных золотых волос. Она смотрела на него прямо, не скрываясь. Подходит ли она Косте? А он ей? Какая странная могла бы быть пара. Непросто с ней рядом. Все время как на экзамене. Устаешь, наверное… А с Костей разве просто? Ну а почему нет? Шизоид и истерик – крепкое сочетание, им будет хорошо вместе. Какое-то время.

– Лора, вы говорите так, как будто все выводы для себя сделали заранее и я вам не нужен.

– Не все. – Лора вежливо улыбнулась. – Собственно, вы нужны, чтобы дать мне честную информацию. Что меня ждет впереди? Действительно надо пить таблетки всю жизнь? Но это же дико! Никто не пьет всю жизнь лекарства. Это же вредно. А если не пить – с ума сойдешь? Можно ли мне замуж, детей рожать?

– Вы уже и замуж собрались?

– Александр Львович, ну пожалуйста, не надо отвечать вопросом на вопрос. Здесь, вообще, люди могут нормально разговаривать? По

существу? Или только голову друг другу морочить разрешается?! – разозлилась Лора.

Пристыженный Косулин по-деловому рассказал, что ответы на вопросы, которые задает Лора, можно дать, но не сразу. Сейчас он может доложить ей, как бывает чаще всего. А чаще всего бывает так: человек понимает, что он болен, после третьей или четвертой госпитализации и к этому моменту часто и работу теряют, и отношения портят. Выход один: становиться квалифицированным потребителем психиатрической индустрии. Что на практике означает поиск постоянного психиатра, с которым будут отношения доверия и понимания, психотерапия с профессиональным клиническим психологом, лекарственная поддерживающая терапия и госпитализации. Причем добровольная в случае необходимости.

Лора слушала, как могла, внимательно, стараясь запомнить каждое слово. Она видела: психолог не врет. Когда он сообщил ей, что психические расстройства больше не считаются неизлечимыми, она поняла, что надеялась услышать именно это. Хоть и привыкла считать надежду последней сукой, которую надо умертвлять в первую очередь. Сейчас она была ей нужна. Как право на жизнь.

– И вообще, Лора, я давно уже не вижу никаких «нормальных людей», это – миф. Посмотрите вокруг… включите телевизор.

– Я телевизор не смотрю.

– А вы посмотрите. Прежде чем разделять всех на больных и здоровых… Все, кто здесь побывал, считают себя особенными. Но не только они; вообще, все люди, которые болеют, считают себя особенными: есть каста гипертоников, панкреатитчиков, астматиков, психических. Каждая каста вам докажет, что хуже их болезни нет на свете. Вот вам мой совет: не вступайте в это соперничество, не включайтесь всерьез. А то некоторые так кайфуют от своей исключительности, от того, что психи, что остановиться уже не получается. Это как наркотики, понимаете? Тяжелые наркотики.

– Не понимаю. Как от этого можно тащиться? – Лора гневалась – Это же стыдно!

– Стыдно, конечно, стыдно, а еще очень круто. Вы уж меня простите, Лора, но я вашу историю читал. Вы же не просто талантливый программист. Вы же Богиня. Спасительница! Да и другие вашу божественность заметили и поддержали. Ну как тут нормальной остаться? Обыкновенной? Психоз может стать чем-то похожим на героин. Кайфа потом нет особо, а по-другому уже не получается. Но ведь бывает же, что

героин не нравится… или жить хочется. Бывает, везет.

Лора молчала, пристально вглядываясь в психолога. Какие странные вещи он говорит. В учебнике такого не было. Он явно знал что-то, о чем говорить здесь не принято.

– А Костя. Новиков? Он ведь тоже псих, да? – Вся твердость из голоса исчезла, и вместо деловой Лоры Косулин увидел ее сиротскую надежду, боль, мечты, иллюзии, страхи.

– Я не знаю. – Косулин с облегчением сказал правду. Он на самом деле не знал.

– Но вы же ходите к нему! Я слышала!

– Лора, есть правило конфиденциальности. Я не могу обсуждать с вами диагнозы других пациентов. Это неэтично, нечестно. Вы же не хотите, чтобы я обсуждал с ним ваши проблемы?

– А чего тут обсуждать? – грустно сказала Лора. – Раз здесь, значит, больной. В учебнике есть раздел «Расстройство влечений». Он же педофил? Это правда?

– Ни минуты не верил в это. Даже не знаю, почему.

Лора надолго замолчала, погруженная в безжалостные мысли: я больная, он больной, два инвалида, что нас ждет? Больные дети? Вероятность у двух больных родителей родить ребенка, который потом заболеет шизофренией, – пятьдесят процентов, предупреждал учебник. Пятьдесят процентов – это очень-очень много. Так рискуют только игроки, которым терять нечего. А что мне терять?

Взглянула на тетрадку, перечитала вопросы, собралась.

– Александр Львович, правильно я вас поняла из предыдущих наших бесед, что любая смерть близких людей может вызвать у меня психоз?

– Да, Лора. Это так. Вероятность обострения в случае такого стресса – смерти или угрозы смерти близкого человека – очень велика, – ответил Косулин.

– Даже если пить таблетки?

– Если пить таблетки – вероятность гораздо ниже.

– Значит, все просто, – подытожила Лора. – Никто не нужен рядом! И тогда – никто не умрет. – В глазах Богини появились слезы. – Или еще: меня тут одна пациентка научила. Сонькова. Она вещи вообще не выбрасывает, а если находит выкинутые на помойке – домой несет. Говорит, что все вещи надо беречь и хранить, и они не умирают тогда. Я теперь понимаю, зачем она это делает. Или самой умереть можно. Решить так все проблемы. – Как Лора ни пыталась, в ее голосе зазвучали отчаянные нотки.

– Мы не созданы для одиночества, Лора. И смерть нам не победить. И одной страшно, – попробовал спорить Косулин. – А умереть… Можно, конечно. Но ведь это вопрос времени, да и проблем только добавит. Те, кто останется, будут сильно злиться на вас, Лора.

– Злиться? За что?!

– Знаете, я вам открою страшную тайну: мы как бы тут договорились все вместе жить. Жить, мучиться и умирать, как получится, а не как сами решим. А вы, значит, умнее всех, вне игры. Это нечестно.

– Для меня это выход! У одиноких впереди интернат для сумасшедших. Мне рассказали. А у меня квартира хорошая.

– Прекратите, слушайте, интернат – крайний вариант, даже не надейтесь на него. И, если помрете, кому квартира ваша достанется? Кто ваши наследники?

– Не знаю. Никогда не думала об этом.

– Слушайте, а где ваш отец? Вы никогда про него не говорите, – неожиданно поинтересовался Косулин.

– Как где? Где-то здесь, рядом.

– Не понимаю вас.

Лора опять казалось ему сумасшедшей.

– Ну что тут непонятного? Он в Москве живет: ходит на работу, ест, спит, дышит, смотрит телевизор. – Лора смотрела в сторону. Голос стал не очень разборчив. Она стремительно спасалась у себя внутри.

Надо было что-то делать. Косулин осторожно взял ее за руку.

– Лора, я вас очень прошу, не уходите от меня сейчас. Мне правда важно знать…

Лора посмотрела на него неприязненно, как будто он и был ее отцом. Руку высвободила.

– Я не видела его лет тридцать. Они развелись почти сразу после моего рождения. Позже он официально отказался от меня, когда я в школу пошла. Так что в детском садике я была с одной фамилией, а в школе – уже с другой.

– И вы никогда не пытались с ним увидеться?

– Пыталась несколько раз. Но потом поняла, что не стоит, ни к чему. Нет отца и нет. И так жить больно, а будет еще больнее. – Лора с трудом, вдыхая всем телом, пыталась справиться с болью и слезами. – Я ведь не железная.

Ей стало себя так жалко, как было только в далеком детстве, когда больно поранила коленку, а мамы рядом не было. Боль обрушилась на Лору вместе со слезами. Она опять была на дне. Слава богу, не одна. Одна не

всплыла бы.

Тихим сдавленным голосом, в любой момент ожидая, что боль опять лишит самообладания, Лора рассказывала, что про отца мама никогда не говорила, вообще считала, что Лора его не помнит. Хотя Лора помнила и никак не могла понять, почему мама так думает. Как пытала бабушку, и бабушка рассказывала. Только ничего приятного в этих рассказах не было.

Что маме хотелось замуж, хотелось быстрее уйти из-под власти родителей, что брак был по залету, что сразу понятно было – ненадолго. Такая вот пошлая советская история. А в итоге почти всю жизнь прожили втроем: мама, бабушка и Лора. Мама замуж больше не вышла, ушла в науку… и не вернулась. В чем был смысл?

Косулин, слушавший ее предельно внимательно, серьезно спросил:

– Может быть, в ВАС, ЛОРА?

Лора пробовала эти слова на вкус. Сердечная боль все не уходила. Смысл во мне? Неожиданно рассмеялась:

– Да-да, я забыла, я же Богиня!!! – Опять полились слезы, теперь уже легко – Как же больно…

– Больно… – откликнулся психолог.

Помолчали с минуту, подышали. Лора возвращалась к жизни, улыбнулась.

– Представляете, Александр Львович, только не смейтесь! Я тут с мамой разговаривала.

У Косулина даже затылок подморозило: неужто опять все по новой? Лечили-лечили.

Так, подмороженно, Косулин и узнал, что под рождество Лора разговаривала с мамой, и что та наказала «жить», но, что имела в виду, не объяснила. Что Лора злится на нее: мама бросила, а жить не научила. Отца нет и не нужно. А самой страшно. Лора не могла простить маму за то, что та не подготовила их двойную галактику к угасанию одного из светил. Рассказала, как в день смерти мамы пожарила картошечку для двоих, старалась: резала тоненько и поперек, как мама особенно любила, и как хотелось всю картошку съесть, такая она получилась вкусная. Но сдержалась и оставила под крышкой на плите до маминого прихода. А та так и не пришла. Что до сих пор не может понять, как так получилось, что она ехала на троллейбусе мимо того места, где маме стало плохо. И не заметила ее, смотрела в окно, а в нескольких метрах от нее умирала мама. А потом дома ела эту картошку, и мысль крутилась: это мамина картошка, мамина.

– Я ведь даже не знаю, о чем она думала, что чувствовала, когда

умирала. Достойно умирала, никому не говорила до последнего, пока могла терпеть. И ей никто сказать не мог, все стеснялись чего-то. Вот где шизофрения настоящая: человек умирает, а все делают вид, что ничего не происходит! Сколько одиночества в самый последний момент! Это очень жестоко – так умирать. Я сначала думала, она из-за меня, а сейчас понимаю, что нет. Ни при чем я. Как отец Елений сказал? Просто мы все умрем. Это и есть реальность… условие бытия.

Косулин вдруг признался Лоре:

– Для меня сложнее всего принять, что ты – следующий. Я это давно уже чувствую: после смерти брата я – следующий.

– Да, а потом твои дети и дети детей. Все это очень странно, Александр Львович, вы не находите? – спросила Лора с выражением презрения и отвращения на лице.

– Странновато, но, когда пытаюсь придумать лучше – ничего не получается. Поэтому и перестал поучать реальность. Все равно ведь живем гораздо лучше, чем раньше. Намного лучше! Сколько боли люди раньше терпели! Им же круглосуточно было больно! Посмотрите, какие выражения глаз на старых картинах – это страдающие глаза, в них чистая, ясная боль! Всего-то, представьте себе, как было сто лет назад – вырвать зуб… Для нашего современника это была бы серьезнейшая психотравма на всю жизнь.

Лора с интересом слушала.

– А сейчас зато душевно страдают.

Косулин рассмеялся:

– Ну нельзя нам без страдания. Счастье выдумали, чтобы забыть о боли. А душе так же больно, как и телу. Необходимо это признать!

– Погодите. – Лора оживилась. – Получается, что люди стали намного духовнее? Раз тела почти не болят… болят души?

– Не знаю. Тело не болит, но оно трудится мало. В офисе в основном сидит. Слишком мало осмысленно работает. Его вообще как будто нет.

В этот момент в отделении за дверью раздался жуткий женский крик. Кого-то недобровольно госпитализировали. Слышались звуки борьбы, дверь в комнату отдыха несколько раз выгнулась под чьим-то внешним напором.

Лора с ужасом смотрела на нее…

– Актриса сказала, что мы движемся к химической цивилизации. Еще лет пятьдесят – и все будут на психотропах и обезболивающих. Может, оно и лучше, чем так?

– Почему бы и нет? Я лично – не мазохист. – Косулин засмеялся. Так

странно было сопровождение их умной беседы происходящим внешним кошмаром.

Но дверь была крепка и надежно заперта. Наконец страдалицу заломали и утащили вглубь отделения. Опять стало тихо.

– Мы так далеко ушли от ваших чувств, Лора. Как вы?

– Спасибо вам. Вы мне помогли. Мне стало легче. Вообще, мне теперь жить легко. Я знаю, что самое страшное со мной может случиться, кроме смерти. Просто я попаду сюда опять. В это отделение. И все. В этом есть что-то успокоительное. Если можно, давайте еще поговорим перед выпиской. Мне нужна новая программа, чтобы дальше жить. Нужен план. Спасибо.

– На здоровье, Лора. Конечно, еще поговорим. Для меня это был тоже важный разговор, спасибо вам.

Второе письмо Лоры

Дорогой мой друг, Костя. Я опять пишу вам письмо. Хорошо, что на свете есть ангелы, и они иногда работают почтальонами.

Все очень изменилось за то время, пока мы не виделись. Прошла целая жизнь, и то, что произошло со мной, как будто забылось. Только во сне все возвращается, и машины начинают ехать так быстро, что я не могу перейти дорогу. Я хочу сказать вам огромное спасибо за спектакль, который, как мне показалось, имел ко мне отношение. Так приятно, что другие тоже могут говорить о сложных и важных вещах. И не бояться. Вы очень смелый и красивый человек, и я могла бы полюбить вас. И сейчас мне кажется, что я люблю вас больше всего на свете. Первый раз в жизни. Но я не могу быть с вами… Простите меня.

Существует реальность. Моя Богиня ничего не скрывает от меня, и мне приходится это выдерживать. Будущего нет. Я не могу выйти за вас замуж, родить вам детей. Наши дети стали бы несчастными больными людьми с беспомощными родителями. Как мы сможем оправдаться перед ними? Было бы очень жестоко и эгоистично предложить им такое. Мы оба очень больны. Рядом с вами должна быть другая женщина – сильная и здоровая. А я просто уничтожу вашу жизнь. И вы возненавидите меня. Этого ли мы ждем и ищем в своих прекрасных мечтах? Конечно, нет.

Лучше оставить все как есть – в прекрасной фантазии, и не портить ее. Любовь легко убить. Достаточно быть рядом какое-то время. Давайте никогда не сделаем этого. Никогда не станем врагами. Что может быть между нами? Только мечты. Богиню легко любить: она так недоступна и совершенна, а я? Я чувствую себя последним человеком на земле – сумасшедшей шизофреничкой. Мне стыдно! Все только смеются, когда слышат мою историю. А вы? Вы ничего не знаете на самом деле про то, о чем говорите. Вы делаете вид, производите впечатление. И это на время обманывает, затуманивает, соблазняет. Но вы так же ничего не смыслите, как и я. Нам нечего делать вместе. Двое – сумасшедших, что нас ждет? Интернат для семейных? Таких нет. Я вам не нужна. А мне… мне вообще никто не нужен, если говорить честно. Мне была нужна мама. Но она бросила меня… и долго я не продержусь. Разве только Стив поможет мне. Он может, но не знаю, достойна ли я его высокого участия.

Меня скоро выпишут. Обязательно навещу вас.

Лора

23 февраля

После того как Косте перестали давать выписанные Царицей таблетки, он медленно приходил в себя. Сознание его прояснялось, а настроение делалось все хуже и хуже. Внешне он не сильно отличался от того «овоща», которым был еще несколько дней назад: ему ничего не хотелось, он разговаривал с окружающими только по необходимости, соблюдал режим отделения. Мориц, Мент, отец Елений тревожились и пытались его растормошить, встряхнуть, но и они постепенно смирялись с тем, что Костя витает где-то далеко, отвечает невпопад или просто уходит посреди разговора, словно забыв о собеседнике. Они все реже и реже делали попытки вернуть учителя. Только Царица была довольна его состоянием. Она наконец-то видела перед собой «послушного мальчика», а не одну большую проблему. К февралю его даже перевели на режим «доверия»: ему был позволен свободный выход из отделения, которым Костя, впрочем, мало пользовался.

Что же произошло с нашим вдохновенным борцом? Куда делся весь его пыл и кураж? Таблетки, предположите вы. Эта версия очень популярна в среде пациентов психиатрических больниц. Мол, приходит человек в больницу здоровый, оклеветанный родственниками или вот, как Костя, коллегами, его там лечат нещадно мощными, «действующими на мозг» таблетками, и все: он уже сумасшедший, больной и ни на что не годный вечный пользователь психиатрической помощи. Но нет, это не Костина история… Многие из окружающих тогда его людей так никогда и не узнают, что же происходило с учителем. Но, к счастью, у нас есть возможность рассказать вам об этом.

Однажды Костя проснулся и не почувствовал действия таблеток. Было непривычно тихо и пусто, совсем раннее утро, пациенты в палате спали мертвым предрассветным сном. Костя встал с кровати, его собственное тело показалось ему маленьким, слабым, усохшим, как после долгой и мучительной болезни. Он разглядывал свое лицо в зеркале и никак не мог узнать себя. В какой-то момент он увидел, что стал похож на отца, хотя с детства был маминой копией. И только зрение стало как будто гораздо острее, чем раньше, все предметы казались отчетливо ясными, выпуклыми, слишком настоящими, напрягающими своей безусловной реальностью. Костя встал с кровати, аккуратно завернулся в колючее больничное одеяло и подошел к окну.

Глаза привычно ощупали знакомое заоконное пространство.

Раскачивающиеся на ветру лысые ветки деревьев, сугробы, утоптанную грязную дорожку, плавно заворачивающую за угол корпуса, кирпичный забор. Дворняга Лиза рылась в снегу и, словно привлеченная его взглядом, задрала морду вверх. Смотрела прямо в глаза…

Возможно, эти несколько минут изменили жизнь Кости гораздо больше, чем все происходившие с ним до этого события. Он вдруг отчетливо увидел свою жизнь, себя, стоящего у окна. Словно на несколько мгновений он смог сделать шаг в сторону и оказаться вне потока, несущего его куда-то, вне отношений с другими людьми, вне иллюзий и надежд, наедине с самим собой.

Это было болезненное мгновение абсолютной честности с самим собой и кристальной ясности осознания. Костя видел, что полностью потерял контроль над своей жизнью, своей судьбой. Что все его мечтания были далеки от реальности и закончились попаданием в психиатрическую больницу. Но и в больнице он нашел ветряные мельницы, с которыми можно было вступить в бой. И этот бой он закономерно проиграл.

Откуда только во мне берется это самонадеянное знание о том, как правильно жить? К чему стремиться? Почему я просто не могу делать то, что мне нравится, почему мне всегда этого мало? Почему я не могу без подвигов и страданий?.. И ведь даже прекрасную даму успел себе найти. И не одну…

Костя вынул из кармана письмо Лоры и перечитал его еще раз. В первый момент, когда он только получил его, оно жутко разозлило. Ему захотелось бежать к ней, схватить ее, трясти, ругаться, доказывать, спорить, говорить, что все возможно и что все ее страхи беспочвенны и отчаиваться преждевременно. Ему хотелось целовать ее, крепко прижимать к себе, зарываясь в золотые волосы лицом. Дальше фантазия останавливалась, свет целомудренно мерк, и только ощущение волнения и радости сохранялось надолго.

Теперь же он внимательно вчитывался в ее слова. Лора безумна, это очевидно. Но она также самая удивительная женщина, которую он когда-либо видел, самая красивая и желанная. Но хуже всего, что при всем своем безумии она безжалостно точна и права. Их отношения невозможны, по крайней мере, сейчас. Я не готов, думал Костя. И она тоже. Мы никогда и не будем готовы. Я не могу представить, как мы будем жить, я даже не могу представить, как я снимаю с нее трусы, как мы занимаемся сексом. Не могу представить, как мы вместе едим и смотрим телевизор. Спорим, кто моет посуду. Что мы будем делать вместе? Следить за тем, чтобы другой вовремя принимал лекарства? Или отправимся в паломничество по России с благой

вестью о Богине?

Есть еще Майя. Да, спасенная принцесса, храбрая Герда, готовая на самопожертвование. Какой большой соблазн прильнуть к ее надежному плечу и раствориться, доверить ей свою жизнь. Костя вспомнил, как, еще будучи одурманен лекарствами, он проснулся среди ночи от того, что Майя его целует. Не мог вспомнить, когда это было, время путалось, он даже не был уверен, что все это ему не привиделось, но то, что он помнил, – это было приятно. От нее сладко пахло духами и чистотой, ее теплые губы нежно прикасались к его губам раз, другой. Костя импульсивно потянулся к ней, в это мгновение желая удержать ее, притянуть. Майя, почувствовав, что он проснулся, отстранилась и заглянула ему в глаза. И то, что Костя в них увидел, полностью лишило его воли. Он увидел надежду, желание, жалость к нему, страх, что он оттолкнет ее, и еще… жадность. Тогда Костя просто смотрел на нее, завороженный и напуганный. Теперь он отчетливо понимал, куда их приведут такие чувства. Ему было с чем сравнивать. Похожие чувства он видел в глазах своей матери. Рядом с Майей я навсегда останусь маленьким и больным мальчиком, а она мне этого никогда не простит. Она будет управлять моей жизнью, а я либо подчиняться и наслаждаться комфортом, либо удирать и бунтовать. Мы оба никогда не забудем, как и где мы повстречались.

Конечно, мы описываем происходившее с Костей последовательно, но в тот момент Костя осознал все это и множество других отношений, переживаний и фактов своей биографии одновременно. Словно с высоты птичьего полета он увидел, как все обстоит и, главное, к чему его может привести то или иное решение.

Я не случайно оказался в дурдоме, понял Костя. Это мой шанс, может быть, мой последний шанс понять, что самое важное и чего я на самом деле хочу и могу.

Костя прижался коленками к горячей батарее, а лбом к холодному стеклу. Ему было тошно, страшно от того, что это мгновение ясности уйдет, и он опять окажется плывущим по течению или яростно сражающимся за идеи.

Костя чувствовал, что нет места, где бы он сейчас хотел быть, и нет человека, с которым он сейчас хотел бы поговорить, и нет Бога, которому он хотел бы помолиться.

Это была минута полного отчаяния и бессилия. Жизнь никогда не будет устроена так, как я хочу, никто не придет и не спасет меня. Лучшей жизни нет, потому что эта – единственная. И я не могу сделать это для других.

Костя закрыл глаза и начал считать свои вдохи и выдохи. Ему захотелось лечь, заснуть и забыть обо всем. Но он остался стоять. Постепенно его начала наполнять грусть, а с грустью пришло знание. Знание было простым и не приносило удовольствия. Но оно возвращало силы.

У меня есть призвание. Не каждому в жизни оно дано. Я – учитель. И пока это все, что у меня есть. Я должен учить детей. Но я не смогу делать это в своей школе. То, что произошло, – произошло. Я не смогу вернуться.

В тот момент в голове Кости начал рождаться пока еще смутный план. Впервые он задумывал что-то без вдохновения, зато в полном соответствии со своими возможностями и ограничениями.

С того утра он погрузился в размышления, отстранился от своих больничных друзей, вежливо, но безучастно общался с родителями. Был предупредителен с Майей, но старался избегать встреч с ней наедине. В его истории болезни дневник стал однообразен: «Спал и ел достаточно, режим не нарушал, общается выборочно, залеживается в постели».

8 марта

Косулин закончил диагностическое исследование, собрал свои материалы и направился в ординаторскую. Генеральша, подталкивая, уводила в сторону палаты больную, которую он посмотрел. Седая старая женщина была уверена, что нечестные служители полиции, используя электромагнитную передачу мозговых сигналов на расстоянии, пытаются отобрать у нее квартиру, проникают внутрь ее жилища и воруют блюдца. И вообще всячески пакостничают. Косулин долго ее смотрел, пытаясь понять, поздний это дебют шизофрении или органическое сосудистое расстройство с психотическими симптомами. Такая работа очень утомляет: пациентка выполняла задания медленно, инструкцию приходилось повторять по многу раз. Косулин раздражался, засыпал, старался не зевать в открытую. Они с Лидой опять поздно легли спать: обсуждали предстоящий отпуск, занимались любовью, наслаждались временем, проводимым вдвоем.

А потом еще Пашка вылез в скайп. Связь у Пашки была плохая, звонок все время прерывался. Косулин понял, что Пашка в какой-то тайской глуши участвует в организации реабилитационного центра для детей – жертв сексуального насилия. Куда-то делась Пашкина привычка покашливать и язвить, зато появилось много новых. Например, вставлять в речь иностранные слова. По осунувшимся щекам и загорелому лицу видно

было, что адаптация дается Пашке нелегко, и все равно выглядел он неприлично довольным, с азартом рассказывая свои новости.

От сдержанных зевков челюсть сводило, глаза Косулина слезились, и в голову лезли нехорошие мысли. Должны быть какие-то дивиденды за такую работу, думал Косулин.

Вот найти бы такую бабульку, подписать с ней договор ренты и получить после ее смерти квартирку где-нибудь на Большой Никитской или на бульварах. А что, и ей хорошо, и мне приятно. Она доживет свой век в собственном доме, а не в интернате, и у меня будет что детям оставить. Конечно, могут нарисоваться родственники…

Уже седьмое марта. Пока на весну нет даже намека. Стоят сильные морозы, ветер только северный, но становится очевидным, что рано или поздно мир разморозится и станет тепло. Восьмое марта – выходной, и вся больница отмечает Международный женский день седьмого.

Ординаторская сегодня принадлежит Косулину. Паяц взял отгул. Он всегда берет отгулы на праздники, говорит, что природная вредность не позволяет ему искренне поздравлять других, а природная жадность предостерегает от бессмысленных трат на подарки.

А Косулин любил Восьмое марта. Оно приятно отзывалось в душе образами самодельных открыток с цифрой «8», которая с разных углов выглядела как знак бесконечности. Нарядные одноклассницы, предчувствие весенних каникул, испачканные желтой мимозной пыльцой пальцы и носы, веселый утренний заговор с Венечкой и отцом против спящей мамы. Косулин представлял себе, как завтра он разбудит сына пораньше, и как они вместе поздравят жену и дочку. А потом будут завтракать, и он, Косулин, удивит всех своими фирменными оладушками с яблоками, и, может быть, они все вместе сходят на каток в последний раз, чтобы проводить зиму. Косулин удивленно понимал, что всего-то пару месяцев назад эти семейные темы не вызывали в нем особых чувств. Перемены нравились ему так же, как и восьмое марта, они дарили много надежды и ощущение, что он все сделал правильно и вообще еще жив.

Заключение на пожилую сумасшедшую даму не писалось. Когда он попробовал поднять ей настроение и поздравить с Восьмым марта, она удивленно замолчала и рассказала, как на прошлое Восьмое марта ее соседи подбросили ей дохлую крысу. Она явно не желала радоваться, и Косулин оставил ее в покое. Напишет заключение потом. Сегодня не то настроение. Он заварил кофе, разорил сладкие запасы Паяца и перестал бороться с приятными мечтаниями и медленными размышлениями. Женский день – женские удовольствия.

Заперев дверь, развалился в кресле Паяца, поставил на живот красивую коробку с черносливом в шоколаде и, прихлебывая кофе, довольный, замер.

Остановить мгновение, впрочем, получалось совсем чуть-чуть. Из головы не уходила красивая Лора, в честь Восьмого марта ярко накрасившая глаза и губы. Он даже слов шутливых не нашел, когда поздравлял с утра палату, в которой она лежала. Красавица! И так несчастна, так безжалостна к себе. Честна и упряма до жестокости. Как глупо! Любит Костю, и, судя по всему, это любовь с первого взгляда, которой у него самого никогда не было. Но тут факты: они видели друг друга два раза в жизни. И при этом Лора решает, что построить отношения с ним невозможно! Что за странные явления? Влюбленная женщина с холодным рассудком. И куда только делись женщины, готовые на все ради любви? Глупые от желания, слабые, страстные? И Костя… Удивительный человек! Умудряется всех, кто рядом, задеть, вовлечь, взволновать. К нему невозможно остаться равнодушным. То ли дар такой, то ли наказание. Как посмотреть.

Эти размышления не вывели Косулина из благодушно-разнеженного настроения. А конфеты подслащивали удивление перед устройством других.

Вдруг телефон запиликал. Зазвучала песенка на японском из мультфильма «Унесенные призраками». Значит, кто-то больничный… Косулин минуту поколебался, не хотелось рушить сладкий гомеостаз. Телефон настойчиво пел песнь, напоминая, что солнце еще высоко и рабочий день в разгаре. Косулин вздохнул и взял трубку.

– Саша, это Майя. Мне очень нужно с вами поговорить. Как… ээ… с психологом. – Майя смущалась и говорила еще невнятнее, чем обычно.

– Привет! Рад вас слышать! – Косулин лукавил.

Он чувствовал неловкость за то, что последнее время избегает Майю. Конечно, имелись веские причины, но он все же чувствовал себя виноватым. Она так старалась помочь Косте, а теперь даже не в курсе всей ситуации. Но держать все в тайне – это их единственный шанс. А вдруг она что-то заподозрила и теперь начнет расспрашивать, все испортит?

– Я хочу с вами увидеться. Можно?

– Заходите ко мне, у меня тут пусто и тихо, никого нет, кроме конфет. Вам чаю или кофе налить?

– Ничего не надо, спасибо! Я сейчас приду.

– Конечно… – начал отвечать ей Косулин, но Майя уже дала отбой.

Косулин вылез из кресла и все же поставил чайник. Любопытно и

тревожно.

Майя прибежала через несколько минут. Запыхавшаяся, ворвалась в кабинет и, не раздеваясь, камнем упала в освобожденное Косулиным кресло. Косулин удивленно ее разглядывал. Глаза горят, на лице нервный пятнистый румянец, идеальный наряд «хорошей девочки» в беспорядке.

– Саша, я ненадолго… Царица сегодня буянит, я убежала на пятнадцать мнут, сказала, что срочно нужно деньги с карточки снять. Я вас, наверное, от дел отрываю, так я правда совсем ненадолго. – Она запнулась.

– Давайте вы все же разденетесь.

Она не услышала и продолжила что-то объяснять про Царицу. Косулин почти силой стащил с Майи шубку, отобрал шапку, которую она тискала в руках, и пододвинул чашку с чаем. На блюдечко заботливо положил последний чернослив в шоколаде.

– Вот, глотните и успокойтесь. Чернослив очень вкусный, представляете, я съел почти всю коробку! Ничего с вашей Царицей не случится, если вы задержитесь. А у меня куча свободного времени. С Восьмым марта вас, кстати!

– Саша, послушайте. – Майя перестала суетиться и тараторить. Посерьезнела смертельно. – Я последнее время не справляюсь, – посмотрела Косулину прямо в глаза. – Мне нужен ваш совет или, может быть, даже помощь… профессиональная. Я пыталась сама, антидепрессанты начала принимать.

Тут Косулин по-настоящему встревожился за нее. Врачи довольно часто сами себя подлечивают и удовлетворяются такой самопомощью в сложных ситуациях. Если же врач решил, что ему таблетки не помогают, и прибегает к помощи психолога, значит, что-то правда из ряда вон!

– Что случилось-то, Майя? Все живы? – Косулин решил все быстро прояснить. Саспенса он не любил.

– Все живы и здоровы. Дело во мне. – Майя замолчала и перестала дышать. – Обещайте, что вы никому не расскажете об этом разговоре!

– Только если вы не решили покончить с собой, – неловко попытался пошутить Косулин.

Но, кажется, Майя иронии не услышала.

– Нет, нет, что вы! Но я близка к отчаянию.

Косулин никак не мог понять, что происходит. Его мозг строил и отбрасывал одно предположение за другим. Ничего не подходило.

– Майя, я никому ничего не скажу, если вы просите. Так о чем вы хотите мне рассказать? Есть опасность разоблачения – узнают, что вы подменяли Косте лечение?

– Да нет же, что вы! А вы правда не догадываетесь? – Ее большие голубые глаза, так похожие на глаза какого-то смешного животного, впились в него с психиаторской проницательностью.

– Нет. – Косулин почувствовал испуг. – Что за игры, что я такое должен знать… – Косулин ответил раздраженно, но начал опасаться, что Майя раскусила их с Костей. Неужели она догадалась?!

Майя опять замерла, вцепившись в ручки кресла с видом человека, стоящего на краю и решающегося на прыжок. Она сосредоточенно смотрела куда-то в область грудной клетки Косулина. Косулин тоже замер в ожидании.

– Я… люблю пациента Новикова. И это ужасно!

Косулин сидел как громом пораженный. Еще одна влюбленная в учителя. Вот это да!

Слава богу, она ни о чем не знает, выдохнул с облегчением. И почему они именно мне про это рассказывают? Но Майя! Не может быть! Хотя… Косулин вспомнил, как после злополучного спектакля навещал Костю вместе с Майей. Его голова у нее на плече, ее нежная забота.

Майя меж тем продолжала говорить. Голос ее звучал напряженно и ровно. Она так и не решалась взглянуть на психолога.

– Я уже смирилась с тем, что влюбилась в пациента. Пережила этот позор, пошла на преступление ради него – тайком отменила ему лекарства. Да я на все ради него готова! Но самое мерзкое во всем этом, что он меня не любит. Он меня спас, я его спасла, услуга за услугу, ничего личного. Я веду себя глупо, как девчонка, хожу за ним. Унижаюсь, пристаю. А он стал такой вежливый и совершенно недоступный! Я даже толком поговорить с ним не могу. Я сначала думала, это лекарства. Но их ему давно не дают, вы знаете, а ничего не меняется. И я с ужасом понимаю, что он просто не хочет меня. Как все…

Майя резко оборвала себя и замолчала. Косулину стало неловко от жалости. В серьезность и силу ее чувств к Косте верилось с трудом. Но отрицать очевидное он тоже не мог.

– Майя, посмотрите на меня, – попросил Косулин.

Она глубоко вздохнула и подняла глаза. Косулин попытался вложить в свой взгляд всю теплоту и симпатию, которую испытывал к Майе. Она была симпатичной женщиной, хорошим храбрым врачом и, как казалось Косулину, хорошей мамой.

– Майя, от того, что вы влюбились и рассказали мне, я не стал к вам хуже относиться или меньше вас уважать.

Она продолжала молча смотреть на него. Косулин не мог понять, что с

ней происходит, и занервничал.

– Майя. – Он наклонился вперед, взял ее за руку и слегка сжал холодную и мокрую от волнения ладонь. – Все хорошо.

И тут Майя расплакалась. Она сама не ожидала от себя такой сильной реакции. Слезы лились потоком, она всхлипывала, лицо ее стало багровым, нос распух. Все это произошло за несколько секунд и было похоже на взрыв наполненного водой воздушного шарика. Пыталась остановиться, утиралась платочком, сморкалась, но, как только решала что-то произнести, все начиналось вновь – хляби разверзались и рыдания продолжались. Косулин опешил и замер в растерянности. Поколебался немного, затем подвинулся к Майе вплотную и обнял ее. Она напряглась на мгновение, а затем расслабилась, судорожно всхлипнула и продолжила рыдать уже в плечо Косулину. Он прижимал ее к себе, гладил по голове, пытался пристроиться поудобнее, чтобы расслабить спину. Бормотал что-то успокоительное.

Обычно Косулин такого себе не позволял, особенно на работе. Трогать пациентов следует только в особенных ситуациях. Трогать врачей не рекомендовалось в принципе. Но за последнее время изменилось очень многое. Жизнь казалась ему и проще, и сложнее, чем раньше. Он чувствовал себя гибким, зрелым, готовым делиться своей уверенностью с другими. Ему было не жалко, не страшно и не стыдно. И в то же время он не мог отделаться от ощущения предательства. Наверное, что-то похожее переживал Иуда, целуя Христа. Горечь, жалость, удовольствие. Просто любить и жалеть того, чью участь знаешь. Вот тебе и Восьмое марта: жестокий женский день. А как все прекрасно начиналось!

Майя постепенно успокаивалась – такой взрыв не мог длиться долго. Она начала бормотать, Косулин пытался разобрать слова.

– Ну почему, почему они меня все кидают? За что? И отец, и муж, и даже Новиков этот. Пациент, и тот… как унизительно, унизительно! Он такой необычный! Я рядом с ним голову теряю, прохожу мимо и сказать ничего не могу толкового!

Майя вдруг выпрямилась, высвободилась из косулинских рук и полными отчаянной надежды глазами впилась в его лицо.

– Скажите мне, скажите! Я должна знать наверняка! Вы же говорите с ним. Я видела, вы приходили к нему не раз. Он говорил обо мне? Может, я что-то не так сделала? Может, он просто ждет выписки, не хочет в больнице все начинать? Саша, скажите мне! Или я с ума сойду, я и так держусь из последних сил.

– Майя, я не могу это с вами обсуждать, вы же понимаете!

– Но почему?! Я же его лечащий врач!

– Майя!!

– Ну хоть скажите, у меня есть надежда? Если я поговорю с ним и он меня пошлет… я не смогу! – Майя цеплялась за Косулина как за последнюю соломинку.

В ее возгласе было столько боли, требовательной мольбы, что Косулин почувствовал, как его равновесие пошатнулось. Женская обнаженность, близость… Ему захотелось оттолкнуть ее, выставить за дверь, пристыдив за некрасивое поведение, за отсутствие самоуважения. Но он быстро понял, в чем дело.

– Майя, недавно в моей жизни произошло что-то похожее. Мы с женой чуть не разбежались. Я очень вам сочувствую, любить кого-то сложно, и бывает больно, но… – Он запнулся. Что, собственно, но? – Но это не то, чем можно управлять. Вы можете контролировать свое поведение, но не чувства. Вам нечего стыдиться. Я не могу дать вам совет и не могу рассказать про Костю…

Ну вот тебе и женщина, готовая на все ради любви! Задним умом поразился, как быстро его утренние мысли о том, что женщины больше не умеют любить, получили такое неожиданное опровержение.

– Спасибо, Саша. – Майя утерла остатки слез. – Вы и так мне очень помогли, выслушали весь этот бред. Ничего, это просто минута слабости, ПМС наверное, мне не стоило вас грузить…

Косулин понимал, что она не до конца искренна с ним. Успел лишь подумать, что и он сейчас лжет ей. И в этот момент раздались странные крики. Оба одновременно обернулись к окну, вытягивая шеи. Окна ординаторской выходили на торец здания, в котором располагалось отделение Царицы. Они увидели толпу, собравшуюся перед зданием, и услышали гул и крики множества голосов. Детских голосов! В первый момент Косулин подумал, что в больнице опять проводится спортивная олимпиада в честь праздника, но, присмотревшись, увидел толпу подростков, которые стояли перед окнами и громко что-то кричали.

Дети в больницу попадали редко. Было не принято приводить их сюда. А здесь целая толпа! Косулин ошалело услышал: «СВО-БО-ДУ НО-ВИ-КО-ВУ!!! СВО-БО-ДУ!!» Группа подростков лет четырнадцати-пятнадцати стояла с плакатами. Дети, не смущаясь, во всю глотку весело орали: «СВОБОДУ! СВОБОДУ!» Двое мальчишек, один из которых выделялся красивой светловолосой головой, развернули плакат с надписью «РУКИ ПРОЧЬ ОТ НАШЕГО УЧИТЕЛЯ!», «ЗЛОБНЫЙ ДОКТОР АЙБОЛИТ, У ТЕБЯ КРЫШАК БОЛИТ!»

Косулин и Майя остолбенело наблюдали за детской демонстрацией.

– Боже, это же Костины ученики! – пролепетала Майя. – Саша, это катастрофа!

– Что они тут делают? – Косулин открыл окно и высунулся в него по пояс, пытаясь рассмотреть детали происходящего.

В окно ворвался совершенно неуместный в больнице воздух юности и протеста. Детей и демонстраций здесь не было от начала времен. Крики стали отчетливее. Дети требовали освободить своего учителя.

– Я должна вернуться! – Майя быстро одевалась. Лицо ее стало жестким и сосредоточенным. На глазах исчезала слабая влюбленная женщина, уступая место профессиональному психиатру.

Косулина напугала такая метаморфоза. В этом было что-то противоестественное. Показалось, что он упустил важный шанс. Но не свой, а Майин.

– Подождите, я с вами. – Косулин тоже начал собираться.

Майя посмотрела на него с удивлением, как будто только что увидела.

– Как хотите. Но тогда поторопитесь.

Смерть царицы

Косулин с трудом поспевал за Майей. Она стремительно выбежала из отделения, дробно простучала каблучками по лестнице и, поскальзываясь на талом снегу, устремилась в свое отделение. Косулин бежал следом, временами догоняя Майю и пытаясь ей что-то сказать. Но слова не находились. Косулин и сам толком не понимал, зачем он следует за Майей, но чувствовал, что не может ее сейчас оставить. Вот они почти у корпуса, толпа детей перед окнами их немного притормозила. Пробираясь через массу весело скачущих и орущих подростков, Косулин наткнулся на одного из них, маленького и круглого, в шапке с помпоном и красным от возбуждения лицом. Мальчишка, ничуть не растерявшись, завопил прямо в лицо Кослулину: «Свободу учителю!» Косулин отпрянул, выпустил мальчишку из рук. Косулин упустил Майю и только успел увидеть, как ее шубка мелькнула и скрылась в дверях отделения. Косулин поднажал и оказался, наконец, у дверей отделения Царицы. Ох и будет же сейчас скандал, надо как-то прикрыть Майю, Царица ее съест.

Вбежав в отделение, Косулин резко остановился. В отделении было странно пусто, ни больных в коридоре, ни медсестер. Из располагавшейся в конце коридора комнаты отдыха лилась нежная и печальная мелодия. Кто-то играл на старом и немного хрипящем кларнете. Музыка наполняла пустой коридор, столовую, открытые кабинеты. На миг Косулину показалось, что он попал в старое черно-белое кино, в историю, для которой эти больничные стены только декорация, и что вот он, Косулин, оказался случайно не там и не в то время, и статисты не успели занять свои места, а сценаристы не успели позаботиться о правдоподобии реальности.

Майя! Косулин стряхнул наваждение, разумно предположив, что в отделении проходит концерт какого-нибудь сошедшего с ума музыканта, вот всех и согнали его слушать.

Косулин поспешил в ординаторскую. Он ожидал услышать ор заведующей, но не услышал. Осторожно заглянул в приоткрытую дверь и увидел, что Майя все еще в шубе застыла посреди комнаты. В ординаторской звуки кларнета встречались со звуками кричащих за окном детей. Но, как два океанических течения, они встречались, не смешиваясь, продолжая существовать отдельно.

Психолог распахнул дверь и шагнул в комнату. В ординаторской горели все электрические огни. Сияла под потолком люстра из чешского

стекла, добытая Царицей в 1975 году, горели на столах лампы с зелеными абажурами, даже ночник над кожаным диваном, на котором обычно спал дежурный врач, был включен.

В первый момент ему показалось, что Майя в ординаторской одна, и он почувствовал облегчение. Косулин сделал несколько шагов к Майе и заглянул в ее лицо. Она стояла бледная, как больничный потолок, с широко открытыми неподвижными глазами.

Косулин быстро перевел взгляд на то, что заворожило Маю. На полу, в нешироком промежутке между столом с аккуратно разложенными историями болезни и высоким окном он увидел ноги Царицы. Маленькие, аккуратные ступни, подрагивая, судорожно тянулись вперед. На одной ноге был надета черная туфля-лодочка, и ее каблук вдавливался в край истершегося персидского ковра. Другая ступня была босая, сквозь прозрачный черный чулок просвечивал малиновый педикюр.

Косулин осторожно сделал шаг вперед. Кларнет и Майя словно бы отодвинулись за спину. Отчетливей стали крики за окном. Сведенные судорогой круглые икры Царицы, край юбки и пола белого халата задралась при падении, непристойно обнажив толстое бедро. Объемистый живот, словно рвущийся на свободу зверь, натягивает туго сидящий белый халат. Маленькая когтистая ручка вцепилась в карман белого халата и мучительно комкает, тянет его зачем-то вбок. Другая рука, уже совершенно мертвая и забытая, лежит на полу неподвижно. Кожа на ней побелела, отчего малиновые ногти словно светятся. За огромной грудью лица Царицы не видно. Косулин поднялся на цыпочки, стремясь заглянуть через грудь.

Он запомнит навсегда красное лицо, похожее на маску клоуна, так и не выбравшего свое амплуа. Одна его часть казалась злобной и уставшей, оттого что уголок рта был опущен вниз, кожа век и щеки тоже как-то оползли к уху. Другую половину лица словно свело судорогой неуместного жуткого веселья, рот улыбался, глаз сощурился, словно бы хитро подмигивая. Косулин, не решаясь сделать еще шаг, потянулся вперед и заглянул в глаза Царицы. Взгляд ее оказался совершенно бессмыслен. Подумалось, что она, наверное, не рада, что именно он смотрит сейчас на нее. И что, наверное, ей хотелось бы умереть встретившись взглядом с кем-нибудь другим.

Умереть. Умереть! Косулин вздрогнул, поняв, что происходит на его глазах.

Дальнейшие события так и остались для него загадкой.

Дело в том, что у Косулина и Майи были совершенно разные отношения со смертью. Косулин при всем своем богатом жизненном опыте

мало видел смерть вблизи. Он, как и любой практикующий психолог, много о ней разговаривал, слушал, знал. Но сталкиваться с умирающим в момент перехода от живого существа к трупу ему не приходилось. Он имел дело либо с живыми, либо с мертвыми, либо с переживаниями и воспоминаниями о тех и других.

Разговаривая о смерти, Косулин чувствовал, что ему все разрешено, ведь все временно. «Все» в понимании Косулина обычно ограничивалось сферой проявления чувств. Он любил философский и психологический аспекты смерти, придающие жизням еще живущих драйв и полноту. Столкнувшись с материальным аспектом смерти, Косулин был шокирован тем, насколько противоестественно выглядит переход, какой животный ужас и отвращение он вызывает. Как обессиливает.

А вот Майя видела смерть нередко. Пациенты, пусть и нечасто, но все же регулярно умирают в больнице. Она любила рассказывать о смерти смешные истории, особенно о смерти от нелепых случайностей. Ей не раз удавалось щегольнуть среди медиков историей про умственно отсталого пациента, умершего от попытки проглотить вареное яйцо целиком. Она раздражалась, если кто-то начинал рассуждать о смерти в романтическом ключе. Смерть для нее была частью жизни – либо смешной ее частью, либо скучной, связанной с бесконечной писаниной и административными формальностями. Она смотрела на Царицу и думала: геморрагический инсульт…

И вот при таком разном отношении к смерти именно Косулин, а не Майя, доктор с десятилетним стажем, начал оказывать Царице посильную помощь. Косулин так и не решился узнать, почему Майя просто стояла и несколько драгоценных для Царицы минут ничего не делала.

Впрочем, помощь эта была бесполезна. Царица умерла по дороге в реанимацию.

После того как суета, связанная с отъездом сведенного инсультом тела Царицы, улеглась, Косулин вновь остался с Майей наедине. И хотя времени с их последнего разговора прошло совсем немного, от силы полчаса, все изменилось.

Косулин зашел в ординаторскую в тот момент, когда Майя положила телефонную трубку. Ей только что сообщили, что Царица больше не вернется на свое рабочее место. Никогда.

– Как вы? – Косулин не решался почему-то подойти к Майе близко, спрашивал стоя у двери.

– Спасибо, я в порядке. – Майя задумчиво смотрела на Косулина, ему даже показалось, что она пытается припомнить, кто он, собственно,

такой. – Кстати, у нас в отделении есть несколько срочных РВКашников. Сможете их посмотреть?

– Конечно. – Косулин оторопел от ее делового будничного тона.

– Подождите, не уходите, я дам вам их фамилии, сейчас, одну минуту. – Майя вновь сняла трубку и набрала короткий местный номер. – Алло, это охрана? Вы там уснули? У нас под окнами уже полчаса какие-то хулиганы скачут и орут, вы спите там, что ли?! Это государственное учреждение, больница, а не балаган!

– Майя, там же дети, какие хулиганы? – Удивление от столь стремительного превращения Майи достигло того уровня, когда уже ничего не чувствуешь, кроме профессионального интереса.

– Я теперь отвечаю за отделение, Александр Львович, и то, что они там скачут, – это, конечно, хулиганство. И может возбудить наших пациентов, вы же сами все понимаете.

– Понимаю, понимаю. Я, пожалуй, зайду позже за списком.

Не дождавшись ответа, Косулин развернулся и вышел из ординаторской, аккуратно прикрыв за собой дверь. Он вспомнил желтого цыпленка, живущего на компьютере Майи. Никогда не знаешь, что вытащит фокусник из шляпы, засунув туда для начала цыпленка. Косулин невесело усмехнулся: похоже, это будет настоящий сюрприз.

Косулин шел по отделению Царицы к выходу. Кларнет продолжал играть, а вот криков на улице больше не слышно.

Царица умерла, да здравствует царица! Власть оказалась слаще любви.

Терапия Кости

Психолог с учителем сидят в кабинете. Это их последняя встреча перед Костиной выпиской. После смерти Царицы и восшествия на престол Майи встречаться психологу и пациенту Новикову стало сложнее. Косте предстояло вернуться в жизнь. Они сидели с Косулиным в глубоких креслах и молчали. Костя смотрел в окно на голодных весенних ворон, захвативших все огромное дерево. Они каркали, перелетали с ветки на ветку и казались ужасно наглыми и уверенными в себе. Косулин тоже рассматривал ворон. Он хорошо представлял себе, что чувствует Костя теперь, когда до изменения его жизни осталось всего несколько дней. Лично ему было страшно. Не за Костю, а за себя. Он включился в жизнь пациента так, как никогда раньше. Он рисковал оказаться в позиции дурака, которого все предупреждали, но он все равно все сделал по-своему – по-дурацки. Это было страшно, весело и по-мужски.

Косулин вновь почувствовал себя взрослым, уверенным в себе мужчиной, которому уже за сорок, и он сам принимает решения и меняет окружающее. После смерти Венечки это было внове и очень приятно. С благодарностью смотрел на Костю: из-за него он изменился и теперь чувствовал себя настоящим. Удалось ответить себе на давно заданный вопрос: каким отцом быть для любимого сына Илюши? В мечтах он представил себе сына взрослым красивым юношей, которого любят женщины, а он любит то, что делает. В сердце входили тепло и боль – Косте эта работа еще предстоит.

Учитель выглядел грустным и новым. Пылкость его поблекла, он состриг кудри и теперь не казался очень молодым. Готовый к плану, который они составили за последний месяц вдвоем с психологом, старался не мечтать о том, что встретит на новом месте. Боялся опять оказаться в глупой ситуации. Все было проговорено, все страхи и тревоги осмыслены, варианты разобраны по мелочам. Оставалось только одно – Лора. Костя не знал, что делать, ему было одновременно страшно и быть с ней, и оставить ее. Оба варианта очень пугали.

– Александр Львович, как думаешь, безумием можно заразиться? – спросил осторожно Костя.

Они совсем недавно перешли на «ты-вы», такую специальную форму дистанции, принятую в государственных учреждениях. И Костя пока предпочитал называть психолога по имени-отчеству.

– Костя, безумие не вирус, но заразиться можно. Особенно если хочется. Есть такое психиатрическое понятие «индукция», «индуцированный психоз». Иногда носит массовый характер. Если смотреть шире – мы все время индуцированы чьим-то бредом. Например, политикой или удачным маркетингом. А от кого ты собираешься заразиться? – спросил Косулин хитро, предчувствуя ответ.

– Ну вы же знаете, от кого, – улыбался Костя. – Вы знаете, после ее письма я так ясно представил себе это: она голая в мороз бежит на улицу, разговаривает с невидимыми существами, а я не знаю, что делать. Бегаю за ней. Она меня не слушается, я от всего этого тоже схожу с ума. Потом мы идем в ПНД за лекарствами, стоим в очереди. То она госпитализируется, то я. В таком вот ритме и живем. Жуть! Я не хочу сюда больше попадать НИКОГДА, ты понимаешь: НИКОГДА!!

– Понимаю. Хотя мы и говорили о том, что в этом было много нужного тебе опыта, после которого ты изменился. Но все же: давай проясним твои чувства по поводу Лоры. Что в этой женщине такого особенного, почему именно она?

– Она особенная. Я с ней могу не притворяться, быть самим собой. Я говорил, что думаю, без страха. Раньше казалось, что женщин надо очаровывать, морочить им голову, не показывать чувств. А то они возьмут власть, и я лишусь своей воли. Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей, как говорится!

– Ой, Костя, если бы ты знал, как же я зол на Пушкина за эту фразу. И ведь засела матрицей в мужских мозгах! Все ему поверили, хотя сам он в чувствах не стеснялся. Я и сам так думал раньше. Но женщины рассказали мне, чего боятся, как ждут поддержки и признания. Вообще, если честно, женщины – совсем не сложные существа. Они жаждут услышать, что красивы, добры, что возбудили самые сильные чувства и все такое, от чего они расцветают, как цветочки. И если вы не такой жадный, чтобы все это говорить и чувствовать, не теряя собственную личность, – женщины будут вам очень благодарны. Это так просто, – вздохнул Косулин. – А личность, если есть, то точно не потеряется.

– Да! Она пугает меня и влечет. Я боюсь, что сделаюсь таким же сумасшедшим, как она, что ее безумие поглотит меня и я просто… исчезну как мужчина. Что мне придется сойти с ума, чтобы, как бы это сказать?.. ей соответствовать! Чтобы быть с ней на равных. Начну разговаривать с Александром Македонским, мне с ним интересно.

– Многие мужчины боятся этого. Так устроила природа, но я не видел ни одного взрослого мужика в животе у бабы. А с Македонским я бы сам

поговорил, – шутил Косулин.

Это было смешно: Костя представил себя сидящим у Лоры в животе и улыбнулся.

– Ну, погоди, а кроме страха и влечения, что еще у тебя к этой женщине?

– Злость. Я очень злюсь на нее! Она все решила, видите ли! Люблю, но не могу! А меня не спросила даже: то есть спросила, но ответа не дождалась. И такое будущее нарисовала, что я чуть не повесился на батарее… А это правда про детей, про интернаты, про таблетки?

– Лора нарисовала самый жуткий вариант ваших жизней. Похоже, ей так проще: от самого жуткого отталкиваться. На самом деле никаких гарантий, что так будет, вам не даст даже самый пессимистичный доктор. У Лоры первый эпизод травматической природы – после смерти матери, у тебя вообще другая ситуация. Есть вариант, в котором у нее больше никогда ничего не будет подобного.

Костя с облегчением задышал. Этот вариант ему нравился.

– А я? – спросил он еле слышно.

– Костя, надо работать над собой, замечать и уважать свои чувства, свои возможности. Прежде чем бросаться в бой, подготовить план атаки и изучить противника. Ответить четко: за что, собственно, ты воюешь? Твоя ли это война? Таблетки, если что, придут на помощь. Надо иметь хорошего доктора и психолога и, если что, бежать к ним за помощью, не дожидаясь утраты контроля.

Костя внимательно слушал и вдруг вскочил и заходил по кабинету:

– С Лорой я контроль теряю прямо сейчас! Я уеду и что с ней будет? И как буду я без нее? И я все равно злюсь на нее! – Он даже притопнул ногой. – В моей семье папа главный! – Неожиданно Костя встал и упер руки в боки, нахмурился и строго стал смотреть на Косулина.

– Здорово, попробуй сказать это еще раз! – предложил Косулин.

Костя собирался несколько секунд, потом с силой топнул ногой и почти прорычал:

– Я тут главный!

– Молодец! – порадовался Косулин. – А теперь, когда ты главный, попробуй представить себе, как ты хочешь, чтобы все сложилось. Разрули ситуацию.

– Как я хочу?.. Я хочу, чтобы она поехала со мной. И чтобы решила это сама. Чтоб не я ее уговаривал, чтобы она сама хотела, понимаешь? Чтобы доверяла мне.

После этих слов Костя рухнул в кресло и закрыл глаза руками:

признавать свои настоящие желания – трудная работа.

– Ну вот и славно. Я очень рад, что ты хорошо понимаешь, что хочешь. Ты как сейчас себя чувствуешь?

– Хорошо. Тяжести в душе нет. Легкость. – Костя помолчал. – Я напишу ей записку и попрошу Морица подсказать ей, когда я уезжаю. Захочет – придет. Нет – значит, не судьба.

– Ну что же, дорогой Константин Юрьевич Новиков, похоже, вы совершенно готовы к выписке, позвольте я пожму вам руку, вы очень многому меня научили. Спасибо! Ты самый настоящий учитель, и я счастлив знакомству с тобой.

На этой торжественной ноте, со слезами на глазах, расстались тихо, стараясь соблюдать конспирацию. После терапии Косулин не стал заходить к Майе, а незаметно покинул отделение. Слава Богу, кажется, сюда взяли нового специалиста. Надеюсь, он продержится дольше, чем остальные, подумал Косулин. Мне пора своих девчонок лечить.

День рождения отца Еления

За круглым дубовым столом на кухне собралась душевная компания: Лора, отец Елений, Катька Макарова с младенцем, примотанным к ее обширной груди модным слингом, Актриса и Душный. Всех уже выписали, и повод встретиться был: день рождения отца Еления.

Отцу Елению сегодня исполняется пятьдесят лет. Он счастлив с утра, убирает, накрывает праздничный стол, варит борщ по специальному монастырскому рецепту. Готовится удивить молодежь самопечным черным хлебом. После того как Лора приютила осиротевшего святого, ее бытовая жизнь удивительно изменилась. На кухне было чисто, появилась скатерть, фиалки буйно цвели, пахло вкусной едой. Но главным, что создавало атмосферу теплого и безопасного домашнего гнезда, было присутствие круглого, доброго и спокойного отца Еления. Лора даже почувствовала интерес к домашним хлопотам, неожиданно для себя приобретя новый красный электрочайник.

Первой пришла Катька с сыном, потом Актриса с Душным. Все с порога начинали крутить носами: свежевыпеченный хлеб пах сказочно. После той судьбоносной дискотеки Актриса и Душный стали любовниками и выглядели абсолютно счастливыми, несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте. День рождения решено было сделать безалкогольным. И Катька, и Актриса, и Лора еще пили таблетки, а их категорически запрещалось смешивать с алкоголем. Пили неожиданно вкусный и похожий на пиво квас, который тоже сделал отец Елений.

Актриса жаловалась на детей, рассказывала, как сложно объяснить им после больницы, что с ней было накануне госпитализации. Что они давно не верят в нее и избегают ее, что нет взаимопонимания, а одно лишь чувство вины и обида. Душный смотрел на нее влюбленными глазами и ласково гладил по коленке. Сам он наконец-то устроился на работу и больше не производил впечатления мачо.

Катька рассказывала, как пережить депрессию, как тяжело ей с ребенком, как она каждый раз боится сойти с ума, когда он болеет. Восхищалась мужем, который отнесся к ее психозу удивительно спокойно, хоть и видел ее в таком состоянии первый раз в жизни. Как сам сидел с ребенком месяцы, пока она лечилась, освоил все молочные смеси, пеленки, памперсы и теперь понимает в материнстве лучше нее, отчего ей стыдно и больно. Что все ждал, когда она выйдет и начнет работать полноценно

матерью, а он вернется на работу, но ей тяжело, хочется спать и кажется, что ничего не получается.

– Так странно, друзья, все-таки в больнице было хорошо, – сказала Лора. – Там можно не притворяться.

– Да и здесь можно, дочка, – откликнулся отец Елений, разливая борщ в тарелки.

– Если не притворяться, в дурдом быстро вернешься, – сказала Актриса.

– Так ведь все равно вернешься, – улыбался Елений, чего ж мучиться?

Все затихли, наслаждаясь чудесным борщом. Катькин младенец заснул. Разговор повернул на Лору. Катька пять раз спросила, что с Костей, ходит ли она к нему в больницу и когда его выписывают.

Лора, пытаясь избежать волнующего разговора, поднимала тосты с квасом за здоровье новорожденного, убирала тарелки со стола, всем варила кофе, но Катька не отставала, спрашивая уже отца Еления:

– Отец Елений, что же это делается с Лорой? Объясните мне, дуре грешной, почему она к нему не идет?

Елений, прихлебывая кофе с шоколадными «Мишками», отвечал:

– Страшно ей, дочка. Очень страшно. Любить другого страшно, поэтому все предпочитают любить себя или никого не любить. Работают, суетятся, бегают много, чтоб о любви забыть.

– А чего боятся-то, не пойму никак! – возмущалась Катька. – Он хороший и любит ее, все же видели.

Актриса покачала головой:

– Все-то видели, но что мы видели? Костя делал спектакль, боролся с системой, искал Бога или Богиню, жаждал всех победить. Ну а при чем тут Лора?

Лора внимательно слушала, застыв с заварочным чайником в руках.

Отец Елений посмотрел на Лору, на Катьку и удивленно спросил:

– Как при чем? Она же его и вдохновила, он же ко мне за советом приходил, все про Богиню выспрашивал, а потом и придумал спектакль этот.

Душный, временно отвлекшись от Актрисиной коленки, рассказал, как был намедни в больнице и навещал Морица и что Костю выписывают на днях.

Лора поставила чайник на стол, села, уронила руки:

– Чтожеделатьчтожеделать?

Елений по-отцовски погладил Лору по голове:

– Делай что хочешь, дочка, и возлюби то что есть.

Лора поставила чайник, села и, решив больше не сдерживаться, разрыдалась. Все смотрели сочувственно. Наконец голос вернулся, и Лора рассказала:

– Что вы думаете, что же я не человек, что ли, не женщина? Конечно, я хочу к нему пойти, очень хочу. Да я каждую минуту после больницы только о нем и думаю. Я скоро опять с ума сойду, все кручу в голове одни и те же моменты, когда мы с ним вдвоем были.

Катька начала всхлипывать.

– Но мне страшно! Понимаете, страшно! Я же совсем его не знаю, а верю в свои какие-то фантазии о нем. Мы два раза видели друг друга, понимаете, два раза!

Душный пожал плечами:

– А люди даже по переписке женятся. Из тюрьмы, например. И ничего.

Все посмотрели на Душного укоризненно. Пример казался неудачным.

– Я чувствую себя уязвимой, открытой, – продолжила Лора. – Но я не доверяю ему совершенно, я понятия не имею, что он хочет от меня, кто он вообще такой. Не доверяю, понимаете, мне кажется, что он обязательно заставит меня страдать и в итоге оставит… как мама.

Отец Елений задумчиво молвил:

– Но ведь мужчины – не родители…

– Да! Вы правы, не родители, а я хочу, чтоб были как родители! Я совершенно запуталась и злюсь на себя. – Лора перестала плакать и стала выглядеть сердитой.

– Получится – не получится, Лора, никто не знает, но хочешь быть живым – люби. Здесь нет выбора, – сказала Актриса и повернулась к Душному, запечатлев на его тонких кавказских губах нежный поцелуй.

1 апреля, утро

В день выписки Кости весна больше походит на лето. Уже утром апельсиновое солнце припекает голову медсестре Любочке, спешащей в приемное отделение, где хранились вещи и документы пациента Новикова, ради которого она в свое время рискнула нарушить правила. Отовсюду льется и журчит, Любочка щурится и улыбается. Она прониклась к Косте материнскими чувствами, которые раньше испытывала и к Майе. Но с момента смерти Царицы Любочке все время делали замечания, вмешивались в отлаженный годами механизм работы, пытались контролировать и учить. Медсестру с двадцатилетним стажем работы это невероятно обижало, и она даже задумалась об увольнении.

Темное неопределенное чувство поднималось в ее душе каждый раз, когда новая Царица отчитывала ее на пятиминутке. Это было

несправедливо. Любочка работала в отделении десять лет, была по-настоящему профессиональной медсестрой, относилась к пациентам тепло, но границ не переходила. И сейчас она никак не могла понять, чем заслужила столько недоверия и неблагодарности со стороны начальства. Ей было жалко расставаться с пациентом Новиковым, он прославил их отделение, и ей было приятно знать о своей тайной роли в его судьбе. Конечно, теперь у него ничего и не может быть с Майей. «Власть важнее любви для таких, как она?» – спрашивала сама себя Любочка. Вот и останется одинокой, дура несчастная, сама себе отвечала.

Принесла Косте вещи: теплую куртку с капюшоном, синие с проседью джинсы, белую рубашку, старую монетку на веревочке. Поинтересовалась у Кости:

– Ты что ж, неверующий, что ли, Костя? Где твой крестик?

– Не переживайте, Любовь Ивановна, я теперь очень даже верующий. Во что – большого значения не имеет, но верующий точно!

– А кто у тебя там, на монетке, красивый такой? – Любочка с интересом рассматривает монетку.

– Это Одиссей – герой древнегреческий. Умный был мужчина и очень, кстати, верующий. Все время с богами дело имел. Можно сказать даже, с ними жил, – смеется Костя, с удовольствием надевая любимую веревочку на шею.

– Женатый был? – спрашивает Любочка с непередаваемым выражением заинтересованности в глазах.

– Ох, от женщин натерпелся бедный Одиссей, уж очень они его любили! – отвечает Костя, с нежностью листая свой паспорт. Никогда раньше он не испытывал чувств к документам, а теперь радуется красной мятой книжице, как родной. Внимательно осмотрел бумажник – кредитка на месте, и даже наличные пережили его мытарства в целости и сохранности.

– Надо было жениться по любви, – значительно и с выражением посмотрев на Костю, замечает Любочка.

– Как скажете, Любовь Ивановна, в следующий раз, когда увидимся, женюсь, обещаю!

Костя и впрямь почувствовал себя женихом в белой рубашке, открыв паспорт на странице «семейное положение». Если бы он женился на Лоре, взяла бы она его фамилию, интересно? Лора Новикова. Вот дурак, разозлился на себя Костя, опять мечтаешь!! Быстро давай, родители через час уже здесь будут.

– Любовь Ивановна, пойду в магазин схожу, маме цветы куплю, ей

будет приятно.

– Ну иди, иди, купи цветы, – звякнула заветным ключом Любочка. – Возвращайся скорее, уже скоро посещения начнутся. А погоди-ка, Костя, Майя Витальевна тебя вызывает – прощаться. Иди сейчас.

Перед выпиской полагалось пообщаться с лечащим врачом. Майя Витальевна ждала его в кабинете Царицы, вполне ею уже освоенном. На столе появилась фотография маленькой дочки, из ординаторской переехал раскидистый декабрист, поражавший всякого входящего буйством цветения. Майя жестом показывает Косте на стул и продолжает писать. Костя рассматривает доктора, вспоминая, как она сидела на диване с ногами. Как пахло от ее замершего тела мандаринами. Каким смелым он себя чувствовал. Сейчас она его даже не замечает.

– Ну что, Константин Юрьевич, сегодня на выписку, поздравляю. У вас есть какие-нибудь вопросы?..

– Какие вопросы… слава богу, все кончилось, и надеюсь, что не попаду сюда больше никогда.

– Да, все так говорят. Даже после пятой госпитализации… Но вы должны понимать, – и Майя смотрит на него строго, давя авторитетом, – что психические расстройства редко проходят бесследно, как правило, они хронические и требуют наблюдения всю жизнь.

– Что вы хотите сказать, Майя Витальевна, я не совсем вас понимаю.

– В этот раз вам сильно повезло, Константин Юрьевич, вы тут всех обаяли… и меня тоже… – Майя на секунду запнулась, но быстро поправляется: – Но так бывает только один раз, в следующий все будет как у всех. Режим, лечение… Без скидок на вашу уникальность.

Костя никак не может понять, почему она так далека от него сейчас, почему говорит так жестко. Он все пытается найти в лице такие симпатичные ему раньше черты какого-то смешного животного, но не находит.

Майя меж тем продолжает:

– Вам надо встать на учет в ПНД, где вы сможете получать бесплатную помощь психиатра и лекарства в случае ухудшения состояния. В ближайшее время я пошлю им сведения про вас. Если ситуация опять выйдет из-под контроля, не ждите чуда, вызывайте «скорую помощь» и немедленно госпитализируйтесь. Вы можете представлять опасность для окружающих, если потеряете контроль над чувствами.

Она говорит все эти неприятные для Кости вещи деловым безличным тоном, как будто между ними не было ничего.

Костя все же рискует:

– Майя, я так благодарен вам за все! Вы меня вылечили, я стал другим человеком, я никогда раньше не представлял, что найду себя в психиатрической больнице. И во многом это благодаря вам, спасибо, я вам обязан!

– Ну… не только благодаря мне… были и еще помощники, – обидчиво отрезала Майя. Разозлилась ужасно, что не сдержалась, и, вскочив со стула, направилась к шкафу с историями болезни, вытащила целую стопку, плюхнула их на стол между собой и Костей.

Костя все понял. Обиженные женщины опасней бронетранспортера. Ему действительно лучше никогда сюда не попадать. Из деликатности Костя сделал вид, что ничего не заметил.

– Простите, у вас так много работы, я пойду. Еще раз – спасибо вам большое. За все! – Поклонился по-русски, в пояс, и выскочил, на минуту испугавшись, что Майя за ним погонится.

Не оборачивайся, а то застынешь, как жена Лота. Жаль, что все так получилось, но сейчас уже неважно. Спокойно: улыбаемся и машем, улыбаемся и машем. Быстрее от ужасного кабинета. Сердце стучит. Костя, как самый трусливый Одиссей, считает секунды: этаж, еще один, так, молодец, мимо охранников, в глаза не смотреть, открываю дверь, солнце теплое, здорово как! Так, дальше быстрее, но не слишком быстро, чтобы внимания не привлекать.

Костя идет по аллее, мимо кафе Кагановича, мимо собачьих будок. Не удержался и погладил дворнягу Лизу, все-таки они столько вместе пережили! С каждым шагом к больничным воротам легкие вдыхают все больше воздуха. В теплой зимней куртке жарко, и Костя идет нараспашку. К выписке родители должны были принести другую одежду, но по плану с родителями увидеться ему не суждено.

Вот и последний пункт плана – стоит за воротами в сером пальто и белых перчатках с букетом хризантем в руках, похожий на Майкла Джексона.

– Приветствую тебя, учитель! – Мориц торжественно пожимает Костину руку и, осматривая со всех сторон, хвалит: – Костя, какой же вы красивый! Настоящий романтический герой! Онегин, Чацкий, Печорин не стоят вашего мизинца!

– Боже мой, Мориц, прекратите делать мне комплименты, сегодня я трусливый Одиссей, еле сдерживаюсь, чтобы бегом не побежать. Майя знаете какая злая! Вот, держите письмо Лоре. Будьте с ней поласковее, я вас очень прошу.

– Не волнуйтесь, мой друг! Мориц тонко чувствует женщин. Кто

поручится, что я не одна из них? Поспешите, у вас еще много дел. Мориц останется здесь и все устроит.

– До встречи!

Костя и Мориц встречаются взглядами. Улыбаются друг другу. Костя взволнованно, Мориц печально.

– Друг мой… – Костю переполняет волнение и благодарность, хочется сказать Морицу что-то хорошее, теплое.

– Не надо, Костя. – Мориц делает отстраняющий и благословляющий жест. – Поспешите. У этих врат оставьте меня, и пусть судьба больше никогда вас сюда не приведет. Пусть боги и богини избавят вас от необходимости пересекать эту границу. Оставьте это место нам.

Мориц постоял несколько секунд, наблюдая, как учитель растворяется в весеннем солнце, и неторопливо отправился в отделение. По дороге он встречает много свежих фиолетовых бабочек. Некоторых, особенно прекрасных, он приглашает внутрь себя.

1 апреля, день

Медленно шествуя в сторону отделения, Мориц видит себя яркой светящейся волчьей фигурой, живой и прекрасной, в окружении слепых и страшных теней, уныло, но целенаправленно бредущих к дверям разных отделений. Так Мориц видит родственников пациентов, наводняющих больницу в часы посещений. Когда он в плохом настроении, ему видятся кровожадные зомби, пришедшие жрать мозги или кормить мозгами своих сошедших с ума родных.

Мент уверял, что Мориц не любит часы посещений потому, что к нему никто не приходит. Мориц повздыхал: он скучал по своему вечному другу-оппоненту. Мента давно выписали, тогда как Мориц о выписке и не мечтал. В его перспективе значился интернат для психохроников. А Мента пришла забирать вся его семья, это было трогательно. Настолько трогательно, что Мориц с трудом дождался момента, когда они все уйдут. Теперь он слегка сожалел, что не попрощался с другом по-человечески. Впрочем, их шансы встретиться вновь высоки: раз в несколько лет Мент начинает очередной крестовый поход против вездесущей системы.

По мере приближения к отделению Мориц замедляется, его фигура приобретает величественную осанку, лицо каменеет, шаги становятся тяжелы, как поступь Командора. Мориц опять входит в любимую роль судьбы. Гордость наполняет его. От него зависит судьба и любовь двух уже

свободных людей. Душа Морица ликует, все несовместимые ее части на краткий миг собрались вместе для важной миссии. С величаво поднятой головой он заходит в комнату отдыха и окидывает взглядом открывшуюся картину.

В комнате отдыха почти никого. В уголке у окошка пристроились Ванечка и его папа. Ванечка улыбается светло и бессмысленно, как всегда перепачканный едой. Папа старается аккуратно кормить его с ложечки картофельным пюре. Даже для этого ответственного дела папа не снял своей побитой молью меховой шапки. Еще несколько семейных групп разной степени оживленности разместились по углам. Пациенты с удовольствием едят домашнюю еду. Душный зал затапливает солнце, в лучах которого светится поднятая посетителями больничная пыль.

Мориц останавливает свой взгляд на родителях Кости, пришедших забрать из больницы своего поправившегося сына. Они еще не знают, что в это самое мгновение Костя мчится в раскачивающемся и позвякивающем трамвае навстречу судьбе.

Костина мама посвежела и помолодела. Виновато-заискивающее выражение лица сменилось смущенным и радостным. Она счастлива в предчувствии встречи со своим любимым мальчиком. Костин папа тоже изменился. Напряжение сменилось уверенностью и даже вальяжностью. Он освоился в больнице, и она больше не казалась ему чем-то особенным. От пытливого взгляда Морица не укрылось, что папа покровительственно вытянул руку над мамиными плечами на спинке дивана, обозначая территорию и принадлежность. Мориц отметил, что, похоже, сумасшедший сын заставил этих родителей искать поддержку друг в друге, и они ее нашли.

На соседнем с диваном кресле сидит Лора. Не будучи знакома с родителями Кости, свое место она выбрала верно. Как только Мориц вошел, Лора уперлась в него своим божественным взглядом, отчего его на минуту вышибло из роли.

Лора пришла попрощаться с Костей, по крайней мере так она объясняла себе свое присутствие. Ее переполняют разные чувства: волнение, радостное предвкушение встречи с учителем, ужас перед расставанием. По привычке Лора держит при себе свои переживания. При появлении Морица ее сердце дает перебой: Костю она не увидит. Ей больно, и в то же время огромное облегчение обрушивается, как прохладный поток воды. Значит, не придется расставаться, не надо все это переживать. Ничего не заканчивается, никогда ничего не заканчивается. Show must go on…

Мориц уже готов шагнуть в зал и исполнить отведенную ему роль, как чувствует на плече твердую руку. Оборачивается и расплывается в улыбке:

– Александр Львович! Психолог! Читаете души, как книги! Мы с вами коллеги в некотором роде. – Мориц обеими руками хватает протянутую Косулиным ладонь и, энергично тряся ее, продолжает: – Я уж было подумал, что мне одному все объяснять придется, но в этой истории мы с вами практически братья, уважаю, очень вас уважаю!

Косулин высвобождает руку и похлопывает Морица по плечу, приободряя его и в то же время подталкивая в сторону ожидающих Костю посетителей.

– Я тоже наслышан о вас, Мориц! Я ваш искренний поклонник!

Мориц уловил в голосе психолога ласковую иронию и разулыбался еще больше.

Так они и входят в зал вместе – нелепый человек с сильно накрашенным лицом и с букетом хризантем в руках и придерживающий его за локоть ветеран психиатрического фронта Косулин.

Папа узнает психолога и поднимается ему навстречу:

– Александр Львович! А я хотел к вам зайти с Костей вместе, поблагодарить вас. Какими судьбами вы здесь?

Они пожимают друг другу руки. Папа опускается обратно на диван, вновь приобнимает маму и выжидательно смотрит на Косулина.

Косулин берет стоящий у стены стул и ставит его так, чтобы видеть и родителей Кости, и сидящую неподалеку Лору. По профессиональной привычке получается почти круг, как на психологической группе. Косулин с коллегами шутили, что, где бы ни расположились психологи, они пытаются образовать круг, чтобы каждый видел каждого. Даже на эскалаторе в метро или, например, плавая в море.

Лора лишь мельком взглянула на Косулина и вновь уставилась на Морица. Все ответы были у него, это она знала точно.

Косулин медленно оглядывает всех пришедших к Косте, стараясь коснуться взглядом каждого. Он знает, что в эти минуты заканчивается история, которая изменила и его жизнь. Такие моменты он научился ценить.

Вот мама Кости смотрит на него немного искоса, словно это слишком – встретиться взглядом напрямую. Глаза ее похожи на Костины, только как будто спрятаны глубже. Она еле замечает Косулина, ждет появления любимого сына.

Вот папа Кости. Взгляд его прямой, твердый, выжидательный. Он уже заподозрил что-то, напрягся и готов к любому повороту событий.

Лицо Лоры неподвижно, она не видит Косулина, вся поглощенная Морицем.

Мориц вновь вошел в образ, взглядом отправился за горизонт, похож на шута и пророка одновременно. Косулин хорошо видит и себя на своем месте. Сейчас он внесет ясность – в этом его миссия.

Но только Косулин открыл рот, чтобы наконец прояснить ситуацию, как Мориц торжественным и трагическим голосом возопил:

– По воле рока, друзья мои, мы все сегодня здесь! – Голос его звучит сверху, как глас с небес. Мориц единственный остается стоять. Сделав эффектную паузу он продолжает: – Узор, в который сплели нити наших судеб безжалостные парки, неслучаен, нас всех объединяет любовь. – С этими словами он падает на одно колено перед мамой и вручает ей букет хризантем. – Любовь к учителю. Ибо каждого из нас он научил…

– Мориц, прекратите! Сейчас вы всех напугаете и запутаете. – Косулин встает и почти насильно усаживает Морица на диван рядом с родителями Кости.

Мориц замолчал и обиженно засопел, но из образа не вышел, продолжая буравить горящим взглядом пространство перед собой.

Косулин обращается к папе:

– Я знаю, что вы пришли за Костей. Но Кости в отделении уже нет, он покинул больницу. Я должен извиниться перед вами, так как это я помог Косте уехать.

Мама вынырнула из своего ожидания и с испугом воззрилась на психолога, одновременно нюхая цветы:

– Что?! Что с Костиком? С ним все хорошо? Где он? – засыпает она вопросами Косулина. – Как же его отпустили, он же без нормальной одежды, и пообедать, наверно, не успел… Юра, – мама резко разворачивается к папе, – Юра, что происходит?

– Подожди. – Юрий Алексеевич успокаивающе сжимает руку жены. – Объяснитесь, Александр Львович.

– Хорошо, конечно, я всю объясню. Теперь уже можно. – Косулин усаживается поудобнее и начинает свой рассказ: – Несколько месяцев назад ныне покойная заведующая этим отделением попросила меня посмотреть одного пациента. Она предупредила, что пациент сложный и что его подозревают в асоциальном поведении, в частности в том, что он педофил, что склонен к жестокости и физической агрессии. Я пришел сюда, в этот самый зал, сюда же привели и пациента. Я увидел мужчину – еще мальчика, идеалистичного и хрупкого Дон Кихота. Так мне тогда показалось. Впоследствии я понял, что мало в ком так ошибался. Он был,

что называется, «сыроват», еще переполнен переживаниями, связанными с госпитализацией, и толком диагностировать я его тогда не смог. Зато я с ним поговорил, и это изменило мою жизнь. Не знаю, случайность это или такая у него судьба: встречая других, возвращать их самих к себе… – вздыхает Косулин. – Я не буду рассказывать вам подробности своей истории, сейчас они неважны. Скажу только, что Костя вернул мне память об очень важном человеке, а вместе с памятью и волю принимать решения.

Мама Кости судорожно всхлипывает: до нее начинает доходить, что Костю она сегодня не увидит.

Папа нахмурился, Лора, наконец, сосредоточилась на Косулине.

– Не знаю, в курсе вы или нет, но здесь, в больнице, Костя влюбился. Впервые в жизни серьезно, как он сам говорил. Разрешите вам представить, это – Лора. – Косулин кивком указывает на Лору, которая от неожиданности смутилась и покраснела.

Мама Кости с удивлением рассматривает ее. Красивая, но, кажется, старше его… Какие красивые у них получились бы детки. Мама одергивает себя, ведь Костя куда-то делся, какие детки? Слезы подступают с новой силой. Она так соскучилась по Косте, так хотела обнять его и унести скорее в гнездо, где все уже было готово к его возвращению.

Папа рассматривает Лору с одобрением, он чувствует в ней сильную личность, таких он уважает.

Лора оправилась от смущения и так же внимательно принялась рассматривать родителей Кости. Она ищет сходство с Костей, но не находит. На секунду ей привиделось, что выписывают на самом деле ее и это родители встречают ее, а не Костю. Мама волнуется, папа спокойно ждет, но не Костю, а ее, Лору. Картинка ей понравилась, стало спокойно, оттого что для кого-то она так важна. Она с новой силой ощущает, как скучает по маме.

– Лишь любовь может противостоять смерти и безумию, она и есть смерть и безумие, единственно родящая жизнь. – Мориц опять включается голосом ярмарочного чревовещателя.

– Мориц! Ну будьте человеком, поговорите с нами нормально! – умоляет Косулин.

Тот тяжело вздыхает, молчит, морщится, словно съел что-то несвежее, и поворачивается к папе Кости:

– Костя рассказывал про вас, – говорит он обычным голосом.

– Правда? – спрашивает папа с опаской.

– Он просил передать, что усвоил ваш урок. Мужчина должен уметь принимать решения и брать на себя за них ответственность.

– Я Костю недооценивал, что уж тут говорить. – Папа вновь обращается к Косулину. Кажется, ему сложно слушать Морица. – Хотел вам рассказать, да и вам, наверное, будут интересно это услышать. – Папа поворачивается к Лоре.

Лора кивает.

– После нашего с вами разговора, Александр Львович, я решил во что бы то ни стало заставить Ясеня забрать заявление из милиции. Для этого я задействовал некоторые свои связи. И, конечно же, обнаружилось, что, как любой московской чиновник, Ясень устроил из места работы кормушку. Особо не наглел, советская школа сказывается, но детей своих по заграницам выучил и дом на Рублевке построил. Интересно, почему чиновники от образования стараются учить своих детей в Лондонах да Парижах? Ну да ладно… Только я собрался отправиться поговорить с ним по душам, как к нам домой явился мальчишка этот. Из-за чьей мамаши весь сыр-бор начался. Вова Медведев. Мальчишка, конечно, наглый и пробивной. Он пришел и заявил, что организовал «Движение сопротивления абсурду». Представляете, так и сказал! Я его сначала хотел взашей гнать, да жена остановила. Как всегда, вовремя. – Папа с нежностью смотрит на жену. – Несмотря на дурацкое название, Вовка Медведев провел серьезную работу. Он собрал подписи в защиту Кости со всех учеников школы. Запустил в соцсетях группы, в которых рассказывал всю историю и просил поддержки. Получалось у него все, конечно, по-подростковому упрощенно. Ясень злодей, мама – сумасшедшая, Костя – герой, невинно осужденный охотниками на ведьм. Вова, кстати, переехал от мамы к деду жить, у него, оказывается, дед есть – известный скульптор или художник, я в этом не разбираюсь. Хороший, видать, мужик, внука поддержал. В общем, поднял Вова волну и учителей зацепил. Ведь многие из них живут в страхе подобных обвинений, поэтому от коллег, обвиненных в педофилии, сразу отказываются, как от прокаженных.

Короче, учителя подключились, поддержали Вовину инициативу по защите Кости. Возникла опасность медийного скандала. Вот тут-то Вова и пришел ко мне, хотел заручиться и нашей поддержкой. Этот мальчишка опаснее всего моего компромата, я это быстро понял. И мы пошли к Ясеню. Жаль, Костика с нами не было, видели бы вы эту сцену. Раньше, как только Костя про Ясеня начинал рассказывать, я на него злился, мне казалось, что это обычные капризы, все ему не так. Но, честно говоря, Ясень и правда старый мудак, дамы, простите… Пытался напугать Вовку отчислением из школы, угрожал, орал, но я с такими сволочами умею говорить! – Папа покосился на Лору, та одобрительно закивала, и он продолжил: – Я плохой

рассказчик, поэтому скажу лишь, что заявление из милиции Ясень забрал и, как недавно мне радостно доложил Вова, написал заявление об увольнении: угроза скандала сохраняется, да и в школе он совершенно лишился уважения. Вова говорит, что ему объявили бойкот! С трудом себе это представляю: начальству – бойкот? Такие вот дела. А Вова теперь от нас не вылезает, штаб устроили в комнате Костика, сопротивляются абсурду каждый вечер. И неудивительно, потому что кое-кто прикормил этих оболтусов пирогами и котлетами. – Папа рассказывал про школьные события с непередаваемой гордостью, так что Косулин опять вспомнил сына в роли Чебурашки. – Я хотел сообщить эти новости Косте, но вы сказали, его нет здесь…

– Да! Я недорассказал, – спохватывается Косулин. – Как все удивительно складывается, кто бы мог подумать! В общем, Костя, встретив Лору, совершил поступок и поставил спектакль, посвященный ей. Знаете, ничего более странного и интересного я в театре не видел! Но Костя был наказан за это. Царица усмотрела в этом спектакле наезд на медицину, да и в целом она не одобряла такой свободы самовыражения. И Костю начали лечить. Тогда-то вы его и увидели в первый раз, в этом ужасном состоянии, когда он ничего не соображал и был похож на робота. Это были побочные эффекты нейролептиков. Было очевидно, что в таком лечении Костя не нуждался, но противоречить воле Царицы никто не мог. Тогда ко мне пришла его лечащий врач, Майя Витальевна. Дело в том, что Костя спас ей жизнь. Удивительно, как он все успел, правда? В Новый год Майя Витальевна дежурила, и на нее напал агрессивный пациент. Костя не побоялся и вступился за нее.

Лора слушает Косулина со все нарастающим удивлением. Она видит, что Косулин относится к Косте с уважением и даже как будто с восхищением. Костя, и так занимавший в ее душе много места, становился все больше и значительнее. И Костя спас врача! Лора подумала об этом не без ревности. Захотелось узнать, какая она, эта Майя Витальевна…

– Так вот, Майя Витальевна попросила одну из медсестер, ту, которой доверяла, подменять Косте лекарства и колоть вместо нейролептиков витамины. И ее Костя подвиг на геройство: она пошла на должностное преступление ради него. Костя быстро поправлялся. Тогда-то, несколько недель назад, он передал через Морица просьбу о встрече. Я с радостью согласился. Костя сказал мне, что принял решение уехать из Москвы, и попросил у меня помощи в организации этого «побега». Костя привел убедительные аргументы. Он хотел остаться учителем, хотел попробовать жить своей жизнью, хотел стать наконец взрослым. Он понимал, что ему

будет сложно без вашей поддержки, но хотел рискнуть, вылететь, так сказать, из гнезда…

Мама Кости всхлипывает и начинает по одному отрывать мелкие лепестки хризантем. Косулин, помолчав немного, продолжает:

– В одном провинциальном городе живут мои близкие друзья. Один из них работает учителем рисования в местной школе. Школа совершенно обыкновенная, но Костя сказал, что хочет именно это – совершенно обыкновенную школу и простых детей. Они давно ищут хорошего учителя истории. Место там особенное, старорусское, а люди разные живут, настроения всякие… Такой, как Костя, учитель истории – для них большая удача, и даже обещали с жильем помочь. Я сам очень люблю это место, оно удивительное… там всегда хочется творить, ходить друг к другу в гости. Что ни улица, то именем писателя названа, что ни овраг – поэта. Рыбалка опять же. Все знают друг друга, и репутация значит много. Вы наверняка можете легко узнать, где Костя. – Косулин вновь обращается к папе. – Но он просил передать, что будет вам благодарен, если вы не станете этого делать. Он обязательно позвонит, как доберется, и вообще, здесь он пристрастился к эпистолярному жанру и теперь будет писать вам письма.

Лора при упоминании об эпистолярном жанре опять краснеет и отводит глаза в сторону.

– Но как же так, уехал и не предупредил даже!.. – Мама Кости перестает плакать и начинает сердиться. – Что мы ему, враги, что ли, чтобы от нас сбегать? Юра, ну что ты сидишь?!

– А что я должен делать? Бежать его догонять? – Папа быстро переварил услышанное. – Он взрослый человек, и это его решение. Нам с тобой пора признать, что Костя лучше знает, как ему жить. Жаль, что он не стал с нами прощаться, я хотел бы сам его проводить, раз он так решил. И опять же ему понадобятся деньги на первое время. Надеюсь, он напишет, и мы узнаем, куда ему их можно выслать.

– Не волнуйтесь, он не пропадет, да и люди на новом месте его ждут хорошие.

– Юра, как же так! – Мама все не успокаивается. – Мы ничего не будем делать?

– Не надо ничего делать, – вдруг говорит Лора.

Мама с недоумением переводит на нее взгляд.

– Все будет хорошо. Как вас зовут?

– Мария Николаевна, – растет удивление мамы.

– Мария Николаевна, у меня тоже была мама, но она умерла. Я ее очень любила. И вас Костя очень любит. Вот цветы вам передал. Не

переживайте, он к вам вернется. Дети всегда возвращаются, если их любишь. Просто надо подождать. – Лора чувствует силу своих слов. Ей кажется, что она говорит это своей маме.

– Ах, Лора, детка, мне так жаль. – Мама теперь ясно видит, что красота не единственное, за что ее сын влюбился в Лору.

В Лоре есть то, что всегда привлекало Марию Николаевну в других людях. Это непонятно откуда берущаяся уверенность в истинности своих слов и действий, упрямое знание, что они движутся в правильном направлении, даже если весь мир вокруг считает, что это не так.

Теперь и Лора с трудом удерживается от слез. Все это время ей не хватало именно таких, простых и искренних, слов сочувствия.

Лора и Мария Николаевна глядят друг на друга, улыбаясь.

– Ну, раз Кости тут нет, нам, наверное, лучше пойти домой и ждать вестей от него. – Юрий Алексеевич поднимается и помогает встать жене.

Косулин тоже встает.

– Я рад, что все так заканчивается. – Психолог пожимает папе Кости руку. – Я опасался, что вы можете разозлиться на меня.

– Вы помогли моему сыну, значит, вы помогли мне, – говорит папа Кости. – Если вам что-то понадобится – обращайтесь в любое время.

– Вы тоже знаете, где меня искать. – Косулин замечает, что когда Юрий Алексеевич искренне улыбается, то становится очевидным их с Костей сходство.

– Лора, пойдемте с нами. – Мама протягивает руку Лоре. – Я захватила с собой кусок пирога с брусникой, хотела, чтобы Костя уже в дороге почувствовал себя как дома… Давайте я отдам его вам. Мне будет приятно!

Лора принимает протянутую руку, встает, порывисто и кратко обнимает Марию Николаевну.

– Спасибо! Я с удовольствием! – Лора выпускает маму Кости из объятий и с улыбкой заглядывает ей в лицо.

Лоре не хочется оставаться одной. Ей страшно оттого, что Костю она больше не увидит, и надо теперь с этим жить.

– Подождите! – Мориц тоже встает. – Лора, мне надо перемолвиться с вами парой слов. Это очень важно.

– Мы подождем вас на улице, Лора. – Юрий Алексеевич берет жену под руку и в сопровождении Косулина направляется к выходу.

Косулин оборачивается и поднимает руку в прощальном жесте. Лора машет ему в ответ.

Как только они выходят из комнаты отдыха, Мориц хватает Лору за плечи и впивается в нее взглядом.

Лора спокойно смотрит Морицу в глаза. Кажется, Мориц что-то ищет на ее лице, что он обыскивает каждую мимическую складку и морщинку, как дотошный таможенник подозрительного пассажира.

– Лора, сейчас я кое-что вам скажу, а вы, моя сказочная принцесса, моя нежная русалка, меня внимательно послушаете!

– Конечно, я вас послушаю, Мориц! – Лора деликатно высвобождается из цепких рук и снова опускается на диван.

Мориц садится рядом и, все так же пытливо заглядывая в ее лицо, горячим шепотом говорит:

– Я смотрю, вы решили, что Костя и вам, моя дорогая, не оставил выбора.

– Он имеет право выбирать… тем более, я сама его оттолкнула.

– Ах, прав был классик, черт бы побрал этих влюбленных женщин! – Мориц с досадой по-бабьи всплескивает руками. – Ну и сидите тут, наслаждайтесь своей виной и божественным одиночеством!

– Мориц, миленький, простите! Я просто боюсь того, что вы мне скажете!

– Ну ладно, слушайте же меня внимательно! Костя уезжает сегодня вечером, а точнее, через пять часов. Вот тут записка от него с номером поезда и вступительным словом. Он будет вас ждать. – Мориц достает из рукава сложенный вчетверо лист А4. С одной его стороны – нераскрашенная мандала, витражное окно из собора Святого Нектариуса. Видимо, Костя взял листок с арт-терапевтической группы.

Лора выхватывает листок из рук Морица, разворачивает его и читает несколько строк, написанных синим карандашом.

Дорогая Лора, моя дорогая Лора!

В ближайшее время я не увижу вас, поэтому пишу письмо. И в моей жизни все изменилось безвозвратно. Боги и богини приготовили мне такие повороты судьбы, от которых сначала хотелось повеситься, а теперь я понял, что все так и должно было быть. Вы – самое прекрасное, что я видел в жизни. Рядом с вами я чувствую себя живым и счастливым. И ваше безумие уже не так пугает меня, оно вам очень идет. Наверное, вы правы, что такие вещи нельзя тратить, их надо беречь и любить всегда. Настоящее кажется мне полным смысла и любви. Божественная Лора, как бы ни сложилась ваша жизнь, как бы ни сложилась моя – мы есть друг у друга и друг для друга. Вы не можете это отрицать. Наша встреча изменила наши жизни, и нет власти это отменить. Я люблю вас, мечтаю о вас и молюсь за вас.

Внизу записки подписаны вокзал, номер поезда, место и время. Записка кончалась цитатой: «…Из сердца собственного не сбежишь».

Лора не знает, откуда эта цитата, Мориц тоже недоуменно пожимает плечами. Лора аккуратно складывает записку и протягивает ее Морицу.

– Я не могу. – Она пытается вложить лист в руки Морица, но тот и не думает его брать.

– Почему же, моя милая, вы не можете?

– Ну что меня только выписали… У меня столько дел, работа. И потом, у меня новый жилец! Отец Елений теперь живет в маминой комнате, ему совершенно некуда пойти, кто-то же должен за ним присмотреть!

– Что вы говорите?! Отец Елений. Вот это да, божий человек, святой, а как умеет устроиться!

– Мориц, как вы можете так говорить! Я сама его пригласила. Он после спектакля иногда заходил ко мне, приносил гостинцы. Меня же некому навещать было, а он обо мне позаботился. Вот я его и позвала. Он вообще в паломничество по России собрался, я его еле уговорила у меня пожить. Мне одной страшно было домой возвращаться.

– Я понимаю, Лора. Но тем более будет кому за квартирой присмотреть.

– Нет, Мориц, это невозможно. Мы с Костей всего пару раз виделись… Кто мы друг другу? Куда мы поедем?

– Ну хватит! – Мориц решительно перебивает Лору. – Хватит! На это у вас нет времени. Меня-то вам не провести. – Мориц видел многое и всегда отличает правду от лжи. – Зачем вы врете, Лора? Или вы врете и себе тоже? Это же очевидно. Костя любит вас, вы любите Костю. Вы должны быть вместе. Все просто!

– Хватит, пожалуйста! Это для вас все просто! – Лора отворачивается от Морица и съеживается.

– Лора, моя милая девочка. – Голос Морица смягчается. – Почему ты не хочешь пойти к нему? Ты хоть понимаешь, насколько тебе повезло, что в твоей жизни случилась любовь? – Мориц старается заглянуть Лоре в глаза, но она прячет взгляд. – Знаешь ли ты, моя белокурая нимфа, что этот редкий дар дается не каждому?

– Мориц, а вы кого-нибудь любите? – Лора как будто только сейчас замечает самого Морица, а не просто посланника Кости.

Мориц прикрывает глаза, на лице его появляется мечтательное выражение.

– Мориц любит в первую очередь Морица. Я называю это селфинцест.

Непозволительные, преступные отношения с самим собой.

– А другого человека? – спрашивает Лора с надеждой.

Мориц перестает улыбаться.

– Да, был один человек. Только не смейтесь. Любовь нам не дано выбирать, поэтому она часто иронично подсовывает нам людей, которых мы, рассуждая здраво, никогда бы не полюбили. Это был инструктор по йоге.

– Это что, был мужчина?!

– Да. Я любил его женской частью своей души. Когда он на меня смотрел, я слышал музыку, такую, как пел в спектакле. А еще я так стеснялся того, что мне нравится мужчина, что не мог пошевелиться и на занятиях, бывало, выглядел ужасно глупо. В конце занятия, когда приходило время расслабляться, лежа на полу вместе с другими учениками, я слушал его голос. И пока его голос звучал, я был в покое. Нет, не то! Умиротворение, Лора. Это были уникальные минуты, потому что я никогда раньше этого не чувствовал. Мир в душе, Лора, вы понимаете? Я видел его всего несколько раз. А через две недели после встречи с ним попал в больницу.

Мориц замолчал. Стало заметно, что он уже не молод.

– Если бы вы его не встретили, то не страдали бы! Любовь не приносит ничего хорошего. – Лора хочет как-то утешить Морица, но ничего, кроме безжалостного заявления, ей на ум не приходит.

– Если бы я не встретил его, я бы никогда не узнал, что умирать не страшно, моя красавица. А еще я бы никогда не узнал глубину своего сердца. Но это все слова, как и все слова о любви, они пусты и банальны, если не наполнены собственным опытом. – Мориц задумывается, потом внезапно добавляет: – Ты такая красивая, Лора, ты знаешь об этом?

Дыхание у Лоры на секунду прерывается. Как в рапиде, она наблюдает движение тонкой руки к ее лицу. Нежно, почти по-женски его пальцы скользнули по ее щеке, мягко сомкнулись на подбородке. Мориц приподнял ее лицо, взгляды их встретились. Сердце у Лоры затрепыхалось в груди. Она чувствует себя обнаженной под живым, полным тепла ласковым взглядом Морица.

Каким-то другим, тихим и медленным голосом Мориц заговорил:

– Ты больше, чем твоя мама и ваша с ней жизнь, больше, чем вся эта история с Богиней, ты не то же самое, что пациентка психиатрической больницы, и ты не только хороший программист. Ты больше, чем твой разум, и больше, чем твое сумасшествие. Только рискнув полюбить, Лора, ты узнаешь, кто же ты. А ведь ты очень любопытная, разве нет?

Мориц, не выпуская Лорин подбородок, наклоняется к ней еще ближе и тихо продолжает: – Ты упускаешь из виду главное, Лора. Ведь в первую очередь ты – вот это… – Он очень медленно проводит большим пальцем по Лориной нижней губе, затем так же неспешно наклоняется совсем уже близко, словно собирается закончить фразу прошептав ее Лоре на ухо, но вместо этого тихонько дует на шею Лоры снизу вверх и легко прикасается губами к впадинке за ухом.

Лора чувствует, как по спине побежали мурашки, она судорожно вдыхает приоткрытым ртом и рефлекторно подается навстречу Морицу. Лору слегка повело, но в ту же секунду она резко отстраняется:

– Мориц! Вы что творите? – Лора растерялась, не понимая, как относиться к происходящему.

Грузная тетка в старомодном наряде неопределенных цветов перестала выкладывать из своей сумки на колесиках лотки с едой и осуждающе уставилась на странную пару. Мориц улыбается ей самой зубастой своей улыбкой. Тетка недовольно заворчала, но продолжила выкладывать гостинцы.

– Я творю? Лора, милая, прислушайся к себе. Слышишь свое дыхание? Как будто за тобой гонится сотня волков. А ведь это всего лишь старина Мориц. Представь, какое наслаждение ждет тебя, когда к тебе прикоснется Костя, когда к тебе прикоснется мужчина, который тебя любит. Тело тебя никогда не обманет, моя прекрасная пэри.

– Я боюсь, – наконец тихо проговорила Лора.

– А так? – Мориц подсаживает ближе и приобнимает Лору.

Он оказался больше и плотнее, чем выглядел со стороны. Лоре кажется, что она полностью уместилась у него под мышкой. Рядом с Морицем безопасно, можно на секунду расслабиться.

– Так меньше. – Голос Лоры звучит глухо, так как она уткнулась лицом куда-то в Морицев бок.

Он понимает, что Лора улыбается.

– Вот и ответ, Лора, вот и ответ. – Мориц выпускает Лору, она отстраняется, но не отодвигается.

Они посидели, несколько мгновений улыбаясь друг другу, как заговорщики.

– Мориц, я бы никогда не подумала, что вы… – Лора не знала как продолжить и сказать о своем удивлении. И благодарности. Она не до конца понимает, что произошло, но ей не страшно и хочется продолжать.

– Ах, Мориц полон загадок и тайн! Как волшебный лес полон драконов, троллей и единорогов. – Мориц быстро возвращается к своей

обычной экзальтированной манере. – Но, моя королева, вам пора! Поспешите же! Вас еще ждет брусничный пирог.

Лора спохватывается: родители Кости ждут ее внизу! Она вскакивает, оправляет платье. Они поспешно направляются к выходу. В дверях Лора видит женщину в белом халате. Докторша стоит прямо в проходе и смотрит на Лору в упор. Лора выше Майи Витальевны (а это именно Майя Витальевна, и одному Богу известно, сколько она простояла в дверях и что она видела и слышала).

– Я вижу, у вас посетители? – Она обращается к Морицу презрительно, но взгляд от Лоры не отводит. – Неужели кто-то решился вас навестить?

– Майя Витальевна, я полностью принадлежу вам! Никому больше не интересна моя судьба! – Мориц влезает между Лорой и врачом.

Лора разозлилась, ей обидно за Морица. Она открывает рот, чтобы вступиться, но Мориц ловко подхватывает ее под локоть и, как танцор, обогнув так и не сдвинувшуюся с места Майю, выскальзывает с Лорой из отделения.

За дверью он останавливается и церемонно кланяется Лоре:

– Второй раз сегодня я говорю это. Желаю вам, моя фея, никогда более не пересекать границу этого заколдованного царства. Поспешите же!

Лора в последний раз с нежностью окидывает взглядом долговязую фигуру Морица.

– Как вас зовут? – Лора не спрашивает, Лора требует ответа.

– Зачем вам это? Мориц меня зовут…

– Скажите! Пожалуйста!

– Егор.

– Спасибо, Егор! Будь счастлив! – Она шагает в сторону и шепчет ошарашенному Морицу: – Я никому не скажу, честно!

Лора устремилась вниз по ступенькам, на улицу, за пределы больницы, Москвы, привычного мира, а вслед ей несся, подталкивая в спину, веселый хохот Морица, по достоинству оценившего маленькую Лорину месть.

1 апреля – день дураков

В это же время Костя стремительно летит в сторону Крымского моста. Куртку снял и несет под мышкой. Холодный ветер с реки забирается под рубашку в попытке остудить учителя.

Но Косте не холодно, он почти бежит, едва ощущая под ногами асфальт. Где-то на заднем плане маячит знание, что эти несколько часов станут в будущем предметом любимых воспоминаний. Костя переполнен жизнью, свободой, азартом, счастьем, ужасом от невероятного количества возможностей. Он видит себя мелкой посудиной, в которую льют и льют воду, и вот она уже переливается через край. Буйное весеннее бурление, журчание и сияние вторит его телу.

Проехав несколько остановок на трамвае, Костя понимает, что не может спокойно сидеть и ждать, когда его куда-то привезут. Он выходит и не меньше получаса идет по знакомым московским улицам, увлекаемый потоком собственной энергии. СВОБОДА!

Сначала Костя слегка ошалел от внезапно обрушившейся на него свободы передвижения и действия. После закрытого пространства отделения московские улицы кажутся несоразмерно огромными. Ощущение такое, будто он вернулся в Москву после долгого и тяжелого путешествия. Ненадолго – только взглянуть. Москва нравится Косте как никогда. Легко любить город, из которого бежишь.

На Крымском мосту Костя останавливается, держась за пыльные перила, бугристые от десятков слоев черной краски, нанесенных один на другой. На ощупь эта неровная теплая поверхность напоминает кору старого дерева. Взгляду Кости открывается плавный изгиб Москвы-реки, начинающие уже зеленеть аллеи преображенного парка Горького, сталинские дома на Фрунзенской набережной. Костя любит мосты, усматривая в них символы Истории. Как мост соединяет два берега, так История соединяет прошлое и настоящее, личную судьбу и судьбу человечества.

Костя решает сыграть в свою любимую игру. Возможно, именно из-за детской любви к этой игре Костя и выбрал историю своей профессией. Для того чтобы в нее играть, нужно знать много точных исторических подробностей. Это мотивировало Костю учиться, так же Костя мотивировал своих учеников.

Итак, Костя крепче уцепился руками за перила, глубоко вздохнул,

прикрыл глаза и позволил веренице образов возникнуть из солнечных бликов, играющих на поверхности воды, и заскользить перед его внутренним взором.

Вот река, мелкая, с низкими зелеными болотистыми берегами, еще не знающая присутствия людей. Потом Костя видит брод через эту же речку на окраине средневекового города. Голоштанные ребятишки возятся в прибрежной тине, несколько аппетитных баб, подоткнув юбки, полощут белье на мостках и громко переговариваются. На другом берегу несколько разодетых торговцев, прибывших с выгодными предложениями от крымского хана, готовят к переправе своих нервных лошадей.

Этот образ сменяется видом «живого» наплывного моста. Связанные пеньковой веревкой плоты закреплены вбитыми в дно сваями. Тяжелые сосновые бревна покрыты настилом из свежеструганых досок. Пахнет навозом, сосновой смолой и сыростью.

Костя не успевает рассмотреть подробности, теперь он видит тот же мост, но уже заполненный отступающими колоннами русских войск, беженцами, спасающимися от пожирающих центр города пожаров, обозами с продовольствием. Стоит гул сотен голосов, в воздухе гарь и дым.

Костя досадливо отмахивается от призрака графа Толстого, гоняющего туда-сюда несчастного Пьера среди бардака 1812 года. Писатель Тургенев мучает несчастного Герасима, заставляя его топить собачку прямо под ногами стоящего на мосту Кости. Но вот и их уносит течение городской реки.

Под закрытыми Костиными веками Москва пухнет, девятнадцатый век жаждет прогресса, и талантливый инженер Шпейер с гордостью сдает новый Крымский мост, состоящий из двух железных ферм, установленных на каменных быках. Конные экипажи вперемешку со смешными большеколесными автомобилями негустым по современным меркам потоком движутся в узком решетчатом тоннеле моста. Въезды на мост устроены наподобие триумфальных ворот. Москвичи, гуляя по мосту, презрительно фыркают, им не нравится эта железная громадина, они зовут ее «мышеловкой». Москвичам вообще редко нравится новое.

Костя видит и себя в элегантном костюме, почему-то с пенсне на носу и какими-то бумагами в руках, спешащим через это странное сооружение по очень важным делам. Костя улыбается… Но и этот образ тает…

На мосту появляется линия конки, а затем и трамвая. Учитель чувствует, как под ногами содрогается железная конструкция, когда мимо проносится допотопный вагон с забитой гимназистами подножкой…

Холодная осень приходит на смену теплу. 1917 год, мост залит кровью

юнкеров и красногвардейцев. Кровь мешается с осенней грязью, юнкера побеждены, 55-я красногвардейская рота, грохоча сапогами, устремляется в Кремль через Остоженку. Они возбуждены, они рвутся вперед, они близки к победе. К светлому будущему. К свободе, равенству, братству и власти.

Они так и не успевают добежать. Тысяча девятьсот тридцать восьмой год, сталинская реконструкция Москвы, тонны метала и гранита, невероятно короткие сроки, сверхчеловек вместо простого горожанина, «мышеловка» сменяется десятью тысячами тонн стальной клепаной подвесной конструкции, парящей над все теми же грязными водами московской речки. С закрытыми глазами Костя видит пилоны, украшенные фальшивыми корабельными носами, светильники, напоминающие фонари маяков. Москва силой имперской фантазии превращается в порт пяти морей.

Образы ускоряются, мелькают еще картины: в 1941-м ледяной от мороза мост минируют, готовят к смерти. Вдалеке рвутся снаряды, немцы вот-вот войдут в город. Потом проносятся, как в калейдоскопе, разнообразные шествия, то первомайские с красными флагами, то многотысячные манифестации самых разных политических сил.

Начало девяностых, орущие люди ждут перемен, дерутся и стреляют в попытке что-то изменить. На мосту стоит гордый и тяжелый танк. И люди меняют жизнь и получают свои перемены, а потом, позже, они же, но сильно разочарованные и постаревшие, и их дети стоят, взявшись за руки, с белыми ленточками на груди, вновь требуя свободы и перемен, обнимают Крымский мост вместе со всем Садовым кольцом. Обычно Костя проскакивал современность и играл дальше, рождая образы будущего, вплоть до конца времен.

Но сейчас в будущее не хочется. Костя открывает глаза. Каждый раз после игры Костя чувствует себя частью чего-то большего и целого, по большому счету никогда не меняющегося. Он чувствует себя и бликом на воде, скоротечным и случайным, и самим потоком, все время движущимся, но не меняющимся и постоянным.

Костя давно так не развлекался. Он с благодарностью погладил перила моста, выпустил их и пошел дальше. Он не один, его история связана со всеми остальными, и нет причин для тревог.

Все эти смутные и возвышенные переживания пробудили в Косте нешуточный голод и жажду. В больнице наступило время обеда, и режим требовал еды. Совершенно счастливый, он понял, что может пойти и выпить чашку хорошего кофе (как же он хотел хорошего кофе все эти месяцы!). Не стоит уходить далеко от метро: надо еще успеть на вокзал. У

Парка культуры стоит знакомая кофейня. Раньше, в другой жизни, до больницы, он не раз сидел в ней с друзьями или с ноутбуком.

В середине рабочего дня маленькая кофейня почти пуста. Костя взбирается на деревянный табурет у стойки-подоконника. С удивлением понимает, что ему не нужно ни читать, ни занимать себя разговором, что удовольствие – просто сидеть в кафе в полной анонимности и смотреть на улицу. Костя заказывает капучино и сэндвич. Долго благодарит симпатичную официантку за кофе с нарисованным сердечком. Девушка смущается, Костя наслаждается.

Со временем пройдет это ощущение роскоши от того, что можно просто сидеть и думать, смотреть на красивую улицу, кокетничать с симпатичными официантками, пить вкусный кофе. Пока же он недоумевает, как мог раньше не ценить этих простых удовольствий.

Теперь Костя позволяет себе вспомнить про Лору. Он думает о том, как много бы сказал ей, если бы она сейчас оказалась рядом. Знает, что в реальности никогда этого не скажет, и не потому, что не решится, просто ситуация будет диктовать другие слова, но сейчас в воображении он говорит ей:

«…Лора, есть вещи, о которых мне сложно тебе сказать. Даже если ты обо мне многое знаешь и любишь меня. Эти вещи – важная часть меня, но мне кажется – такое не рассказывают девушке. Мне хочется полностью доверять тебе, но я не знаю, как, – ведь это опасно, ты можешь меня отвергнуть, и мне будет больно. С тобой я переживаю очень новые, очень приятные и очень непривычные чувства. Что ты хочешь обо мне знать? Давай вместе пройдем через все эти сложности. Рядом с тобой я чувствую себя таким мужчиной, каким всегда хотел быть. Как-то так, понимаешь?»

Ему нравится представлять Лору, внимательно слушающую его откровения.

Череда фантазий наконец приводит Костю к вполне конкретной мысли, что нужно купить цветы для Лоры. Ему кажется, что каким-то магическим образом это увеличит вероятность того, что она появится на вокзале.

Костя расплачивается с официанткой, подхватывает свои вещи и двигается в сторону вокзала. Времени остается все меньше.

На вокзале он долго ходит вдоль цветочных рядов. Что купить? Розы – банально, лилии слишком сильно пахнут… что же ей нравится? Костя проникся мыслью, что цветы для девушки – это правильный жест, и он должен его совершить! Пусть этот этап их отношений начнется просто и правильно. С цветов! Если вообще начнется…

Время поджимает, а Костя все никак не может решиться. И тут он видит нарциссы. Нежные, хрупкие лепестки с сильным ярким желтком в сердцевине. Непонятно, как он мог не заметить их раньше. Костя покупает букетик, отказывается от упаковки и бежит на поезд. Посадку уже объявили.

Костя не знает, с какой стороны может появиться Лора. Он бежит к поезду и все время крутит головой, вглядывается в лица проходящих мимо женщин, нервничает: ему показалось, что он может пропустить Лору, что они каким-то образом разминутся…

Чуть раньше Лора медленно, ни на кого не глядя, шла по Старому Арбату. В сумке лежало Костино письмо. Она останавливалась каждые три минуты и вынимала письмо из сумки, перечитывала и клала обратно. Уже через минуту ей казалось, что она его потеряла и забыла номер вагона, останавливалась и читала вновь. Она была потрясена неожиданной встречей с родителями Кости и теперь жалела, что не сказала еще каких-то правильных и уместных слов. Неожиданно Костя стал совсем реальным, живым человеком, у которого хорошая семья, симпатичные родители. Она шла, погруженная в мечты.

Временами ей казалось, что все становится похожим на тот день, когда она шла в Кремль. Однако все иначе: теперь она знала, зачем идет, куда и к кому, и все это было частью реальности. Реальность любви оказалась куда более волнующей, чем реальность психоза, и Лора увидела разницу. До времени, когда Костя должен был сесть в поезд и умчаться от нее и от всех в город Т., оставалось четыре часа. Надо было что-то решать.

На Арбате солнечно, гуляют школьники и смешные иностранцы в меховых шапках, неуместных первого апреля. Лора подошла к Окуджаве. Многие памятники в центре были ее друзьями: Большой Гоголь на Гоголевском бульваре и тайный Гоголь на бульваре Никитском, красивый Энгельс на Кропоткинской и умный Тимирязев на Тверском. Все это были друзья детства. А Окуджава появился уже позже, потому что был новым памятником, но Лора сразу к нему прониклась. Он был добрый. Она села на лавочку и стала с ним разговаривать. Окуждава тихо напевал и смотрел на Лору грустными, все прощающими глазами. Когда Лора рассказывала Окуджаве про Костю, ее тело стало опять оживать, включаясь постепенно: от плеч к животу становилось тепло. Сердце весь день было таким живым, что Лора никак не могла понять, как жила раньше, когда сердце ничего не чувствовало. Когда в памяти возникало лицо Кости, сердце нагревалось, как печка, и тогда Лоре казалось, что у нее высокая температура. Впрочем,

так было всегда, как только она начинала мечтать об учителе. Но час настал, фантазии заканчивались, и нужно было действовать. Что делать?

Лора лукавила, задавая этот вопрос. Еще в больнице, просветленная Морицем, она знала, что поедет на вокзал и найдет Костю. Но требовалось время, чтобы к этому решению привыкнуть. Попрощалась с Окуджавой и пошла домой.

Она не знала, когда вернется и что нужно взять с собой. Взяла все деньги, которые были дома, паспорт, приготовила кое-какую одежду. Она понятия не имела о планах учителя и не знала, что их ждет. Думать рационально об этом не получалось. Все рациональное заканчивалось на моменте их встречи. Тепло опять стало заливать тело, и Лора испугалась, что к вечеру возбуждение доконает ее. Залезла в холодный душ, просила воду помочь справиться.

Наконец настало время выходить. Такси уже ждет у подъезда. Смотрит на фиалки: после больницы Лора особенно их холила. Они только что зацвели. Теперь они точно выживут и дождутся ее. Зашла к соседке и предупредила, что оставляет квартиру на странного старичка. Написала записку отцу Елению с просьбой никуда не уезжать, присмотреть за квартирой и поливать фиалки раз в четыре дня. Лора надеется, что эта просьба на какое-то время остудит пророческий пыл отца Еления. После больницы он целыми днями где-то пропадал, потом готовил супы, а она жарила ему картошку. Он был безмерно счастлив, когда поздним вечером возвращался домой. С ним оказалось на удивление уютно жить, и Лора всячески уговаривала его остаться.

Сев в такси, еле пролепетала: «Киевский вокзал». Ехали по Садовому быстро, пробок не было. Лора смотрела по сторонам: таким, как сейчас, она видит город в последний раз. Как только закрывала глаза, сразу видела лицо Кости, и в теле начинало твориться что-то невообразимое. Никогда в жизни Лора такого возбуждения не испытывала, и как справляются с похожим другие люди – понятия не имела. Она расплатилась, попросила таксиста пожелать ей ни пуха ни пера и с удовольствием послала его к черту.

Купила билет. Поезд был почти пустой: сегодня в город Т. никто не ехал. Мучительно краснела, когда просила кассиршу продать ей билет именно в это купе. Та все говорила: девушка, поезд пустой, а там мужчина едет одинокий, зачем вам это? Пришлось унизительно объяснять, что это сюрприз возлюбленному. Кассирша смотрела с осуждением, наконец, бросила: ну как хотите, дело ваше, – и, больше ничего не говоря, протянула билет. Лора переводит дух, ища себя в вокзальных зеркалах. Мерещится,

что все вокруг видят ее стыдное положение.

До поезда остается двадцать минут, пора идти. Лора все оглядывается, ища Костю, но его нигде нет. Вот и красивый новый поезд. Лора находит пятнадцатый вагон. Сердце сжимается от совпадений: пятнадцать – вихрь двойственной природы… ну да, все правильно, их же двое… в этом вагоне.

Веселая проводница проверила билет, паспорт, показала купе. Дверь закрыта. Неожиданно ужасно захотелось в туалет, от страха или еще от чего, и Лора пугается, что сейчас описается. Это смешно и опять стыдно. Столько стыда она не переживала, пожалуй, никогда. Это мучительно, но придает сил. Печка в сердце разогрела живот и все, что ниже, так сильно, что пришлось распахнуть пальто и расстегнуть воротник платья.

Лора возвращается к проводнице, спрашивает про туалет. Проводница говорит:

– Терпите, девушка, скоро уже поедем, туалеты открою через пятнадцать минут после отправления.

Лора прислушивается. Пятнадцать минут – это много, но она попробует потерпеть. Проводница внимательно смотрит на Лору и, улыбнувшись, говорит:

– Ладно, давайте сейчас открою, а то вид у вас очень несчастный.

Лора умылась холодной водой, причесалась и поговорила с собой в зеркале. Возвращается к купе, зажмуривается и открывает дверь, забыв постучать от волнения. Костя сидит слева от окна и улыбается. Стараясь не смотреть на него, Лора садится напротив.

– Привет.

– Привет, давай я помогу тебе раздеться. – Фраза звучит очень интимно, хотя Костя всего лишь собирается снять с Лоры пальто. – Это тебе. – Он протягивает нарциссы прямо в банке с водой.

Лора берет банку и ставит ее на стол. Они долго возятся с рукавами ее узкого пальто, от неловкости боясь действовать решительно.

Поезд трогается, и они усаживаются, все еще не смотря друг на друга. Лора прячет глаза, не выдерживая открытости своей души перед ним. Она не знает, что увидит в ответ, боится и хочет увидеть. Она не понимает, рад ли он тому, что она пришла, отдав свою отдельность его воле. Он не смотрит на нее, также боясь выдать себя. Пока она не зашла в купе, Костя не находил себе места, метался на двух с половиной метрах, прыгал, приседал, пробовал даже отжиматься. Пытался успокоиться. В то мгновение, когда она была с другой стороны, не решаясь войти, он стоял на голове и пытался прогнать мысли о том, что будет, если она не придет. Что будет, если она придет, он тоже не знал.

Слава Богине, она вошла в купе с закрытыми глазами, как будто падая в пропасть, и не видела его растерянного и безумного вида. Молчали, переводя дыхание. Лора смотрела на Костины ноги в черных ботинках: одна нога тревожно качалась в ее направлении. Он нервничает, очень нервничает, понимает Лора, и ей становится легче, она даже решается заглянуть в его лицо и едва узнает его: темные глаза смотрят совсем по-другому, чем тогда в больнице. Мелькает паническая мысль, что она совсем его не знает: ведь они виделись всего два раза в жизни! «Что я делаю?!» – Пойманная душа Лоры бьется в последней битве с ужасом.

Ситуацию спасает веселая проводница:

– Здравствуйте еще раз, господа пассажиры, приготовьте свои билетики, какие вы у меня хорошие. Вот вам белье новое, только что со склада принесли. Скоро вам чаю сделаю с лимоном, будете?

Просит Лору пересесть к Косте, чтобы отметить их билеты в своих журналах. Лора пересаживается, оказавшись тесно прижатой к его ноге. Сразу чувствует электричество его тела.

Пока проводница делала свои отметки, брала деньги за белье и болтала про погоду в городе Т., Лора, замерев, сходила с ума от этого прикосновения. Их бедра сливались, тепло смешивалась с теплом. Лора молчала, ошарашенная этими ощущениями. Костя меж тем отдал проводнице деньги за белье, сказал, что сам зайдет за чаем попозже.

Когда она выходит, он, придерживая Лору руками, встает, чтобы закрыть дверь купе, выключает свет и садится рядом. Вместе с поездом они неторопливо уплывают из Москвы. Их лица близко-близко. Глаза смотрят друг в друга, души наполняются узнаванием и радостью. Лора сама не замечает, как начинает плакать. Сдерживаться нет сил, в его глазах она видит себя, Бога, Богиню, весь мир и его любовь. Ее отдельность совсем исчезает, сердце с головой затопляет энергия.

Костя видит Богиню, погружаясь в ее мягкую силу и добро. Реальность пропадает для обоих надолго, их одежда как будто истлела на парящих от легкости телах. Теряя контроль, оба поразились идеальному устройству своих тел, словно специально выверенному природой соотношению частей. Они превращаются то в химические элементы на пороге неизвестной науке реакции, то в животных, беспринципных в своих любовных проявлениях, и только под утро становятся людьми, мужчиной и женщиной. Конечно, они не знали раньше, что так бывает. Обнявшись сердцами, летели высоко над землей. Благодарные, входили друг в друга запахом, вкусом, слухом, зрением и телом и никак не могли остановиться. Позже радовались, как дети, горячему утреннему чаю в подстаканниках.

Счастливая Лора в белой Костиной рубашке сидит на верхней полке и зовет его опять. Он запрыгивает к ней одним прыжком, удивляясь, откуда у него столько сил. Утренняя бесстыдная нежность сливает их в одно целое снова и снова. Молодые и пьяные, они едут навстречу городу Т. и неизвестности.

12 апреля

А что же Саша Косулин? Казалось бы, наш герой сыграл свою роль, нашел свое место, призвание. Пережил кризис. И может теперь расслабиться и пожинать плоды, наслаждаться стабильной, уютной жизнью в больнице, в семье, в обществе. И нам хотелось бы, чтоб все обстояло именно так. Мы всей душой болели за Косулина, сочувствовали ему и считали, что уж он-то точно заслужил награду. Ведь он сделал невероятный в своей сложности выбор: осознанно принял то, что имел, возлюбил то, что есть! Нам хотелось бы поставить точку в том месте, где Косулин, как герой старого вестерна, неторопливо идет к закату, сулящему отдохновение усталому ковбою.

Ах, если бы все было так, как хочется нам… Но нет – богиня реальности весьма иронично настроена к мечтам и фантазиям о стабильности и неизменности бытия.

Косулин возвращается с координационного совета психологов. Он злится и сильно расстроен. Половина дня потеряна впустую. Ему пришлось отменить группу, которую он недавно начал вести в своем отделении. Сообщение о координационном совете всегда приходило внезапно, передавалось по больничному беспроволочному телеграфу из уст в уста. Длился совет столько, сколько хотел начальник службы, разменявший седьмой десяток, но так и не распрощавшийся с советскими амбициями, чиновник от психиатрии.

Начальство и старшие коллеги ритуально ругаются, обсуждая доплаты и организационные вопросы. Косулин в сотый раз думает о том, что надо выходить из этого странного органа управления социально-психологической службой, но сказать об этом вслух не решается. Не хочет сталкиваться с малопредсказуемой реакцией начальства, да и статус члена чего-то, что имеет отношение к принятию решений, греет его мужскую душу.

Косулин решает сделать круг по территории больницы, выпустить пар. Солнце слепит и обнажает весеннюю грязь на оттаивающей земле. Воздух

ледяной, и руки мерзнут. Косулин, сутулясь, быстро шагает, утопив руки в карманах плаща. В десятый раз прокручивает в голове разозлившие его моменты. Сегодня он сорвался и нарушил свой собственный зарок – не вовлекаться! Он призвал начальство и своих коллег обратить внимание на то, что в больнице большая текучка среди психологов. Мало кто остается работать после трех – пяти лет стажа. Поэтому больница постоянно сталкивается с необходимостью обучать вновь пришедшие кадры. После обучения недавние студенты, набравшись опыта и практики, отправляются на поиски места, где будут больше платить и предоставят лучшие условия работы.

После этого заявления Косулина чуть не сожрали с потрохами. Главный аргумент начальства родил в его голове очередной когнитивный диссонанс. Ему было сказано, что «статистически этой проблемы не существует». Вспомнились все антиутопические книжки, которые он читал. Как могли люди, профессионалы в определении того, что существует, а что нет, – не замечать очевидного? «Статистически не существует». Что это вообще значит?! Текучка – очевидный факт. В больнице не осталось никого, с кем Косулин начинал работать. Все давно на вольных хлебах.

Однако это было только началом неприятностей. Косулин не стал спорить с начальством и умолк до конца совета. А после совета его попросили задержаться. Дальнейшую сцену Косулин вспоминал раздуваясь от гнева и скрежеща зубами.

Дворняга Лиза учуяла Косулина, когда тот проходил мимо зарослей можжевельника. Лиза выбралась из своего укрытия и потрусила рядом. Косулин потрепал ее по загривку. Извиваясь всем телом, от хвоста до морды, Лиза выражала глубочайшее удовольствие. Косулин присел и начал чесать собаку за ушами, отчего та завалилась на бок, подставила брюхо и, закатывая глаза, запыхтела от такого внезапного счастья.

– Ну что ты, Лизка-подлизка, валяешься, дурилка ты лохматая, – ласково ворчал Косулин. – Нравится тебе? Хочешь любви?

Лиза подобострастно закатывала глаза, всем своим видом говоря: «нравится, продолжай, не отвлекайся». Но Косулин поднялся, вновь спрятал руки в карманы и побрел дальше, правда, уже не так решительно и целенаправленно. Лиза поднялась, отряхнулась и догнала его. Человек и собака, беседуя, продолжили гулять вместе.

– Лизка, что же мне делать, а? Меня переводят в другое отделение. И, заметь, в хорошее отделение. Чтобы это не выглядело как наказание, надо полагать. А знаешь почему? Потому что я начал реально работать. После

этой истории с Костей у меня начался такой подъем, такое воодушевление. Я же начал верить, что могу что-то изменить! Я начал двигать пациентов. Нарушил гомеостаз. Кукла сдрейфила, решила, что мой срок годности истек. Ну и еще я перестал разговаривать с ней почтительно, стоит признать. Расслабился. Или я чего не понимаю, а, Лиза? – Собака трусила рядом, иногда подталкивая коленку Косулина теплым мохнатым боком. – И знаешь, что самое мерзкое? Я знаю правила игры, знаю, что надо сделать, чтобы остаться в своем отделении, что – чтобы перейти в другое, с некоторыми бонусами. Но при этом я не могу просто сказать: «Отнеситесь с уважением к моей работе, я – не мебель! Прихоть заведующей не повод меня куда-то переводить, я не хочу бросать пациентов, с которыми работаю!» – Косулин замолчал, с тоской думая о том, сколько усилий потребуется ему на новом месте для адаптации. Стало горько. Больше десяти лет жизни отдано этой больнице, этому месту, и что взамен?

Косулин продрог и направился в сторону своего корпуса. У дверей вежливо попрощался с Лизой, пообещал ей сосисок. Затем он поспешил в свое отделение, чтобы рассказать Паяцу новости. Перевод означал, что они больше не будут работать вместе. Это тоже огорчало Косулина. Последнее время Паяц был угрюм и неразговорчив. Психолог привык, что иногда на психиатра находит, и он перестает быть доступным для человеческого контакта. Косулин знал, что такой период надо просто переждать, но все равно не мог удержаться и иногда дергал Паяца, от чего тот только сильнее отстранялся. Впрочем, все это были дела житейские, рябь на поверхности. По крайней мере так считал Косулин.

В отделении Паяца не было. Медсестры сказали, что он уже ушел, хотя до конца рабочего дня оставалось полчаса. Странно… Косулин, поколебавшись несколько мгновений, набрал телефонный номер друга. Аппарат не отвечал.

Тогда Косулин отправил ему сообщение «Надо поговорить. Срочно!» и начал собираться. Предстоял разговор с Куклой, но душевных сил на него не осталось. Да и о чем с ней говорить? Сначала надо принять решение, что он хочет от ситуации. В голове царил ватный сумбур.

Пришел ответ от Паяца: «Приезжай в “Рюмочную”». «Ок», – ответил Косулин и уже через полчаса спускался в полуподвальное помещение их с Паяцем любимого заведения.

Миллионы рюмок коньяку, котлет и фаршированных перцев было выпито и съедено в этом почтеннейшем московском месте. И кого только не встретишь за столами, накрытыми истертыми клеенками! Тут и спившиеся непризнанные поэты, ищущие свободные уши, и юные актеры,

и иностранцы в поисках столичной экзотики, и просто интеллигентная алкашня московского центра. Никакой музыки, только старый телик, бубнящий что-то под потолком.

В «Рюмочной» малолюдно. Корпулентная хозяйка бара, опершись грудью о стойку и подперев щеку кулаком, таращится в телевизор.

Паяц сидел недолго, не успев еще доесть заказанную еду, зато уже изрядно набрался. Бутылка мутной настойки опорожнена больше чем наполовину.

Паяц, заметив Косулина, кисло улыбнулся и вяло помахал рукой, призывая того присоединиться. Косулин взял себе коньяка и лимона и, не снимая пальто, уселся напротив. Разлили, чокнулись, выпили. Помолчали. Новости в телевизоре трындели про Государственную думу.

– Что это вы так бурно празднуете, Олег Яковлевич?

– Так ведь День космонавтики, Александр Львович! Белка, Стрелка, Гагарин! Помянем героев! Как он там сказал… П-о-оехали!

Косулин проследил за траекторией очередной стопки, отправленной Паяцем в рот.

– А что в одиночку? По такому поводу могли бы и позвать.

Паяц утерся салфеткой, закусил тощей четвертинкой вялого соленого огурца и ничего не ответил.

Косулин погрел бокал с коньяком в ладонях, повздыхал.

– Олег, меня переводят. Такие вот космические новости. Не знаю, что мне делать.

– Что ты говоришь?! Серьезно? – Паяц переполошился, замахал руками, даже как будто протрезвел. – Куда?

– К Киселю в отделение. К зубрам.

Паяц поковырял остатки еды в своей тарелке. Промычал что-то, откинулся на стуле, прищурившись, воззрился на Косулина и, растягивая слова, начал:

– А что? Кисель – мужик хороший. Старая советская профессура. Тревожный только очень. Да и отделение это недалеко от нашего. Будешь в гости ходить…

– Ну ты же знаешь, что это уже не то! Вместе мы больше работать не будем. – Косулина разочаровала такая готовность Паяца принять его перевод. – Да и не хочу я начинать все заново! Я же хорошо работаю, перевод нужен Кукле, сплошная политика. Надоело! Дерьмо это все. Тоскливое однообразное дерьмо. Я кобенюсь – система меня подминает и учит. Я опять кобенюсь. И опять получаю. И конца этому не видно. Только недавно Костю наставлял, отговаривал с ветряными мельницами бороться,

а сам что? Я просто часть экосистемы, нужная для ее поддержания и сохранения. Или как прививка. Моя роль содержит ровно столько либерализма и гуманности, сколько нужно, чтобы настоящие изменения в отношении к пациентам не произошли НИКОГДА! Я, как взбесившаяся бактерия, запустил иммунитет и в скором времени буду обезврежен.

– Вот что мне в вас всегда нравилось, Александр Львович, так это умение себя жалеть и одновременно превозносить… Прям и меня вы разжалобили. Такой благородный героический жентельмен в белом! Только тернового венца не хватает. – Паяц скорчил умильное лицо и с деланым восхищением снизу вверх заглянул Косулину в глаза. – Где же она, эта система, про которую вы все время твердите? Где?! Это что, тайное общество злобных угнетателей? Масоны?

– Ну вот, опять вы ерничаете не к месту. Лучше скажите, что мне делать?

– Пейте коньяк! Самый верный ответ – на дне бутылки. – В подтверждение своих слов Паяц опрокинул очередную рюмку.

– Омар Хайям аплодирует стоя, даром что покойник. – Косулин устало потер глаза – И Шостакович в тропиках своих увяз. Только я решил, что все наладилось, все под контролем. Планы начал долгосрочные строить… Дурак.

– Нытье, нытье… – Паяц злобно кривлялся.

– Олег, что с вами? Что вы злобствуете сегодня? Мне поддержка ваша нужна, а вы фигню несете!

– Почему же только сегодня? Я вообще человек так себе… не то чтобы хороший человек-то. Но у вас ведь как? Сделал я что-то хорошее – молодец, а соорудил говнецо – это все система, ее дурное на меня влияние. Выгорание, мол, деформация. Удобно! Никакой ответственности.

– Ну что ты мне мозги пудришь?! Мы с тобой водку пили, из одной тарелки жрали, морду друг другу били. Плакали даже вместе, было дело. Что ты несешь?!

– И не хотел вам рассказывать, но эта ваша самоуверенность… Эта ваша убежденность в том, что вы всегда все понимаете, видите, контролируете… Слишком соблазнительно!

– О чем это ты?

– Давайте поднимем бокалы! За любовь и героев! – Паяц потянулся рюмкой к рюмке Косулина, но тот не пошевелился. Паяц пожал плечами и выпил, не чокаясь. – Ваш перевод подготовил и организовал я.

– Что?!! – Косулин хватался за угасающую надежду на то, что это какой-то неуместный розыгрыш.

– Это оказалось проще, чем я думал: всего-то убедить Куклу, что вы ее терпеть не можете и настраиваете больных против нее. И вуаля! Несколько бесед за утренним кофе, и у Киселя новая головная боль. – Паяц, казалось, пытался вызвать восхищение Косулина.

– Зачем? – спросил Косулин деревянным голосом.

– Вы вредите больным – это раз. – Паяц начал загибать свои изящные пальцы с остро заточенными ногтями. – Вы отвлекаете меня от работы – это два, вы – не эксперт, а отделение у нас экспертное – это три. Ну и так по мелочам…

– Мы же друзья… – Косулин чувствовал себя совершенно спокойно. Внезапно ресурс для бурных переживаний кончился. Началась благословенная анестезия.

– Друзья?! Я не мыслю такими категориями, уж простите. Мне такие отношения не нужны.

– Какие это «такие» отношения?

– Такие! Вся эта ваша психологическая мудотня про близость. Все эти ваши штучки-дрючки, ляськи-масяськи. – Паяц неопределенно покрутил руками у Косулина перед носом.

– Да ты просто струсил! Почуял, что начал привязываться ко мне, – и пожалуйста, давай избавляться! – Косулин злится, но все еще не до конца верит в правдивость Паяца.

– Ну вот опять! Однажды вы любезно разъяснили мне, Александр Львович, что, по вашему наблюдению, обеспечивает выживание в системе – умение игнорировать неудобные части реальности. То, что не вписывается в плоскую картину мира, – того не существует. Сейчас вы делаете то же самое! Объясняете все любовью, привязанностью, близостью. Хорошо, пожалуйста!

А что вы тогда скажете, если я вам намекну, что вашего драгоценного Костю Новикова начали правильно лечить тоже по моей рекомендации. Я был дежурным врачом и сделал подробнейший отчет в истории болезни о его асоциальном поведении сразу же после спектакля. Царица, царствие ей небесное, очень хвалила, помнится, мой стиль. Что еще? Майя узнала о наших пылких Ромео и Джульетте от меня, от кого же еще. Но, признаться, я ожидал от нее большего. Я рассчитывал на то, что Костю она вылечит без маеты сентиментальной дурью. И если бы не смерть Царицы, эти фокусы с подменой препаратов ей бы с рук не сошли. Но Майя такая же дурочка, как и вы! Сердиться то сердилась, а вот до дела не дошло. А я ведь подсказывал ей множество способов мести. Но у нее есть потенциал, я в нее верю! Ах да, забыл! Мориц! Сегодня была комиссия. Мы переводим

Морица в интернат. Ему там самое место, родственникам давно пора было его туда устроить. Ему нужен нормальный присмотр и защита от людей вроде Новикова или тебя, готовых его использовать в своих целях… Мне продолжать?

– Нет, я тебе не верю, Олег. Ты просто пьян. Или сошел с ума. – Косулин пристально вглядывался в знакомые черты Паяца. Рыжие вихры, белесые брови, веснушки, нос с горбинкой, нетрезвая горечь на дне зрачков, ехидная улыбка. Как всегда, нелепый и одновременно ладный наряд в стиле гангстеров из «Криминального чтива». – Сложно поверить, что ты простая сволочь.

– Ну вот, вот! А как же система? Дегуманизирующая всесильная психиатрическая система? Кстати, я с тобой согласен, ты бесспорно ее часть! Тут ты прав. Ты ее часть, и ты и тебе подобные совершаете самое большое зло. Зло бездействия. Ты возмущаешься, что пациентов унижают или бьют. Но сколько раз ты вмешался и остановил это? Ты проходил мимо, как и все. Дедовщина среди больных – пожалуйста, нарушение прав пациентов – не твое дело… Что тогда твое дело – непонятно.

– Хватит! – Косулин треснул по столу кулаком. – Как ты мог? Я не понимаю! Какая-то глупость, средневековая драма. И рассказываешь с удовольствием таким…

Косулин опустил глаза, боясь либо ударить Паяца, либо заплакать. Хотелось сохранить достоинство. Он медленно продолжил, глядя на Паяца в упор:

– Я тебе больше руки не подам и дела с тобой иметь не буду. А полезешь – убью. Или покалечу. Но, пока я не ушел, я хочу, чтобы ты знал. Я считал тебя своим другом, и для меня «такие» отношения значат много. Часть меня всегда будет любить и скучать по тебе. И я знаю, какой бы сволочью ты сейчас ни был, потом ты тоже будешь жалеть.

– Блажен, кто верует. – Паяц с хрустом сжевал последний ломтик огурца.

Косулин поднялся, запахнул пальто и, не оглядываясь, вышел. Паяц пожал плечами, вылил остатки настойки в свою рюмку, отсалютовал телевизору и выпил. Оглянулся по сторонам, убедился, что за ним никто не наблюдает, и позволил рюмке выскользнуть из пальцев. Рюмка с тонким звоном встретилась с кафелем и разлетелась на мелкие осколки.

Пасха

15 апреля

Прекрасная поздняя весна окутывает город Т. нежной, волнующей кровь зеленкой. Отовсюду выпирает, зачинается, соединяется. И хочет жить. На улице вдоль пушкинского оврага – чудесный деревянный купеческий дом, в котором в маленькой комнатке сидят Лора и Костя. В комнате тепло, каждый вечер Костя топит печку, Лора варит компот из кураги.

– И что теперь? – спрашивает Лора, качаясь в плетеном кресле и смотря в окно на весенний пейзаж.

В лужах моются незнакомые птицы, буквально на глазах меняется огромный вяз. Утром еще стоял совершенно голый, а к вечеру окутался зеленовато-розовым облачком. Лора везде видит разноцветные множества самого нежного весеннего цвета, похожие на мыльные пузыри. Такое удовольствие от природы она получала только в детстве, в моменты выезда с бабушкой на съемную дачу в сосновом бору.

Костя подходит к ней сзади, обнимает и тоже смотрит в окно. На краю оврага расположилась живописная девушка с мольбертом, готовясь вступить в отношения с окружающей ее картиной. Девушка рисует дом, в котором живут Лора с Костей.

– Как тут спокойно, мирно… весна весной. Люди рисуют. Как ты думаешь, а она нарисует нас в окне?

– Не знаю… Мне очень хорошо, хочется провести тут старость, но… она еще далеко. Я надеюсь. – Лора, смеясь, заглядывает в глаза Косте и улыбается девушке с мольбертом.

– Я запомню эти две недели как самые счастливые в моей жизни, – отвечает задумчивый Костя. – Когда стану старым и забуду даже имя Александра Македонского, я все равно буду помнить эти две недели с тобой.

Они помолчали, каждый подумал, возможно ли в будущем вспомнить этот вечер и эти слова в точности.

– Ты знаешь, я давно уже хотела сказать тебе одну вещь… – медленно начинает Лора, взвешивая и пробуя чувства, еще не нашедшие слов. – Мне здесь очень хорошо, и здорово, что мы решились на этот побег. Это было

так красиво!.. И жизнь тут более правильная, естественная, все знают друг друга. Так удивительно: здороваются, прощаются, интересуются, дружбу предлагают… Не знала, что можно так жить. Боялась, дурочка, провинции, как все москвичи. Но, знаешь, любимый, наша жизнь все же не здесь. Она осталась в Москве. Я скучаю по дому, по отцу Елению… по фиалкам. А ты… Я же вижу тебя, у тебя силы кончаются… Скучаешь по своей школе, по детям?.. Может, вернемся?

Костя молчит, щурясь от нежности к Лоре, которой удается самые сложные и противоречивые вещи облекать в простые слова. В его душе поднимается волнение от предвкушения познания своих истинных, а не навязанных историей желаний.

– Я думаю об этом постоянно уже несколько дней. Скоро конец года, экзамены…

Рядом с девушкой с мольбертом невесть откуда взялась меланхоличная корова. Она просто стояла и изучала девушку.

Костя медленно прошел по небольшой уютной комнате. Со стен на них глядит множество картин в наивном стиле, написанных художником, который приютил сбежавшую пару. Смешной мальчик с корабликом в руках и в матроске, большой грустный котенок на фоне крошечного многоэтажного города, множество цветов, груш, яблок, добрых и нестрашных людей, детей и животных. Костя часами их рассматривал, взяв привычку прощаться с ними перед сном. Удивительно, но картины нисколько не осуждали Костю, не жаждали запереть его навечно в своем, лишенном сложности, мире.

– Пойдем погуляем, любимая. – Костя подает Лоре пальто и связанный Катькой шарф.

Они выходят на улицу, глубоко вдыхая запахи волнительного пасхального вечера.

Через пять минут они уже на центральной площади города Т. Высоко на православной горке собрался весь цвет города. Красивые изящные лица, высокие умные лбы, негр с русским лицом, женственные бабушки в шляпках, большие семейства в трех поколениях (семьи Ивановых, Крышкиных, Лембергов, Лопасовых и многих других), нарядная одежда, предчувствие общей радости, глаза, наполненные присутствием собственной души, – все это делает людей вокруг прекрасными существами. Это нравится Лоре и волнует ее.

В памяти всплывают ноябрьские дни. Костя знал о необычайной эмоциональности Лоры и старался оберегать ее. В городе он быстро завел знакомства, их уже пригласили в несколько домов на чай, карты и беседы о

судьбах родины. Первую неделю, пока осваивались, ненадолго покидая свою комнатку, Костя примерил на себя провинциальную жизнь, сходил в местную школу, познакомился с учителями. Сначала радовался, но постепенно успокоился и вторую неделю уже никуда не ходил.

Он закрывал глаза, играя в свою любимую историческую игру в разных частях города. Гулял вместе с поэтами и художниками прошлого века, любившими город Т. за особую атмосферу творчества и тусовки. Обнаружил внушительное языческое лобби среди местного населения, проникся особым антропологическим колоритом города Т. – союзом двух цивилизаций: творческой интеллигенции, в основном еврейского происхождения, и древнего русского мира. Ходил и много думал о творческой силе этого союза, сквозь сметанные утренние туманы прозревал его великую миссию и потребность друг в друге.

Любовное настроение, владевшее обоими, лишало видение мира расщепленной простоты и потребности в четких идентификациях. Они не были похожи друг на друга и вряд ли могли измениться, будучи индивидуалистами от рождения. Теперь через призму своих чувств к Лоре Костя видел исторические процессы и культурологические загадки. Это было ново и меняло отжившие способы мыслить.

Лору же больше волновали отношения с миром духовным. Ей было сложно переживать религиозные чувства без спасительной границы условности, отделяющей верующих безумцев от нормальных верующих. Сначала она никак не могла понять, что имел в виду Косулин, говоря о необходимости поставить крепкую железную дверь с надежным засовом между своей душой и божественным миром. Что эта дверь является условием ее, Лориного, психического выживания. Согласиться с установкой двери было сложно, потому что Лора не видела даже стены, в которой такую дверь можно было бы разместить. Божественное было везде и не желало локализовываться. Но ей удалось признать, что сама она не обязана стремиться к религиозным переживаниям, не должна сама искать Богиню, не обязана делать так, как якобы делают все, а на самом деле – почти никто. Потому как Богиня уже в ней и вовне от рождения времен, а все остальное не имеет никакого значения. Поэтому внутрь церкви Лора не пошла. Она знала о воскресении больше всех, кто был в этот момент внутри. Не из книжек, а из собственного опыта. К счастью, еще не железная дверь, а скорее скромная деревенская калиточка укоренилась на границе Лориных миров, поэтому она уселась на лавочке смотреть на потустороннюю от реки местность, с которой чувствовала внутреннее родство.

Благодарение всем богам и богиням, Костя с легкостью выполнил все социальное, что требовалось в данной ситуации. Со всеми попрощался, обменялся контактами, договорился сделать летнюю историческую школу в городе Т. После чего они пришли на станцию и сели ждать вечерний автобус в Москву.

На центральной площади, откуда отходили автобусы, город установил фонтан, его сегодня как раз включили. Около фонтана стоял киоск с мороженым, к которму сбежалось человек пятнадцать разновозрастных детей, принадлежащих одному многодетному семейству. Больше половины усыновленные. Дети всех возрастов и не похожие друг на друга внешне страстно желали вкусить на улице первовесеннее мороженое. Они галдели, отталкивали друг друга, спорили, какое мороженое лучше. Парочка мальчишек уже с мороженым в руках двинулась к фонтану, явно собираясь туда залезть. Неожиданно из-за угла вышли родители: неторопливая мама и строгий бородатый папа. Папа быстро организовал мороженую вакханалию, проявив жесткую и не злую сердитость. Мороженый ларек устоял перед набегом варваров. Лора с Костей сидели и смотрели на них во все глаза, улыбаясь. А потом сели на последний автобус и вернулись в Москву.

Эпилог

Ранним утром двое мужчин договорились встретиться на одном из московских островов. В сосновом прозрачном воздухе отчетливо витает предвкушение их встречи. Праздничный мирный день, семьи гуляют с детьми, парочки обнимаются и целуются. День труда, но работают только приезжие. Усердно обустраивают остров. Один из мужчин вылез из троллейбуса и ищет глазами второго. Одет он неформально, с претензией на богемность, и по тому, как он все время поправляет платок, хитрым узлом завязанный на шее, можно предположить, что образ этот нов и не совсем привычен.

Другой мужчина пришел на остров пешком со стороны города и уже пятнадцать минут сидит на деревянном помосте, который вскоре станет полом уличной веранды. Этот мужчина постарше первого. Он выглядит расслабленным, даже расхлябанным. Мятая застиранная футболка с огромной львиной головой, джинсы, кеды. Ничем особо не примечателен. С удовольствием рассматривает сосны, семьи, солнце. Ждет и никуда не торопится. У него в запасе сколько угодно свободного времени.

Но вот один наконец-то пришел, а другой дождался. Встретились.

– Костя!

– Александр Львович!

Мужчины пожали друг другу руки. Улыбались, хлопали друг друга по спине, замечали изменения.

– Как же я рад вас видеть, Александр Львович! Спасибо, что согласились встретиться. Я вам писал в целом, как у нас дела. Но нужна ваша помощь. Опять! – Костя рассмеялся, свободно, от души.

Как же он вырос и повзрослел за такое малое время, дивился Косулин. Красавчик стал, волосы отрастил, Джон Леннон нью-йоркского периода.

– Конечно! Расскажи только сначала, как дела? Письма письмами, но все же…

– Ну как дела? Мы с Лорой вернулись из города Т., поселились у нее. Мы в одной комнате, отец Елений в другой. Такая вот странная коммуна у нас получается. Мне, впрочем, нравится. Ученики мои сразу стали приходить. Сначала просто сидели, чай пили, я им про больницу рассказывал, помогал к экзаменам готовиться. А тут у нас родилась идея. По этому поводу я и хотел с вами поговорить!

– Кость, давай на «ты» уже. Ты больше не мой пациент, я – не твой

психолог. И, знаешь, я ограничен сейчас в возможностях. В больнице больше не работаю. Уволился. Недавно совсем. – Косулин не смог скрыть горечи. Да и не особо старался.

Паяц был прав. Косулин не замечал, как от многого отказывался, привычно замораживая себя, чтобы работать в больнице. Косулину горько, и в то же время он чувствует себя так, словно ему вернули потерянную часть души. Оказалось, первое, что теряешь в системе, – критическое отношение к своему поведению и состоянию. Становишься настолько «нормальным», что теряешь человеческое. Неприятное открытие. Косулин был о себе лучшего мнения.

– Вот как! Давайте попробуем на «ты», но я буду путаться сначала. Мне так повезло, что я там тебя встретил. Не знаю, что было бы со мной сейчас, если бы не та встреча. Другим не повезет… Как жалко!

– Встретят кого-нибудь другого, ничего страшного. Всех не вылечишь. – Косулин болезненно поморщился, все еще переживая несправедливость изгнания из рая и мучаясь от того, что добровольно его покинул, не желая мириться с правилом: жить так, как будто древа познания не существует.

– Знаешь что? Раз такое дело, надо бы нам все это отметить. Наше общее освобождение! Я очень хотел тебя отблагодарить, и Лора тоже. Я ей сегодня запретил со мной приходить, чтоб от дел не отвлекаться. С ней рядом я соображаю не так резво. – Костя опять смеялся, так заразительно, что Косулин невольно присоединился к его веселью.

– Саш, на острове есть озеро бездонное, пойдем туда прогуляемся, и я наконец-то расскажу про самое главное.

Время для этих двоих летит незаметно, беседа течет и течет, заходя в разные неожиданные области. Костя рассказывает об исторической судьбе острова. Косулин и сам не заметил, как вынырнул из тихого угрюмого отчаяния последних недель. Увольнение из больницы далось ему с трудом. Он и не знал, что так прирос к каждому кирпичу, дереву, человеку.

– Саша… все еще непривычно так вас звать… – обратился Костя. – Я же хотел попросить помочь! Но с тобой так интересно говорить, что я почти про это забыл. Вовка Медведев подсказал идею. И я загорелся! Мы хотим сделать новый театр одновременно для подростков и взрослых. Но не простой, а интегрированный. Для обычных людей и для людей необычных. Тот опыт в больнице. Это был лучший мой спектакль.

– Но ты же учитель. Неужели в школу не вернешься?

– Пока нет. Я их уже научил чему мог. Теперь понял, как хочу учить по-другому. Мне раньше казалось, что вот в прошлом были герои, а сейчас

все перевелись. Но в больнице я понял, что герой, по сути, фигура банальная, повседневная. Все, кто окружал меня там: вы, Майя, Мориц, Лора… – все вы – герои! – Костя воодушевился, глаза его разгорелись.

Костина увлеченность вдохновляет Косулина. Он давно не был захвачен новой идеей или чувством.

– Идея замечательная! Чем я могу помочь?

– Нам нужен консультант, нужно, чтобы вы рассказали нам про разные заболевания, особенности взаимодействия со сложными детьми и их родителями. Деньги на студию мы почти собрали. Это Лора молодец! Вот что значит умение пользоваться Интернетом! И папа помогает, по административной части. Так что мы даже сможем за консультации платить. Может быть, кто-то из твоих коллег захочет поработать у нас волонтером. Нам пригодится любая помощь!

Костя ненадолго примолк, а затем взглянул на Косулина как-то искоса:

– Как думаешь, у нас получится?

– Я думаю – нет, я уверен. У вас… у нас все получится! – Косулин ободряюще подмигнул.

Костя вновь заулыбался. И они продолжили изучать остров, фантазируя о том, каким будет их общее дело.

– Я понял, Саша, что ты не хочешь говорить про больницу, но все же чем ты будешь теперь заниматься? – Мужчины уже позавтракали Костиными бутербродами и чаем из термоса и теперь гуляли.

– Тем, чем давно хотел. Уйду окончательно в частную практику. – Косулин ответил Косте не задумываясь, как о чем-то само собой разумеющемся. Но на самом деле он сформулировал это в первый раз. – Да! Частная практика. Давно пора.

Костя одобрительно покивал.

Мужчины, неторопливо беседуя, продолжили свой путь.

*** * ***

Судьба Морица сложилась трагически. После формального судебного процесса, проведенного в больнице выездным судом, он был признан неспособным заботиться о себе, и его перевели в психоневрологический интернат, где он и сгорел во сне вместе с двенадцатью другими пациентами во время пожара весной 2013 года.

Неожиданностью для родственников Морица стало большое число друзей, пришедших на похороны и желающих почтить его память. По

завещанию Морица на его надгробии изобразили волка и написали: «Ты взошел на корабль, совершил плавание, достиг гавани – пора слезать… тебе не придется более терпеть от страданий и наслаждений и служить оболочке, которая настолько хуже того, кто у нее в плену. Ибо последний есть дух и гений, оболочка же – прах и тлен» 1. Это были слова утешения.

Отец Елений еще не раз отправлялся в паломничество по стране с рассказом о Богине и о ее послании «Возлюби то что есть!». Благодаря своей удивительной искренности и равнодушию к финансовому благополучию он завоевал любовь народа и стал широко известен. В 2020 году опять удостоился диалога с Богиней, после чего с необыкновенным воодушевлением продолжил проповедническую деятельность и был ненадолго госпитализирован. Все это время отец Елений жил с Костей и Лорой, став ей настоящим отцом.

Олег Яковлевич Паяц продолжил работать в психиатрической больнице. Он защитил кандидатскую диссертацию и продолжил делать медицинскую карьеру. До конца жизни он оставался одинок. Впрочем, после увольнения Косулина он забрал домой троих Лизиных щенков и много времени посвящал их воспитанию.

Костя при поддержке друзей и коллег организовал театр, где актерами выступали и дети, и взрослые – люди, которые считаются нормальными, и те, которые нормальными не считаются. Театр стал делом его жизни. Проект этот быстро стал невероятно успешен и путешествовал по всему миру с гастролями. Вове Медведеву повезло стать популярным киноактером, но, несмотря на это, он всячески поддерживал Костин театр и играл в нем главные роли, даже когда стал знаменитостью. Костя много позже защитил кандидатскую диссертацию по методологии описания исторического процесса, после чего написал несколько популярных книг о российской истории. В психиатрическую больницу Костя больше никогда не попадал.

Лора с Костей поженились в 2015 году. Несмотря на то что их семейная жизнь была счастливой, Лора продолжала скучать по маме и после рождения второго ребенка почувствовала, что вновь сходит с ума. Она отчаянно нуждалась в материнской поддержке в новой для себя роли матери двоих детей. Пережив тяжелый кризис, она, наконец, решает продолжить мамино дело и после десяти лет упорного труда оказывается

близка к доказательству гипотезы Римана.

Майя Витальевна продолжила делать карьеру и быстро дослужилась до поста заместителя главного врача. В больнице ее не любили, но уважали за беспощадную строгость в соблюдении правил и норм. Все были уверены, что она метит на место главного врача. Но стать главным врачом ей было не суждено. На одном из дисциплинарных ночных обходов, целью которого была проверка того, спит ли медперсонал на дежурстве, в приемном покое Майя, по счастливой случайности, встретила молодого фельдшера «скорой помощи». Их бурный роман продлился всего несколько недель, после которых они поженились. Через год у них родился первый ребенок, но спустя положенные три года Майя так и не вышла из декрета, предпочитая вести уютную жизнь матери семейства и домохозяйки, о которой всегда мечтала.

Паша Шостакович остался гражданином мира, сменил десятки мест жительства и работы. Такая жизнь ему нравилась. Он работал на множество благотворительных и правозащитных организаций, но каждый год приезжал на новогодние праздники в Москву навестить семью и друзей. Их дружба с Косулиным с годами только крепла, и расстояние не было помехой. В настоящий момент Шостакович, в рамках международного благотворительного проекта, занят съемками документального фильма о геноциде африканского населения в Дарфуте.

Белла ушла в декрет и в больницу больше не вернулась, решив посвятить свое время работе с детьми. Ее старший сын также участвует в театральных постановках Костиного театра.

Агния единственная из всей компании осталась работать в больнице.

Катька Макарова похудела на сорок килограммов и сильно изменилась. В больницу она больше никогда не попадала, при необходимости обращалась за помощью к Косулину. Они с мужем открыли небольшое швейное производство игрушек и детских вещей. Несмотря на очевидную разность социального происхождения и культурной принадлежности, Лоре и Катьке удалось сохранить дружбу, периодически переживая периоды приближения и удаления. Особенно они сблизились после того, как Лора родила детей, а Катька к тому моменту поверила в то, что стала достаточно хорошей матерью. Им удается поддерживать друг друга в периоды, когда очень хочется опять сойти с ума.

Мент – стыд и совесть системы, еще много раз начинал свой крестовый поход, заканчивающийся в любимом отделении старейшей московской психиатрической больницы. После описываемых событий он из органов уволился, мыкался охранником, оформил инвалидность. На протяжении пяти лет регулярно проходил психотерапию у Косулина. На пятом году терапии психические процессы, поддерживающие многолетнюю борьбу Мента, изменились, и он решился выйти из игры и изменить свою жизнь. После чего опростился, уехал из Москвы в Калужскую область, где его многочисленное семейство наладило весьма успешный фермерский бизнес.

Для нас больница тоже стала историей, которую теперь знаете и вы.

---

notes

Примечания

1

ПНД – психоневрологический диспансер.